КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

9 #9 9

СОДЕРЖАНИЕ.

Подготовка Великанской войны 1912 г.—Отражение событий 1905 г. за границей.—Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.—Крестьянское движение 1905 г.—Волнения во флоте 1915 г.—Из дневника тов. В. И. Селивачева.—Показания А. Д. Протопопова.—Октябрьский переворот и ставка.—Вокруг „Гатчины".—Записка Бешенка.—Марксистская период. печать 1896—1906 г.г.—„План убийства" Вильгельма II.—Деление угла на три части.—Письмо Гапона, и др.

ЦЕНТРАРХИВ

1925

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Предисловие *А. Л. Попова* . . . . . 3— 31
2. Отражение событий 1905 г. за границей. *С. Заблинд* . . . . . 32— 55
3. Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 года. Предисловие *А. А. Сергеева* . . . . . 56— 65
4. Крестьянское движение 1905 года *С. Дубровский* . . . . . 66— 93
5. Волнения во флоте в 1915 году. Предисловие *Ф. Раскольникова* . . . . . 94—103
6. Из дневника ген. В. И. Селивачева. *И. Кануров* . . . . . 104—132
7. Показания А. Д. Протопопова. *И. Тобольцев* . . . . . 133—155
8. Октябрьский переворот и станка. Статья *А. Г. Шляпникова* . . . . . 156—170
9. Вокруг „Гатчины". *П. Лебедев* . . . . . 171—194
10. Записки А. К. Вошинина. *Е. В. Спекторский* . . . . . 195—225
11. Марксистская периодическая печать 1896—1903 г.г. *Вал. Полянский* . . . 226—268

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

12. „План убийства" Вильгельма II. *И. Тобольцев* . . . . . 269—285
13. Деление всякого угла на три части . . . . . 286—290
14. Письмо Балашева к Столыпину. *М. М. Константинов* . . . . . 291—294
15. Письмо Гапона. *В. Алексеев* . . . . . 294—297
16. Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. *В. Аленицкая* . . . . . 297—299
17. Похороны Н. В. Гоголя. *Н. Бельчиков* . . . . . 300—303

DK
1
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р. К 89

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ВТОРОЙ (ДЕВЯТЫЙ).

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 9491. Главлит. № 37.834. Напеч. 5.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

Replacement
Harvard.
10-1-35
3075-3

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Балканской войны 1912 г.

(Окончание [1]).

№ 45. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 24 октября (6 ноября) 1911 г. № 86.

Получил телеграммы №№ 1632 и 1688.

Исполняя инструкции Ваши, я без особого труда убедил Гешова, а через него и остальных членов кабинета, в безусловной необходимости ограничить соглашение с Сербией союзом тесным, но оборонительным и направленным к сохранению status quo. При чем к такому союзу могла бы легко примкнуть и Греция. Тем временем Спалайкович привез из Белграда целый проект союзного договора, коего ст. 3 подробно предвидит и регулирует наступательную войну против Турции, а ст. 4 — раздел завоеванных у Турции провинций. Спалайкович сообщил мне весь этот проект «in extenso», я пошлю вам выписки ближайшею экспедициею. Я объявил категорически Спалайковичу, что ни о каких наступательных действиях или о каких-либо планах раздела Турции Россия и слышать не хочет и что союз Болгарии и Сербии должен быть чисто оборонительным и охраняющим status quo. То же повторил я Гешову, который, впрочем, согласился со мной совершенно. Спалайкович лично охотно сдается на мои доводы и обещал исходатайствовать из Белграда другой проект, строго нашим желаниям соответствующий.

Неклюдов.

№ 46. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Белграде.

С.-Петербург. 28 октября (10 ноября) 1911 г. № 1747.

Сообщается в Софию.

Ваша телеграмма № 172 получена.

Шум, поднятый западной печатью по поводу слухов о балканской федерации, должен побудить балканские государства быть особенно осмотрительными в своих взаимных сношениях и разговорах. Сообщае-

[1]) Красный Архив, т. VIII, стр. 1—48.

мый Вами проект сербо-болгарского договора нуждается в некоторых поправках и по существу и, в особенности, по форме. Не говоря уже о том, что статья 3 предоставляет неравные роли Сербии и Болгарии, так как трудно ожидать от первой самостоятельных выступлений,— вся редакция соглашения, особенно же статья 4, основана на идее военных действий и насильственных захватов, между тем как та же мысль могла бы быть изложена в форме определения культурных сфер влияния, что не казалось бы прямо направленным против Турции и вполне покрывалось бы формулой сохранения status quo.

В этом смысле уже были даны указания Неклюдову, вызвавшие, по его отзыву, сочувствие и Гешова и Спалайковича.

Нератов.

№ 47. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 1 (14) ноября 1911 г. № 179.

Получил телеграмму № 1747 [1]).

Секретно.

Прежде всего по поводу необходимости соблюдать осторожность. Должен заметить, что, поскольку мне известно, обе стороны озабочены сохранением переговоров в строжайшей тайне. По крайней мере, Сербией приняты все меры в этом отношении. Так, здесь даже, кажется, не все министры посвящены в подробности дела; переписка, шифровка телеграмм и пр. ведется в Софии лично Спалайковичем, а в Белграде Миловановичем и начальником отдела. Печать, на основании слухов из Константинополя, действительно, толкует о балканской конфедерации; переговоры о сербо-болгарском соглашении остаются в тайне. В последнее время заговорили о сближении обоих государств с точки зрения экономической, чему послужил поводом официальный отъезд в Софию представителей сербских фирм для переговоров о торговом договоре, таможенном союзе и пр. Это явилось весьма кстати для отвода глаз. Далее — о тексте конвенции: представленная мною схема не есть точная копия с проекта. После ухода от меня Миловановича, я по памяти, в общих чертах, восстановил прочитанный им на сербском языке первый набросок соглашения. Я умышленно не просил у него копии, дабы не связывать императорское правительство, по мнению которого выработку формулы надлежало предоставить всецело почину договаривающихся. Приступив, после долгих враждебных препирательств, к дружеским переговорам, обе державы, видимо, убеждены, что идут на встречу настоятельным советам России касательно славянского сближения, а посему едва ли они полагали, что вырабатываемый ныне в Софии проект соглашения может послужить канвою для балканской федерации. Таковая, казалось, должна вылиться в иную форму, если Ваше превосходительство разделяете соображения, выска-

[1]) Телеграммы № 1747 в делах не имеется.

занные в депеше моей № 64, о намерениях и целях договаривающихся сторон. По всем имеющимся положительным данным ни Сербия, ни Болгария не намерены направить соглашение специально к завоевательным целям. Из личных объяснений Гешова с Миловановичем выяснилось, что обе державы ставят своей задачей прежде всего охранение существующего положения и взаимо-обеспечение своего достояния от покушений извне; активное же выступление допускается, и то лишь с согласия и одобрения России, только в случаях общего обострения дел на Балканах, возможность наступления коего непрестанно обсуждается всей европейской печатью. Смею думать, что и для нас представляется важным предварительный с согласия России уговор обеих держав на этот счет, дабы они, застигнутые событиями врасплох, как то было в 1908 году, не стали действовать друг другу в ущерб. Телеграмма Вашего превосходительства была отправлена до получения моей депеши за № 64, в которой сообщалось о состоявшемся уже изменении 3 статьи в смысле полного предоставления России определять случаи выступления. Сейчас замечаю, что в 3 статье в самом начале мною пропущена важная оговорка: «Если помимо воли сторон status quo на Балканах будет нарушен к их ущербу, если положение и т. д.»—что прямо указывает на их намерение до крайней возможности поддерживать status quo. Статья 4, находясь в тесной связи с предыдущей, распределяет захваты, вызванные против воли обеих сторон исключительными обстоятельствами, предусмотренными 3 статьей. Основанием же для разграничения сфер служат культурные, экономические и национальные задачи. Вообще, обсуждая вопрос с местной точки зрения, почитаю долгом высказать убеждение, что если из настоящего проекта исключить статью о взаимной помощи при исключительных обстоятельствах, то самое соглашение потеряет в глазах обеих держав всякую ценность, и они снова станут в неприязненное друг к другу положение, открывая широкое поле для подпольной агитации извне в ущерб интересам славянским, а следовательно и русским, на Балканском полуострове. Между тем на этот раз и болгарское и сербское правительства видимо одушевлены сознанием необходимости для интересов славянских государств установления общности действий под наблюдением России. По сообщению Спалайковича Гешов горит нетерпением приложить свою подпись к историческому акту первостепенной важности. Обоюдное стремление сторон — не уклоняться от общих указаний миссий, всецело подчинить свои действия контролю императорского правительства — является гарантией, что соглашение не будет использовано ими, как оружие против Турции, с которой они могут вообще сговориться на иных основаниях, если балканская федерация имеет под собой хотя бы какую-либо реальную почву [1]).

Гартвиг.

[1]) На полях имеется собственноручная пометка Николая II синим карандашом: «Принципиально Гартвиг прав. Этот вопрос меня очень интересует».

№ 48. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена, 1(14) ноября 1911 г. № 66.

Эренталь высказал мне свое удовольствие, что совет, данный Вашим превосходительством итальянскому послу в Петербурге, и о котором доносит австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге, относительно серьезной опасности для сохранения мира на Балканах в случае военных действий Италии на Эгейском море или в Малой Азии,—тождествен с тем, что он сказал итальянскому послу в Вене. Он надеется, что одинаковое мнение, выраженное двумя более всего заинтересованными державами, повлияет на мнение итальянского правительства.

Гирс.

№ 49. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 6(19) ноября 1911 г. № 69.

Эренталь сообщил мне, что он крайне озабочен решением Италии и находит, что при этих условиях выжидательное положение держав более немыслимо. Он допускает мысль, что на-днях итальянский флот ворвется в Дарданеллы, рискуя даже потерять два-три судна, и постарается добраться до Константинополя, дабы заставить султана подписать там мир. Интересы и достоинство России и Австро-Венгрии пострадают в этом случае более всего, другие великие державы менее заинтересованы. Вот почему он находит, что Россия и Австрия должны были бы в виду тождественных интересов в этом вопросе энергично действовать совместно. Он не формулирует нового предложения, чтобы выступать всякий раз с новыми предложениями, что может не понравиться другим, но в доверительном разговоре он дал мне понять, что мы могли бы совместно, если не слишком поздно, настоять на немедленном перемирии воюющих сторон; это дало бы возможность всем державам настоять на посредничестве.

Гирс.

№ 50. Черновик письма вр. упр. мин. ин. дел председателю совета министров и военному министру.

8(21) ноября 1911 г. № 738.

Секретно.

М. Г.

Влад. Ник., Влад. Алекс.

Вследствие секретного письма в. выс. пр-ва от 5 ноября с. г. за № 5221 (ген. Поливанова от 29 окт. с. г. за № 2358 [1]) по вопросу о

[1]) При письме от 29/X 1911 г. за № 2358 ген. Поливанов препровождал копию шифрованной телеграммы военного агента в Черногории, полк. Потапова, передававшего содержание своей беседы с Николаем Черногорским. Последний, указывая на военные приготовления австрийцев и на создающуюся на Балканах новую группировку держав, выражал сожаление по поводу недостаточной активности России.

поступивших в военное м-во донесениях об усилении австрийских войск на южных границах монархии, считаю долгом уведомить, что по полученным в м-ве иностр. дел из разных источников сведениям, в том числе и из препровожденного мною к в. в. пр. письма корреспонд. СПБ. Тел. Аг-ва, Сватковского,—следует заключить, что, несомненно, замечается, или, правильнее, замечалось, в середине октября месяца некоторое усиление военных сил Австрии на границах Новобазарского санджака.

Но, помимо того, что приток новых частей находится в связи с увольнением старослужащих, — нет никаких указаний на то, чтобы имелось в виду какое-либо непосредственное выступление Австрии — разве что наступили бы какие-либо неожиданные осложнения на Балканах. Поэтому, повторив нашим посольствам, миссиям и консульствам указания зорко следить за движением военных сил в санджаке и близ него, — я не вижу оснований в настоящий момент принимать какие-либо особые меры по содержанию упомянутых военных известий.

Примите, и проч.

Нератов.

№ 51. Секретная телеграмма посланника в Белграде

Белград. 10 (23) ноября 1911 г. № 182.

Вчера имел продолжительную беседу с Миловановичем.

Прием короля Петра в Париже по радушию и сердечности превзошел все ожидания сербов. Повсюду и во всем чувствовалось проявление возрастающих со времени аннексии симпатий Франции к Сербии, мирная политика которой встречает полное одобрение во Франции. Кальо, де-Сельв, Делькассэ, Баррер и другие политические деятели, с которыми беседовал Милованович, считают Сербию важным политическим фактором и признают ее культурное значение на Балканах. Франция, в полном единомыслии с Россией, готова всячески содействовать осуществлению национальных задач Сербии. В Париже, по словам министра, относятся весьма скептически к балканской федерации, но глубоко сочувствуют сербо-болгарскому союзу, видя в нем серьезный оплот против германо-австрийского натиска. По поводу означенного союза Милованович советовался в Париже с Ризовым и Станчевым, получавшими указания от короля Фердинанда и Гешова. Соглашение совсем наладилось за исключением статьи о сферах. Дабы обойти и это препятствие, сербское правительство намерено на-днях собрать совещание, к которому будет приглашен Спалайкович, в целях определения самого крайнего минимума сербских притязаний. Милованович надеется, что новая разграничительная черта будет принята в Софии, и таким образом великое славянское дело завершится благополучно.

Гартвиг.

№ 52. Письмо посланника в Париже вр. упр. мин. ин. дел.

Париж. 10 (23) ноября 1911 г.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич!

Во время пребывания в Париже короля Петра I я имел весьма интересную беседу с сербским министром иностранных дел; г. Милованович начал с того, что самым положительным образом заверил меня в миролюбивых намерениях Сербии и в отсутствии у сербского правительства какого бы то ни было поползновения использовать настоящие события на Ближнем Востоке; с другой стороны, он выразил мне живейшее беспокойство по поводу обширных планов, замышляемых, по имеющимся у него сведениям, Австро-Венгрией; по его словам, австро-венгерское правительство, встречающее противодействие своей балканской политике со стороны Сербии и Болгарии, решило осуществить мысль крупного автономного албанского государства; с этой целью оно тратит большие суммы для возбуждения в Европе интереса и симпатий к албанской народности, будто бы особенно способной к политическому развитию; будущая независимая Албания должна простираться до течения Вардара и захватить большую часть Македонии; само собой разумеется, что государство это должно подчиниться австро-венгерскому протекторату, служить политическим целям Австро-Венгрии и оттеснить на задний план славянские государства, т.-е. Сербию и Болгарию; что касается Черногории, то г. Милованович приписывает ей склонность следовать за Австро-Венгрией, в награду за что ей будет предоставлена часть санджака и некоторые албанские земли со Скутари. Г. Милованович уверяет, что в Болгарии, наконец, поняли всю опасность, угрожающую славянству со стороны Австро-Венгрии и что ныне переговоры о сербо-болгарском соглашении идут гораздо успешнее и имеют все шансы притти к благополучному окончанию; о переговорах этих, по его словам, императорское правительство осведомлено самым подробным образом. На мой вопрос, что́ ему известно о положении, которое займет Румыния в случае столкновения сербо-болгарских интересов с австро-венгерскими, г. Милованович ответил, что, по его убеждению, румынское правительство также не имеет никакого повода способствовать движению Австро-Венгрии вглубь Балканского полуострова, что оно не связано с Австро-Венгрией никакими положительными обязательствами по отношению к Сербии и Болгарии и что в случае ликвидации Европейской Турции оно может удовольствоваться исправлением границы близ Силистрии.

В заключение г. Милованович сказал мне, что, по вполне достоверным сведениям, Австро-Венгрия в весьма серьезных размерах увеличивает численность своих военных сил в Боснии и Герцоговине,

дабы в каждую минуту быть готовой к действиям на Балканах. При этом, как и в 1908 году, она не посылает туда новых частей, а лишь доводит находящиеся там части до численности боевого состава.

Все вышеизложенное, несомненно, известно от г-на Миловановича нашему посланнику в Сербии, который лучше, нежели я, может оценить степень серьезности и обоснованности его слов; тем не менее, мне кажется небесполезным довести до Вашего сведения о моей беседе с этим несомненно умным и хорошо осведомленным государственным деятелем.

Примите, и т. д.

Извольский.

№ 53. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 17 (30) ноября 1911 г. № 93.

Копия в Рим.

Я узнал, будто за последнее время между кое-кем из сербских и итальянских политиков ведутся разговоры о возможности связать действия обеих стран против Турции и Австрии. Разговоры эти не исходят от правительств, но ведут их лица даже официальные. Здешнее итальянское представительство разделилось на два лагеря: посланник, человек рассудительный и имеющий вес в Консульте, не одобряет всякой попытки распространить действия итальянцев на Левантинское побережье; военный агент и первый секретарь открыто проповедуют необходимость крайних мер по отношению к Турции. Сегодня еще последний, оставшийся поверенным в делах, просил Мартенса передать мне его мысль, что Россия не должна была бы вовсе противиться проходу итальянского флота через Дарданеллы, а, напротив, должна была бы пробиться сама в Босфор и решить в свою пользу вопрос о проливах. А между тем это человек вовсе не глупый. Вероятно, подобные же речи держат и в Белграде. Здешних особенно охотно слушает оппозиция.

Неклюдов.

№ 54. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 19 ноября (2 декабря) 1911 г. № 84.

Сообщаю в Софию.

Приглашение короля Фердинанда от имени императора Франца-Иосифа, по внушению Эренталя, вызвано желанием австрийского правительства точно определить положение, которое король и его правительство займут в случае осложнений. Идет слух, что будто бы Австрия желает способствовать сближению Болгарии с Румынией, советуя обеим этим балканским державам заключить союз, чтобы охранить

себя от всякой против Австрии федерации. Насколько эти слухи заслуживают внимания, проверить здесь очень трудно. Наш представитель в Софии следит, несомненно, на месте за всяким признаком сближения между Болгарией и Румынией; что же касается союза, то он противоречил бы всем сделанным Болгарией России заявлениям не связывать судьбу страны в ущерб нашим интересам и крайне желательному сближению с Сербией.

Гирс.

№ 55. Телеграмма французского посла в Константинополе французскому министру иностранных дел [1]).

Пера. 7/XII 1911 г.

Состояние умов свидетельствует о некоторой возбужденности, возникшей в связи с событиями в Иштибе и особенно в связи с щедрою раздачей бомб из Македонии. Носятся слухи, что болгаро-македонский комитет получил из Италии пособие в 2 милл. фр. для военных выступлений. Об этом факте будто бы упоминается в отчетах полиции, идущих из Софии в оттоманское министерство иностранных дел, которое не сомневается в участии Италии во враждебных действиях болгарских банд.

Это известие представляется правдоподобным австро-венгерскому послу, уверяющему, что участие Италии дает себя чувствовать также и в Албании через черногорских ставленников. По его мнению, поведение Австро-Венгрии безупречное. По распоряжению своего правительства он заявил Порте, что слухи об усилении гарнизона Боснии и Герцоговины, распространяемые Сербией, лишены всякого основания и что в случае если обстоятельства вынудят австро-венгерское правительство предпринять подобного рода действия, то он немедленно поставит в известность оттоманское правительство.

Итак, положение в Македонии и Албании весьма тревожное, и Австро-Венгрия всеми силами старается не нарушать добрых отношений с Турцией по случаю войны, начатой ее союзницей.

Бомпар.

№ 56. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 23 ноября (6 декабря) 1911 г. № 1966.

Телеграмма № 88 [2]) получена.

Можете в доверительной форме сообщить Гешову, что у нас с Турцией происходит обмен мнений по вопросам, нас специально интересую-

[1]) Перевод с франц. В делах нет указаний на природу приводимого документа; повидимому, это копия шифрованной телеграммы (датирована по новому стилю).

[2]) В телеграмме от 9/23 ноября за № 88 Неклюдов, касаясь проникающих в Болгарию слухов о русско-турецких переговорах и о возможности соглашения России с Турцией, просит Нератова известить его заблаговременно об имеющих последовать в этом смысле решениях.

щим. При этом мы с особой осторожностью относимся к вопросам, могущим затронуть интересы балканских государств. В частности, по отношению болгарских интересов нами не намечается никаких сделок, затрагивающих те вопросы, которые служили предметом наших доверительных предложений Болгарии в 1910 г. и относительно коих мы имеем основание ожидать сочувственного с ее стороны приема.

Нератов.

№ 57. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланникам в Софии и Белграде.

С.-Петербург. 23 ноября (6 декабря) 1911 г. № 1967.

Телеграмма № 91 [1]) получена (для Софии).

Телеграмма № 182 получена (для Белграда).

Вследствие разговоров, поднявшихся около вопроса о сближениях балканских государств, не исключая о конфедерации, мы полагаем особенно желательным осуществление сербо-болгарского уговора преимущественно по двум вопросам: взаимная поддержка в случае нарушения status quo и разграничение культурных сфер влияния. Такое соглашение, защищая обе стороны от непосредственного на них покушения или от предрешения вопросов будущего в невыгодном для них смысле, одновременно предохранило бы их от уклонения в сторону более сложных комбинаций, к чему, повидимому, склонна Австрия, советуя Болгарии сблизиться с Румыниею и сама затевая разговоры с Грециею. Помимо того, что более обширные комбинации потребовали бы и более сложных и продолжительных переговоров,— они легче бы возбудили подозрение Турции.

Вообще, необходима крайняя осторожность для избежания огласки переговоров, так как есть указания, что о существовании их уже осведомился откуда-то итальянский посланник в Белграде.

Нератов.

№ 58. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 28 ноября (11 декабря) 1911 г. № 96.

Ассим-бей предложил Гешову заключить турецко-болгарское соглашение на условиях: 1) Исполнение Турциею болгарских пожеланий относительно Кумановской линии, торгового трактата и других. 2) Строгое невмешательство в обоюдные внутренние дела. 3) Самое благожелательное отношение Порты к правам и желаниям турецких болгар. 4) Десятилетняя гарантия неприкосновенности обоюдных терри-

[1]) В телеграмме от 17/30 ноября 1911 г. за № 91 Неклюдов, сообщая о том, что сербо-болгарские переговоры перестают быть абсолютною тайной, предлагает в целях конспирации прекратить временно всякие переговоры.

торий.—Гешов сообщил мне об этом дня три тому назад, добавив, что дает турецкому посланнику отвезти Ассиму благоприятный, в общем, ответ, но что не придает существенного значения этому предложению и подозревает, что оно было сделано, чтобы увериться, связана ли Болгария с Сербией и соглашается ли гарантировать неприкосновенность Македонии. С тех пор Гешов еще скептичнее относится к турецкому предложению, ибо получил от Сарафова сведения, неблагоприятные болгарским фактическим домогательствам в Константинополе.

Неклюдов.

№ 59. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 29 ноября (12 декабря) 1911 г. № 98.

Король до вчерашнего дня ничего не рассказывал Гешову о своих разговорах в Вене. Напротив того, Даневу он сообщил, что со «старым и больным» императором он о политике не говорил. С Эренталем он разговаривал долго, при чем Эренталь, стараясь выведать намерения Болгарии, сказал будто бы королю, что Австрия в принципе и при известных обстоятельствах не противилась бы расширению болгарских границ в сторону Македонии. Король отвечал на это весьма уклончиво; он заметил, что граф Эренталь и все политические сферы в Вене крайне смущены и озабочены. Король весьма много и с откровенностью сносится за последние месяцы с Даневым, оттеняя тем еще более свою сдержанность с Гешовым, и Данев сообщил мне, что, по его наблюдениям, король за последние недели все более убеждается в прочности и тесном и решительном взаимодействии России, Франции и Англии и уверен также в преимуществе сил сих трех держав над силами Германии и Австрии. Это сознание—как надеются и Данев и Гешов—может заставить короля решиться на окончательный оборот в сторону соглашения с Сербией и Россией, и тогда возврата для него и Болгарии не будет. Я не лишен той же надежды, но все-таки боюсь, как бы органическая нерешительность безусловно неврастеничного монарха не взяла верх, а также, как бы нынешний исключительный фавор искреннейшего руссофила Данева не разрешился бы только удалением на покой Гешова и некоторым ослаблением столь необычно сильной коалиции цанковистов и народняков.

Неклюдов.

№ 60. Письмо вр. упр. мин. ин. дел послу в Вене.

1 (14) декабря 1911 г. № 785.

М. Г.

Николай Николаевич.

Недавняя поездка кор. Фердинанда в Вену и свидание его с имп. Францем-Иосифом невольно останавливают на себе наше внимание.

Как мне кажется, выставленных гр. Эренталем в разговоре с Вами объяснений о желании австрийского правительства точно определить положение, которое Болгария займет в случае осложнений—недостаточно для личных переговоров двух государей, факта, противоречащего, кроме того, еще недавно сделанному Вам гр. Эренталем заявлению, что до весны не предполагается приема в Вене ни одного балканского монарха.

Точно так же трудно объяснить себе приглашение кор. Фердинанда в Вену одним только желанием побудить его к сближению с Румынией.

Более вероятным, следовательно, является предположение, что темой происходивших разговоров служило общее положение Балканского полуострова и, в частности, Македонии.

Исходя из различных отрывочных указаний, особенно же из факта значительного усиления боевой готовности монархии на южных ее границах (о чем военный агент в Вене дополнительно доносит в военное министерство), можно предположить, что разговор с королем болгар происходил в таком направлении: либо Австрия, основываясь внешне на точке зрения status quo, предостерегала Болгарию от всяких его нарушений, прибавив угрозу, что в случае малейшего ее движения она сама вынуждена будет двинуться в сторону Сербии и санджака, либо, предоставив Болгарии свободу действий в сторону Македонии, она советовала ей по этому вопросу сговориться с Румынией. Очевидно, что разговоры эти были бы не легкие и не скорые и тем самым вбивался бы, так сказать, клин между Болгарией и Сербией, сближение коих всегда было особенно ненавистно Австро-Венгрии.

Исходя из вышеизложенных или подобных им догадок, Ваше пр-во, может быть, найдете случай выведать и осветить имп.м-ву суть недавних австро-болгарских разговоров, что, без сомнения, облегчит нам суждение об общем положении балканских дел.

Нератов.

№ 61. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Цетинье.

С.-Петербург. 2(15) декабря 1911 г. № 2048.

Телеграмма № 156 получена [1]).

Не имея достаточно полных данных, чтобы судить, на какие именно надобности нужен Черногории сравнительно крупный заем, не видим основания к протесту или прекращению субсидии от России, расходуемой подконтрольно и на точно определенные предметы. Но при этом не можем не указать королю и его правительству на крайнюю опасность для жизненных условий страны выговариваемого банком Бодекредит права ипотечных операций под недвижимость. Этим путем

[1]) В телеграмме № 156 29/XI Арсеньев сообщал о предстоящем рассмотрении в Скупщине «договора о крупном для королевства займе в Вене, отдающем Черногорию в кабалу Австрии».

при малейшей денежной неисправности сама территория Черногории, к охране коей нами приносятся немалые жертвы, рискует попасть непосредственно в чужие, не всегда дружеские, руки. Не найдет ли королевство иного обеспечения для предполагаемого займа?

Благоволите в изложенном смысле переговорить с министрами и о последующем телеграфировать.

Для личного Вашего сведения: имеем подозрение, не является ли все это дело попыткой короля вынудить нас оказать ему новое чрезвычайное пособие.

Нератов.

№ 62. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 7 (20) декабря 1911 г. № 99.

№ 1. Все эти дни меня посещали поочередно Гешов, Данев и сербский посланник для продолжительных бесед о сербо-болгарском соглашении. Положение следующее: король Фердинанд повторил Гешову свое сочувствие союзу. Гешов и Спалайкович пришли к полному согласию по всем пунктам, кроме разграничения Македонии, хотя тут разногласие сводится лишь к пяди земли близ самой болгаро-турецкой границы, а именно, к местечкам Кратово и Эгри-Паланка с округою. Но, уступив значительную часть сан-стефанских границ, т.-е. Ускюб с Кумановым и Дибру с краем до Охридского озера, и исполнив, таким образом, именно то, чего мы добивались в пользу сербов в прошлом году, болгары, по моему убеждению, дошли до крайнего предела уступок и дальше не пойдут. Принимая во внимание, что для Болгарии соглашение менее необходимо, чем для Сербии, и что болгары идут на него, главным образом, чтобы упрочить за собой русское благоволение, и будучи в особенности уверен, что подписание сербо-болгарского союза окончательно закрепит и Болгарию и царя Фердинанда в полном и искреннем единении с Россией, — я беру смелость настоятельно просить Вас употребить самое решительное давление на сербов в смысле прекращения дальнейших препирательств с их стороны из-за Эгри-Паланки и Кратова. Необходимо спешить. Если соглашение не будет подписано до рождества, то оно, вероятнее всего, никогда не состоится.

Неклюдов.

№ 63. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 8 (21) декабря 1911 г. № 99.

№ 2. — Болгары предлагают как крайнюю границу возможных будущих уступок Сербии следующую линию, почти совпадающую с такою прямой, которую протянули бы от места скрещения границ турецкой, сербской и болгарской до северного угла Охридского озера, а именно, водораздел между рекой Пчинья и ее притоком Крива-

река, река Пчинья; далее от Вардара по прямой почти линии до верхнего угла Охридского озера, оставляя Кичево сербам, а Крушево болгарам. Болгары соглашаются на то, чтобы край на север от этой границы был распределен при случае согласно решению государя императора и даже всецело отдан нами сербам. Сербы спорят лишь относительно восточного начала этой границы, желая обеспечить себе еще Эгри-Паланку и Кратово, на что болгары никогда не согласятся.

Неклюдов.

№ 64. Секретная телеграмма посланника в Софии.

Софія. 11 (24) декабря 1911 г. № 102.

Король Фердинанд просит разрешения послать особую миссию в Ливадию, чтобы приветствовать их императорские величества, как то делали доселе турки. Во главе миссии поставлен будет председатель собрания Данев, а к нему присоединен генерал Марков, то-есть нация и двор. Данев сам весьма желал бы побывать официально в России и иметь счастье представиться государю императору. Он первый подал мысль о приветственной миссии и чрезвычайно дорожит ее осуществлением. Гешов ему вполне сочувствует и очень желал бы, чтобы первоначально подписано было соглашение с Сербией, так чтобы миссия Данева явилась первым наглядным актом бесповоротно закрепленного в Болгарии искренно русского курса. Считаю своим долгом всецело поддержать просьбу болгарского короля и правительства. Данев как непреклонный и убежденный сторонник России и как вполне правдивый и надежный государственный человек достоин счастья повергнуть перед их величествами истинные чувства болгарского народа. При этом я был бы чрезвычайно доволен, если бы Вы могли с ним свидеться, переговорить и дать ему подобающие директивы. Было бы поэтому весьма хорошо, если бы прием миссии и время приема, всецело зависящие от благой воли государя императора, могли совпасть с Вашим в Ливадии пребыванием. Разумеется, было бы превосходно, если бы ко дню приема подписано было сербо-болгарское соглашение. Но это всецело зависит ныне от доброй воли сербов и от тех советов, которые у нас признали бы возможным им преподать. Осмеливаюсь просить возможно скорейшего отзыва.

Неклюдов.

№ 65. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 16(29) декабря 1911 г. № 198.

Ссылаюсь на мое донесение № 74 [1]).

К совещаниям по поводу сербо-болгарского соглашения вызван был сюда из Софии сербский посланник. Сегодня в ночь Спалайкович

[1]) Донесение Гартвига № 74 в делах отсутствует.

возвращается к своему посту с окончательной инструкцией, сущность которой заключается в следующем: 1) По обоюдному желанию статьи 3 и 4 выделяются из общего текста и составляют особенное секретное приложение к договору из двух статей. 2) Что касается разграничения сфер в единственно спорной части на северо-востоке, т.-е. от общей государственной границы до Вардара, то сербы выражают готовность принять последний болгарский вариант, но лишь с небольшим изменением, а именно: от Нерадова, вместо направления по прямой линии на юго-запад, разграничительная черта пройдет на юг, перейдет Криварeку у Петралицы и Мостаницы, откуда, обходя Кратово, направится на юго-запад, чрез Живалево, Туралево и Градаште к Вардару. Настоящий сербский вариант, оставляя болгарам и столь желаемые ими Эгри-Паланку и Кратово, отмежевывает в пользу сербов, по сравнению с гешовским вариантом, лишь несколько большую часть Овчье-Поле. 3) Вышеизложенный вариант представляет последнюю и крайнюю уступку сербов, далее которой они итти не могут. Если бы болгары отказались принять его, то сербское правительство предлагает возобновить статью о верховном арбитраже, который коснется спорной местности между последним гешовским и настоящим сербским проектами.

Сообщая мне содержание инструкций Спалайковичу, Милованович обратился с ходатайством об оказании императорским правительством соответственного воздействия в Софии. С своей стороны, почитаю долгом горячо поддержать означенное ходатайство, ибо, во-первых, как мне известно, некоторые члены совещания, с Пашичем во главе, самым решительным образом противятся новой уступке болгарам, и Милованович взял все дело на свою личную ответственность. Во-вторых, упоминаемая выше небольшая площадь на Овчье-Поле не представляет для болгар никакого интереса, напротив, для сербов имеет громадную стратегическую важность как естественный заслон по отношению к Ускюбу.—Наконец, в-третьих, последнее соображение не лишено значения и с русской точки зрения, если принять во внимание, что в будущих событиях Сербия может быть призвана сыграть роль нашего аванпоста. — По впечатлению Спалайковича, Гешов проявляет все время страстное желание подписать скорее соглашение и, конечно, не стал бы создавать затруднений к полюбовному решению настоящего дела. Но последняя граница, повидимому, предложена королем Фердинандом, и в таком случае может возникнуть лишь вопрос личного самолюбия.

Гартвиг.

№ 66. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 17 (30) декабря 1911 г. № 201.

В дополнение моей телеграммы № 198.

Вчера посетивший меня Пашич доверительно поведал, что он настойчиво воспротивился оказанию новых уступок Болгарии в деле

распределения сфер влияния. Если взятое Милованови чем на свою личную ответственность последнее сербское предложение будет отвергнуто болгарами, то, по мнению Пашича, в этом ясно скажется тайное намерение короля Фердинанда вызвать крушение переговоров.

Сообщаю Неклюдову.

Гартвиг.

№ 67. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 19 декабря 1911 (1 января 1912) г. № 2182.

Сообщается в Белград.

Осведомившись через Гартвига о преподанных Спалайковичу последних инструкциях, очень надеемся, что в виду, с одной стороны, крайней ничтожности желаемой сербами прирезки против болгарского проекта и удовлетворения взаимных домогательств в остальном, а, с другой стороны, важности преследуемой задачи и благоприятности настоящей минуты,—обе державы поспешат притти к соглашению между собой на основании последнего сербского предложения.

Нератов.

№ 68. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 22 декабря 1911 (4 января 1912) г. № 104.

Получил № 2182.

Вчера обе стороны пришли к соглашению относительно разграничения около Ускюба на основании последних инструкций сербского министра иностранных дел, но переговоры неожиданно затянулись касательно самого конечного пункта разграничения: Струги на Охридском озере, которую Гешов bona fide считал давно уступленною сербами болгарам. Отдача Струги сербам, по словам Гешова, встречает почему-то всюду особенную оппозицию со стороны болгарского военного министра. К тому же Ризов, который вместе с Станчевым вел особенные переговоры с сербским министром иностранных дел в Париже и подробно донес о них королю, решительно противится-де уступке Струги, а это сильно влияет на короля. Я показал Гешову Вашу телеграмму и сказал ему, что не могу докладывать Вам о ничтожном клочке земли, раз мы считаем последние предложения сербского министра иностранных дел вполне приемлемыми для болгар. Я взял на свою ответственность присовокупить, что настоящая минута решительная для наших отношений к Болгарии, что России необходимо теперь же знать, с какой группировкой и с какими истинными расположениями ей можно считаться, дабы руководствоваться сим в своей дальнейшей ближне-восточной политике. Сегодня, по моей просьбе, полковник

Романовский изложил те же самые соображения в самой дружеской форме генералу Фичеву. Завтра наш военный агент переговорит с генералом Никифоровым. Надеюсь на должное действие этих доводов на кого следует ввиду проникших откуда-то и весьма беспокоящих болгар слухов о каких-то переговорах, в которые хочет втянуть нас Австрия. Рассчитываю также на искреннее желание Миловановича и Спалайковича, Гешова и Данева заключить соглашение.

Неклюдов.

№ 69. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 24 декабря 1911 (6 января 1912) г. № 105.

В дополнение моей телеграммы № 104.

Из разговора с Фичевым и Никифоровым полковник Романовский вынес впечатление, что и в военных кругах дорожат соглашением с Сербией. В то же время наш военный агент определенно выяснил, что рациональная с топографической точки зрения граница бесспорно должна была бы оставить левый берег нижнего течения реки Черный Дрим и половину местечка Струги за болгарами, иначе граница выйдет совсем искусственная. Ввиду этого болгары едва ли пойдут на уступку домогательствам сербов относительно Струги. До сегодня и Гешов и Спалайкович неоднократно говорили мне, что относительно границ на запад от Вардара никаких пререканий нет и весь спор сосредоточивался вокруг Ускюба. Здесь болгары признали правильность последних предложений Миловановича. Но вопрос о Струге явился для них действительно неприятной неожиданностью. Я высказался бы всецело в этом смысле пред Спалайковичем, если бы не боялся, что в Белграде Пашич и другие недоброжелатели соглашения воспользуются этим, дабы уничтожить работу Миловановича и Спалайковича.

Неклюдов.

№ 70. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 29 декабря 1911 (11 января 1912) г. № 107.

Ссылаюсь на № 105.

Романовский убедил Спалайковича, что будет справедливо немедленно разграничить округ Струги, отдав болгарам несколько верст левого берега Черного Дрима, до впадения в озеро, и взяв себе весь правый берег с правою частью города. Спалайкович телеграфировал Миловановичу, прося разрешения покончить дело на этом основании. Милованович ответил, чтобы Спалайкович выждал и сообщил в Белград соответственно сему предложение с болгарской стороны, а сербское правительство даст ответ. Очевидно, Милованович хочет поддер-

жать мнение мое, Романовского и Спалайковича, но боится оппозиции Пашича. Убедительно прошу вашей поддержки в Белграде. Считаю дело крайне неотложным.

Неклюдов.

№ 71. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 6(19) января 1912 г. № 2.

Ссылаюсь на телеграмму 22 декабря № 206.

После отклонения Миловановичем предложения Гешова о пересмотре уже ранее условленной юго-западной части разграничительной черты в области Охридского озера, которую болгары пытались отодвинуть на север, в Софии, видимо, по бывшим примерам, не теряли надежды добиться от сербов и здесь каких-либо новых уступок. Гешов за все это время неоднократно возвращался к этому вопросу в беседах с Спалайковичем, который в выражениях своих неизменно ссылался: 1) на желательность установления прочной границы с Болгарией по естественному водоразделу и 2) самое главное, на крайнюю необходимость сербам иметь на севере Охридского озера «Hinterland», твердую опору в славянской земле для отражения натиска враждебных албанских племен и ограждения жизненного для Сербии пути к Адриатическому морю. Наконец, на-днях Гешов сообщил Спалайковичу новые варианты граничной черты, как оказывается, целиком изготовленные нашим военным агентом в Софии. Это непосредственное вмешательство полковника Романовского в детальные сербо-болгарские споры, находясь в противоречии с основной мыслью императорского правительства о предоставлении самим договаривающимся сторонам выбора различных формул, породило, кроме того, весьма крупное недоразумение. Он даже, например, болгарам выставлял названный проект под видом «русского» предложения, обязательного для обоих государств. В этом смысле Гешов высказался вчера перед отъезжавшим в Белград Спалайковичем, указав ему на затруднительность для него дальнейшего обсуждения Охридской граничной черты, после того как и военный министр Никифоров и король Фердинанд сочли своим долгом немедленно подчиниться русскому предложению. Между тем вариант Романовского, не удовлетворяя вышеизложенным существенным требованиям сербов, представляет и по техническим и по стратегическим условиям серьезные недостатки. Сегодня зашел ко мне крайне взволнованный Пашич, заявляя о полной неприемлемости для сербов помянутого проекта. Эти не теряют, однако, надежды на возможность найти примирительный выход, если бы Ваше высокопревосходительство сочли соответственным рассеять в Софии мысль о существовании русского предложения, под каковым выдается совершенно частное мнение нашего военного агента. Смею думать, что обязательность последнего тем менее допустима, что таковая постановка

дела в известной степени предрешала бы верховный арбитраж, к которому, быть может, еще вынуждены будут прибегнуть обе стороны. Ходатайствую о спешных инструкциях для избежания перерыва в сербо-болгарских переговорах.

Гартвиг.

№ 72. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 12(25) января 1912 г. № 4.

Между правительством, «Болгарским Народным Банком» и г. Лост как представителем «Креди Франсе» и Франко-Русской группы установлено соглашение об учреждении франко-болгаро-русского банка с капиталом 10.000.000 со снабженною особым капиталом филиалью в Салониках. В русской группе, как заявил мне Лост, участвуют банки «Учетный» и «Международный». Лост отказался от чрезмерных домогательств «Креди Франсе» и, взамен, приобрел деятельное участие «Болгарского Народного Банка». Считаю этот результат весьма полезным и в политическом отношении, так как новый банк отодвинет на задний план все орудовавшие здесь полу-еврейские банки. Участие в подобном деле Поля Думера и Я. И. Утина дают нам хорошие ручательства.

Неклюдов.

№ 73. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 14(27) января 1912 г. № 5 [1].

Личная. Ссылаюсь на личную телеграмму Вашу от 3 декабря. Заинтересованное лицо изъявило полное свое согласие и живейшую признательность. Ходатайствует о 3 миллионах франках из 4% плюс 1% погашения. Обеспечение долга земельное и имущественное. Лицо выразило желание, чтобы, насколько возможно, все устроено было бы в Петербурге непосредственно с Государственным Банком или вполне доверенным нашим посредником. Прошу ввиду сего сообщить мне, решен ли уже вопрос окончательно и, если возможно, переслать, как можно скорее, мне проект условия. Считаю окончательное обращение к нам, после долгого молчания и, следовательно, колебания, весьма хорошим признаком и рад был бы скорейшему завершению дела.

Неклюдов.

---

[1]) Находящаяся среди прочих телеграмм Неклюдова телеграмма № 5 должна быть поставлена в связь с перепиской, опубликованной в № 4 «Сборника секретных документов» изд. НКИД 1917 г. Лицо, о коем в настоящей телеграмме идет речь, то же, о котором говорит Коковцев в своем письме от 12/VII 1912 г., т.-е. король Фердинанд.

№ 74. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 17(30) января 1912 г. № 6.

Ввиду предстоящего приезда сербского королевича я сегодня и вчера убеждал Гешова покончить дело, оставив границу между Бретаницею и Стругою в неопределенном положении и подлежащею позднее арбитражу России. Но совет министров решил отложить эту комбинацию. Считаю долгом напомнить, что так называемая «граница Романовского» вовсе не представляла собой нашего предложения, а уже уступку, выговоренную мною в пользу сербов при посредстве нашего военного агента. Теперь болгары слушать не хотят о дальнейших уступках. Ввиду сего повторяю, что считаю дело окончательно неудавшимся.

Неклюдов.

№ 75. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 30 января (12 февраля) 1912 г. № 17.

Ввиду окончания министерского кризиса сербское правительство ныне возобновит переговоры о соглашении с Болгарией, и, поскольку дело это зависит от образа действий Сербии, я не теряю уверенности в благополучном его исходе, ибо в Белграде соглашение оценивается, именно, как акт большой политической важности для будущей судьбы балканских государств. На-днях я имел беседу с приезжавшим сюда в свите великого князя Андрея Владимировича нашим военным агентом в Софии, который, ознакомившись с недавними сербо-болгарскими препирательствами при ином освещении, не мог не признать за сербской точкой зрения большей согласованности с общеславянскими, а стало быть, и русскими интересами. Потому-то, именно, сербы, как я доносил неоднократно, готовы всецело предоставить императорскому правительству окончательное определение границ сфер влияния, тогда как болгары, что подметил полковник Романовский, всячески стараются уклониться от арбитража России. Это мне кажется симптомом важного значения. Ко всему же почитаю нужным пояснить, что между Миловановичем и Пашичем нет разногласия по существу вопроса о соглашении. Налицо имеется лишь несоизмеримость ответственности. За всякий слишком смелый шаг министра иностранных дел ответствует только лидер старорадикалов, а Пашич, естественно, не желает давать оппозиционным группам и прочим нашим недоброжелателям оружие в руки против руссофильской партии, опирающейся на Россию и следующей ее указаниям в делах внешней политики. Но, как бы то ни было, сербы собираются явить новое доказательство своей сговорчивости и желания сообразоваться с нашими советами. В выработанных ныне инструкциях Спалайковичу, отъезжающему завтра в Со-

фию, предлагается несколько примирительных формул относительно спорной Охридской границы. В случае дальнейшего упорства Болгарии сербское правительство пойдет даже на риск принятия варианта Романовского—лишь бы покончить с делом соглашения.

Гартвиг.

№ 76. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 20 февраля (4 марта) 1912 г. № 24.

Судьба сербо-болгарского соглашения решается на этих днях. Думаю выехать в понедельник, если соглашение уже будет подписано, или же если отказ короля обличит окончательно иные его расположения.

Неклюдов.

№ 77. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 28 февраля (13 марта) 1912 г. № 25.

Спалайкович привез сегодня экземпляр договора, подписанный королем Петром и Миловановичем. В четверг — годовщину смерти царя-освободителя—король Фердинанд подпишет, в свою очередь, важный акт сербо-болгарского соглашения. Выеду в субботу. Привезу копию акта и сербский проект военной конвенции. Остановлюсь, если ничего не имеете против, на сутки в Белграде гостем Гартвига [1]).

Неклюдов.

№ 78. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 1 (14) марта 1912 г. № 26.

Царь Фердинанд подписал вчера акт сербо-болгарского соглашения и приложенный к нему секретный акт, заключающий македонское разграничение сфер и обоюдное намерение заключить сербо-болгарскую военную конвенцию. Таким образом важное дело, начатое трудами Сементовского и Гартвига, приведено к благополучному окончанию. Установлена формальная связь между двумя славянскими государствами. Требуется еще много бдительности и попечений, дабы установить связь искреннюю и тесную между обоими народами и дворами. Вчера я был принят королем. Выезжаю завтра. Проведу субботу в Белграде. Везу вам копии подписанных актов.

Неклюдов.

---

[1]) На полях имеется пометка Николая II: «Хорошо».

ДОГОВОР [1]).

№ 79. О приятельстве и союзе между царством Болгарией и королевством Сербией.

Его величество Фердинанд I, царь болгар, и его величество Петр I, король Сербии, проникнутые верою во взаимность интересов и одинаковость судеб их государств и обоих братских народов, болгарского и сербского, и решившись солидарно соединенными силами охранить эти интересы и заботиться о их всестороннем развитии, сговорились о следующем:

Статья I. Царство Болгария и королевство Сербия гарантируют одно другому государственную независимость и целость государственной территории, обязуясь абсолютно и без всякого ограничения притти на помощь одно другому со всеми своими силами во всяком случае, когда на одну из них нападет одно или больше других государств.

Статья II. Обе договаривающиеся стороны обязуются также притти на помощь одна другой со всеми своими силами в том случае, когда одна какая бы то ни было из великих сил сделает попытку присоединить или оккупировать, или занять своим войском, хотя бы то и временно, какую бы то ни было часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, если только одна из них найдет это вредным для своих жизненных интересов или сочтет это поводом к войне (casus belli).

Статья III. Обе договаривающиеся стороны обязуются не заключать мира иначе, как только совместно и по предварительному соглашению.

Статья IV. О полном и наиболее целесообразном исполнении настоящего договора будет заключена военная конвенция, в которой будет предвидено как все то, что должно быть предпринято одной и другой стороной в случае войны, так и все, что по отношению военной организации, дислокации и мобилизации войск и отношений верховных командований должно быть утверждено в мирное время о военных приготовлениях, о военном положении и об успешном ведении войны. Военная конвенция будет считаться составною частью настоящего договора. К ее изготовлению будет приступлено не позже 15 дней после подписания настоящего договора, и она должна быть приготовлена в течение не более двух месяцев.

Статья V. Настоящий договор и военная конвенция будут считаться в силе со дня их подписания до 31 декабря 1920 года включительно. Они могут быть продолжены и после этого срока, но после дополнительного соглашения, которое должно быть утверждено двумя договаривающимися сторонами. В случае же, если в день истечения срока договора и военной конвенции стороны будут находиться в войне

[1]) Текст договора дается в переводе, сделанном в министерстве иностранных дел.

или же в положении ликвидации после войны, договор и военная конвенция останутся в силе до заключения мира и ликвидации положения, созданного войной.

Статья VI. Настоящий договор будет подписан в двух одинаковых экземплярах, составленных на болгарском и сербском языках. Они будут подписаны государями и их министрами иностранных дел. Военная же конвенция, составленная также в двух экземплярах, оба на болгарском и сербском языках, будет подписана государями, их министрами иностранных дел и специальными военными уполномоченными.

Статья VII. Настоящий договор и военная конвенция могут быть опубликованы или сообщены и другим государствам только по предварительному соглашению обеих договаривающихся сторон, и то совместно и одновременно.

Точно так же только по предварительному соглашению можно будет принять в союз какое-либо иное государство.

Составлен в Софии 29 февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

Фердинанд. *Петр.*
Ив. Ев. Гешов. *М. Г. Милованович.*

Копия.

Секретное приложение к договору о дружбе и союзе между королевством Сербским и царством Болгарии[1]).

Статья I.

В случае, если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности государственные или национальные интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них, так же, как и в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, которые возникли бы для Турции, возник бы вопрос о сохранении status quo на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, которая обязана тотчас вступить в обмен мыслей и, если бы она не согласилась со своей союзницей, дать ей мотивированный ответ.

Если соглашение о действиях последует, то об этом сообщается России, и если последняя не воспротивится, то действия начнутся согласно установленному соглашению и вдохновляясь во всем чувствами солидарности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, то будет апеллировано (спрошено) к мнению России, которое, если и поскольку она его выразит, будет обязательно для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не захочет дать

[1]) Текст «секретного приложения» дается в переводе, сделанном в министерстве иностранных дел.

своего мнения и если соглашение между обеими договаривающимися сторонами не могло бы быть достигнуто после того, тогда, если та сторона, которая высказалась за акцию, начала бы одна на собственный риск и страх действия против Турции, другая сторона обязана сохранять дружеский нейтралитет относительно своей союзницы, предпринять тотчас же мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и притти всеми своими силами на помощь своей союзнице, если какая-либо третья держава стала бы на сторону Турции.

Статья II.

Все территориальные приобретения, которые были бы добыты совместными действиями по смыслу статей I и II договора, равно и статьи I настоящего секретного приложения, будут находиться под совместною властью (condominium) союзных сторон, и эти приобретения будут ликвидированы тотчас и наипозже в трехмесячный срок по заключению мира и на следующих основаниях:

Сербия признает за Болгарией право на территорию на востоке от Родопа и реки Струмы, а Болгария признает за Сербией право на территорию на север и на запад от Шар-Планины.

Что же касается территории между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и озером Охридским, если обе договаривающиеся стороны убедятся, что организация этой территории в одну особую автономную область являлась бы невозможной вследствие общих интересов сербской и болгарской народностей из-за иных внешних или внутренних причин, то относительно вышеупомянутой территории будет поступлено на основании следующих изъявлений: Сербия обязуется не требовать ничего вне линии, означенной на приложенной карте, каковая линия начинается от турецко-болгарской границы от Голем-Верх (севернее от Кривой Паланки) и следует вообще в юго-западном направлении до Охридского озера, проходя вершиной Китка между деревнями Метежево и Подржиконь, вершиной на восток от деревни Нерав, водоразделом до вершины 1.000 на север от села Баштево (Градец-Планина), селом Баштево, между деревнями Любенцы и Петралица, вершиной Острич 1.000 (Лисец-Планина) по вершине 1.050 между деревнями Драчь и Опила, селом Талшиманцы и Живалево, по вершине 1.050, по вершине 1.000, селом Кышень, главным водоразделом Градиште-Планины на вершину Гориште, вершиной 1.023, водоразделом между Иванковцы и Логинцы, по линии Ветерско-Сопот и Вардару, через Вардар по гребням гор к вершине 2.550, затем к Пороноле-Планине, водоразделом упомянутой Планины между деревнями Крана и Барбарась, вершиной 1.200 между деревнями Якренево и Дреново чрез вершину Чесма (1.254), водоразделом Баба-Планины и Крушкатенеси, между деревнями Соп и Уверска, верхом Протапской Планины на восток от села Белицы, по Брежаны вершиной 1.200 (Илинска-Планина), водоразделом, вершиной 1.330, вершиной

1.217 и между деревнями Ливониште и Горенцы до Охридского озера у монастыря Губовцы; и Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, qui sera prié верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу этой линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон.

Статья III.

Копия договора с сим секретным приложением равно и военная конвенция будут сообщены совместно императорскому российскому правительству, к которому одновременно обратятся с просьбой ходатайствовать пред его императорским величеством государем императором принять на себя и одобрить для императорского правительства те «роли», которые предусмотрены для них договорными положениями.

Статья IV.

Всякий спор, который возник бы по поводу толкования или исполнения какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения и военной конвенции, повергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами.

Статья V.

Никакое постановление настоящего секретного приложения не может быть ни предано гласности, ни сообщено какой-либо другой державе без предварительного согласия обеих договаривающихся сторон и разрешения России.

Учинено в Софии февраля 29 дня 1912 года.

Фердинанд. *Петр.*

Ив. Ев. Гешов. *М. Г. Милованович.*

Сербо-Болгарская военная конвенция [1]).

Белград. 1912 г.

Весьма доверительно.

По смыслу и в силу основных начал II [2]) ст. договора о дружбе и союзе, заключенном между королевством Сербией и царством Бол-

---

[1]) Текст был опубликован в № 3 (2-е издание) «Сборника секретных документов из архива б. мин. иностр. дел», декабрь 1917 г., стр. 99—103, а также в книге Гешова «Балканский Союз», стр. 92.

[2]) В тексте, приведенном в книге Гешова, значится III статьей.

гарией, и ради более успешного ведения войны и полного достижения целей, намеченных союзом, утверждаются следующие постановления, имеющие одинаково обязательную силу и важность, как и постановления самого договора.

Статья I.

Королевство Сербия и царство Болгария обязуются в случаях, предусмотренных ст. I и II договора о союзе, как и ст. I секретного приложения к упомянутому договору, — прибегать друг другу на помощь, а именно: Болгария военною силою по меньшей мере в 200.000 человек, а Сербия — силою в 150.000 человек, подготовленных к военным действиям как на границе, так и вне пределов их территорий.

В вышеупомянутое число не должны входить ратники резервных частей, ни ратники сербского III призыва, ни ратники болгарского ополчения.

Вышеупомянутые войска должны прибыть на границу или за пределы государственной территории по направлению, определяемому надобностями и задачами военных действий, не долее как в 21-дневный срок с минуты объявления войны или извещения одного из союзников о том, что наступило время для союзнических обязательств (casus foederis). Однако и до полного истечения указанного выше срока договорный долг — если это соответствует характеру военной операции и может содействовать успеху войны — обязывает союзника отправлять свои войска на поле брани отдельными частями, по мере их мобилизации и концентрирования, не позже как на 7-й день с минуты объявления войны или наступления casus foederis.

Статья II.

В случае нападения Румынии на Болгарию, — Сербия обязуется тотчас же объявить войну Румынии и направить против нее либо на средний Дунай, либо на операционный театр Добруджи свои войска в составе не менее 100.000 человек.

В случае нападения Турции на Болгарию, — Сербия обязуется вторгнуться в пределы Турции, направив из своих мобилизованных войск не менее 100.000 человек на Вардарский операционный театр.

Если бы Сербия в это время находилась уже самостоятельно или совместно с Болгарией в войне с какой-либо другой державой, она обязана отрядить против Румынии или Турции все имеющиеся в ее распоряжении свободные войска.

Статья III.

В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, — Болгария обязуется тотчас же объявить Австро-Венгрии войну и направить свои войска в числе 200.000 человек в пределы Сербии для совместных

с сербской армиею наступательных или оборонительных действий против Австро-Венгрии.

Эти обязательства со стороны Болгарии по отношению к Сербии сохраняют силу и в том случае, если Австро-Венгрия под каким бы то ни было предлогом, по соглашению ли с Турцией, или без такового, ввела бы свои войска в Ново-Базарский санджак и тем принудила бы Сербию либо объявить войну Австро-Венгрии, либо отправить войска свои в санджак для защиты своих интересов, вызвав тем столкновение с Австро-Венгриею.

В случае нападения Турции на Сербию,—Болгария обязуется тотчас же вторгнуться в пределы Турции, направив на Вардарский театр из состава мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей армию, численностью не менее 100.000 человек.

Если бы Румыния напала на Сербию,—Болгария обязуется начать агрессивные действия против румынской армии тотчас по переходе ее чрез Дунай в пределы Сербии.

Если бы Болгария в каком-либо из предусмотренных настоящею статьей случаев находилась уже, самостоятельно или совместно с Сербией, в войне с другой державою,—она обязана помочь Сербии всеми остальными свободными войсками, находящимися в ее распоряжении.

Статья IV.

Если бы Сербия и Болгария по предварительному взаимному соглашению объявили войну Турции, то оба союзника, на случай отсутствия других специальных на этот счет распоряжений, обязуются из состава своих мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей направить на Вардарский театр армию, численностью не менее 100.000 чел.

Статья V.

В случае, если бы одна из договаривающихся сторон объявила войну какой-либо третьей державе, без предварительного сношения и согласия другой стороны, то последняя освобождается от обязательств, изложенных в ст. I настоящей конвенции, однако, она все же обязана придерживаться по отношению к своей союзнице дружественного нейтралитета за время войны, а также немедленно мобилизовать войско, численностью не менее 50.000 человек, в целях наибольшего ограждения свободы движения своей союзницы.

Статья VI.

Во время союзных военных действий ни одна из договаривающихся сторон не может заключить с противником свыше двадцатичетырехчасового перемирия без предварительного сношения и соглашения с другой договаривающейся стороной.

Договаривающиеся стороны могут вести переговоры о мире и заключить мирный трактат только по предварительному взаимному соглашению.

Статья VII.

Во время войны войсками каждой из договаривающихся сторон и их операциями ведает их законный командир.

Когда отдельные отряды из состава войск обеих договаривающихся сторон действуют против одного и того же объекта,—то общее командование принимает: над единицами одинаковой силы—командир старший по чину; а над единицами различной численности—командир старший по положению.

Когда одна или несколько отдельных армий, принадлежащих к составу войск одной из договаривающихся сторон, поступают в распоряжение другой стороны, то командование над ними сохраняется за их законным военачальником, который, однако, во всех стратегических операциях подчиняется главнокомандующему той стороны, в распоряжение коей он поставлен.

В случае совместных военных действий против Турции, верховное командование на Вардарском театре, согласно ст. IV настоящей конвенции, предоставляется Сербии, если на этом театре будут оперировать ее главные силы, превышающие численностью болгарские войска.

В случае же, если главная сербская армия не будет производить операции на Вардарском театре или ее силы будут слабее болгарских,—то главное командование на означенном театре предоставляется военачальнику Болгарии.

Статья VIII.

В случае, когда войска обеих договаривающихся сторон будут находиться под единоличным командованием, то все приказы и распоряжения, касающиеся стратегических и тактических операций,—будут издаваться на обоих языках—сербском и болгарском.

Ст. Ст. IX, X, XI, XII и XIII

касаются второстепенных постановлений о продовольствии и содержании союзнических войск, о перевозке раненых и больных, погребении убитых и т. п. О распределении военных трофеев. О назначении особых делегатов при штабах для обоюдных сношений. Об исправлении путей сообщения. По различным другим вопросам—начальникам генерального штаба обоих государств предоставляется войти в будущем в дальнейшие переговоры.

Статья XIV.

Настоящая конвенция вступает в действие со дня ее подписания и будет оставаться в силе до истечения срока договора о дружбе и союзе, к коему она прилагается как составная часть.

Белград — София 29 апреля 1912 г.

Подписали конвенцию:

Фердинанд. *Петр.*

Ив. Ев. Гешов. *М. Милованович.*

Ген.-лейт. *Н. Никифоров.* Ген. *Р. Путник.*

Сообщил *Попов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

Айронсайд, сэр Бакс — великобританский посланник в Софии.

Аварна, герцог — итальянский посол в Вене в 1911 г.

Ассим-бей — турецкий посланник в Софии до октября 1911 г.; с октября 1911—1912 г. — министр иностр. дел.

Баррер — французский дипломат; посол в Риме с 1897 г.

Бомпар — французский дипломат; посол в Константинополе с 1909 года.

Фон Бюлов — германский государственный деятель и прусский премьер-министр в 1900—1909 г.г.

О'Бэйрн — советник великобританского посольства в Петербурге с 1906 г.

Бьюкенен, сэр *Джордж* — английский дипломат; посол в Петербурге с 1910—1918 г.

Венизелос, Э.— греческий государственный деятель; греческий премьер-министр в 1910—1915 г.г.

Гартвиг, Н. Г. — русский дипломат; в 1909—1914 г.г. — посланник в Белграде.

Гешов, И. Е. — болгарский политический деятель, лидер партии народняков. В 1911—1913 г.г. — председатель совета министров и министр иностранных дел.

Гирс, М Н. — русский дипломат; в 1902—1912 г.г. — посланник в Бухаресте; в 1912—1914 г.г. — посол в Константинополе.

Гирс, Н. Н. — русский посол в Вене с 1910 г.

Гргович — министр иностранных дел Черногории.

Грипарис — греческий политический деятель; в 1911 г. — министр иностранных дел.

Грэй, сэр *Эдуард* — статс-секретарь по иностранным делам Великобритании.

Данев — болгарский политический деятель, лидер партии прогрессистов, русофил; в 1911—1913 г.г. — председатель болгарского Народного Собрания.

Диаманди — румынский посланник в Софии.

Диков — генерал болгарской службы, главный интендант

Добрович — начальник тайного кабинета болгарского короля.

Извольский, А. П. — русский дипломат; в 1906—1910 г.г. — министр иностранных дел; в 1910—1917 г.г. — посол в Париже.

Империали маркиз — итальянский дипломат; в 1904—1910 г.г. посол в Константинополе, в 1910—1920 г.г. — посол в Лондоне.

Карлотти — итальянский дипломат; в 1906—1908 г.г. — посланник в Цетинье; в 1908—1913 г.г. — посланник в Африке.

Крозье — французский дипломат; в 1911 г. — посол в Вене.

Леонтьев — полковник русской службы; военный агент в Болгарии в 1905—1911 г.г.

Ляпчев — управляющий министерством иностранных дел и министр финансов в Болгарии до марта 1911 года (кабинет Малинова).

Малинов — болгарский политический деятель, лидер демократов, председатель совета министров и министр иностранных дел (до марта 1911 года).

Милованович — председатель совета министров и министр иностранных дел Сербии.

Милоевич — сербский поверенный в делах в Софии (до июня 1911 г.).

Наби-бей — турецкий посланник в Софии с октября 1911 г.

Николаев — генерал болгарской службы, военный министр до марта 1911 г. (кабинет Малинова)

Мелегари — итальянский дипломат; в 1905—1913 г.г. — посол в России.

Нелидов, А. И. — русский дипломат; в 1904—1910 г.г. — посол в Париже.

Нератов, А. А.— вице-директор I департамента мин. ин. дел в 1906—1910 г.г.; товарищ министра иностранных дел в 1911—1917 г.г.

Обнорский, Н. А. — секретарь миссии и русский поверенный в делах в Черногории.

Палеолог, М. — французский дипломат; в 1907—1912 г.г. — посланник в Софии.

Панас — греческий посланник в Софии.

Пашич, Н. — сербский государственный деятель, руссофил, лидер радикальной партии; председатель совета министров в 1906—1908, 1909—1911 и с 1913 г.

Решид-паша — турецкий посол в Вене в 1911 г.

Романовский, Г. Д.—полковник русской службы, военный агент в Болгарии с 1912 г.

Сарафов — болгарский посланник в Константинополе.

Сементовский-Курило, Д. К. — русский поверенный в делах и затем (с 1908 г.) — посланник в Софии до января 1911 года.

Спалайкович — сербский посланник в Софии с июня 1911 года.

Татищев, В. А. — первый секретарь русской миссии в Афинах.

Тодоров — болгарский политический деятель; в 1911—1913 г.г.— министр финансов (в кабинете Гешова).

Тошев — болгарский посланник в Париже.

Фичев — генерал болгарской службы; в 1912 году — начальник генерального штаба.

Чапрашиков — секретарь кабинета царя болгарского.

Урусов, кн. Л. В. — первый секретарь русской миссии в Софии.

Чарыков, Н. В. — русский дипломат; в 1909—1911 г.г. — посол в Константинополе.

Чиршкий — германский посол в Вене.

Энвер-паша — турецкий политический деятель, один из руководителей младотурецкого переворота; в 1909—1913 г.г. — военный агент в Берлине.

Эренталь — австрийский министр иностранных дел и председатель совета министров в 1906—1912 г.г.

Отражение событий 1905 г. за границей.

Публикуемые ниже документы представляют собой извлечение из коллекции документов, сохранившейся в «Секретном Архиве» министра б. м. и. д. в особой папке, имеющей заголовок: «Rossica. События 9 января 1905 г. в С.-Петербурге и отношение к внутренним делам России общественного мнения за границей. Весьма секретные документы, доставленные ген.-майором Рыдзевским в архив начальника Отделения».

Историческое значение указанных архивных материалов заключается не в освещении событий 1905 года, как таковых, а исключительно в том, *какое отражение* за границей эти события получили.

В публикуемых документах отражение событий 1905 года за границей, само собою разумеется, дается преломленным через призму понимания их царскими чиновниками, тем самым дается и материал для характеристики классовой сущности царской дипломатии.

Скудость сведений, которыми мы располагали в данном вопросе до сего времени, придает публикуемым материалам определенную ценность.

То отражение, какое революция 1905 года получила на Востоке (Персии, Турции, Китае), имеющее более крупное историческое значение, но относящееся к более позднему периоду, будет выявлено в материалах, имеющих быть подготовленными к публикации в дальнейших изданиях «Центрархива».

С. Залкинд.

№ 1. Депеша посланника в Брюсселе Гирса.

Брюссель. 11 (24) января 1905 г. № 1.

Вчера вечером произошла перед домом императорской миссии довольно шумная манифестация. Около ста человек явились процессиею, стучали дубинами в ворота и ставни дома, крича неистово: «убийцы, убийцы».

Вскоре прибежали городовые, которые разогнали толпу. Этим все и ограничилось.

Сегодня утром барон Фаверо выразил мне от имени правительства сожаление о случившемся.

О вышеизложенном считаю долгом доложить Вашему сиятельству.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 2. Секретная телеграмма посла в Константинополе Зиновьева.

Пера. 11 (24) января 1905 г.

Лично.

Здесь распространяются самые невероятные слухи о движении среди фабричного населения Петербурга, грозящем будто бы безопасности столицы и государственному порядку. Ввиду неблагоприятного для нас впечатления, которое здесь эти слухи производят, позволяю себе покорнейше просить Ваше сиятельство благоволить сообщить мне точные сведения о том, что происходит на деле в Петербурге. Этими сведениями я полагал бы воспользоваться с целью положить конец превратным и злонамеренным толкам.

Зиновьев [1]).

---

[1]) На полях имеется пометка Ламсдорфа:

«Assez difficile de répondre dans un sens entièrement calmant, mais il faudrait indiquer, je pense, les communiqués officiels du «Правит. Вестник». («Довольно трудно ответить в смысле достаточно успокоительном, но следовало бы, я думаю, указать на официальные сообщения «Правительственного Вестника».)

№ 3. Донесение консула в Триесте барона Кистера.

Триест. 11 (24) января 1905 г. № 18.

Вчера около 9 часов вечера из помещения «Sedi riunite» вышедшая толпа рабочих-социалистов, человек 400, направляясь по Via Nuova, вскоре достигла набережной Riva Garciotti, где помещается императорское консульство.

Перед зданием консульства толпа, увеличившись до 500 человек, произвела враждебную России демонстрацию, крича все время: «abasso il assolutismo» [1]). В это время к толпе подбежало несколько полицейских, пытавшихся разогнать толпу. Но это еще больше ожесточило толпу, которая стала с особенной настойчивостью кричать: «abasso il assolutismo, evviva il proletario, evviva il socialismo» [2]) и бросать в консульство камни. Через несколько минут прибежала масса полицейских, которым удалось, в конце концов, оттеснить толпу от занимаемого мною помещения.

Посетивший меня сегодня утром директор местной полиции г. Бусич заявил мне, что им получены сведения, что на сегодня вечером назначена вторичная демонстрация тех же социалистов, к которым должны присоединиться и либералы; таким образом толпа ожидается в несколько тысяч человек. По моей просьбе охранить щит консульства директор полиции обещал прислать вечером во двор занимаемого мною помещения до 30 полицейских, кроме того, с трех сторон здания консульства будет устроена засада из полицейских. По заявлению г. Бусича, эта демонстрация совершается триестскими рабочими-социалистами, подталкиваемыми местными евреями, в виде протеста против последних прискорбных с.-петербургских событий.

А. Кистер.

№ 4. Выписка из донесения кол. сов. Доливо-Добровольского, консула в Черновицах [3]).

Черновицы. 17 января 1905 г. № 22.

16/29 января, вечером, в зале Черновицкого магистрата была прочитана публичная лекция на тему о рабочих беспорядках в Петербурге женою одного из местных ремесленников.

На лекции присутствовало до 2.000 человек, преимущественно рабочих и мелких ремесленников. По окончании лекции толпа человек в 500 пыталась устроить демонстрацию перед зданием императорского консульства и частной квартирой консула, но принятыми

[1]) «Долой самодержавие».

[2]) «Долой самодержавие, да здравствует пролетариат, да здравствует социализм».

[3]) В Австрии.

заблаговременно полицейскими мерами эти манифестации были предотвращены. Означенное происшествие, вызванное несколькими подстрекателями, носит характер случайный и не является выражением общего, вполне спокойного, корректного отношения к российскому представительству всех партий местного населения.

№ 5. Секретная телеграмма посланника в Брюсселе Гирса.

Брюссель. 20 января (2 февраля) 1905 г. [1]).

Я счел долгом выразить энергичный протест бельгийскому правительству по поводу подписки, открытой либеральными органами в пользу жертв царизма. Я не скрыл того чувства негодования, которое вызовет во всей России опубликование этого списка и призыва на помощь делу революции. Министр иностранных дел выразил мне свое глубокое сожаление, но заявил, что бельгийская конституция — более либеральная, чем французская, — делает правительство совершенно бессильным против подобных манифестаций, предоставляя ему лишь путь судебного преследования, последний же имеет свои большие неудобства.

Гирс.

№ 6. Депеша советника посольства в Риме Крупенского.

Рим. 22 января (4 февраля) 1905 г. № 2.

Петербургские стачки и беспорядки, которые привели к вооруженному столкновению толпы с войсками, произвели в Италии, как и везде за границей, сильное впечатление. Если нельзя отрицать, что чувство человеколюбия играло некоторую роль в сострадании здешнего населения к жертвам петербургской стачки, в сущности, симпатия эта главным образом напускная. В ней выразилась общность целей всех недовольных и революционных элементов Европы, которые воспользовались этим удобным случаем для пропаганды своих разрушительных теорий.

В Италии сочувствие народонаселения к убитым рабочим, число которых было неимоверно преувеличено в здешних органах печати, и неприязнь к России вообще выразились в самой неприличной форме не только на улице, но — и что знаменательнее — в стенах самого парламента. Вашему сиятельству уже известно из телеграммы кн. Л. П. Урусова от 13/26 января [2]), что при чествовании памяти подвижников итальянской революции республиканский депутат Мирабелли пред-

[1]) Перевод с французского.

[2]) В указанной телеграмме русский посол в Вене Л. П. Урусов сообщал об инциденте в палате депутатов и о своих объяснениях по этому поводу с итальянским министром иностранных дел, выразившим сожаление о случившемся.

ложил палате послать привет русскому народу, борющемуся, с опасностью жизни, за свободу. При этом названный депутат возымел смелость выразиться о государе императоре в словах, которые мне не подобает передать.

Но дело не в словах какого бы то ни было республиканского депутата, а скорее в том факте, что ни представители правительства, ни председатель палаты не выразили порицания оратору и не отняли у него слова. Заведующие отчетом заседания ограничились только исключением слов Мирабелли из официального протокола. Министр иностранных дел, с которым князь Урусов имел по этому поводу объяснение, не присутствовал при этом. Он выразил князю свое живейшее сожаление о случившемся и сказал, точно так же, как его величество король в прощальной аудиенции, что более энергичное отношение председателя к выходке Мирабелли вызвало бы буйную манифестацию против России, которая соответствовала бы желанию социалистов и республиканцев. Но, как я позволил себе обстоятельно изложить об этом в моем частном письме к Вашему сиятельству, мы, как мне кажется, едва ли можем удовлетвориться этим объяснением.

Подобного рода манифестации происходили также почти во всех городах Италии. В Неаполе в провинциальном совете было единогласно постановлено протестовать против «постыдного царизма», послать «священной памяти убитых» в С.-Петербурге почтительный привет и русскому народу, который не боится смерти, чтобы завоевать свободу, — горячие пожелания успеха. Итальянскому же правительству напомнить, что возрожденная Италия — дочь революции, не может без стыда для себя оставлять своих представителей при монархе, который доверяет свою защиту варварским шайкам, убивающим женщин и детей.

В Риме, кроме этих постановлений разных ассоциаций и обществ, было решено в последнее воскресенье, по инициативе официозной газеты «Tribuna», устроить многочисленную процессию, которой руководили радикальные депутаты. Эта процессия должна была пройти по главным улицам города, остановиться у Капитолия и протестовать там против петербургских происшествий. От Капитолия шествие намеревалось направиться к русской миссии и русскому посольству, перед окнами которых толпа хотела сделать буйную манифестацию. Но здесь надо отдать справедливость римской полиции и стянутым в большом количестве войскам, которые сумели везде, где только собиралась демонстрирующая публика, остановить ее и рассеять без всякого кровопролития. Считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства об одном из случившихся при этом инциденте. В самом начале демонстрации бывший редактор газеты «Россия» и корреспондент газеты «Русь», Амфитеатров, уже прежде в России наказанный и, кажется, впоследствии помилованный, не постыдился обратиться к толпе и окружившим его журналистам и депутатам со следующими словами: «Благодарю римский народ от имени русской либеральной

партии за эту красноречивую демонстрацию и симпатии к нам». Слова эти были встречены громкими рукоплесканиями.

Между арестованными в Петербурге пользуется особенной симпатией Максим Горький, сочинения которого переведены на итальянский язык. Опасаясь, что ему грозит судебное преследование, в Риме, по примеру других стран, образовался комитет под председательством члена палаты, заседающего на крайней левой стороне, князя Сципиона Боргезе. Этот комитет выразил намерение просить здешнего министра иностранных дел передать русскому правительству пожелания в пользу освобождения Горького, а буде министр откажется от передачи, обратиться непосредственно в посольство. Г. Титтони уже уведомил князя Боргезе, что он такого поручения на себя взять не может. Запрошенный в палате депутатов о причинах, побудивших его отказать в передаче русскому правительству этого ходатайства, министр иностранных дел ответил: «Как бы уважительны ни были чувства некоторых депутатов, выразивших симпатии в пользу Максима Горького, одного из самых выдающихся писателей России, однако правительство не могло быть посредником подобных пожеланий, так как этому препятствуют международные приличия». Ответ министра удовлетворил парламент; но некоторые депутаты воспользовались этой осторожной редакцией, чтобы поблагодарить г. Титтони за «дипломатическое» отклонение их ходатайства и послать Горькому привет либеральной партии.

В том же заседании министр иностранных дел был запрошен депутатами Турати и Биссолати, «считает ли он своей обязанностью довести до сведения императорского правительства, что вся Италия глубоко возмущена петербургскими изуверствами». Но на этот вопрос г. Титтони прямо отказался отвечать и вызвал этим шумные протесты, которым, однако, вмешательство президента палаты положило конец.

А. Крупенский.

№ 7. Секретная телеграмма посла в Константинополе Зиновьева.

Пера. 25 января (7 февраля) 1905 г.

На основании полученной от турецкого генерального консула в Батуме телеграммы министр иностранных дел сообщил мне, что возникшая в означенном городе стачка рабочих перешла в открытый бунт, что 55 турецких подданных были убиты и что остальные вынуждены были укрыться в консульстве. Министр ходатайствует о принятии мер к обеспечению безопасности последних.

Зиновьев.

№ 8. Выписка из письма первого секретаря посольства в Брюсселе надворн. сов. П. Боткина.

Брюссель. 25 января (7 февраля) 1905 г.

Петербургские беспорядки послужили сигналом к проявлению враждебных нам демонстраций в Европе и Америке. Особенно сказались эти чувства в Бельгии, где либеральные идеи и социалистический элемент преобладают в печати.

Вы уже знаете о манифестации перед русской миссией толпы молодежи, в продолжение 10 минут кричавшей: «assassins!» [1]), о митингах против «царизма» в народном доме в Брюсселе и в провинциальных городах. О митингах этих под председательством членов бельгийского парламента по городу были расклеены объявления.

Не довольствуясь этим, либеральные органы открыли подписку в пользу «жертв царизма». Собрали они гроши, потому что бельгийцы не тароваты на благотворительность извне, но, как бы то ни было, цель наших недругов была достигнута — демонстрация была произведена, и императорскому правительству еще раз нанесено публичное оскорбление.

Мало того, группа сенаторов и депутатов, с бургомистром города Брюсселя во главе, представила нашему посланнику петицию об освобождении Максима Горького. Петиция эта была возвращена бельгийскому министру иностранных дел, который делал вид, что очень удручен бестактностью бургомистра и выражал порицание, но опять-таки цель была достигнута — факт нового оскорбления получил через газеты должную огласку.

Словом, беснование против нас газет достигло апогея. Разбирая всю чепуху, которую преподносила заграничная печать о России за это последнее время, трудно объяснить ненависть к нам исключительно враждебными чувствами к нашему правительству или болезненной фантазией иностранных корреспондентов.

Тут есть другая причина. Газеты находятся в руках банков или отдельных крупных капиталистов, между которыми много евреев. Они пользуются печатными органами, чтобы воздействовать на общественное мнение и вместе с тем играют на бирже нашими бумагами.

За время недавних волнений наши фонды потерпели колебания от 10 до 12 франков на каждую акцию.

Во всяком случае, нельзя не признать, что во всей этой истории иностранная печать сыграла довольно грязную роль. Тем более желательно развитие за границей деятельности С.-Петербургского Телеграфного Агентства, которое может сдерживать общественное мнение от неизбежных заблуждений.

---

[1]) «Убийцы!»

Недавно проезжал через Брюссель американец Stone, президент «Associated Press».

Он был у меня и рассказал много интересного относительно своих впечатлений о России. Он недавно был в С.-Петербурге и видел многих из наших деятелей. Stone много способствовал возрождению в Америке добрых чувств к России.

№ 9. Письмо посла в Берлине Остен-Сакена.

Берлин. 28 января (10 февраля) 1905 г.

Нервное настроение, охватившее за последнее время широкие слои немецкого общества, выразилось, между прочим, и в принятом на веру слухе о грозящей будто бы русскому писателю Максиму Горькому опасности быть повешенным за участие в рабочих беспорядках.

Слух этот был, насколько можно проследить, пущен из немецкого социалистического лагеря, чтобы создать в здешнем обществе враждебное России движение и привлечь к нему видных представителей германской интеллигенции.

Прием этот удался.

Распространяемые главным образом «Berliner Tageblatt» небылицы о безжалостном, будто бы, обращении правительства с талантливым автором многих ценных в Германии литературных произведений имели последствием, что сбнародованное означенной газетой воззвание под заглавием: «спасите Горького!», было покрыто множеством подписей. В числе их встречаются самые громкие имена немецкого ученого и литературного мира.

Бестактность подобной демонстрации была сознана только немногими газетами. Консервативная «Post» заметила по этому поводу, что талант, каким бы он крупным ни был, не может претендовать на безнаказанность в случае несправедливого участия в политических манифестациях.

Несмотря на столь трезвые взгляды, высказываемые некоторыми органами печати, сочувственное движение в пользу Горького все росло в явно враждебном нам смысле. Я позволил себе обратить внимание Вашего сиятельства на это болезненно-нервное состояние умов, проявляющееся не только в Германии, но и всюду, как на симптом возбужденного общественного мнения XX века.

Н. фон-дер-Остен-Сакен.

№ 10. Выписка из доверительной депеши д. т. с. Нелидова, посла в Париже.

Париж. 27 января (9 февраля) 1905 г. № 9.

Печальные события, совершившиеся в Петербурге 9 января, нашли отклик не только в заседании палаты депутатов, о котором я доношу сего числа под № 8, но и во всех народ-

ных собраниях и рабочих союзах. Вожаками направленного против России движения явились везде социалисты-революционеры и анархисты, а среди слушателей и крикунов находилось значительное число русских эмигрантов и студентов.

На первом большом сборище, состоявшемся под председательством Жореса, главную речь держал известный русско-еврейский эмигрант, перешедший во французское подданство, д-р Рубанович. Заключительные слова г. Жореса, составлявшие как бы постановление этого собрания, были призыв к борьбе с русским «царизмом», служащим самым твердым оплотом против повсеместного установления социалистического образа правления. Трудно было бы более ясно обозначить взаимное отношение российского государственного строя и мечтаний разнузданных социалистов.

При выходе с митинга, среди неистовых криков и брани против русского правительства, на улице брошена была бомба, ранившая при разрыве, к счастью, неопасно, несколько человек, в том числе двух полицейских. Подобные же не менее многочисленные собрания происходили во многих местах Парижа, но особенно вблизи университета, в так называемом Латинском квартале, где по преимуществу ютятся русские студенты и студентки, составляющие, вместе с нашими эмигрантами, большинство их посетителей.

Враждебная против нас деятельность и разглагольствования этих собраний распространились и по другим французским городам, при чем одним из наиболее возбуждающих страсти обстоятельств служит арестование Максима Горького. Везде, но преимущественно среди рабочих, собираются сходки, где произносятся зажигательные речи и принимаются направленные против русского правительства решения, которые потом мне посылаются, но мною тщательно возвращаются обратно. Кроме того, я получаю немало писем с грубою бранью и даже прямыми угрозами, которым придает некоторое значение присутствие в Париже большого числа русских революционеров, прибывших с разных сторон, но особенно из Швейцарии. Находясь здесь под руководством нескольких крайне опасных личностей, они, как будто, что-то замышляют. Весьма важно и сближение русских и французских анархистов с итальянскими, небольшое число которых было недавно задержано в Марсели, при чем на них найдены сильно компрометирующие их бумаги.

Я счел нужным обратить на все эти обстоятельства внимание французского правительства. Но министерство Комба и Пеллетана, робко повиновавшееся велениям Жореса и его сподвижников, так распустило полицейскую часть и надзор за деятельностью поборников противогосударственных начал, что весьма трудно теперь остановить разложение правительственного строя и укрепить его власть не только по отношению к внутренним французским делам, но и в применении ее к сношениям с иностранными державами.

Как бы то ни было, вызванное петербургскими происшествиями брожение, крайне для нас невыгодное и могущее стать и прямо опасным, пока еще распространяется. Оно, нет сомнения, уляжется мало-по-малу по мере того, как, с постепенным введением намеченных реформ, станет и в нашем отечестве устанавливаться более прочный и определенный порядок вещей.

№ 11. Выписка из донесения д. с. с. Прозора.

Петрополис. 6 февраля 1905 г. №№ 3, 4.
8 февраля 1905 г. № 6.

Известия о с.-петербургских забастовках и о происшествиях 9 января вызвали в южно-американских республиках враждебное императорскому правительству движение. Аргентинский министр иностранных дел объявил барону Пилару, что аргентинское правительство сделает возможное, дабы воспрепятствовать предполагаемой манифестации в этом смысле. В Монтевидео же состоялся многолюдный митинг с враждебною российскому правительству целью.

Д. с. с. Прозор сообщает, что папский нунций в Бразилии монсиньор Тенти согласился председательствовать в третейском суде, установленном конвенцией, подписанною между Бразилией и Перу по вопросу о спорной территории Акре.

Военный мятеж в Аргентине, о котором д. с. с. Прозор донес в своей депеше от 6 февраля за № 3, кончился полною неудачею. Главные зачинщики бежали в Чили, аргентинское правительство потребовало их выдачи, и вопрос этот в настоящее время находится на рассмотрении подлежащих чилийских властей.

№ 12. Секретная телеграмма консула на Мальте Сакса.

Мальта. 10 (23) февраля 1905 г.

Консульству доносят, что английский пароход «Флавиан» под видом земледельческих орудий намерен выгрузить ружья в Севастополе или Одессе.

Сакс.

№ 13. Выписка из письма гр. Бенкендорфа, посла в Лондоне [1]).

Лондон. 25 июня (8 июля) 1905 г.

По поводу недавних печальных событий, разыгравшихся в России, я должен указать Вашему сиятельству, что ни одно из них — даже наши военные неудачи — не произвело на общественное мнение и,

[1]) Перевод с французского.

полагаю, на правительство более тягостного впечатления, чем последние одесские ссбытия и восстание на «Князе Потемкине». Впервые я увидел ясно, что здесь серьезно встал вопрос, не угрожает ли вспыхнувшая в России революция незыблемости существования правительства.

Сравнительно быстрое усмирение одесского восстания восстановило несколько доверие и произвело хорошее впечатление, но безнаказанность — до сего дня — экипажа «Князя Потемкина» возбуждает беспокойство, внушая даже серьезные опасения за настроение, господствующее во всем нашем Черноморском флоте.

№ 14. Депеша посла в Париже Нелидова.

Париж. 17 (30) ноября 1905 г. № 95.

Тревожные известия, продолжающие приходить из России, производят здесь удручающее впечатление и тяжелым гнетом ложатся на настроение биржи.

Быстро поднявшиеся после манифеста 17 октября курсы наших бумаг стали понемногу падать, и в последнее дни дело дошло почти до паники. Особенно тревожным представляется то обстоятельство, что падение курса наших бумаг было до сих пор последствием спекулятивных продаж, имевших целью биржевую игру на понижение. При настоящих обстоятельствах, появляющиеся на бирже все в большем количестве наши ценности продаются их владельцами, постепенно теряющими доверие в прочность финансового положения России. Крестьянское движение, разорение богатых помещичьих имений с заводами, прекращение работ на фабриках, приостановка вывоза за границу,— все это должно неизбежно повлиять на экономический строй государства и отразиться на смете значительным дефицитом. А рядом с этим выезжающие за границу и проживающие вне отечества русские, не получая доходов со своих имений, обязаны продавать находящиеся в их владении ценные бумаги, что способствует уплыву золота из России и обесцениванию наших государственных фондов, не говоря уже об акциях частных предприятий.

Во всем этом еще не принимается в соображение возможность более глубокого государственного переворота, которым недоброжелатели наши пугают французов. Здесь еще верят в конечный успех предпринятых правительством реформ и в продолжение правительственной уплаты процентов и погашения по займам. Французы слишком заинтересованы в этом, чтобы поддаваться этому страху, осуществление которого привело бы к невообразимому разорению значительной части населения, владеющего более чем восемью миллиардами бумаг.

Подобное настроение нам следовало бы поддержать в наших собственных выгодах, и для этого весьма желательно было бы, чтобы наше

финансовое ведомство могло каким-нибудь объявлением в печати утвердить доверие держателей наших бумаг, объяснив им, что для правильной уплаты процентов и погашения приняты все меры, каковы бы ни были затруднения, с которыми правительству пришлось бы бороться.

В таком случае и возможность заключить новый заем была бы сохранена, если бы в то время, когда о нем снова начнутся переговоры, в России могло бы установиться хотя бы временное успокоение на несколько недель, необходимых для оборудования и осуществления этого предприятия.

Если я поволяю себе представить все эти соображения на благовоззрение Вашего сиятельства, то это потому, что денежный вопрос здесь близко связан с прочностью политических уз, соединяющих нас с Францией, значение которых для России в настоящую минуту возросло в том размере, в каком ослаблена наша собственная мощь.

А. Нелидов.

№ 15. Секретная телеграмма посла в Риме статс-секретаря Муравьева.

Рим. 24 ноября (7 декабря) 1905 г.

Вследствие появившегося здесь и обратившего внимание короля слуха о бунте в Литовском драгунском его имени полку наш военный агент по моему поручению запрашивал командира, который категорически опровергнул эти ложные сведения, о чем доложено его королевскому величеству.

Муравьев.

№ 16. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 2(15) декабря 1905 г. № 55.

Из донесения моего от 27 ноября (10 декабря) с. г. № 52 Вашему сиятельству уже известно о моих усилиях склонить датское правительство к принятию более действительных мер против ввоза датскими фирмами в наши пределы оружия и патронов, более или менее значительные партии коих отправляются почти с каждым пароходом, выходящим отсюда в Финляндию. Не довольствуясь разговором с датским министром иностранных дел, я обратился по настоящему делу непосредственно к министру юстиции г-ну Альберти и подробно изложил ему аргументы, высказанные мною ранее того графу Рабену; я указал ему, что оружие и снаряды, вывозимые к нам из Дании, несомненно, способствуют развитию революционной деятельности в наших пределах и что на датском правительстве лежит обязанность всеми зависящими от него мерами препятствовать участию в этой деятельности датских подданных; кроме того, если подобный вывоз

приносит выгоду двум-трем датским фирмам, то, с другой стороны, от революционных беспорядков могут пострадать десятки и даже сотни, датских подданных, занимающихся в России разными видами мирной деятельности. Г-н Альберти ответил мне, что как он, так и все другие члены датского кабинета искренно желали бы оказать нам в настоящем случае услугу, но что в датском законодательстве не имеется ни одной статьи, на основании коей правительство могло бы воспретить в мирное время датским торговым фирмам поставлять оружие и патроны русским или финляндским торговым фирмам; всякое действие датских властей, направленное к стеснению свободы датских негоциантов в этом отношении, тотчас же вызовет не только протесты заинтересованных лиц, но и запрос в риксдаге. Правительство предписало полицейским и портовым властям тщательно следить за погрузкой оружия и патронов в копенгагенском порте, при чем приняты меры к тому, чтобы суда не могли вывозить этих предметов тайным образом; о каждом отправлении оружия и патронов тотчас же доводится до сведения русской миссии, что дает русским властям полную возможность своевременно принять надлежащие меры по прибытии их в русские или финляндские порты. Это, по мнению г-на Альберти, максимум того, что может сделать датское правительство в настоящем случае, и даже за это оно подвергается упреку в стеснении судовых операций в копенгагенском вольном порте.

Из разговора моего с г-ном Альберти я вынес убеждение, что нам не удастся добиться от датского правительства более активных мер; мне остается поэтому лишь продолжать тщательным образом наблюдать за вывозом отсюда в Россию оружия и патронов и извещать по телеграфу императорское министерство о каждом подобном отправлении.

А. Извольский.

№ 17. Черновик письма министра ин. дел Ламсдорфа на имя морского мин. Бирилева.

10 (23) декабря 1905 г. № 974.

Спешно. Секретно.

М. Г.

Алексей Алексеевич!

Секретная телеграмма российск. посланника в Копенгагене от 9 сего декабря, касательно предполагаемой датским пароходным обществом отправки в Либаву на имя командира порта Алекс. Ш. 54 ящиков с оружием, была повергнута мною в числе прочих на всемилостивейшее воззрение государя императора, и его величеству на полях оной благоугодно было собственноручно начертать: «Морскому министру».

Во исполнение таковой монаршей воли имею честь препроводить Вашему превосходительству копию означенной телеграммы.

№ 18. Депеша посла в Берлине Остен-Сакена.

Берлин. 16 (29) декабря 1905 г. № 98.

Новым доказательством участия интернациональной социал-демократии, и особливо немецкой радикальной партии, в поддержании революционного движения в России является опубликованное в рождественском номере газеты «Vorwärts» воззвание международного социалистического бюро к рабочим всех стран.

Воззвание приводит выраженное на социалистическом конгрессе в Париже в 1889 году предсказание, что революция в России осуществима только в виде рабочего движения, но что она вовсе не увенчается успехом. Обсуждая положение дел в России, социалисты приходят к заключению, что, хотя революционною пропагандою достигнута уже блестящая нравственная победа, однако реальные цели еще не осуществлены, и русскому пролетариату придется до полного торжества продолжать месяцами, если не годами, начатую борьбу для низвержения существующего строя.

В этой борьбе иностранные социалисты солидарны с русским пролетариатом, который должен встретить с их стороны не только полное сочувствие, но и материальную помощь.

Воззвание кончается изданием пароля ознаменовать всюду годовщину 9/22 января устройством социалистическими союзами массовых собраний и, по возможности, уличных шествий. На предполагаемых митингах должны говорить заранее намеченные ораторы о революции в России, и в пользу русских собратьев будут сделаны денежные сборы, которые положено передавать затем центральным социалистическим кассам или международному социалистическому бюро.

На-ряду с агитациею для поощрения революционного движения в России немецкие социалисты обнаруживают усиленную деятельность и в самой Германии. Недавние события в Дрездене являются знаменательным симптомом.

В Пруссии революционеры сдерживаются еще страхом перед военной силой. Однако общее брожение умов растет и здесь, и правительству приходится быть на-страже.

Н. фон-дер-Остен-Сакен.

№ 19. Письмо посла в Вене кн. Урусова.

Вена. 25 января (7 февраля) 1906 г.

Согласно указаниям, переданным мне в письме Вашего сиятельства от 12 января с. г. за № 356, я не преминул переговорить с графом Голуховским [1]) по вопросу о воспрепятствовании ввоза оружия

[1]) Австрийский министр иностранных дел.

в Россию. Меры, принятые с этой целью датским правительством, неприменимы к Австро-Венгрии, так как морской торговли между этой страной и Россией не существует; что же касается сухопутной нашей границы, то министр иностранных дел заверил меня вновь, что строжайшие инструкции даны австрийской таможенной страже ввиду воспрепятствования вывозу оружия в пределы России.

Граф Голуховский сказал мне, что можно быть уверенным, что такого вывоза за последнее время не было, разве в самом небольшом размере посредством контрабанды, наравне с другими товарами, провозимыми этим способом через границу, несмотря на бдительность таможенных кордонов. Прекращение или значительное ограничение этого злоупотребления может быть достигнуто лишь усугублением бдительности со стороны русской стражи.

Урусов.

№ 20. Выписка из депеши гр. Остен-Сакена, посла в Берлине.

Берлин. 30 декабря 1905 (12 января 1906) г. № 104.

Главари социал-демократической партии вели за последнее время усиленную агитацию в целях устройства в Пруссии массовых уличных демонстраций против ныне существующего в королевстве выборного закона и в пользу всеобщего избирательного права. Первую и самую внушительную демонстрацию предполагалось приурочить к воскресенью 8/21 будущего января, накануне годовщины известных беспорядков в С.-Петербурге.

Как Ваше сиятельство изволит усмотреть из прилагаемой вырезки из газеты «Tägliche Rundschau», демонстрацию предполагалось начать с созвания 80 социал-демократических митингов в 12 часов дня, которые должны быть закрыты все в одно и то же время, после чего участники их направились бы к Королевскому замку, где в этот день, совпадающий с орденским праздником, соберутся все высшие прусские сановники.

Ввиду этих сведений властями приняты на 8/21 января самые обширные меры предосторожности. Доступы к замку будут закрыты, полицейские наряды значительно усилены, и всему берлинскому гарнизону приказано быть наготове.

Кроме того, придерживаясь взгляда, что холостые выстрелы и удары саблями плашмя лишь раздражают толпу и ведут, в конце концов, к еще большему кровопролитию, правительство сделало распоряжение, чтобы как полиция, так и войска, если бы они были вынуждены прибегнуть к оружию, действовали бы им с полною решимостью.

Все эти меры не могли не отрезвить главарей движения, и в газете «Vorwärts» от имени центрального комитета социал-демократической партии опровергается известие о предстоящих уличных демонстрациях.

Не подлежит сомнению, что такая перемена фронта вызвана, кроме решительного положения, занятого правительством, также и крайне отрицательным отношением к затее социал-демократов со стороны громадного большинства общественных кругов. Даже такой передовой орган как Фоссова газета серьезно предостерегает рабочих не пускаться в столь опасную игру, так как малейшая попытка перенести вопросы законодательного характера на улицу, помимо тяжких последствий для участников, надолго затормозит всякую возможность усовершенствования избирательного закона в установленном для того конституциею порядке.

Остен-Сакен.

№ 21. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 1 (14) января 1906 г. № 2.

Согласно изданному международным социалистическим Комитетом лозунгу — ознаменовать во всех странах годовщину 9/22 января сочувственными революционному движению в России манифестациями — состоялось в минувший понедельник в Копенгагене собрание социалистов под председательством члена фолькстинга Кнудсена.

Главным оратором выступил датский социал-демократ Мейер, который дал в своей речи исторический обзор социалистической пропаганды в России и указал на общую забастовку, как на самую успешную меру борьбы, имеющуюся в руках социал-демократической рабочей партии. При этом он напомнил, что шведскими социалистами было, в свое время, решено объявить общую стачку в случае если бы расторжение шведско-норвежской унии привело к военному столкновению между Швецией и Норвегией.

Собранием была принята резолюция, в которой выражены симпатии датских социалистов «нигилистам и радикалам» в России, как поборникам свободы.

Одновременно собрание объявило свое сочувствие немецкой социалистической рабочей партии в ее настоящей борьбе за расширение избирательного права.

Митинг здешних социалистов прошел спокойно, даже немного вяло, и не отличался многочисленностью посетителей.

Извольский.

№ 22. Отношение директора департамента полиции в первый департамент мин. ин. дел.

2 (15) января 1906 г. № 34.

По полученным из агентурного источника указаниям английский пароход «Горсемор» (Gorsemore), капитаном коего состоит Валькер (Walker), должен был 24 декабря (старого стиля) выйти из Антвер-

пена в Одессу с грузом в 13 ящиков, содержащих каждый по 25 ружей, при чем на ящиках не имеется ни пометок, ни каких-либо указаний относительно фирмы отправителя или имени получателя.

Принимая во внимание, что названный пароход по выходе из Антверпена в Одессу будет иметь остановки в Константинополе, Сулине, Бургасе и Брайлове, департамент полиции имеет честь покорнейше просить первый департамент министерства иностранных дел не отказать в распоряжении телеграфировать нашим дипломатическим представителям в упомянутых портах о прибытии туда парохода «Горсемор» в целях выяснения, действительно ли находится на этом пароходе оружие и, в утвердительном случае, не будет ли оружие перегружено на другой пароход для дальнейшего отправления в Россию или же свезено на берег, и о последующим не отказать уведомить.

Директор *Э. Вуич.*

Заведующий отделом *С. Тимофеев.*

№ 23. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 7 (20) января 1906 г. № 1.

В дополнение к донесению моему от 21 декабря 1905 г. (3 января 1906 г.) за № 57 имею честь сообщить нижеследующее.

По получении телеграмм Вашего сиятельства от 21 и 30 декабря я не преминул официальною нотою уведомить датское правительство, что Привислянский край и губернии Курляндская, Эстляндская и Лифляндская объявлены на военном положении и что высочайше утвержденным постановлением совета министров воспрещен ввоз в империю из-за границы оружия, кроме охотничьих образцов; вслед за сим, основываясь на письме, полученном мною от г. финляндского генерал-губернатора, я сообщил тою же нотою датскому правительству, что по местным финляндским законоположениям воспрещен ввоз в Финляндию пушек, ядер, бомб и т. п. военных снарядов, духовых ружей, пороха, нитроглицерина и иных взрывчатых веществ, а также боевых ружей и патронов к оным.

Датское министерство иностранных дел тотчас же опубликовало вышесказанные сообщения во всеобщее сведение и негласным образом предупредило заинтересованные фирмы и пароходные компании, что если они подвергнутся в России возмездию или стеснениям за нарушение упомянутых постановлений, они не могут рассчитывать ни на какую поддержку со стороны датского правительства.

Кроме того, датское министерство иностранных дел продолжает извещать меня каждый раз, когда выходящие из копенгагенского порта в Россию или финляндские суда принимали оружие или снаряды, при чем оно особенно внимательно следит за деятельностью

пароходов финляндского пароходного акционерного общества в Гельсингфорсе — Полярис, Арктурус, Урания и Астрея. О погрузке оружия и снарядов в Финляндию я каждый раз уведомляю финляндского генерал-губернатора шифрованною телеграммою с обозначением количества ящиков и фамилий адресатов.

Вышеизложенными мерами исчерпывается все, чего я имею возможность здесь добиться для стеснения ввоза из Дании в наши пределы оружия; при этом я считаю долгом заявить, что датское правительство выказывает полную готовность оказать нам в этом содействие, но что оно стеснено действующими в Дании законоположениями и опасением вызвать запросы и протесты в риксдаге.

А. Извольский.

№ 24. Секретная телеграмма посла в Риме статс-секретаря Муравьева.

Рим. 10 (23) января 1906 г.

8 и 9 января в Риме и многих других городах Италии социалистами были устроены шумные собрания для ознаменования годовщины прошлогодних петербургских беспорядков и выражения сочувствия русским революционерам. Властями были приняты строгие меры, главным образом, против уличных шествий. В Турине, Милане, Анконе вследствие резких речей ораторов были прекращены самые собрания. В Неаполе при большом сборище молодежи была свалка и аресты. В Риме вчера состоялся близ Колизея многотысячный митинг под руководством депутата Кабрини. Затем при выходе последовало столкновение с полицией при попытке помешать движению трамваев. До 50 чинов полиции и войск ранены и ушиблены палками и камнями. 40 демонстрантов задержаны. Посольство и консульство тщательно охранялись, и нигде перед ними манифестаций не было. Вообще, наши дела были скорее предлогом для черни социалистического и анархистического характера, безусловно осуждаемым общественным мнением. Королем было выражено решительное желание не допускать серьезных нарушений порядка. Президент совета министров, он же министр внутренних дел, лично сделал мне самые категорические заверения об искренних намерениях правительства противодействовать, насколько от него зависит, всем крупным проявлениям агитации против России, по отношению к которой в переживаемом ею трудном времени Фортис неоднократно выражал мне благожелательные дружелюбные чувства вместе с почтительным с своей стороны преклонением перед государем императором.

Н. Муравьев.

№ 25. Депеша посланника в Румынии на имя директора первого департамента мин. ин. дел Гартвига.

Бухарест. 14 (27) января 1906 г. № 88.

Секретно.

Милостивый государь
Николай Генрихович!

В ответ на секретную телеграмму Вашего превосходительства от 4 сего января касательно английского парохода «Горсемора» считаю долгом уведомить Вас, милостивый государь, что префект полиции г. Бухареста, заведующий тайной полицией королевства, сообщил мне, что по сведениям, полученным Констанцским портом, пароход «Горсемор» вышел из Антверпена 20 сего января нового стиля, направляясь в Ливерпуль, и что в Констанце он ожидается через 30 или 35 дней.

При этом князь Мурузи присовокупил, что им дано строжайшее предписание сделать самый тщательный осмотр грузу, который будет выгружен в Констанце или каком-либо другом из портов королевства.

Не ручаясь вполне за достоверность сделанного мне префектом сообщения, считаю долгом присовокупить, что мною даны надлежащие предписания вице-консулам нашим в Сулине и Констанце о своевременном уведомлении меня о прибытии парохода «Горсемор» в один из этих портов.

Гирс.

№ 26. Выписка из секретной депеши д. т. с. Муравьева, посла в Риме.

Рим. 24 января (6 февраля) 1906 г. № 1.

В дополнение к моей шифрованной телеграмме от 10/23 января с. г. имею честь сообщить Вашему сиятельству, что по почину, исходившему из международного социалистического комитета в Брюсселе, 9/22 сего января, в годовщину петербургских беспорядков, по всей Италии, в больших и многих маленьких городах социалистами были устроены манифестации для выражения как сочувствия русской революции и лицам, за нее пострадавшим, так и негодования против правительственных мероприятий к ее подавлению. Этому предшествовала сильная пропаганда в крайней печати и обширное распространение всевозможных объявлений и приглашений к участию в манифестациях. Самые же манифестации, о часе и месте которых заблаговременно оповещалось в газетах, должны были состоять из публичных шествий, собраний или митингов с речами и резолюциями. Правительство заранее приняло по этому поводу довольно строгие меры; отчасти благодаря им, широко задуманные демонстрации большею частью не удались

и быстро прекращались, лишь местами — и, между прочим, в Риме — перейдя в уличное буйство и столкновение толпы с властями. Полиции было приказано не допускать шествий с красными флагами и разгонять скопища, уже успевшие образоваться, а собрания немедленно закрывать при произнесении в них особенно возмутительных воззваний. Распоряжение это исполнялось в различных местностях с неодинаковой энергией и настойчивостью, но почти повсюду манифестанты, состоявшие из немногих крайних радикалов и республиканцев, известных анархистов и социалистов, молодежи, рабочих и всякого сброда, встретились с более или менее упорным и искусным противодействием администрации, полиции и войска. Во всяком случае было очевидно, что правительство, хотя и вынужденное считаться с существующими гарантиями гражданской и личной свободы и многообразными политическими и парламентскими течениями, все-таки не расположено ни потакать шумным демонстрациям «pro Russia», как их тут называют, ни терпеть явные нарушения общественного порядка. Хуже всего, однако, обошлось дело в самом Риме, где сначала были приняты весьма серьезные меры предосторожности и охраны, а в последнюю минуту, из опасения еще бóльших беспорядков, среди огромного сборища черни был дозволен первоначально запрещенный митинг, вследствие чего потом пришлось уже силою рассеять при выходе многочисленных демонстрантов, ободренных таким послаблением. Собрание в несколько тысяч человек состоялось в так называемом «Orto Botanica», близ Колизея, при чем зажигательные речи произнесли, при оглушительных аплодисментах, социалистический депутат Кабрини и его жена. Была постановлена и довольно туманная резолюция, из которой можно лишь вывести, что римский пролетариат заявляет о своем деятельном сочувствии революционной России и что если с нею вступят в борьбу европейские реакционные силы, то он окажет им сопротивление. По окончании собрания толпа двинулась по разным направлениям к центру города, но была встречена полициею, карабинерами и войсками. Этим последним было запрещено действовать оружием, вследствие чего им оставалось лишь пассивно выносить дерзкие оскорбления. При этом ранено и ушиблено палками и камнями около 50 человек военных и полицейских чинов, в том числе несколько офицеров. Во время своего напора толпа напала на вагон электрического трамвая, продолжавшего работать, и избила кондукторов. Беспорядки, начавшиеся после 2 часов дня, к шести-семи часам вечера прекратились, и порядок был восстановлен. Много манифестантов и буянов, преимущественно люди без определенных занятий, так называемые «terpisti», было задержано и предано суду, который их уже приговорил к сравнительно небольшим срокам заключения.

Муравьев.

№ 27. Отношение департамента полиции.

21 апреля (4 мая) 1906 г. № 6104.

Секретно.

В первый департамент министерства иностранных дел.

Препровождая при сем копию воспроизведенного на гектографе, адресованного на имя родственников казненного государственного преступника бывшего лейтенанта Петра Петровича Шмидта заявления, подписанного двадцатью восемью состоящими на военной службе турецкого правительства лицами, сочувственно относящимися к деяниям вышеупомянутого государственного преступника, департамент полиции имеет честь покорнейше просить первый департамент министерства иностранных дел, не будет ли признано возможным о 28 офицерах, подписавших означенное заявление, поставить в известность оттоманское правительство и о последующем не отказать уведомить.

Директор *Э. Вуич.*

За заведующего отделом *Васильев.*

Копия обращения.

Гражданам Анне Петровне Избаш и Евгению Петровичу Шмидту.

Великий русский народ должен сказать свое последнее слово. Оно грозным эхом пронесется по всему свету. Свершилось неслыханное преступление. Доблестный лейтенант Петр Петрович Шмидт казнен. Ему «повешение» заменено «расстрелом», за неимением специалиста палача. Своим злодеянием Чухнин увековечил свое имя, так как брат ваш и отец обессмертил себя.

Полные негодования, мы, нижеподписавшиеся офицеры армии и флота оттоманской империи, собравшиеся в количестве 28 человек, приветствуем отныне знаменитых граждан г-жу Избаш и Евгения Петровича Шмидта и шлем вам с берегов Босфора наше глубочайшее почтение. Да будет вам утешением наша искренняя любовь к погибшему борцу и его доблестным товарищам Сергею Частнику, Александру Гладкову и Никите Антоненко, принявшим мученическую смерть во имя счастья своей родины. В наших сердцах лейтенант всегда останется великим борцом и страдальцем за права человека. Он будет учителем нашему потомству.

Мы знаем, как велико ваше горе и как ничтожны наши утешения. Но мы все-таки надеемся, что наше, хотя и ничтожное, участие прибавит к тому общему, которое выразит вся честная Россия.

Наш брат Евгений Петрович, наша сестра Анна Петровна, знайте, что речь лейтенанта Шмидта, произнесенная им над трупами борцов

в Севастополе, уже разнеслась по всем закоулкам нашей империи, как и каждое произнесенное им слово.

Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, клянемся его дорогим для нас трупом вместе с русским народом, что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло не мало наших лучших граждан. Мы клянемся еще и в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески.

Большинство из нас — уроженцы Кавказа, и во имя любви к нашей покинутой родине мы протестуем против смертной казни, которая позором легла на всю Россию. Мы шлем свое презрение тем офицерам, которые под защитой штыков истязали и расстреливали безоружных и ни в чем неповинных граждан. Презрение свое мы распространяем и на тех офицеров, которые под видом верности престолу и отечеству убивали и избивали на улицах беззащитный народ. Потерявшие всякое понятие о долге и чести офицеры эти опозорили себя на весь мир. Возмущенные поведением Семеновцев, донских и других казаков, мы устно и печатно будем рассказывать своим единоверцам об их «великих подвигах». Доблестная русская армия должна их выкинуть из своих рядов. Когда-то европейская печать возмущалась зверством башибузуков в Болгарии, но мы думаем, что русские казаки, и в особенности донские, как их представитель сотник Аврамов, более преступны, потому что убивали своих же братьев христиан, не разбирая ни пола, ни возраста.

Верьте, дорогие друзья Евгений Петрович и Анна Петровна, что лейтенант Шмидт никогда не умрет в наших сердцах, и слава о нем, как он погиб за свою родину, перейдет из рода в род.

Вместе с русским народом мы присоединяем свой крик: «Долой смертную казнь». «Да здравствует гражданская свобода».

1. Али-эффенди (поручик — черкес).
2. Риза-бей (лейтенант — лаз).
3. Ахмет-эффенди (капитан — грузин).
4. Осман-бей (полковник — турок).
5. Гассен-бей (командир крейсера — черкес).
6. Сулейман-бей (майор — черкес).
7. Али-бей (подпоручик — курд).
8. Магомет-эффенди (командир миноноски — турок).
9. Камди-бей (поручик — турок).
10. Маид-бей (подпоручик — албанец).
11. Фуад-бей (капитан — черкес).
12. Хаджи-бей (лейтенант — турок).
13. Мазар-эффенди (бывший камергер — араб).
14. Бешир-бей (подпоручик гвардии — черкес).
15. Инвер-бей (капитан — турок).

16. Муслин-бей (поручик генерального штаба — лаз, из фамилии князей Тавгеридзе, племянник знаменитых генералов-разбойников Бохри-паши и Али-паши).
17. Джелал-бей (лейтенант — черкес, окончивший Ставропольскую гимназию на Кавказе).
18. Искандер-эффенди (жандарм-поручик — черкес, самый знаменитый деятель в революционном движении).
19. Махмуд-бей (переводчик из Ильдиз-Киоска — турок).
20. Тахсим-эффенди (корабельный врач — черкес).
21. Извед-бей (воспитатель в кадетском корпусе, капитан — черкес).
22. Митхат-бей (преподаватель математики в юнкерском училище, подполковник — черкес).
23. Сафар-эффенди (помощник начальника тюрьмы, поручик—албанец),
24. Киамиль-бей (один из адъютантов военного министра, поручик — черкес).
25. Сефир-эффенди (эскадронный командир — курд).
26. Измаил-эффенди (лейтенант — грузин).
27. Тевфик-бей (дежурный офицер при арсенале, капитан — черкес).
28. Магомет Исламович Схагташе (Мате-бей), чиновник министерства народного просвещения — черкес.

Гражданка Анна Петровна!

Прошу список этот тщательно сохранить, ибо подписавших ждет тяжелая кара, если их обнаружите. Они все готовы умереть за святое дело. Протест этот послан в «Русь» и «Путь». Привет Евгению Петровичу. Ваш истинный друг Мамет-бей.

Прошу Вас, гражданка, не упоминать также, через кого мы узнали о Вашем адресе; тот человек, с которым Вы беседовали два раза — вечером и днем перед отъездом — нам очень полезный человек, он за это у нас приговорен к смертной казни. Самое лучшее, если Вы зачеркнете внизу имена подписавшихся. Будьте здоровы — да хранит Вас судьба.

№ 28. Письмо посла в Лондоне гр. Бенкендорфа.

Лондон. 28 сентября (11 октября) 1906 г.

В дополнение к сообщениям, сделанным мною императорскому министерству по поводу английского общественного мнения и той позиции, которую заняла пресса в вопросе о депутации для передачи адреса председателю последней Думы, я должен указать на поворот, который, правда, еще только намечается, но все же уже достаточно ясен, чтобы быть отмеченным. Это — возрастающая здесь популярность личности нашего председателя совета министров.

Что симпатии Англии на стороне либеральных реформ в России — это, несомненно, так сказать, естественно. С начала наших смут все

английские суждения о наших государственных людях основывались на этих симпатиях. Но вместе с тем, однако, — чему способствовали анархистские выступления — отношения к событиям начали давно мало-по-малу изменяться, становясь более спокойными и глубокими. Точка зрения, в сущности, не изменилась, но конкретные суждения стали уже иными.

Вне сомнения, что Столыпин, благодаря своей политике, явной по своей прямоте и ясности своих намерений, — поскольку они известны — умеет, как никто из его предшественников, использовать благоприятную обстановку.

Все это ясно отражается в прессе. Если некоторые наиболее радикальные органы, как «La Tribune» и, на-днях, «Daily News» еще выступают при случае с резкими нападками на наше правительство, то это становится все реже и реже. На-днях по поводу телеграммы из Петербурга, сообщающей, как о совершившемся факте, об обручении великого князя Михаила с принцессой Patricia de Connaught, «Daily News», воспользовавшись этим случаем, позволил себе ядовитый выпад против так называемого «Parti des Grands Ducs». Но эта статья, сколько мне известно, не нашла себе подражания и осталась единственной.

В противовес можно указать статьи, напр., в «Contemporary Review» о наших делах и деятельности председателя совета, а следовательно, правительства; или только что появившуюся статью «Times», подготовленную всеми предыдущими. Эти явления — совершенно новые и, являясь результатом естественной эволюции, заслуживающие, несомненно, известного внимания, так как указывают, что в Англии начинают проникаться доверием к нашему теперешнему правительству. Явление не маловажное.

Считаю долгом отметить все эти соображения, особенно в связи с различными неожиданностями, как в данном случае, с организацией депутации, являющейся следствием интриги, делом рук — как доказывают недавние суждения и факты — немногих мечтателей и опасных безумцев, к которым присоединились крайние элементы «Labour Party», а это вещь, способная ввести в заблуждение русское общественное мнение насчет английского, каким мне оно рисуется. За эти дни я имел немало случаев отдать себе в этом ясный отчет.

А. Бенкендорф.

Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 года.

Ниже печатаются два рапорта Николаю Романову (от 3/XI—1904 г. и 9/I—1905 г.) флигель-адъютанта В. Н. Шебеко, «состоявшего при особе Вильгельма II» с октября 1904 года по ноябрь 1905 года, и письмо Вильгельма II матери Николая Романова, имп. Марии Федоровне, от 19/6 февраля 1905 г. Ценность рапортов Шебеко заключается, с одной стороны, в почти стенографической точности воспроизведения бесед его с Вильгельмом о событиях русско-японской войны и начавшейся революции, с другой стороны, — в той доверительной откровенности, с какой Вильгельм высказывался о России в беседах с этим русским флигель-адъютантом. Дело в том, что Шебеко занимал при германском дворе исключительное положение, аналогичное тому, какое занимал тогда в Петербурге германский военный атташе граф Ламсдорф. При назначении последнего Вильгельм писал Николаю Романову: «я дал ему инструкции, чтоб он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом ты можешь доверить ему какое угодно поручение, запрос, письмо и т. д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время этих серьезных событий ты мог, в случае надобности, возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий, посольств и т. д.» [1]). Николай согласился и выбрал для прикомандирования к особе Вильгельма флиг.-адъютанта Шебеко, которому довелось быть рупором Вильгельма в критические месяцы русско-японской войны и революции, использованные германским императором для подготовки пресловутого договора в Бьорке. Правда, этот период в значительной степени освещен опубликованной Центрархивом перепиской Вильгельма II с Николаем II, но всеподданнейшие рапорты Шебеко не утратили от этого своей исторической ценности, так как, воспроизводя многое из имеющегося в письмах Вильгельма, они дают ряд новых любопытных данных из истории искусной обработки Николая его «кузеном».

Что касается печатаемого здесь же письма Вильгельма к б. имп. Марии Федоровне, написанного под непосредственным впечатлением известия об убийстве в Москве вел. кн. Сергея Александровича, то оно также представляет значительный интерес как дополнение к обширному письму Вильгельма II Николаю Романову от 21/8 февраля 1905 г. [2]). Подлинники печатаемых документов хранятся во II отд. Госархива РСФСР. Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями А. А. Сергеев.

---

[1]) Центрархив. Переписка Вильгельма II с Николаем II. Москва. 1923, стр. 63.

[2]) Там же, стр. 94—102.

I.

15 ноября 1904 г. [1])

Его императорскому величеству

состоящего при особе императора германского, короля прусского, Вильгельма II, флигель-адъютанта полковника Шебеко

Рапорт.

Всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что со времени назначения меня состоять при особе императора германского я уже три раза был приглашен на официальные церемонии, на коих не присутствовали мои коллеги — военные представители других держав.

В первый раз я присутствовал на открытии бронзовых групп на охотничьи сюжеты в берлинском Тиргартене, при чем император и его свита и даже молодая принцесса прусская Виктория-Луиза [2]) были в охотничьих костюмах-мундирах.

О речах, обращенных императором к новобранцам в Потсдаме и Берлине.

Во второй раз я был приглашен в Потсдам на церемонию принесения присяги новобранцами потсдамского гарнизона; кроме меня, никаких иностранцев при этом не было. В обращенной к молодым солдатам речи император, между прочим, сказал, что важность присяги, приносимой именно в этом году, значительно превосходит таковую минувших годов, так как вследствие возгоревшейся на Дальнем Востоке большой войны наступает такое время, что поступающим ныне на службу солдатам может приттись на деле доказать свою верность королю и воинскому делу. Эта речь императора не была опубликована в газетах. Через два дня в Берлине, при присягании новобранцев берлинского гарнизона, в присутствии всех военных агентов, император также держал молодым солдатам

---

[1]) Эта дата написана рукою Николая Романова синим карандашом. Ниже знак ·/., которой он обычно ставил на прочитанных бумагах.

[2]) Дочь Вильгельма II.

речь, при чем, говоря в обычных выражениях о значении присяги, он прибавил, что в настоящее время происходит война, в которой и с одной и с другой стороны солдаты одинаково проявляют чудеса мужества и самоотвержения: такого же понятия о воинском долге требует он и от своих солдат. По окончании церемонии император завтракал в офицерском собрании гвардейского гренадерского Александровского Вашего императорского величества полка и провозгласил первый тост за августейшего шефа полка, прослушав затем, стоя, русский национальный гимн.

Изложение сущности политического разговора с императором.

Наконец, в третий раз, в ряду лиц свиты императора я вчера присутствовал в Потсдаме на встрече великого герцога и великой герцогини Мекленбург-Стрелицких и на последовавшем затем завтраке в честь их высочеств. Тотчас после завтрака император подошел ко мне и начал разговор, который кончился только, когда к нему подошла великая герцогиня со словами: «Wilhelm, ich glaube, wir müssen schon fort» [1]).

Благоприятный поворот в ходе дел на театре войны.

Начав с воспоминаний о вновь назначенном командире X арм. корпуса, генерале Церпицком, как о бывшем командире Выборгского полка, и по этому поводу о блестящей деятельности этого полка и его командира, полковника Зайончковского [2]), выручившего по личной своей инициативе отряд генерала Мищенки [3]) из тяжелого положения в бою у реки Сахэ, император перешел на положение дел на театре войны и признал настоящее положение благоприятным: силы и удаль японцев заметно слабеют, потери их под Порт-Артуром, по донесениям «его агентов», превосходят 50 тыс. человек, источники пополнения иссякают, мужественное и упорное сопротивление слабейших численностью русских войск совершенно не предвиделось японцами, и не подлежит сомнению, что уже теперь Япония подготовляет почву для посредничества соединенных Франции и Англии с целью «прекращения кровопролития» тотчас после падения Порт-Артура. Император убежден, что если только нервы генерал-адъютанта Стесселя [4]) не ослабнут, крепость продержится еще долгое время, хотя бы число защитников и еще значительно убавилось: собственно крепостная ограда вся еще в наших руках, и все так называемые «форты», коими овладевают японцы, оказываются лишь передовыми укреплениями.

---

[1]) «Вильгельм, я думаю, что нам уже пора уходить».

[2]) Зайончковский, Андрей Мед., в 1904—1905 г.г. командовал 85 пех. Выборг. п., шефом которого был Вильгельм II с 6 мая 1884 г. Полк участвовал в боях под Ляояном, Мукденом и на р. Шахэ (Сахэ).

[3]) Мищенко, Пав. Ив., ген.-лейт., ген.-адъют., начальник Уральско-Забайк. казачьего сводного дивизиона, сост. в распоряжении главнокомандующего.

[4]) Стессель, Анат. Мих., ген.-лейт., комендант Порт-Артура, сдал его японцам в конце декабря 1904 г.

Несвоевременность переговоров о мире и посредничестве.

Но хотя бы крепость и пала — заключение мира теперь же является слишком очевидною выгодою для явных и тайных врагов России. Хотя император и писал об этом лично Вашему величеству, но он желает еще раз настоять на этом пункте. На этих днях sir Frank Lascelles (английский посол в Берлине) перед отъездом в отпуск спрашивал императора, сколько времени, по его мнению, продолжится еще война. «А, может быть, еще два — три года», — ответил император; посол даже побледнел и стал говорить о гуманности, цивилизации и т. д. «А вы думали, что Россия так и успокоится, не одержав еще ни одного осязательного успеха? Да она еще даже не воспользовалась обеспеченностью своего тыла, т.-е. западной границей империи; нет, Вы еще подождите: вот она сосредоточит еще несколько сот тысяч человек, сотрет с лица земли японскую армию, да тогда заговорит о мире». С таким мало-утешительным для него заключением посол и уехал в Англию.

Охлаждение между императором и королем Эдуардом.

Вообще в Англии императором, по его собственным словам, теперь очень недовольны: без его ведома король составил план женить кронпринца на принцессе Connaught, в надежде таким путем впоследствии влиять на политику Германии; весною этого года кронпринц получил приглашение на охоту в Англии от короля Эдуарда, о чем император ничего не знал; но когда принц стал просить разрешения ехать, он тотчас догадался, в чем дело, и предложил ему сперва побывать в Шверине: там он быстро воспламенился, и все устроилось к лучшему [1]); потом он уж сам не захотел ехать в Англию; но гнев короля по этому поводу достиг таких пределов, что в день рождения германской императрицы (9/22 минувшего октября) не было получено ни одной поздравительной телеграммы от английской королевской фамилии! — Говоря об Англии, император со свойственною ему резкостью выражений отзывался о деятельности в Лондоне русского посла графа А. К. Бенкендорфа, признавая ее весьма неудовлетворительной и прибавляя, что, по его мнению, опасно вверять очень ответственные должности католикам, так как у них государственные интересы родины всегда остаются на втором плане.

О происшествии с эскадрою адмирала Рожественского и английскими рыбаками.

Далее император высказывал предположение, что после первой серьезной неудачи Японии Англия от нее отвернется; да и симпатии Японии к Англии заметно слабеют: она ожидала от союзницы более действительной помощи и затеяла всю историю у Doggers Bank [2]) с главной целью вовлечь в войну и Англию, так как убедилась, что собственных сил стало нехватать. Адмирал Рожественский иначе не мог

---

[1]) Кронпринц Вильгельм — женился в 1905 г. на принцессе Мекленбург-Шверинской, Цецилии.

[2]) В октябре 1904 г. эскадра адмирала З. П. Рожественского, отправленная на выручку Порт-Артура, обстреляла в Северном море, у Доггер-Банка, рыболовные суда гулльских рыбаков, приняв их за японские миноносцы. Этот инцидент

и не должен был поступать; виденные с его судов миноносцы должны, безусловно, быть английского происхождения, так как они были четырехтрубными; очень вероятно, что это те же суда, которые несколько времени тому назад были предлагаемы русскому правительству, отказавшемуся от приобретения вследствие недостаточной их величины: ведь, они затем бесследно исчезли. Может быть, даже они японцами и не были куплены, а только взяты для пробного плавания и для наведения русского огня на английских рыбаков. А Франция с самого начала действовала не так, как подобает верному союзнику; ей следовало тотчас по выходе русской эскадры из датских вод принять ее под свое покровительство и линиею своих судов охранять нарушенный фланг, и, таким образом, провести эскадру мимо английских берегов; в случае же какого-либо протеста смело и открыто заявить, что считает своим долгом оберегать флот союзной державы в черте своих вод. Но чего же ожидать от «купленного англичанами» Delcassé? [1]). Он душою стоит за Англию и теперь в сообществе с нею и с Италиею занят проведением своей политики в Македонии и вообще на Балканах, всеми силами противодействуя осуществлению Мюрцштегских реформ [2]) и возобновляя политическую комбинацию времен Крымской войны.

Планы Англии в Афганистане и значение индийской границы.

Тем временем Англия, покончив с Тибетом, готовит подобного же рода экспедицию в Афганистан [3]), начав с умерщвления единственного состоявшего на службе эмира немца, управлявшего там оружейным заводом; по пути в Пешавер немец исчез: конечно, он оказался убитым разбойниками, но за разбойниками известно кто скрывается.

Экспедиция в Афганистан будет иметь последствия более важные, чем тибетская, которая, между прочим, принуждена была ограничиться не блестящими результатами: китайская императрица потребовала изменений в договоре, а последний даже не был скреплен китайским амбанем.—Через Афганистан же дорога открыта и в Персию;

едва не привел Россию к войне с Англией. Расследование этого происшествия было передано в международную следственную комиссию, заседавшую в Париже в феврале 1905 г. Согласно решения этой комиссии русское правительство должно было уплатить пострадавшим английским рыбакам 65,000 фунтов стерлингов.

[1]) Французский министр иностр. дел (1898—1905 г.).

[2]) 20 сент. (3 окт.) 1903 г. Николай Романов и австр. имп. Франц-Иосиф заключили в Мюрцштегском охотничьем замке соглашение по вопросу о введении реформ в Монастырском, Коссовском и Салоникском вилайетах Македонии, при сохранении status quo на Балканах. Сущность этих реформ заключалась в организации контроля и наблюдения в этих трех вилайетах через двух назначенных Россией и Австрией гражданских агентов в помощь генерал-инспектору Македонии и в организации жандармерии при помощи великих держав. Комбинация времен Крымской войны — «союз Франции, Англии и Италии».

[3]) В начале декабря 1904 г. вице-король Индии лорд Керзон отправил к афганскому эмиру дипломатическую миссию, которая, пробыв в Кабуле около 4 месяцев, 21 марта 1905 г. заключила с эмиром соглашение, по которому индийское правительство возобновило уплату субсидии афганскому эмиру, а последний подтвердил все прежние обязательства Афганистана по отношению к Индии.

а между тем именно здесь и только здесь свободен для России доступ к истинно теплому и открытому морю. Беда, если англичане укрепятся в Афганистане: единственный действительно чувствительный пункт Англии, это — граница Индии, и, «не будь великодушного письма его величества к покойной королеве Виктории, Индия могла бы теперь быть русскою провинциею, и тогда нынешней войны, конечно бы, не было. Едва ли такой удобный случай скоро опять представится».

О присутствии великих князей в действующих войсках.

В заключение император выразил удивление, что великий князь Николай Николаевич не принимает на себя командования всею конницею действующих в Манчжурии армий: и он, император, и все военные люди, его окружающие, этого ожидали и надеялись увидеть применение на практике блестящих дарований великого князя как кавалерийского генерала; конечно, командование армиею было бы рискованно вверять человеку, неопытному в вождении пехотных масс; впрочем, к удивлению императора, его высочество в разговоре с принцем Генрихом [1]), после крестин наследника цесаревича, не высказывал большого желания ехать на театр войны. Вообще император полагает, что присутствие среди действующих войск великих князей, под условием полного подчинения их высочеств главнокомандующему во всех отношениях, имело бы благодетельное влияние и на войска и на народные массы, обнаруживая участие царствующего дома в народных испытаниях. «Я б своих принцев непременно отправил в армию, если бы пришлось вести подобную войну; мои сыновья меня очень порадовали, прося назначить их в состав экспедиционного корпуса в юго-западной Африке (для подавления восстания племен гереро), даже младшие, которые еще учатся в Plön; но, конечно, там, среди черных дикарей, им не место».

Все вышеизложенное составляет точную передачу, без каких-либо комментарий, мыслей, высказанных мне вчера императором, и я осмелился воспользоваться данным мне Вашим императорским величеством милостивым разрешением доносить о подобных разговорах непосредственно, так как не все здесь изложенное удобно представлять на предварительное прочтение третьих лиц. Притом и флигель-адъютант граф Ламсдорф [2]) доставляет свои рапорты непосредственно императору Вильгельму. В главный же штаб я доношу лишь выдержки из сего рапорта, не касающиеся отдельных личностей.

Флигель-адъютант полковник *Шебеко*.

№ 286. 3 [3]) ноября 1904 г.
Гор. Берлин.

---

[1]) Альберт-Вильгельм-Генрих, брат Вильгельма II, главный начальник германского флота, на крестинах наследника Алексея, 11 августа 1904 г., замещал Вильгельма, приглашенного Николаем Романовым в крестные отцы его сына.

[2]) Личный адъютант Вильгельма II, прикомандированный к особе Николая Романова.

[3]) Так в оригинале.

II.

Его императорскому величеству

состоящего при особе императора германского, короля прусского, Вильгельма II, флигель-адъютанта полковника Шебеко

Рапорт.

Вашему императорскому величеству долгом считаю всеподданнейше безотлагательно донести о сущности сказанного мне сего числа императором Вильгельмом при моем представлении по случаю возвращения в Берлин. Император показался мне весьма озабоченным, и ближайшие его приближенные говорили мне, что происходящие в России события сильно влияют на нравственное состояние его величества.

В ответ на сообщение мною поручений Вашего величества, относительно удовлетворения установившимися отношениями и желания поддерживать их и впредь, император с грустной улыбкой и глубоким вздохом сказал: «Как я был бы рад помочь, чем могу, государю: все мои стремления к этому направлены, но что же я могу делать, если все мои советы остаются без последствий? По моим впечатлениям, подтверждающимся получаемыми мною сведениями, положение дел в России становится серьезным, что может весьма неблагоприятно отразиться на военных операциях в Манчжурии. В настоящее время остановить дальнейшие успехи элементов беспорядка и анархии можно только самыми энергичными действиями и притом обставив их подходящею торжественностью. Сохрани бог от какой-либо уступки бунтующей черни: малейший шаг в этом направлении должен иметь гибельные последствия, и, кроме того, вести одновременно два таких сложных дела, как большую войну и реформы внутреннего управления и всего государственного строя — положительно невозможно. Одинаково невозможно кончить войну с Японией, не одержав очень существенных успехов; следовательно, приходится отложить всякую мысль о внутренних реформах, хотя бы и признавалась некоторая потребность в таковых. Но, придя к такому бесповоротному решению, необходимо объявить о нем во всеуслышание, чтобы положить конец всяким толкам и прекратить всякие местные попытки влиять на общегосударственную политику. Наиболее подходящим местом для объявления столь важного решения может быть только Москва, появление в коей царя придаст каждому его слову священную торжественность, производящую огромное впечатление на массы: а, как достоверно известно, массы беззаветно преданы его величеству и только ждут его слова, чтобы следовать его указаниям. Поэтому государь одним бы ударом умиротворил бушующие страсти, успокоил все сомнения и в то же время обеспечил бы себе общее сочувствие и общественную помощь для успешного окончания войны, если бы, окружив себя возможно более блестящею свитой из

лиц высшего духовенства, дворянства и приближенных, он поехал в Москву и там, собрав благомыслящих представителей всех сословий, объявил торжественную декларацию в том смысле, что в настоящее время отечество ведет большую войну, от исхода коей зависит вся его будущность: безусловная победа над врагом является не только желательною, но насущною необходимостью для дальнейшего благополучного существования России; в такой критический период истории государства все помыслы и все усилия каждого русского, от царя и до последнего его подданного, должны быть всецело направлены к этой единственной, непосредственной цели, к победе над врагом; всякие другие заботы теперь несвоевременны, тем более столь сложные, как внутренние преобразования; а посему такова его царская воля, чтобы отныне прекратились всякие обсуждения вопросов внутренней политики; до благополучного окончания войны никаких существенных реформ произведено быть не может, и всякая попытка в этом направлении людей или обществ, к тому не призванных, явится противодействием высочайшим предначертаниям и, как таковое, будет неумолимо преследоваться, при чем само общество должно притти на помощь своему государю, стремящемуся единственно к благу России, и тушить в зачатке всякие подобные попытки. По окончании же войны, собрав совет людей, облеченных высочайшим доверием, будут обсуждены вопросы о внутреннем благоустроении, и приняты будут меры, кои его величеством признаны будут полезными для блага любезного ему народа.

Подобная энергично произнесенная речь должна, по мнению императора, неминуемо иметь самые благие последствия: в народе явится уверенность в спокойном будущем — собственно другого ничего и не требуют массы,—и одновременно потекут новые приношения на военные надобности и [проявится] тот подъем народного духа, который является лучшим залогом успешной борьбы с внешним врагом. В конечном же успехе этой борьбы император ни минуты не сомневается: подкрепив адмирала Рожественского чем только возможно, ему бы можно предложить произвести высадку в каком-либо совершенно неожиданном пункте неприятельской территории и устроить себе таким путем собственную базу; тем временем энергично наступать в Манчжурии: уже одна обрисовка решительных намерений и умелого их исполнения даст великолепную почву для достойного России окончания войны. Англии же, по мнению императора, не следует опасаться: его величество говорил, что большою ошибкою (он выразился гораздо энергичнее) министра иностранных дел и нашего посла в Лондоне было запугивание призраком неминуемого открытия в тех или других случаях Англиею военных действий против России; такой опасности никогда не существовало, не было ее и в самый критический период гуллъского инцидента, не будет ее и впредь: из 7 миллиардов, потраченных Англиею в Трансваале, она не вернула себе еще и одного миллиона: при таких условиях она войны вести не может и не будет, и если бы были двинуты в начале нынешней войны два корпуса к границе Индии, помощь Англии

Японии была бы много менее явною, не было бы ни тибетского, ни последнего афганского договора. К глубокому сожалению, — говорил император, — граф Ламсдорф совершенно загипнотизирован Delcassé, который несравненно старательнее соблюдает английские интересы, чем свои французские, и совместно с Англиею стремится посеять недоверие между Россиею и Германиею: было бы очень печально, — прибавил император, — если бы ему это удалось.

Ваше императорское величество, я, конечно, в этом донесении являюсь только верным передатчиком высказанных мне мыслей императора Вильгельма и не позволил себе и тени собственных умозаключений, но как верный передатчик я обязан все повторить, что было мне сказано: император энергично предостерегал от вверения внутреннего переустройства России человеку, подобному статс-секретарю Витте [1]), по его мнению, весьма опасному, памятующему нанесенные его самолюбию уколы и не воодушевленному старыми дворянскими традициями и принципами, которые в других случаях обеспечивают от скрытых стремлений или намерений, пагубных в ближайших советниках трона. По высказанному мне его величеством убеждению, конечные его цели, если даже они, по его понятиям, и не идут в разрез с интересами России, все же они ни в чем не могут согласоваться с видами и желаниями Вашего императорского величества.

Флигель-адъютант полковник Шебеко.

№ 9. 9 января 1905.
Гор. Берлин.

III.

Берлин. 19 II—1905 [2]).

Дорогая кузина!

Извини меня, что я отнимаю у тебя время этими строками, но ужасные известия из Москвы [3]) заставляют меня взяться за перо. Как верный друг твоего милого сына и его семьи я, естественно, слежу с напряженным вниманием за развитием событий в России, особенно поскольку они касаются лично его и его близких и могут иметь благоприятные или неблагоприятные последствия для царствующего дома. Прими поэтому эти строки, как результат размышлений преданного наблюдателя, который, смотря на вещи издали, воспринимает их, может быть, не столь точно, но зато с большей объективностью, нежели тот, кто находится под непосредственным влиянием событий.

---

[1]) Витте, Сергей Юльевич, в 1904—1905 г. был председателем комитета министров.

[2]) Оригинал на немецком языке.

[3]) 4 февраля 1905 г. был убит в Москве соц.-рев. Каляевым вел. кн. Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, дядя Николая Романова, имевший на последнего значительное влияние.

Я в ужасе от московских событий. Какой удар для всего Вашего дома и для бедного Ники! Раз уж мы были с ним добрыми друзьями в хорошие дни, то теперь, в трудное для него время, я, конечно, еще сильнее чувствую себя его добрым товарищем. Рассматривая создавшееся положение, я, конечно, задаю себе вопрос: «что надлежит делать?». Чтобы с уверенностью ответить на этот вопрос, я должен был бы точно учесть и взвесить всю опасность как внутреннего, так и внешнего Вашего положения, — сделать чего я, конечно, не могу. Тем не менее, одно ясно,—что необходимо, чтобы государь лично решился определенно выявить свою монаршую волю, чем он мог бы привлечь к себе внимание народа и воодушевить армию. Поскольку я могу судить — и его страна, и весь мир видели бы спасение в том, чтобы его величество выявил свою личную волю ко всеобщему сведению каким-нибудь решительным энергичным актом. Если бы, кроме того, представилось возможным пообещать народу проведение каких-либо надлежащих реформ — в том именно духе, в каком они предполагались самим государем, чему, к несчастию, воспротивился Витте, это произвело бы решительное и умиротворяющее действие. Само собой разумеется, что здесь необходимо систематическое и постепенное проведение, а отнюдь не «соглашение с мятежниками» (pacte avec l'emeute). Наконец, я спрашиваю себя,—чем мог бы е. в. наиболее у п р о ч и т ь свое положение? Необходимо каким-нибудь а к т о м завоевать себе популярность. Как же сделать это наиболее легким способом? Вступив в более тесные и деятельные отношения с армией. Так это было и так остается для всех стран и во все времена. Я полагаю, конечно, что армия еще в состоянии одержать победу. До сих пор она сражалась геройски. Для того, чтобы подобный акт монаршей воли совершился в надлежащей обстановке, государю следовало бы возвестить свою волю России в Москве, непосредственно из Кремля. Глубоко отразилось то обстоятельство, что в прошлом году священная война не была объявлена с кремлевских стен непосредственно е. в. Теперь, когда вся страна в тревоге и движении, она ждет какого-либо акта от своего монарха. Пусть он обратится к ней из Кремля — он увидит у своих ног Москву и, вероятно, за одно с нею и всю Россию. Вместе с апостолами повторяю слова псалма: «знания наши несовершенны», так как я не знаю России и сужу лишь с общечеловеческой точки зрения, с чувством неизменной любви к е. в., твоему милому сыну, так же, как и ко всем вам.

Прощай, милая кузина, не посетуй на меня за это письмо.

Твой неизменно тебе преданный
кузен *Вильгельм*.

Крестьянское движение 1905 года.

Печатаемая ниже записка составлена департаментом полиции в ноябре 1905 г. для Витте, бывшего тогда председателем совета министров. Она охватывает собою период от начала движения в феврале 1905 года до ноября того же года. Материалом для составления записки послужили подбираемые департаментом полиции донесения губернаторов, начальников губернских жандармских управлений, письма и телеграммы землевладельцев и т. п. Эти материалы сгруппированы по губерниям и по годам революции 1905—1907 г.г. (в настоящее время они подготовлены к печати).

Подлинник печатаемой докладной записки хранится в деле департамента полиции (4 делопроизводство, дело № 2550 за 1905 год «Крестьянские беспорядки», общая переписка).

Записка представляет несомненную ценность как фактическая сводка по крестьянскому революционному движению.

Вряд ли стоит здесь объяснять и вдаваться в критику освещения департаментом полиции движения и объяснений его причин. Записка начинается с очерка «подъема социал-революционной деятельности в России». Так как одной из главных причин движения являлась с точки зрения департамента полиции революционная агитация, то с нее департамент полиции и начинает. Вводная часть ничего абсолютно нового не дает, так как материалы, легшие в его основу, уже использованы в опубликованной работе охранника Спиридовича, почему редакция решила эту часть записки опустить [1]).

Департамент полиции на-ряду с «агитацией» ищет по-своему и экономических причин движения. Однако экономические предпосылки в печатаемой записке нашли лишь слабое отражение. Материалы, на основании которых составлялась записка, дают более богатые сведения о вопиющем грабеже крестьян помещиками. Как раз накануне 1905 года сельско-хозяйственный подъем, вызываемый ростом цен и общими условиями капиталистического развития в России, позволил помещикам перейти в решительное наступление против крестьянства: помещики захватывали земли, которые ранее находились в крестьянском пользовании, сокращали сдачу в аренду, неимоверно поднимали арендную плату, без конца штрафовали крестьян за потравы и т. п.

Что же касается упоминаемых в записке «далеко не желательных отношений между экономической администрацией, с одной стороны, и местными крестьянами и ра-

---

[1]) «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники» (1886—1916 г.г.). (см. гл. V и VI, стр. 85—94, 108—118, 1 изд. П. 1916 г.)

бочими, с другой», что, по мнению департамента полиции, являлось одной из причин крестьянских «беспорядков», то это лишь весьма слабое отображение издевательства администрации имений над крестьянами и имевшей место в действительности революционной ненависти крестьян.

Если действительная борьба крестьянства против гнетущих их остатков крепостничества в деревне и против полукрепостной власти помещика нашла в записке лишь слабое и к тому же кривое отображение, то соответственное кривое отображение нашло и само движение и борьба правительства с ним. В записке нет сведений ни об экзекуциях, ни о массовых порках, которые учинялись карательными отрядами, ни о массовых расстрелах, ни даже об обстреле артиллерийским огнем крестьянских деревень. Между тем, в революцию 1905 года это было обычными приемами оголтелой помещичьей реакции. Все это скрывается под стереотипной фразой прекращения беспорядков «при помощи войск».

Однако, несмотря на все это, записка все же дает довольно полную фактическую сводку революционной борьбы крестьянства против помещиков и помещичьей власти в деревне. Читатель даже при специфически охранном описании событий сумеет из печатаемой записки извлечь нужные ему материалы по крестьянской революции 1905 года.

С. Дубровский.

Докладная записка департамента полиции председателю совета министров С. Ю. Витте.

31 июля и 1 августа сего года, под Москвою, состоялся съезд союза крестьян в целях обсуждения вопросов о правах личности, устройстве нового сельского самоуправления, народном представительстве, аграрном вопросе и пр., а также выработки организаций «всероссийского крестьянского союза»: волостных, уездных и земских. Весною же сего года «крестьянский союз» вошел в состав образовавшегося в Москве «союза союзов», имеющего целью объединить все революционные фракции для совместных действий к достижению общей цели, — изменения существующего в России государственного строя.

Во время происходившего 24 мая в Москве заседания «союза союзов» представителями «крестьянского союза» была выработана особая политическая программа, при чем указано: настоящее бедственное положение крестьян вследствие малоземелья, непосильных поборов и налогов, неграмотности населения и его бесправия не может быть исправлено настоящим чиновничьим государственным управлением, а потому для достижения намеченных благ народа и впредь до уравнения крестьян с остальными сословиями учреждается «всероссийский крестьянский союз» из представителей всех губерний по 5 от каждой, с отделениями на местах: губернское—по 5 человек на уезд и уездное—по 5 человек от волости. Волостной союз состоит из неограниченного числа лиц, все дела в нем решаются большинством голосов. В уездном союзе дела решаются съездом уполномоченных от волостных союзов; губернского союза дела решаются съездом уездных уполномоченных, всероссийского союза — съездом губернских уполномоченных.

Независимо от широкого развития революционной пропаганды, как одного из главных факторов аграрных беспорядков, следует признать, что второю столь же важною причиною таковых являются и экономические условия крестьянской жизни.

При исследовании тех требований, которые крестьяне предъявляли к владельцам имений, оказывалось, что на первом плане стоит везде требование об отводе крестьянам на тех или иных условиях сенокосов или вообще участков, годных для пастьбы лошадей и рогатого скота.

Вторым по своему значению следует поставить требование об отдаче крестьянам в аренду, на возможно менее стеснительных для

них условиях, пахотных участков и притом в том количестве, которое необходимо крестьянам, так как весьма часто крестьяне не имеют достаточной надельной земли и не могут в течение года из своего надела питаться, одеваться, отопиться, иметь мертвый и живой инвентарь, приобретать семена для посева и, наконец, оплатить все подати и повинности: государственные, земские и мирские.

Далее выставляется требование о приеме на экономические работы исключительно местных, а не пришлых, рабочих и увеличение заработной платы. Требование это вызывается тем соображением, что во многих имениях пришлые рабочие принимаются весьма охотно, так как экономии, нанимая значительное число рабочих со стороны, имеют целью обеспечить себя на случай ухода с работ местных рабочих, ибо рабочему, пришедшему на заработки из чужой губернии, иногда издалека, несомненно труднее уйти из экономии, отказавшись по тем или иным основаниям от работы, чем местному крестьянину.

Затем крестьяне настаивают на проверке крестьянских наделов с выкупными актами, указывая на нарушение будто бы помещиками крестьянского владения. Иногда требования этого рода ограничиваются лишь домогательством о предъявлении сельскому обществу копии уставной грамоты.

Из остальных менее важных крестьянских требований можно указать на требование об улучшении пищи для сельских рабочих, о сокращении рабочего дня и об устранении таких существенных неудобств для крестьянского хозяйства, как чересполосица, узость прогонов для скота, огораживание владельцами принадлежащих им прудов, проходящих чрез имения дорог, и т. п.

Наконец, третьей причиной аграрных беспорядков являются в некоторых имениях далеко не желательные отношения между экономическою администрацией, с одной стороны, и местными крестьянами и рабочими, с другой. Так, в некоторых экономиях имели место случаи неправильного расчета рабочих, а именно записи в рабочие книжки последних меньшего против следуемого количества рабочих дней, или же экономии в случае ненастной погоды, препятствовавшей работам, удовлетворяли рабочих не за весь день, а за половину. В некоторых имениях причиною беспорядков являлось озлобление крестьян, вызванное значительными штрафами за случайные потравы помещичьих полей и лугов или крайне грубым отношением служащих в экономии к местным крестьянам.

Кроме изложенных причин возникновения аграрного движения, можно указать вообще на неосведомленность народных масс о тех мероприятиях, которые правительство наметило для улучшения государственного строя, об образовании комиссии по крестьянскому вопросу и пр. При разъяснении крестьянам, что правительство принимает меры к улучшению их положения, сходы давали слово поддерживать порядок. При указанной неосведомленности крестьян проникавшие в крестьянскую среду слухи о происходящих во многих местах

стачках и забастовках, политических убийствах и других беспорядках с особою интенсивностью воспринимались крестьянами и побуждали их к грубому и насильственному способу добиваться улучшения своего благосостояния.

В наиболее широких размерах в текущем году аграрные беспорядки происходили в губерниях: Курской, Орловской, Черниговской, Воронежской, Саратовской, Курляндской, Лифляндской, Харьковской и Херсонской.

В губерниях Курской, Орловской, Черниговской и Воронежской аграрные беспорядки в общих чертах выразились в следующем:

В ночь на 6 февраля крестьяне села Сального и дер. Холзовки, Дмитриевского уезда, Курской губернии, совершили массовую порубку в имении купца Попова, у которого сложились дурные отношения с крестьянами, при чем оказали вооруженное сопротивление чинам полиции, а в ночь на 15 февраля разграбили хутор купца Черничина; с этого времени движение стало разрастаться с поразительною быстротою, при чем нельзя было не усмотреть, что оно шло по заранее выработанному плану. Так, в каждом селении крестьяне с вечера запрягали лошадей и ждали сигнала, который подавался им грабителями в виде пука зажженной соломы. Тогда целое село на подводах с криком и шумом, с ружейными выстрелами бросалось на ближайшую экономию. Таким образом почти одновременно с нападением на хутор купца Черничина совершены поджоги в имениях барона Мейендорфа в селе Прилепах и в урочище Лиски. 18 февраля крестьяне напали на экономию дворянки Мейер, разграбив там хлеб и экономическое имущество, а в ночь на 19—на экономию барона Мейендорфа при селе Дубовицах. Войска в район беспорядков прибыли лишь 20 февраля, а между тем в ночь на это число крестьяне успели произвести нападение на экономию дворянина Мытаревского, на Калиновский и Елисаветовский хутора Шауфуса, а также на винокуренный завод при селе Гламаздине шталмейстера Волкова и на постройки при хуторе Мокреньком, которые подвергнуты были сожжению. В ту же ночь был ограблен хлеб и разное имущество в экономии барона Мейендорфа при Добром Поле. Прибывшие в недостаточном количестве войска не в состоянии были предотвратить дальнейших поджогов и разграблений имений в Дмитриевском уезде, происходивших до 22 февраля, в коих принимало участие свыше 40 сельских обществ. Беспорядки эти и буйства, принявшие стихийный характер, увлекая за собою окрестные селения, перешли уже 19 февраля на смежный Севский уезд, Орловской губернии, при чем оказалось, что в Дмитриевском уезде были за несколько дней разграблены 15 имений и экономий.

В Севском уезде движение это попало на весьма благоприятную почву, так как местные крестьяне значительно менее обеспечены землею и находятся в худших экономических условиях, нежели курские.

19 февраля в Севском уезде произведен был погром имения Погребы при деревне Витиче, затем 20 февраля разграблена экономия Поздны-

шевка, принадлежащая Подлиневу, с поджогом сена, соломы и сельскохозяйственного инвентаря, а на следующий день подвергся разгрому хутор Георгиевский землевладельца Петровского.

Прибывшие войска не могли сразу восстановить порядок, так как передвижение пехоты на подводах во время распутицы происходило весьма медленно. Обстоятельство это дало буйствовавшим крестьянам возможность в ночь на 22 февраля разграбить еще несколько имений и двинуться к Хинелю, где помещается экономия и винокуренный завод Терещенки. По данному сигналу громадная толпа стала громить и поджигать завод, в чем помогали и местные крестьяне. При этом были разбиты все экономические постройки, разграблены хлеб и спирт, а также сожжен завод и прилегающие к нему хутора и экономии. Движение в Севском уезде захватило 16 сел, с населением в 16 тысяч душ. Прибывшие в это время пехотные части были уже распределены по всему уезду и приостановили дальнейшее движение беспорядков, но не могли воспрепятствовать, чтобы толпы крестьян, грабивших Хинель, не перешли в соседний Глуховский уезд, Черниговской губернии.

Описанные беспорядки в Севском уезде повторились также в Дмитриевском и Трубчевском уездах той же Орловской губернии.

В Дмитриевском уезде беспорядки эти выразились главным образом в погроме Долбенкинской экономии великого князя Сергея Александровича, где местное население было крайне неприязненно настроено к этой экономии вследствие чрезвычайно строгой системы штрафов, установленных управляющим имением егермейстером Филатьевым, налагавшим их по разным поводам, особенно же часто за появление крестьянского скота и птиц на лугу возле речки, протекавшей в селении, к которой, однако, не было другого пути. Кроме того, крайне неприятное впечатление произвела на крестьян продажа Филатьевым постороннему лицу земли, расположенной среди селения и необходимой крестьянам для поселения. Ввиду таких отношений и под влиянием сильного опьянения окрестные крестьяне учинили полнейший разгром экономии, сопровождавшийся пожаром, в чем принимали участие крестьяне семи окружных деревень.

Последним, и притом весьма слабым, проявлением крестьянских беспорядков в Орловской губернии было движение, охватившее некоторые сельские общества Трубчевского уезда, при чем жертвою крестьянских беспорядков по преимуществу оказались мелкие экономии, принадлежащие землевладельцам, не сумевшим установить нормальных отношений с местными крестьянами. Беспорядки эти начались 3 марта и с появлением войск прекратились, при чем главною почвою возникновения буйств послужили испытываемые крестьянами в течение года продовольственные затруднения вследствие бывшего перед тем неурожая, а, главным образом, прекращения казенным ведомством лесных работ, дающих обыкновенно населению значительный заработок.

Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии представляются непосредственным продолжением тех бесчинств, которые толпы крестьян произвели в Севском уезде, Орловской губернии. Эти толпы, разгромив Хинельский винокуренный завод и опьянев от разграбленного спирта и водки, бросились в смежную Черниговскую губернию, где 22 февраля в Глуховском уезде сожгли и уничтожили на Михайловском хуторе громадный сахарный завод Терещенки, при чем разграбили имевшийся налицо сахар и разное имущество служащих.

Беспорядки в Воронежской губернии сосредоточились в Бирюченском уезде, в коем крестьяне наименее обеспечены землею по сравнению с другими местностями губернии, и явились отголоском беспорядков в Курской губернии, при чем в данной местности пущен был слух, что будто бы царь просит крестьян притти к нему на помощь и отобрать у помещиков землю. Под влиянием подобного слуха, и желая тем или иным способом приобрести землю, крестьяне села Веселой Бирюченского уезда стали громить некоторые экономии, но принятыми при помощи войск мерами беспорядки эти были быстро подавлены.

В Саратовской губернии наиболее серьезные беспорядки возникли в конце мая текущего года в Петровском, Саратовском и Балашовском уездах, выразившиеся массовыми ночными и явными денными покосами, потравами и поджогами у местных землевладельцев и нападением на чинов полиции. На-ряду с сим в Аткарском уезде начались забастовки сельско-хозяйственных рабочих с насилиями над желающими работать крестьянами, а также сборища в лесах с участием лиц, прибывших из Саратова, при чем были постановлены приговоры о недозволении никому снимать земли у помещиков дороже 10 рублей за десятину.

В первых числах июня подобные же беспорядки возникли в селе Турках Балашовского уезда, при чем в означенном уезде проявилась усиленная пропаганда к склонению крестьян составлять приговоры о ходатайствах об отнятии земли у помещиков и проведении радикальной политической программы. Затем в Аткарском уезде крестьяне в нескольких волостях завладели покосами помещиков, выезжая ночью с оружием в руках на луга и пастбища и совершая насилия над служащими, а в Сердобском уезде произошли открытые беспорядки в селах Пяше и Борках, где буйствовавшие крестьяне пытались разграбить винную лавку и успели учинить поджоги у некоторых соседних помещиков.

В Петровском уезде крестьяне завладели лугами в имении земского начальника Кожина и приступили к рубке леса, в Саратовском же произвели несколько поджогов имений.

Хотя при помощи войск беспорядки и были временно прекращены, тем не менее таковые возобновились в ночь на 27 июня в селах Биклей и Григорьевке Саратовского уезда. При этом буйствовавшие крестьяне сожгли дом и постройки в экономии Киндякова, а оставшийся хлеб и инвентарь разграбили; одновременно с сим сожжена соседняя экономия Ховена, где имущество также было разграблено.

Самовольные действия крестьян по захвату владельческого хлеба происходили также в июле сего года в Аткарском уезде, в деревне Медведевке, с полей графини Воронцовой-Дашковой, и в Балашовском уезде, в селе Михайловке, где крестьяне увезли хлеб с полей княгини Гагариной, а также и в имении Петрово-Соловово. При этом выяснено, что увоз копен хлеба с полей помещиков производился целыми селениями, где в каждом была группа зачинщиков, действовавших на остальных не только уговором, но и насилием.

Возникшие в Саратовской губернии аграрные беспорядки были прекращены решительными мерами администрации при помощи войск.

По последним сведениям, относящимся к октябрю сего года, подверглись вооруженному нападению и грабежу некоторые экономии, прилегающие к станции Лопуховке и Жерновке в Аткарском уезде [1]).

Происходившие в Харьковской губернии крестьянские беспорядки первоначально проявились в отдельных местностях и не имели между собою связи; так, 29 марта текущего года крестьяне села Бабаева Харьковского уезда, стали производить самовольную порубку леса, принадлежащего землевладельцу Флоту и расположенного смежно с крестьянскою землею. Причиною означенных беспорядков оказалась неразмежеванность крестьянской и помещичьей земли на основании уставной грамоты.

В начале апреля возникли беспорядки в имении князей Юсуповых «Ракитном», потребовавшие вмешательства военной силы.

25 мая в Богодуховском уезде произошли беспорядки в имении землевладельца Кенига вследствие того, что объездчик, служащий в этой экономии, выстрелом из револьвера убил крестьянина Трофимова, самовольно ловившего рыбу в этой экономии.

В первых числах июня в Лебединском уезде было замечено во многих местах стремление крестьян к самовольному захвату хлебных и кормовых запасов на владельческих землях, а в селе Луцинове крестьяне сожгли дом помещика Булатович.

10 июня возникшие в означенном уезде беспорядки стали быстро разрастаться, при чем в Михайловской, Груньской и Степной экономиях графа Капниста и в Андреевской экономии помещика Глазенапа произошла общая забастовка сельско-хозяйственных рабочих, а крестьяне Михайловской и Андреевской экономий стали требовать прирезки им земельных наделов. Буйствующая толпа пьяных крестьян в селе Марковке, прилегающем к селу Луциновке, разбивала дома и сделала попытку поджечь винокуренный завод предводителя дворянства Величко.

После того волнения крестьян стали распространяться и на окрестные селения: Голубовку, Грамино, Татищево и Штеновку. В Зелинской

---

[1]) Согласно полученной 22 сего октября телеграмме саратовского губернатора, возникшее в Аткарском и Саратовском уездах аграрное движение, сопровождающееся разгромом имений, начинает переходить и на соседние уезды.

и Дмитриевской экономиях Лебединского уезда объявлена была рабочими забастовка, и крестьянами стали производиться потравы помещичьих лугов. Разрастаясь, это движение перешло на экономии князей Щербатовых при селе Толстом, где буйствовавшею толпою нанесены были побои чинам полиции.

10 же июня крестьяне разгромили дома в имении Козелном и сожгли сельско-хозяйственные орудия и инвентарь. В тот же день в соседней слободе Ольшанке совершено было нападение на усадьбу Тарновского, и учинен поджог в имении Харитоненко. Ввиду охватившего почти весь Лебединский уезд волнения вызвано было значительное количество воинских сил, тем более, что были получены указания на намерение крестьян отобрать землю у помещиков. Вскоре движение это распространилось и на Сумский уезд и выразилось в забастовках сельско-хозяйственных рабочих, потравах помещичьих лугов, поджогах и разгромах владельческих экономий и нанесении побоев чинам полиции. При этом крестьяне Сумского уезда, собравшись в числе около пяти тысяч человек, под влиянием политических агитаторов, 29 мая 1905 года, постановили требовать немедленного созыва Учредительного Собрания для разрешения, между прочим, вопроса— нужно ли отбирать все земли (дворянские, монастырские, удельные и кабинетские) и немедленного уничтожения института земских начальников и сельских стражников, как препятствующих свободному обсуждению крестьянских нужд, а до удовлетворения этих требований решили отказываться от исполнения всех государственных повинностей, как-то: платежа налогов, податей, поставки запасных, новобранцев и пр., так как эти повинности наложены на крестьян помимо их воли.

Своевременное появление значительного количества войск в районе, охваченном волнениями, а равно и объезды пунктов, где возникли беспорядки, командированным по высочайшему повелению в Харьковскую губернию генерал-адъютантом Струковым и губернскою властью для соответственных разъяснений крестьянам на волостных и сельских сходах всей преступности образа их действий произвели благотворное влияние на настроение местного крестьянского населения и привели в конце июня к локализации беспорядков, а затем и к полному их прекращению.

Из представленной генерал-адъютантом Струковым записки об аграрных беспорядках, происходивших в мае и июне сего года в Харьковской губернии, усматривается, что прежде всего причиною таковых являлись крайне неблагоприятные экономические условия крестьянского хозяйства, как-то: 1) недостаточность земельных наделов, 2) невозможность в большинстве случаев получать аренду из первых рук, 3) полное отсутствие в некоторых местах выпасов для скота, 4) чересполосица, 5) отдаленность в некоторых случаях наделов от крестьянских усадеб, 6) несоответственно составленные в свое время уставные грамоты и 7) отсутствие дешевого кредита.

Кроме того, к числу причин беспорядков следует отнести усиленную противоправительственную пропаганду и, наконец, в некоторых имениях ненормальные отношения, установившиеся между экономиями и окружным сельским населением.

В текущем октябре получены были указания о возникшем брожении и готовящихся враждебных действиях крестьян деревни Смольянинова в Старобельском уезде, принадлежащей Паскевичу, на что и обращено внимание харьковского губернатора для принятия соответственных мер.

В Херсонской губернии недоброжелательное отношение крестьян к помещикам стало резко обнаруживаться среди населения Одесского, Елисаветградского и Александрийского уездов, где аграрное движение проявилось отчасти под влиянием малоземелья, отчасти же вследствие пропаганды социал-демократических идей среди крестьян и распространения в широких размерах прокламаций. Прямым следствием сего явился целый ряд поджогов и других проявлений самоуправства и насилия местного населения по отношению к помещичьим экономиям. При этом вооруженные крестьяне скопом избивали и разгоняли наемных, пришлых из Киевской и Полтавской губерний, рабочих и по взаимному между собою уговору устанавливали столь высокую цену на всякие работы, что землевладельцы не могли пользоваться их услугами и при таких условиях уборка хлебов и ведение хозяйства делались совершенно невозможными.

Начавшиеся в мае сего года в указанных уездах беспорядки, принявшие, особенно в Елисаветградском уезде, стихийный характер, при чем буйствующие крестьяне жгли усадьбы, изгоняли помещиков, служащих и рабочих под угрозой смерти, в июне перешли и в Ананьевский уезд, где они проявились также в весьма широких размерах. Для выяснения дела об означенных беспорядках в Херсонской губернии был по высочайшему повелению командирован туда генерал-адъютант граф Игнатьев, вскоре по прибытии коего принятыми мерами, при помощи весьма значительного количества войск, беспорядки эти к началу июня месяца были подавлены.

Засим с особою интенсивностью проявилось аграрное движение в Курляндской и отчасти в Лифляндской губерниях, где причины такового в значительной степени отличались от тех, коими обусловливалось это движение в губерниях с русским населением.

Движение среди латышей Прибалтийского края имело первоначально исключительно экономический характер, но, начиная с 1903 года, в этой мирной борьбе стала открыто принимать участие возникшая в 80-х годах латышская социал-демократическая партия, рядом с которой, хотя и независимо от нее, выступала со своей вредной деятельностью социально-революционная организация, присвоившая себе наименование «латышский рабочий союз». Под влиянием усиленной агитации, которая велась представителями вышеупомянутых партийных группировок, движение среди сельского рабочего населения стало за

последнее время приобретать во многих случаях резко революционный и зачастую открыто анархический характер. При этом, утратив значение нормального общественного явления, движение это превратилось в безудержное разрушение всех устоев общественной и государственной жизни, сопряженное с полным презрением к религии, к человеческой жизни и частной собственности.

С особенною интенсивностью стало это движение проявляться с первых месяцев нынешнего года и выразилось сначала в целом ряде забастовок то возникавших, то прекращавшихся в течение трех месяцев на фабриках, заводах в железнодорожных мастерских и среди портовых рабочих городов Риги, Валка, Либавы, Митавы и Виндавы. Затем, постепенно расширяясь, преступное движение это перешло от городов и в сельские местности Лифляндской и Курляндской губерний. И здесь его проявления отмечены были теми же признаками анархического характера, как и в городах, сопровождаясь убийствами должностных и частных лиц, не прекращающимися поджогами, нападением буйствующих вооруженных шаек на усадьбы, терроризацией мирного населения, вполне обезволенного и находящегося во власти агитаторов, неоднократными покушениями на крушение поездов и порчу железнодорожного пути и разрушением телеграфа и телефонного сообщения по линиям железных дорог и между помещичьими усадьбами.

В течение марта месяца беспорядки эти еще не имели массового характера, проявляясь в немногих пунктах Лифляндской губернии, а также Гробинском и Газенпотском уездах Курляндской губернии. Движение вызвано было появлением среди мызных рабочих и мелких земельных арендаторов неизвестных в данной местности агитаторов, которые, при содействии местных подстрекателей, стали побуждать недовольных среди рабочего населения требовать от помещиков увеличения заработной платы, сокращения числа рабочих часов и уменьшения вносимой за землю аренды. Под руководством вышеупомянутых подстрекателей мызные батраки стали нападать на имения, при чем нападения эти сопровождались разгромом и поджогом усадебных строений и порубками в помещичьих лесах. Первоначально в марте месяце разгрому в Лифляндской губернии подверглись имение барона Нолькена, затем имение Лугден, Таббифер, Толама, Мойзекац, при чем в Гроздонской волости вынесен был из школы портрет государя императора и изрезан в куски.

В то же время начались беспорядки и в Гробинском уезде Курляндской губернии, а также и Газенпотском, где совершены были поджоги и нападения на чинов полиции.

Начиная с апреля, с наступлением более теплой погоды и полевых работ, революционное движение в сельских местностях стало еще более развиваться. В Лифляндской губернии оно проявилось с особенной силой в Венденском уезде, а в Курляндской— в Газенпотском и выразилось в поджогах помещичьих усадеб, разрушении корчем, телеграф-

ных линий и телефонных сообщений и в одном случае — остановке поезда.

С мая месяца демонстрации стали проявляться в лютеранских церквах во время богослужения, главным образом во время произнесения молитв за государя императора, при чем религиозное чувство молящихся грубо оскорблялось, и пасторы подвергались всяческим насилиям.

В мае и июне месяцах подобные демонстрации стали повторяться почти каждое воскресенье и происходили по всему протяжению Венденского и Рижского уездов Лифляндской губернии и Митаво-Баусского Курляндской, при чем пасторы подвергались оскорблениям и избиению, а демонстранты выкидывали красные флаги и пели песни революционного содержания. Прихожане неоднократно пытались защищать своих пасторов, но не в силах были бороться с вооруженными агитаторами, руководившими толпою. Во время одной из таких попыток был убит выстрелом из револьвера, 3 июня, в Крон-Сессовской церкви Митаво-Баусского округа барон Александр Бистром, и ранен предводитель дворянства барон Ган. В результате этих бесчинств лютеранская консистория вынуждена была закрыть церкви многих приходов.

В конце июня и в июле месяцах революционное движение в сельских местностях Лифляндской и Курляндской губерний стало особенно усиливаться и к концу месяца получило положительно угрожающий характер. Произносились речи с призывом к насилию, ко всеобщей забастовке и к поголовному вооружению; бродячие шайки злоумышленников обезоруживали сторожей, охранявших имения и мызы, заставляли присоединяться к шайкам сельское население и снабжали крестьян оружием, которого имели, повидимому, значительные запасы. В Донгагене были совершены крупные поджоги, а выехавший туда для расследования дела и водворения порядка помощник уездного начальника Шмидт был убит в пути выстрелом из ружья.

В первой половине июля совершено было несколько убийств и покушений на должностных лиц. Так, 9 июля из засады близ Дурбена Гробинского уезда убит комиссар по крестьянским делам фон Бреверн. Там же, в Гробинском уезде, в ночь на 17 июля в своем имении убит помещик Адольф Бистром.

12 июля вспыхнуло с особою интенсивностью движение в Рижском уезде, возникшее сперва в восьми имениях близ станции Ремерсгоф, а затем 13, 14 и 16 распространившееся на четырнадцать имений, расположенных около станций Кокенгузен, Рингмундорф и Зегевольд. Предварительно шайки злоумышленников постарались изолировать имения одно от другого, уничтожив между ними телефонное сообщение, а затем производили нападения на имения и совершали поджоги; таким образом беспорядки распространились по всему Рижскому уезду и проявились с особенною силой в южной его части.

В то же время в Венденском уезде власти совершенно не признавались, везде происходили беспорядки и погромы, хлеб уничтожался на корню, совершались повсеместно потравы помещичьих лугов, происходили ежедневно шествия с красными флагами, церкви осквернялись, пасторы подвергались насилию, а зерцала в сельских судах и портреты государя императора выбрасывались и подвергались обезображению.

В Курляндской губернии в июле месяце восстание среди сельских рабочих захватило почти весь Добленский уезд и части уездов: Митаво-Баусского, Фридрихштадтского, Виндавского, Газенпотского и Гробинского. Толпы сельских рабочих разбивали архивы и канцелярии волостных правлений, сжигали документы, призывные списки, разрушали телеграфные столбы и полотно железной дороги, а также производили нападения на должностных лиц.

События эти, свидетельствовавшие о полной дезорганизации, внесенной революционными партиями в местную общественную и политическую жизнь, главным образом, Курляндской губернии, а также систематическое нарушение государственного порядка, сопровождавшееся преступлениями против личной и имущественной безопасности проживающих там лиц, привели к объявлению в Курляндской губернии 6 августа сего года военного положения, со введением коего и последовало умиротворение охваченных беспорядками местностей.

В значительной степени в текущем году проявилось аграрное движение и в пределах Киевской губернии.

Начавшись в начале года в отдельных местностях, движение это, выразившееся в потравах, порубках помещичьих лесов и незначительных погромах, при сопротивлении чинам полиции, в мае текущего года стало быстро распространяться в Киевской губернии. Кроме обнаруженной в разных местностях противоправительственной пропаганды, на развитие движения сильное влияние оказывали неудовлетворительные местные экономические условия. Требуя от помещиков чрезмерного повышения заработной платы и сильно озлобившись на владельцев имений за наем посторонних рабочих, крестьяне сначала стали с угрозами требовать от посторонних рабочих оставления ими занятий, а когда их подстрекательства не увенчались успехом, они принялись за систематические поджоги имений и истребление запасов хлеба, сена, соломы и владельческого имущества. Беспорядки эти, сопровождавшиеся также захватами и запашками помещичьей земли, в мае месяце распространились на Таращанский, Васильковский, Каневский, Сквирский, Бердичевский и Звенигородский уезды полностью и частью на уезды Черкасский и Киевский. При водворении порядка и заарестовании зачинщиков буйствовавшие крестьяне оказывали повсюду вооруженное сопротивление и производили насилие над жизнью и имуществом помещиков, вследствие чего многие из них бросали свои имения на произвол судьбы. Беспорядки эти и буйства продолжались до конца июля и были подавлены лишь при помощи

весьма значительного количества войск, которые были расквартированы по всей Киевской губернии и под охраною коих посторонние рабочие приступили к работам в помещичьих усадьбах.

В остальных губерниях Европейской России аграрные беспорядки, обусловливавшиеся вышеприведенными общими причинами, не выражались в столь интенсивной форме и заключались в общих чертах в следующем:

В Тамбовской губернии: в апреле текущего года крестьяне деревни Ильинки Кирсановского уезда, в силу состоявшегося у них приговора о том, чтобы не выходить на работы к землевладельцам на прежних условиях, а лишь по ценам, означенным в приговоре, отказались выйти на работы в имении уездного предводителя дворянства Андреевского и силой согнали крестьян, призванных на работы из другого уезда.

Подобное же волнение охватило Курдюковскую, Калугинскую, Трескинскую и Богдановскую волости того же уезда и несколько деревень Тамбовского уезда.

В том же апреле крестьяне Кирсановского уезда несколько раз произвели потравы экономических посевов в имении Балыклей княгини Шаховской.

В мае крестьяне села Малой Алабухи Борисоглебского уезда произвели покосы и потравы в имении князей Волконских, сдавших луга в аренду шестому запасному кавалерийскому полку.

В июне крестьяне деревни Екатериновки Лебедянского уезда, после ряда поджогов в имении графа Мих. Пав. Толстого (село Трубечино), самоуправно скосили луга и предъявили требование о предоставлении им выпасов для скота. Волнение вызвано главным образом действиями конторы графа Толстого, грубым обращением и взысканием больших штрафов.

Затем крестьяне села Кузьминских Отвершок и деревни Тынковки Липецкого уезда произвели потравы лугов, полей и посевов хлеба в имении Кожиной.

В июне же крестьяне деревни Тачи Моршанского уезда производили потраву экономических лугов помещицы Буреминой, оказывая сопротивление стражникам, а затем, под влиянием агитаторов, представили управляющему имением требование о сдаче им в аренду 300 десятин по 7 р. 50 коп., угрожая в противном случае самовольно запахать землю и урожай настоящего года свезти по своим дворам.

В июле крестьяне сел Екатеринопольского и Моршани и деревни Балакиревки Кирсановского уезда самовольно свезли с полей помещиков Петрово-Соловово и княгини Шаховской до 10 тысяч копен ржи и до 4 стогов сена, при чем оказали вооруженное сопротивление экономическим служащим.

Одновременно произошли беспорядки в Балашовском уезде, где крестьянами захвачен хлеб помещика Сатина.

В июле же крестьяне села Кинек самовольно свезли со станции Лопуховки Рязанско-Уральской железной дороги 1.800 пудов хлеба.

В Нижегородской губернии: в апреле крестьяне Лукояновского уезда подожгли большой омет соломы в имении баронессы Мейендорф, воспрепятствовали тушению огня и произвели ряд бесчинств.

В апреле же крестьяне деревни Баевой прогнали рубщиков из лесной дачи Горсткиной, заявляя, что по какой-то старинной грамоте лес принадлежит им.

В период времени с 18 по 25 апреля был ряд поджогов имущества землевладельцев в разных пунктах Сергачского уезда.

В мае крестьяне деревни Протасовой и села Чукол Сергачского уезда за недостатком собственных выпасов произвели ряд потрав в имении графа Протасова-Бахметева.

В июне в том же Сергачском уезде произошло несколько случаев насильственного захвата крестьянами помещичьих земель.

4 июля крестьяне села Фокина Васильевского уезда самовольно произвели покос на лугах, арендуемых их односельчанином в имении дворян Норды, при чем избили арендатора и разрушили караулку принадлежащего ему перевоза через Волгу.

В июле крестьяне деревни Отар Васильевского уезда, согласно сельскому приговору, самовольно скосили часть лугов землевладелицы Петровской, относительно коих крестьянами ведется дело в окружном суде. Подобный же приговор был составлен крестьянами с. Криуши относительно спорного, но находящегося в фактическом владении Зыбиной, леса.

В сентябре крестьяне 2 Белкинского общества Семеновского уезда, составив предварительно приговор, разделили до 75 десятин лесной дачи купца Гребенщикова и произвели самовольную порубку, оказав сопротивление полиции.

В сентябре же крестьяне села Тумботина деревни Вязовки Горбатовского уезда произвели порубку леса на даче Спорышевых, относительно коей ими ведется с владельцами судебный процесс.

В Калужской губернии: в июле крестьяне села Дальняя Борисовка Калужского уезда, в имении Ершова, в числе 200 человек произвели разгром усадьбы и похитили 871 руб. и домашние вещи, сделав попытку поджечь дом.

В июле же на мельнице в имении княгини Урусовой, при сельце Росве Перемышльского уезда, крестьяне, благодаря подстрекательству неблагонамеренных лиц, силой не разрешили прудить мельницу, а по прибытии для объяснений с ними исправника держали себя крайне дерзко и только ввиду прибытия отряда драгун начинавшиеся беспорядки прекратились.

В Рязанской губернии: в июне крестьяне села Братовки Раненбургского уезда расхитили запас хлеба в имении Поповых.

В июле крестьяне Ильинских выселок Раненбургского уезда самовольно потравили пастбище в имении Горшанова.

Крестьяне села Братовки Раненбургского уезда разгромили хутор купца Никитина вследствие найма последним рабочих из другой местности.

В Костромской губернии: в июне в Макарьевском уезде на земельных владениях Лицова-Кашина и Демидова произошли аграрные беспорядки, которые выразились в сопротивлении властям, в самовольной рубке леса, в захвате лугов и пастбищных участков. Причиною этих беспорядков оказалось введение строгой охраны имущества новыми владельцами их, чего прежде не было.

В Тульской губернии: в марте крестьяне села Алмазова Молоденской волости Епифановского уезда произвели разгром в арендуемом ими имении, бывшем графа Игнатьева, приобретенном крестьянином Басмановым. Беспорядки эти вызваны были непризнанием крестьянами нового владельца.

В апреле на хуторе графов Бобринских Жданка крестьяне совершили поджог соломы.

В мае в сельце Бокше Веневского уезда, в имении Глазштейна крестьяне ворвались в квартиру арендатора, избили его и подожгли экономические постройки.

В июле в селе Березовке Веневского уезда происходили крестьянские волнения, вызванные личным раздражением крестьян названного селения к местному арендатору Кочукову.

В Смоленской губернии: 11 июля крестьяне деревни Новоселье Духовщинского уезда прогнали экономических косцов в имении Скоробогатова и произвели покос лугов помещика.

19 августа крестьянами деревни Одинцова Смоленского уезда и деревни Бакланова Краснинского уезда произведены самоуправные действия в хуторе Бакланове, имении княгини Оболенской.

В августе крестьяне деревни Буды Рославльского уезда насильственно завладели принадлежащим соседним землевладельцам Евстафьевым участком земли, поверив толкам стариков, что участок этот принадлежал им издавна по праву дарения. Убедившись затем в неосновательности этих толков, они отказались от своих притязаний.

В сентябре крестьяне деревни Новой Смоленского уезда произвели порубку леса в имении помещика Семенова на участке в 24 десятины и разделили землю между собою, считая ее своею собственностью ввиду недостающего у них количества надельной земли в размере $6^1/_2$ десятин, которые уже и присуждены им были Смоленским окружным судом, но не были еще прирезаны к их наделу за непредставлением ими следуемой суммы на выезд землемера и члена окружного суда.

В Тверской губернии: 13 июля крестьяне деревень Ручков и Преображения Вышневолоцкого уезда самовольно произвели покос во владении двоих крестьян-собственников, основывая свои самоуправные действия на держащемся издавна в их среде мнении, что указанное владение составляет часть их надельной земли.

В Псковской губернии: в апреле крестьяне деревни Печки Псковского уезда произвели самовольную порубку леса во владении помещицы фон Бюнтинг и захватили участок принадлежащей ей земли, при чем свой образ действий мотивировали недостаточностью отведенного им надела.

В мае крестьяне деревни Паколова Великолуцкого уезда самовольно захватили землю, принадлежащую жене генерала Чагиной.

В Эстляндской губернии: в июне в имении Фикель Гапсальского уезда толпа крестьян выстрелами и камнями оказала сопротивление судебному приставу, исполняющему решение суда о выселении двух крестьян с арендованных участков.

В Витебской губернии: в январе замечались самовольные массовые порубки, производимые по ночам крестьянами в помещичьих лесах Двинского уезда. При преследовании порубщики оказывали вооруженное сопротивление чинам полиции и лесной стражи. Означенные случаи происходили в имениях: Каменец — владельца Реута, Амбельмуйжа — графа Платера-Зиберга, Александрово — Разноцветова, Иозефово — владельца Шахно, Комбуль — графа М. Броэль-Плятера, Боровка — графа Е. Броэль-Плятера, Поболь — Бржезинской, Янополь — Ромера, Балиново — Верещинских и Субанайты — Савицкого. Причиною самоуправства было распространение слухов о предстоящем переделе земли и возможности безнаказанно грабить помещиков, а также острая нужда сельского населения в топливе и невозможности достать таковое на месте по доступной цене.

В феврале крестьяне ограбили семь имений в Двинском и Полоцком уездах: Сиверсгоф, Магнусово, Александрово, Асташево, Мариамполь, Биржи и Дубняги, выломали окна, разломали печи и расхитили из домов все вещи, которые бежавшие помещики не успели захватить с собою. Причиною является пропаганда революционных организаций и широкое распространение среди крестьян нелегальных брошюр и прокламаций, возбуждающих против капиталистов и помещиков.

В марте крестьяне Банонской волости Полоцкого уезда, приехав в лесную дачу Вороночи владелицы Лисовской, в числе 70 человек, вырубили 40 пней, при чем произвели несколько выстрелов в лесных сторожей.

В марте крестьяне деревни Туманы Звирздинской волости Люцинского уезда вырубили самовольно лес, принадлежащий владельцу Колпачу.

В июне толпа латышей из Венденского уезда явилась в имение Аташино Режицкого уезда с красными флагами, на коих была надпись: «долой помещиков» и потребовала от владельца, графа Борх, подписания «условия для рабочих» (сокращения рабочего дня, увеличения платы и пр.). По исполнении графом сего требования крестьяне с пением революционных песен удалились.

В июне крестьяне деревень Гирены, Круманы и др., находящихся вблизи имения Рушендорф барона Корфа, в районе Унгермуйжской

волости, явились на Рушендорфскую водяную мельницу и самоуправно уничтожили мельничную запруду, и, кроме того, почти все крестьяне стали самовольно пасти скот на землях барона Корфа.

В августе в имении Глазманке Двинского уезда нападением неизвестных латышей, прибывших из Курляндской и Лифляндской губерний, была разграблена касса в казенной винной лавке.

В Виленской губернии: 27 мая в имении Желудок Лидского уезда, княгини Святополк-Четвертинской, крестьяне произвели беспорядки, выразившиеся в самовольной пастьбе скота в лесу и на лугу помещицы.

17 июня крестьяне деревни Семяги Лидского уезда самовольно скосили часть сенокоса, принадлежащего имению Уховщина помещика Морачевского.

8 августа крестьяне деревни Кейзики Дисненского уезда в лесу помещика Пржездецкого произвели самовольную рубку леса, захваченного, по их мнению, неправильно помещиком.

В августе же крестьяне деревни Данюшева Свенцянского уезда произвели самовольную рубку леса помещицы Чарноцкой-Данюшевой.

В Ковенской губернии: в апреле в Вилькомирском уезде в имении Венцловича произошли крестьянские беспорядки, при чем была сожжена мельница владельца.

В мае в Тельшевском уезде в имении князя Огинского беспорядки выразились в самоуправных действиях против владельческих прав князя Огинского.

В июне в Россиенском уезде в имении графа Плятера беспорядки произошли из-за пастбищных участков, признанных правительствующим сенатом за графом Плятером.

В июне же в Поневежском уезде в имении барона Бистрома беспорядки произошли на почве повышения заработной платы и выразились в забастовке крестьян.

В июле в Поневежском уезде в фольварке графа Тышкевича произошли беспорядки, с сопротивлением властям, из-за пастбищных участков.

В Шавельском уезде в имении Нейранду последовали забастовки и беспорядки на почве повышения заработных плат.

В Гродненской губернии: в последнее время крестьяне некоторых деревень Брестского уезда самовольно начали пасти скот и косить луга на угодьях помещиков. В особенности крестьяне деревень Вельямовичи, Ставы, Хотиново и Меликовичи оказали упорное сопротивление при подавлении этих самоуправных действий.

Кром сего, в Гродненском, Волковыском и отчасти в Сокольском и Белостокском уездах происходила почти полная забастовка крестьянских рабочих, кои не хотели работать в экономиях даже за отработок.

В Минской губернии: в марте среди крестьян местечек Пуховица и Березина произошли волнения, выразившиеся в намерении крестьян разграбить помещичьи усадьбы, для прекращения которых были вы-

званы войска. Усиленное брожение среди крестьян было вызвано как разбрасыванием преступных прокламаций, так и агитациею некоторых лиц, привлекавшихся к дознаниям и возвратившихся из ссылки, при чем центром распространения всевозможных толков явилось село Блонь Игуменского уезда.

В мае в деревне Стреличеве Речицкого уезда крестьяне, завладев помещичьею землею, оказали упорное сопротивление властям.

В июне происхдоили случаи захвата крестьянами помещичьих выгонов, при чем свое право пасти скот на этих выгонах крестьяне основывали на существующих будто бы у них сервитутах. Кроме сего, крестьяне самовольно захватывали сенокосы помещиков и производили пастьбу скота на помещичьих угодьях.

В некоторых волостях Новогрудского уезда крестьяне составили приговоры с клятвенным обещанием прекратить всякие работы в помещичьих имениях и удалить годичных батраков впредь до удовлетворения их требований к помещикам о повышении годичной и поденной заработной платы. При этом происходили случаи избиения крестьян, не желавших присоединиться к движению.

В Могилевской губернии: в Быховском уезде весною было несколько случаев рубки крестьянами помещичьего леса скопом, с насилием над лесною стражею и чинами полиции. Затем, в мае и июне начались забастовки рабочих в некоторых имениях, при чем рабочие предъявляли требования о повышении заработной платы. В имении Манцево Оршанского уезда 4 крестьянина согнали рабочих с полей помещика Гаевского и отправились в усадьбу, где потребовали от него денег и, не удовлетворившись данными им 5 руб., сорвали с него часы, угрожая при этом, в случае неудовлетворения их требований о повышении заработной платы, лишить его жизни. В имении Гобеля Горецкого уезда при указании землемеров границы спорного луга с крестьянами деревни Кшицы последние оказали вооруженное сопротивление властям. Вооруженные беспорядки происходили также и в некоторых имениях Оршанского уезда. 25 июня в имении Захарполье графа Чернышева-Кругликова Рогачевского уезда явился неизвестный человек и предъявил управляющему имением требование улучшения положения рабочих, а затем предложил последним прекратить работы. Кроме сего, это лицо появилось и в других имениях, подстрекая рабочих к прекращению работ. В деревне Заполье Люблинской волости Горецкого уезда при удалении крестьян с помещичьего луга, на котором они пасли свой скот, последние произвели несколько выстрелов в служащих имения.

В июле в имении Заболотье Анновской волости Оршанского уезда крестьяне вынули из помещичьей мельницы заставы и спустили воду, а в имении Хольневичи Сеннинского уезда разгромили мельничную греблю.

В августе в имении князя Любомирского крестьяне самоуправно выгнали своих лошадей для пастьбы на лугах владельца имения, при

чем при попытке сторожа удалить лошадей они оказали ему сопротивление.

В Полтавской губернии: в апреле в имении княгини Ливен крестьяне, в количестве до 200 человек, предъявили экономии требования, не согласные с договорами и условиями по аренде и уборке земельных угодий, при чем требования свои сопровождали угрозами насилий.

В июне возникли беспорядки в селе Ивановском Роменского уезда из-за спорного луга с соседними владельцами.

В июне же аграрные беспорядки приняли обостренный характер, при чем явное неудовольствие крестьян выразилось в частых столкновениях с владельческими экономиями. Так, в имениях княгини Кантакузиной, графини Сперанской и других беспорядки эти происходили главным образом на почве недостатка земельных наделов, не имевших ранее особого значения ввиду возможности отхожих промыслов, за последнее время прекратившихся за отсутствием работонанимателей.

В июле месяце в Полтавской губернии было несколько единичных случаев подстрекательства крестьян не заключать формальных договоров с землевладельцами; при этом агитаторами распространялся слух о предстоящем будто бы в скором времени переделе земли.

В том же июле крестьянами разграблена усадьба зажиточного казака Собко, при селе Чевелье Лубенского уезда, ввиду недоброжелательных отношений к нему местного крестьянского населения.

В Волынской губернии: в мае крестьяне сел Путрины, Лютерки, Мокрец и других смежных селений Заславского уезда произвели беспорядки, выразившиеся в самовольной пастьбе скота в имении землевладельца князя Сангушко.

Крестьяне села Дертей Новоградволынского уезда произвели в мае беспорядки по поводу последовавшего со стороны землевладельца Доморадского запрещения пасти скот в своем лесу: на порубах, запустах и молодняках.

Крестьяне села Перемышля Заславского уезда произвели в июне беспорядки в имении князя Сангушко, требуя увеличения поденной платы и окончания работы ранее семи часов.

12 сентября крестьяне села Смолдырева в имении графа Потоцкого произвели самоуправные действия по поводу распашки леса и предъявили одинаковое с собственником имения право на сенокосы.

В Подольской губернии: в марте в нескольких имениях Подольской губернии были массовые крестьянские беспорядки, выразившиеся в значительных порубках в помещичьих лесах. Самоуправство это было вызвано подстрекательством агитаторов.

В апреле крестьяне местечка Городка, толпою около 300 человек, нарушили межи в имении помещика Виноградского и произвели насилие над личностью управляющего имением Пашкевича.

В мае крестьяне в имении графа Маркова Нижне-Ольчедаевское разогнали служащих и угрожали их имуществу и жизни.

В мае же в селе Мокром Балтского уезда разгромлено несколько хуторов, при чем убит владелец одного из них, Войтенко.

В мае в Ольгопольском уезде была разгромлена Крутянская экономия, при чем разгром этот сопровождался убийством нескольких служащих.

В мае крестьяне местечка Крутых и сел: Петровки, Плоти и Семеновки напали в местечке Крутых на экономический дом, в котором жил уполномоченный владельца Беренс, уничтожили все находившееся в нем имущество последнего, разбили и расхитили кассу, в которой находилось около 4 тысяч наличных денег.

В мае администрацией Тростянецкого сахарного завода в Брацлавском уезде были наняты 612 человек рабочих из Волынской губернии; по прибытии их на завод местные крестьяне вступили с ними в драку и не допустили их к началу работ, почему вышеуказанных рабочих пришлось отправить обратно по местам приписок в Волынскую губернию.

В мае в Могилевском уезде в имении Беляны-Шоргородские барона фон-Кнорринга крестьяне разогнали рабочих и служащих, угрожая им убийством.

В мае толпа крестьян села Белоусовки Гайсинского уезда, числом до 200 человек, явилась во двор арендатора Седлецкого и разогнала всех служащих у него, а потом отправилась и сделала то же на вальцевой мельнице, арендуемой евреем Рихом. С прибытием исправника и войск беспорядки прекратились.

В селах Заборозновец и Пилипковец Ушицкого уезда крестьяне, собравшись толпою, отправились в местную экономию и удалили оттуда всех служащих как годичных, так и поденных.

В селе Рернати Балтского уезда в имении землевладельца Гудим-Левковича толпа крестьян около 60 человек напала из засады на экономических служащих, совершавших ночной объезд экономических угодий, при чем большинству участников объезда, в том числе и управляющему, были нанесены побои и поранения.

В мае в селе Ометинец Гайсинского уезда крестьяне толпою до 300 человек с палками в руках разогнали ставших на поденные полевые работы односельцев, а затем, направившись к экономической усадьбе, силою и угрозою удалили всех рабочих и постоянных служащих. Такому же изгнанию подверглась и вся домашняя прислуга помещика и управляющего имением.

В мае в имении Сумовке Гайсинского уезда, при ферме Тьма, крестьяне бросились громадной толпой и прогнали работавших на полях у фермы рабочих, при чем многим из них нанесли побои. Затем, вооружившись сапами, они явились в экономию и, окружив квартиру уполномоченного помещика Бабского, стали требовать работы или уплаты денег за то время, которое они не работали, при чем требование свое сопровождали бранью и угрозами смерти. С прибытием властей и войск беспорядки прекратились.

В Бессарабской губернии: в феврале сего года поселяне села Ульмы произвели порубку и хищение в лесах имений помещиков Алексанова и Огановича, сопровождавшиеся насильственными действиями против охраняющей леса стражи.

В марте поселяне села Погарничен Сусленской волости Оргеевского уезда явились на помещичью землю Артемия Назарова и, самоуправно отмежевав полосу в 60 десятин, поделили ее на 30 участков, границы коих обозначили бороздами плугов, и приступили к дальнейшей распашке. Означенная земля, в количестве около 300 десятин, в 1875 году перешла во владение Назарова из надельной крестьянской земли по договору, который названные крестьяне считают результатом вовлечения их в невыгодную сделку.

В июле в имении Шолданешты Оргеевского уезда крестьяне отмежевали себе от помещичьей земли владельца Рышлякова 790 десятин, на которые претендовали давно, но проиграли судебное дело во всех инстанциях.

В Екатеринославской губернии: в апреле крестьяне села Коноплянки Славяносербского уезда бросились на жилые дома и усадьбы крестьян Таврической губернии, проживающих около села Коноплянки на купленной земле, при чем разгромили 17 домов. Причиной беспорядков послужило недоразумение относительно права собственности на землю.

В мае крестьяне села Звонацкого Екатеринославского уезда самовольно выпустили скот для пастьбы на предназначавшуюся для покоса траву экономии Маламы, при чем избили урядника и объездчиков.

В июне забастовали полевые рабочие в Криничеватовской волости, разграбили лавки и сожгли земские бараки.

В июле крестьяне села Червановки Бахмутского уезда сожгли скотный двор и сарай землевладельца Васильева и взорвали динамитом водяную мельницу. Причиною сего послужило непомерное возвышение арендной платы.

В июле же толпа крестьян на ярмарке в селе Софиевке Верхнеднепровского уезда разбила театр, две лавки, картузные рундуки и балаганы шорного ряда и разграбила товар.

В августе крестьяне села Федоровки Александровского уезда оборвали все фрукты в саду имения Константиновых и подожгли скирды сена.

В Таврической губернии: 7 апреля крестьяне сел Збурьевки и Чулаковки Днепровского уезда самовольно вывезли из имения помещика Классина 23 подводы ячменной соломы. На другой день крестьяне той же местности прибыли в имение Классина на 33 подводах, при чем вследствие убеждения встретившего их унтер-офицера таврического губернаторского жандармского управления, что самовольно брать в чужом имении ничего нельзя, обратились лично к хозяину имения с просьбой дать им соломы ввиду полного отсутствия у них корма для скота. Просьба их была удовлетворена.

В апреле же крестьянами Днепровского уезда производились самовольные выпасы на частно-владельческих землях.

1 мая крестьяне деревни Саблы Симферопольского уезда, будучи недовольны запрещением нового управляющего имением Давыдова самовольно пользоваться лесом и лугами помещика, что производилось ими в течение многих лет, произвели разгром дома управляющего и покушались произвести поджог.

26 мая крестьяне села Рейска Днепровского уезда самоуправно вывезли из имения князя Трубецкого Долматовки 50 подвод сена, при чем произвели семь выстрелов в рабочих экономии. Такое же самоуправство было учинено крестьянами в имении помещика Тропина того же уезда.

15 июня крестьяне ближайших поселков к имению князя Трубецкого Тарханы, в 10 верстах от г. Керчи, заставили экономических рабочих прекратить косьбу сена, заявив управляющему имением желание, чтобы покос производился ручным способом, как это было до сего года, и чтобы работа эта была предоставлена им, так как, лишившись постоянного заработка, они останутся без куска хлеба.

В августе татары деревни Коперликовой Феодосийского уезда, кои оспаривали у соседнего землевладельца дворянина Челебиева права на его владения, при чем иски их судебными решениями были оставлены без последствий, за исключением лишь 50 десятин, произвели, по подстрекательству агитаторов, захват принадлежащего Челебиеву сенокоса, посевов хлеба и учинили порубку леса.

В Донской Области: в июне крестьяне слободы Больше-Крепинской Таганрогского округа выгнали своих лошадей для подножного корма на сенокос землевладельца Мазаева, при чем избили полицию.

В июле крестьяне слободы Успенской Таганрогского округа произвели погром экономии Бишлера, разграбили все имущество и уничтожили припасы в кладовых.

В августе крестьяне села Артемовки разграбили и сожгли экономию землевладельца Жердева, при чем беспорядки эти были начаты запасными нижними чинами.

В августе крестьяне п. Дубровского разгромили дом и контору экономии Байбуса, разграбили все имущество и сожгли строения. Беспорядки эти были начаты запасными нижними чинами.

В августе же крестьяне в слободе Голодаевке разгромили кладовую с ружьями при волостном правлении.

В сентябре крестьяне деревни Верной Ростовского на Дону округа самовольно забрали посев и произвели между собою раздел земли владелицы Евлановской, при чем избили полицию.

В Астраханской губернии: в марте крестьяне села Михайловки Енотаевского уезда самовольно захватили земли, принадлежащие калмыцкому духовенству.

Вообще, в последние годы население русских сел, окружающих калмыцкую степь Астраханской губернии и расположенных в пределах

этой степи, вследствие незначительного количества имеющейся у них надельной земли постоянно захватывало отданную в пользование калмыкам землю и вторгалось со своим скотом в степь. Общее брожение среди крестьянского населения империи по вопросам земельного характера нашло себе место и среди крестьян Астраханской губернии, которые прежде всего решили завладеть той землей, в которой, по мнению крестьян, калмыки не нуждаются и которая будто бы отдана калмыкам неправильно, так как они не служат государству и не отбывают воинской повинности.

В Оренбургской губернии: в июне вследствие агитационной деятельности некоторых лиц замечено было волнение села Николаевки Троицкого уезда в районе имения наследников графа Мордвинова. Брожение это, однако, не выразилось в каких-либо серьезных беспорядках и явилось результатом безземелия крестьян села Николаевки, отказавшихся при освобождении от крепостной зависимости от получения наделов и вынужденных теперь арендовать частно-владельческие земли по высокой цене.

В Самарской губернии: в марте крестьяне села Золотаревки, имения князя Оболенского, высказывали намерение самовольно запахать землю владельца.

В апреле крестьяне села Страхова самовольно уменьшили арендную плату за землю, арендуемую ими у помещика Аксикова.

Крестьяне деревни Покровки самовольно уменьшили арендную плату за участок, арендуемый у владельца Шихобалова.

В июне произведен ряд поджогов в имении графа Орлова-Давыдова в Ставропольском уезде и на хуторе дворянина Даннен-берга в Бузулукском уезде, совершенных крестьянами в силу обостренных отношений с владельцами и управляющими, вызванных малоземельностью крестьян и полною зависимостью последних от крупных землевладельцев.

В июне же крестьяне села Верхней Орлянки Бугурусланского уезда самовольно воспользовались чужим выгоном для своего скота.

В Казанской губернии: в мае в Чистопольском уезде в имении Стрижевской беспорядки выразились в насильственной вспашке земли, принадлежащей Стрижевской, и в поджогах.

В том же уезде в имении графа Блудова беспорядки выразились в той же форме, с оказанием властям вооруженного сопротивления.

Брожение и недовольство происходили и в других уездах Казанской губернии, но серьезных последствий не имели, и принятыми своевременно мерами беспорядки были устранены.

В Пензенской губернии: в апреле крестьяне 15 селений Чембарского уезда, преимущественно в районе имений графа Уварова, предъявили требования к землевладельцам о понижении арендной платы, угрожая в случае неисполнения требования самовольным захватом земли и разграблением экономического имущества. Волнение это, однако, ввиду прибытия воинской силы не приняло опасных размеров.

В июне крестьяне села Василевки Наровчатского уезда самовольно захватили пастбище землевладельца Водар и отказались уплатить присужденные земским начальником в пользу Водара 400 рублей.

В июне же крестьяне села Сивини Краснослободского уезда потребовали от владельца винокуренного завода Галова уступки земель, а также выдачи им муки по низшей цене; когда же им было в этом отказано, они произвели беспорядки и насильственно удалили рабочих; независимо от сего, они разграбили экономические амбары и увезли до 3.400 пудов муки.

Крестьяне села Верков Мокшанского уезда, недовольные администрацией имения Анисимова, 15 августа подожгли гумно, от тушения которого некоторая часть крестьян совершенно уклонилась; причиною этих беспорядков послужили недоразумения на аграрной почве.

В Симбирской губернии: в марте крестьяне владений графа Орлова-Давыдова предъявили требования о понижении арендной платы, с угрозами самовольного захвата земли в случае неисполнения их требований.

В мае крестьяне деревни Малой Кузьминки Ардатовского уезда имения княгини Куракиной, собрав сход, заявили управляющему имением требование об увеличении количества арендуемой ими земли, угрожая в случае неисполнения их желания захватом земли самовольно, так как таковой у них крайне недостаточно. Не получив удовлетворения их требования, крестьяне деревни Малой Кузьминки не ограничились угрозами и произвели массовые беспорядки, поджоги, насилия над служащими при экономии, с захватом пастбищ для скота.

Крестьяне села Атяшева Курмышского уезда в мае самовольно захватили пастбище у владельца Пашкова.

В августе сего года татары деревни Малой Цильны самовольно захватили землю крестьян села Русской Цильны Буинского уезда.

В Пермской губернии: в мае заводские крестьяне Алапаевских заводов произвели беспорядки, при чем сожгли склады топлива, 26 жилых домов и покушались на жизнь управляющего; причина волнений не известна. С прибытием войск беспорядки прекратились.

В Вятской губернии: самовольные порубки и прочие самоуправные действия крестьян в текущем году не выходили по количеству и интенсивности их из пределов, свойственных обычному течению жизни, при чем никаких указаний на отдельные случаи не имеется.

В Варшавской губернии: в текущем году в некоторых уездах сельско-хозяйственные рабочие производили в имениях помещиков беспорядки, принуждая рабочих этих имений к забастовкам и требуя от землевладельцев улучшения быта и повышения наемной платы.

В Пултусском уезде крестьяне из нескольких деревень ворвались в Вышковский казенный лес и произвели самовольную порубку.

В Петроковской губернии: 2 марта рабочие имения Лисовице Бендинского уезда потребовали повышения платы и увеличения арендной платы; когда же им в этом было отказано, они, прекратив

работы, отправились в соседнее имение, толпой в 40 человек двинулись в имение Рогов, где также прекратили работы.

В это же время происходила самовольная пастьба скота в лесах имения его величества Спала, но вследствие ареста некоторых крестьян и принятых мер пастьба прекратилась.

В Плоцкой губернии: 5 марта рабочие фольварка Хелмице-Мала, потребовав повышения платы, оставили работу. Присоединив к себе рабочих соседнего имения, они толпой отправились в другие имения с требованием прекратить работы, что и было исполнено.

В Радомской губернии: в июне крестьяне деревни Поляны Радомского уезда производили самовольные пастбища в казенном лесничестве и рубили дрова в этом же лесу.

В Седлецкой губернии: в феврале крестьяне деревни Олексин произвели самовольную порубку в лесу помещика Зильберберга.

В феврале же жители имения Межиречья произвели самовольную порубку и вывозку дров, при чем оказали сопротивление чинам земской стражи.

Крестьяне деревни Вырыки захватили участок луга графа Замойского и уничтожили пограничные знаки.

В Келецкой губернии: в июле произошло столкновение крестьян деревни Псары и деревни Вильков Келецкого уезда с чинами Екатерининского лесничества по поводу самоуправной пастьбы крестьянами своего скота в казенном лесу названного лесничества, при чем вооруженная кольями толпа, приблизительно в 600 человек, была частью арестована, частью разогнана при помощи военной силы.

В Ломжинской губернии: в феврале большая часть жителей деревни Глембоч гмины Шумова Ломжинского уезда, во главе с солтысом, отправилась в лесную дачу Кленово и произвела самовольную порубку леса.

В мае крестьяне некоторых селений гмины Гиврихи Кольнеского уезда произвели потраву казенных лугов, при чем оказали сопротивление лесной страже, пытавшейся задержать скот. Свои самоуправные действия крестьяне объяснили тем, что прежде этими выгонами пользовались они, а в последние годы пользуются лесники, которые отдают выгоны за бесценок в аренду евреям.

В Люблинской губернии: в марте толпа крестьян, вооруженная палками, отправилась из села Гахебова Новоалександрийского уезда в имение Ястково Люблинского уезда, где потребовала от служащих в имении прекращения работ, а затем, собрав всех батраков, толпа увела их с собою в другие имения с целью предъявления тех же требований. Подобные же беспорядки происходили также и в некоторых других селах Люблинской губернии, при чем крестьяне, прекращая работы в экономиях, предъявляли требования о повышении заработной платы и вообще об улучшении их положения. Означенные требования нередко сопровождались угрозами, вынуждавшими владельцев уезжать из имений.

В Тифлисской губернии: 27 февраля в селении Каьтисхеви Горийского уезда состоялся сельский сход от 10 окрестных селений, на коем было постановлено потребовать упорядочения прав на пользование пастбищными местами и наливной водой, а также проселочными дорогами, проходящими чрез имения частных лиц. Вместе с тем постановлено требовать уменьшения платы с крестьян на содержание школ, сельских должностных лиц и за требы духовенству.

Такого же рода сход состоялся в селении Медживрисхеви того же уезда. На обоих сходах толпа расходилась с криками «да здравствует единство и свобода».

2 марта в селении Земо-Голи Горийского уезда состоялась сходка до 600 человек, на коей было постановлено прекратить уплату «податей помещикам» и на содержание духовенства, начать бесплатное пользование помещичьими землями, пастбищами и лесами, а также не обращаться к содействию полиции и мировых судей, а разбирать дела чрез своих выборных десятских, сотских, тысячников.

5 марта в селении Михайлово произошла сходка до 1.000 человек, на которой состоялось такое же постановление, при чем присутствовавшие здесь же рабочие депо станции Михайлово пытались провести требования и политического характера. Вместе с тем решено было для достижения уступок со стороны властей прибегать к террору путем поджогов сельских управлений и убийства чинов местной администрации. Подобные сходки происходили и в других местах означенного уезда, при чем были случаи поджогов усадеб помещиков и зажиточных крестьян.

В апреле сего года крестьяне Телавского уезда, закрыв свои сельские канцелярии, школы и лавки, настаивали на удалении из селений чиновников, состоящих на государственной службе, и предъявили помещикам требования на бесплатное пользование их лесами и землями, при чем стали производить самоуправные действия, как-то: порубку лесов и уничтожение виноградников.

В Сакараульском, Земо-Тионетском, Накалакарском, Сакдрионском, Магароскарском сельских обществах крестьяне предъявили требования, чтобы помещичьи и казенные земли и помещичьи леса предоставлены были в их распоряжение. К возбуждению крестьян направлены были усилия прибывших из Тифлиса агитаторов.

8 августа крестьяне селения Греми-Теловского, вооружившись дубинами, воспрепятствовали инженерам произвести размежевание казенной земли.

В Кутаисской губернии: 20 января произошли беспорядки близ железнодорожной станции Квирилы, выразившиеся в том, что крестьяне окрестных сел, собравшись за полосой отчуждения, стали препятствовать ремонтным рабочим заниматься очисткою снега с полотна дороги.

26 января произошли беспорядки в селении Дадзихаиши Кутаисского уезда, которые выразились в том, что толпа крестьян около

4.000 человек с выстрелами двинулась по улице селения, ворвалась в школу, аптеку и сельское управление, при чем был изорван портрет государя императора.

В феврале и марте в Шарапанском уезде крестьяне сожгли 7 сельских правлений, в Сенакском — 5 и в Зугдинском — одну церковь и сельскую канцелярию, при чем принуждали сельских должностных лиц оставить службу.

В Эриванской губернии: за последнее время наблюдались частые случаи самовольных порубок, учиняемых на помещичьих и казенных лесных дачах, ввиду малой площади занимаемой в губернии лесом, дороговизны его, а также благодаря смежности крестьянских наделов и чересполосности их с лесными угодьями.

С окончанием полевых работ и уборки хлеба аграрное движение почти повсеместно, за исключением, как выше изложено, Саратовской губернии, заметно утихло, что объясняется главным образом тем обстоятельством, что с наступлением осеннего времени отпали те жгучие причины, которые заставляли крестьян совершать самоуправные действия (как-то: потравы, покосы, захваты земли для посевов и пр.), а также и то, что противоправительственная пропаганда за последнее время направлена была преступными агитаторами в среду городского населения.

ВОЛНЕНИЯ ВО ФЛОТЕ В 1915 ГОДУ.

Публикуемые письма министра внутренних дел Хвостова к председателю совета министров Горемыкину, относящиеся к концу 1915 г., имеют немаловажное общественное значение. Они обрисовывают настроение моряков Балтийского флота незадолго до революции. В самом деле, во второй половине 1915 г., в связи с военными неудачами на фронте, стало наблюдаться общее «полевение». К этому времени относится возникновение среди буржуазии так называемого «прогрессивного блока», объединившего в своих рядах от правых националистов до «левых» кадет. К этому же времени русская буржуазия бешено развила деятельность «Земгора» (Союза земств и городов) и других общественных организаций, делавших робкие попытки играть политическую роль.

Среди рабочих, матросов и солдат этот процесс полевения проявился в гораздо более бурных формах. Здесь он осуществлялся в наростании революционных настроений и в прямых революционных вспышках, предвещавших близость революции. В частности, в Балтийском флоте к осени 1915 г. значительно окрепли большевистские организации, влияние нашей партии в сильнейшей степени возросло. Это обстоятельство не могло пройти незамеченным со стороны департамента полиции. В последние месяцы 1915 г. был произведен целый ряд арестов матросов-большевиков на судах Балтийского флота. В Гельсингфорсе были разгромлены большевистские организации на первой бригаде крейсеров. Особенно крепкой и многочисленной являлась партийная организация на крейсере «Россия». Поэтому здесь был произведен исключительно свирепый разгром. Охранка сняла с корабля и засадила в тюрьму около 40 матросов, в том числе виднейших большевиков: Тимофея Ивановича Ульянцева, Пелихова и других. Через несколько месяцев такой же разгром постиг кронштадтскую партийную организацию. На учебном судне «Александр II» был арестован унтер-офицер Иван Давыдович Сладков, один из фактических руководителей кронштадтских матросов-большевиков. Наконец, около того же времени, осенью 1915 г., вспыхнуло восстание на линейном корабле (дредноуте) «Гангут». Печатаемые ниже официальные документы в понятных целях стараются смягчить значение этого события, изобразив его как ординарные беспорядки. Между тем, это было настоящее восстание, непосредственное, хотя и стихийное, проявление революционных чувств и настроений балтийских моряков. Команда «Гангута», состоявшая из 1.500 человек, в действительности не только «подняла ропот», как это пытается изобразить записка Хвостова, а вышла из повиновения своему начальству, отказалась подчиняться распоряжениям офицеров и предъявила определенные требования. Если бы дело заключалось только в невин-

ном ропоте и в выключении динамо-машины, то был бы совершенно непонятным последовавший затем арест 95 матросов, из коих одному — Павлу Яковлевичу Петрову — даже угрожала смертная казнь. Нет, тут дело было гораздо серьезнее, чем это задним числом стремился изобразить в докладе своему начальнику министр внутренних дел Хвостов.

Правда, восстание на «Гангуте» не было поддержано другими кораблями Балтфлота. Оно остановилось на первой стадии. Гангутские матросы, видя свою изолированность, не решились перейти к захвату власти. В этом состоит отличие Гангутского выступления от Севастопольского восстания на «Очакове» 14—15 ноября 1905 г.

Однако, если матросы других кораблей не присоединились к восстанию на «Гангуте», то их моральное сочувствие было единодушно на стороне восставших. Это доказывается тем фактом, не скрываемым даже в записке царского бюрократа, что команда с «Рюрика» отказалась конвоировать арестованных на «Гангуте» матросов. Мало того, события на «Гангуте» нашли широкий отклик на других судах Балтийского флота.

«Происходившие на «Гангуте» беспорядки, — пишет по этому поводу Хвостов, — вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных: на всех судах флота команды решили предъявить те же требования во время зимней стоянки судов, а если эти требования не будут удовлетворены, объявить общую забастовку. Если же арестованные матросы будут преданы суду и осуждены, то указанное выше выступление произойдет даже ранее зимы; в случае же принятия по отношению к судовым командам каких-либо репрессий, задуманная забастовка может обратиться в бунт».

Далее Хвостов прибавляет, что пропаганда в этом духе ведется не только среди моряков, но и среди сухопутных частей кронштадтского гарнизона, «которые также высказываются за необходимость принять участие в протесте одновременно с флотом».

Если даже Хвостов, систематически стремящийся затушевать действительную картину событий наложением более мягких красок, пытается изобразить положение вещей в шаблонном духе казенного оптимизма, если даже он вынужден признать возможность бунта не только среди матросов, но и среди солдат, то это показывает, насколько сильно была накалена почва под ногами царизма. Вся политика старого режима в отношении матросов и солдат строилась на создании между ними искусственной розни.

Этот солдатско-матросский антагонизм старательно поддерживался как в армии, так и во флоте. На почве этого взаимного натравливания царским сатрапам неоднократно удавалось спровоцировать драки, а иногда и массовые побоища между солдатами и матросами в Кронштадте, Гельсингфорсе и других портовых городах. Эта вражда исчезла лишь со времени революции, когда, наконец, установилась тесная и уже неразрывная смычка сухопутных и морских масс, представляющих собою плоть от плоти и кость от кости рабочего класса и крестьянства.

Докладная записка Хвостова в качестве главной причины так называемых «беспорядков» считает «недовольство матросов офицерами немецкого происхождения».

Само собою разумеется, это объяснение совершенно неверно.

Истинные причины восстания были гораздо глубже. Они коренились в общем процессе революционизирования широких масс, которое охватило в то время рабочий класс и крестьянство, армию и флот.

В связи с этим среди солдат и матросов стихийно росла вражда к офицерам, символизировавшим в глазах массы систему старорежимного угнетения и оплот ненавистного царского трона.

Правда, это анти-офицерское настроение частично пошло по линии наименьшего сопротивления, направившись по руслу борьбы только с офицерством германского происхождения. В эпоху сильнейшего шовинистического угара трудно было остаться в стороне от этого поветрия. Однако не приходится отрицать того факта, что значительная часть моряков уцелела от шовинистической заразы; кроме того, даже германофобские настроения объективно выражали стихийную ненависть матросов против дворянско-барского офицерства вообще.

Конечно, наша партия прилагала все усилия для разъяснения массам, что дело вовсе не в офицерах-немцах и даже не в офицерах вообще, а во всем царском режиме.

Эта большевистская пропаганда, разумеется, имела успех. К моменту февральской революции шовинистические чувства по отношению к так называемому «внутреннему немцу» уже сгладились, и в процессе революционных событий офицеры, носившие немецкие фамилии, третировались на равном основании с их русскими коллегами.

В заключение следует обратить внимание читателей еще на один факт.

По словам Хвостова, «особенно пользуется широким распространением среди нижних чинов газета «Речь».

Это не соответствует действительности. Орган ЦК кадетской партии еще можно было встретить в кают-компании, в руках офицеров, слывших за «либералов». Но среди матросов эта профессорски-адвокатская газета, писавшая статьи непонятным для масс интеллигентским языком и высказывавшая весьма умеренные политические суждения, была совершенно непопулярна.

В матросском кубрике чтение «Речи» с успехом заменялось чтением ленинского «Социал-демократа» и прокламаций П.К. партии большевиков.

Ф. Раскольников.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
№ 175383.
17 ноября 1915 г.

1.

Его высокопревосходительству
И. Л. Горемыкину.

Доверительно.

Милостивый Государь
Иван Логгинович!

Имею честь препроводить при сем Вашему высокопревосходительству поступившие в мое распоряжение агентурные сведения по поводу наблюдающегося в последнее время среди судовых команд Балтийского флота брожения.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

готовый к услугам *А. Хвостов.*

2.

Наши временные неудачи за последнее время на сухопутном фронте отозвались с весьма нежелательной стороны на настроении нижних чинов Балтийского флота.

Захват воюющими с Россией державами большей части Привислинского и Прибалтийского края и возврат в руки врагов взятой было нами Галиции, равно как и некоторые кажущиеся матросам недочеты в действиях наших морских сил, нижние чины флота относят к измене военного начальства немецкого происхождения; при этом во многих случаях нижние чины, не разбираясь в точном определении национальности командного состава и судя только по иностранным фамилиям некоторых из начальствующих лиц, ошибочно относят их к лицам немецкого происхождения.

В числе факторов повышенного настроения матросов явились также: роспуск государственной думы и влияние легальной прессы левого направления, критикующей деятельность правительства в в борьбе с немецким засильем и дороговизною; особенно пользуется широким распространением среди нижних чинов газета «Речь».

Помимо газет, брожение в умах нижних чинов флота поддерживается также и прикомандированными к судовым командам прапор-

щиками флота, близко соприкасающимися с нижними чинами. Они открыто говорят матросам, что в России тотчас по окончании войны, независимо от результата ее, возникнет внутренняя война, в целях окончательного искоренения немецкого засилья.

На-ряду с этим значительную долю влияния на повышенное настроение матросов оказало бестактное обращение некоторых лиц командного состава с матросами и недоброкачественность на некоторых судах пищевого довольствия.

Возбужденное состояние нижних чинов флота фактически проявлялось: 1) в усиленном с их стороны интересе к деятельности левых партий государственной думы; 2) в открытом выражении недовольства бездействием русского правительства, не сделавшего, по их мнению, ничего для успеха войны и даже, в противоположность германскому правительству, ничего не предпринявшего в этом направлении в течение года войны, и, наконец, 3) в возмущении слабыми мерами по искоренению в России немецкого засилья со стороны правительства, коим будто бы руководит немецкая партия при высочайшем дворе. Происками этой германской придворной партии матросы объясняют и назначение верховного главнокомандующего на Кавказ и даже высказывают предположение о возможности, под влиянием той же партии, желательного для Германии заключения мира, который, по их убеждению, повлечет за собою небывалую доселе в истории революцию, угрожающую не только «стереть дом Романовых, но и совершенно изменить строй России».

Таким возбужденным состоянием нашей Балтийской эскадры не преминули, конечно, воспользоваться революционные элементы всех оттенков, которые стремятся распространить это недовольство в широких кругах нижних чинов армии и флота, дабы свести свои старые счеты с правительством, основательно полагая, что для осуществления их заветной мечты войска в их руках будут сильным оплотом. Но для успешности задуманного плана они, считаясь с патриотическим настроением массы, не выступают в данном случае с своими программами, а стараются лишь порицанием действий правительства в настоящей войне возбудить умы солдат и поднять общее недовольство в армии. Пропагандируя, что война нужна исключительно капитализму, а не русскому или германскому народу, они внушают солдатам, что до объединения социалистов всех стран и до возникновения общего народного недовольства и возмущения против правительств в воюющих странах и, наконец, до полного их свержения, никакая победа той или иной группы держав ничего не даст народам стран, охваченных войной, ввиду чего необходимо стремиться лишь к скорейшему окончанию войны, не считаясь с ее результатом, а для этого необходимо всеми способами затруднять работу общества и правительства по изготовлению боевого снаряжения, организовать забастовки и народные возмущения.

Стремление революционеров использовать в своих целях возбужденное настроение нижних чинов флота в настоящее время, хотя и не

выливается в планомерную пропаганду и не имеет преобладающего значения, однако может служить показателем настроения некоторой части матросов. Существует все же убеждение, что идея эта может иметь широкое развитие в случае дальнейшего наступления германцев в глубь России, при чем это обстоятельство может вызвать среди судовых команд возникновение массовых беспорядков.

Самую благодарную почву эта пропаганда находит себе среди матросов береговых команд из числа призванных из запаса и вышедших из тюрем и дисциплинарных частей войск, а также среди распропагандированных ранее нижних чинов флота.

Между прочим, пропагандисты указывают на необходимость предания суду не только бывшего военного министра, генерала Сухомлинова, но и тех, кои виновны в недоставлении в армию достаточного количества боевых снарядов, а равно на необходимость смещения всех генералов и офицеров, носящих немецкие фамилии, внушают добиваться ответственности министров пред народом, амнистии всем политическим преступникам и полного осуществления реформ, обещанных манифестом 17 октября 1905 года. Настоятельное предъявление всех этих требований должно быть, по мнению пропагандистов, возложено на флот, который, являясь в настоящее время главной защитой Петрограда, более всего дорог правительству, и оно безусловно будет считаться с требованиями матросов и принуждено будет, по словам тех же пропагандистов, итти на всякие уступки, а тогда представится полная возможность осуществить партийную программу и передать правление в руки народа.

Фактическая сторона дела, на которой обосновывается это брожение, заключается в нижеследующем.

Нижние чины флота, под давлением указанных выше обстоятельств, прежде всего весьма подозрительно относятся ко всем действиям нашего военного флота и весьма склонны видеть со стороны чинов командного состава, носящих немецкие фамилии, измену там, где она, можно полагать, вовсе не имеет места: так, вице-адмирала Кербера матросы обвиняют в злодейском замысле уничтожить весь наш Балтийский флот. По их словам, он просил будто бы у адмирала Канина разрешения ввести все наши дредноуты в Рижский залив, где они неминуемо попали бы в руки врагов, но, к счастью, этого разрешения не получил. В августе сего года практическое движение линейных кораблей по распоряжению вице-адмирала Кербера будто бы намеренно было поведено с такой быстротой, что вызвало самовозгорание некоторых частей машинного отделения. Затем эта эскадра линейных кораблей, изменившая, по приказанию того же Кербера, первоначальный курс, взяла такое направление, которое, по мнению матросов, неминуемо должно было привести эскадру к катастрофе; и действительно, суда, проходя между подводными камнями, повредили себе бэрта, а корабль «Севастополь» налетел на камень и пробил себе дно, вследствие чего ныне выведен из строя; судно же «Гангут» постра-

дало настолько, что временно потеряло свою боевую силу. Наконец, при разведке Кербер не позволил, будто бы также намеренно, расстрелять занятый немцами около Риги маяк, приспособленный ими в качестве наблюдательного пункта и вооруженный батареей.

Вторым лицом из командного состава Балтийского флота, которого как немца по происхождению ненавидят матросы и обвиняют в измене, является командир эскадренного миноносца «Сильный», капитан 2-го ранга барон Эрих Брунович Фитингоф. По словам матросов, барон Фитингоф явно симпатизирует германцам. Так, миноносцы «Сильный» и «Расторопный», посланные минувшим летом на разведку к Либаве, встретив неприятельские миноносцы, вступили с ними в перестрелку; однако барон Фитингоф сначала уклонялся от боя, а затем, когда уже пришлось вступить в бой, всеми силами старался будто бы обезвредить для врага эту стрельбу.

Матросы утверждают далее, что во время плавания миноносца «Сильный» без других судов барон Фитингоф намеренно и притом без всякой надобности дает полный ход машине, вследствие чего преждевременно изнашивается механизм миноносца, и он может быть вследствие этого выведен из строя.

В подтверждение своих подозрений матросы указывают также на следующий случай: однажды с миноносца замечена была неприятельская подводная лодка, которую представлялась полная возможность уничтожить, на чем и настаивал старший офицер, предлагая командиру судна развить ход и настигнуть лодку; однако барон Фитингоф, прибавив слегка ход судна, намеренно направил его в сторону от лодки.

Свое озлобление на немецкое засилье во флоте матросы распространяют и на командира тральщика, барока Роопа, коего обвиняют в том, что он будто бы не дал разрешения на проверку национальности неизвестного судна, появившегося в виду тральщиков, охранявших тайную расстановку мин на позиции, заверяя, что это судно шведское и проверке поэтому не подлежит, вследствие чего появившееся судно, не будучи установлено, скрылось.

Возбужденное настроение матросов и недовольство их командным составом особенно рельефно проявилось в следующем случае: в конце августа в Петрограде, во время проводки из устья Невы к морю только что построенного эскадренного миноносца «Победитель», на последнем по нераспорядительности командира была повреждена около одного из невских мостов носовая часть миноносца. Небрежность эта настолько возмутила рабочих металлического машиностроительного завода, на котором миноносец строился, что они отказались от его ремонта, указывая, что труды их будто бы намеренно уничтожаются судовым начальством; вследствие этого миноносец пришлось отправить для ремонта в Кронштадт; случай этот на другой же день стал известен среди судовых команд Балтийской эскадры и произвел на солдат настолько тяжелое впечатление, что сдерживаемое ими до того времени возбужденное настроение вылилось в открытое возмущение, и команды нижних

чинов «Громобоя», «России» и «Баяна» совместно с командами отряда дредноутов стали громко высказывать свое недовольство по поводу немецкого засилья во флоте и кричать: «долой немцев». Для водворения порядка был вызван начальник 2-й бригады крейсеров, адмирал Курош, который в крикливом тоне стал объяснять матросам их незаконные действия и грозить им виселицей, но матросы будто бы ответили ему, что «их тысячи, что всех их не перевешать и что скорее сам адмирал ими будет повешен»; такое возбужденное состояние нижних чинов заставило адмирала поспешно уехать.

К числу причин, вызывающих в матросах оппозиционное настроение по отношению к начальствующим лицам, должна быть отнесена также, как было сказано выше, и недостаточная заботливость некоторых командиров и старших офицеров о довольствии нижних чинов.

Так, однажды матросам подали на обед щи, сваренные из недоброкачественного мяса с червями, каковое обстоятельство вызвало крайнее недовольство нижних чинов. На этой же почве происходили возмущения на линейном корабле «Император Павел I» и на крейсере «Россия». На последнем матросы, собравшись на баке, стали шуметь, требовать улучшения пищи, более человеческого обращения с ними со стороны начальства и удаления офицеров, носящих немецкие фамилии. Для прекращения беспорядка к матросам вышел командующий бригадой крейсеров контр-адмирал Курош и с револьвером в руках стал требовать выдачи зачинщиков и прекращения беспорядков, угрожая, в противном случае всех их перестрелять, но из толпы матросов раздался крик, что «теперь не 1905 год, что все матросы поумнели и их теперь не запугать и что раньше, чем контр-адмирал Курош выполнит свою угрозу об их расстреле, они выкинут его за борт». 24 сентября на учебном судне «Двина» командой также было проявлено недовольство обедом. Старший офицер судна, узнав об этом, выстроил всю команду на верхней палубе и, обходя ее с револьвером в руке, грозил матросам расстрелом при повторении подобного случая; однако узнавший об этом командир судна сделал внушение старшему офицеру и приказал сварить матросам пунш и выдать хороший ужин, а обед вылить за борт.

На этой же почве возникли беспорядки и на линейном корабле «Гангут». 21 октября на этом корабле происходила нагрузка угля, затянувшаяся почти до ужина, на который матросам была выдана жидкая гречневая каша. Недовольная этим команда подняла ропот и заявила, что их изнуряют непосильной работой, а порядочной пищи не дают и что они требуют убрать из флота немцев, а в особенности старшего офицера с немецкой фамилией, который изнуряет матросов работой и постоянно грозит расстрелом.

На следующий день, 22 октября, команда «Гангута», воспользовавшись отсутствием командира, остановила динамо-машину, вследствие чего погасло электричество, вышла на палубу и когда прибыл командир судна капитан 1-го ранга Кедров, заявила ему, что она не может далее

выносить присутствия на корабле старшего офицера и вообще протестует против немецкого засилья во флоте. В результате на судне было арестовано 95 человек, которые под конвоем отправлены были в гор. Ревель. Для охраны их были вытребованы миноносцы и смешанная команда с военных броненосцев, при чем одна из них с «Рюрика» отказалась будто бы исполнить возложенное на них поручение — конвоирование арестованных, заявив, что в конвой они не пойдут и что из флота немедленно следует удалить всех немцев. В свою очередь, командир судна «Андрей Первозванный» капитан 1-го ранга Град, по происхождению швед, отказался дать своих людей в конвой и донес об этом командующему Балтийским флотом, который согласился с этим распоряжением.

Происходившие на «Гангуте» беспорядки вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных; на всех судах флота команды решили предъявить те же требования во время зимней стоянки судов, а если эти требования не будут удовлетворены, объявить общую забастовку. Если же арестованные матросы будут преданы суду и осуждены, то указанное выше выступление произойдет даже ранее зимы; в случае же принятия по отношению к судовым командам каких-либо репрессий задуманная забастовка может обратиться в бунт. Пропаганда на эту тему усиленно ведется не только среди нижних чинов флота, но и среди сухопутных частей кронштадтского гарнизона, которые также высказываются за необходимость принять участие в протесте одновременно с флотом.

Главной причиной всех этих беспорядков является, очевидно, недовольство матросов офицерами немецкого происхождения; недовольство это возникло еще в начале войны и особенно усилилось после явной измены капитана 1-го ранга фон-Дена, который, командуя крейсером «Новик» и будучи окружен в мае сего года германскими судами, намеревался сдаться, но был арестован воспротивившимися этому офицерами, которые и прорвались благополучно через неприятельский строй. По возвращении в Ревель фон-Ден застрелился. После же ареста матросов на «Гангуте» озлобление настолько усилилось, что на некоторых судах, по словам матросов, могут произойти случаи выбрасывания нежелательных офицеров за борт.

В целях предотвращения дальнейшего развития возбужденного состояния нижних чинов Балтийского флота судовым начальством больших судов приняты особые меры предосторожности; такие же меры, выработанные особой войсковой комиссией, приняты и по кронштадтскому гарнизону. Для расследования же беспорядков на «Гангуте» в Кронштадт прибыла из Петрограда комиссия в составе председателя контр-адмирала Небольсина, членов — капитана 1-го ранга Бутакова 3-го и капитана 2-го ранга Руднева 3-го при делопроизводителе полковнике Мартианове; занятия этой комиссии начались 4 сего ноября.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
№ 175420
17 ноября 1915 года.

3.

Доверительно.

Милостивый Государь
Иван Логгинович!

В дополнение к письму от 25 минувшего октября за № 174459 имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что для расследования беспорядков, происшедших на линейном корабле «Гангут», распоряжением командующего Балтийским флотом была образована специальная, под председательством контр-адмирала Небольсина, следственная комиссия, работы коей уже заканчиваются.

В настоящее время, по сообщению контр-адмирала Небольсина, точно установлено, что на означенном корабле беспорядки возникли не под влиянием революционной пропаганды, исходившей с берега, а исключительно лишь на почве существующего во флоте недовольства офицерами немецкого происхождения и, в особенности, старшим лейтенантом бароном Фитингофом.

Что же касается арестованных по сему делу матросов, то они, согласно предположению следственной комиссии, имеют быть распределены на три категории, при чем в первую группу будут включены 33 человека, предназначенных к преданию военно-морскому суду по обвинению в бунте; во вторую категорию намечены 27 лиц, коих решено к судебной ответственности не привлекать, а списать как находящихся в подозрении с линейного корабля «Гангут» и отдать под надзор морского начальства в Кронштадте, и, наконец, к третьей категории отнесены 38 матросов, которые, ввиду выяснившейся полной непричастности их к беспорядкам, будут возвращены в состав команды «Гангута».

К изложенному долгом считаю присовокупить, что некоторым из предаваемых военно-морскому суду матросов, как, например, трюмному матросу Павлу Яковлеву Петрову, ранее проходившему службу в Гвардейском Экипаже, угрожает смертный приговор.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

готовый к услугам *А. Хвостов.*

Его высокопревосходительству
И. Л. Горемыкину.

Из дневника ген. В. И. СЕЛИВАЧЕВА.

Дневник генерал-лейтенанта Б. И. Селивачева представляет ряд ежедневных записей, аккуратно веденных им в течение мировой войны.

В этих записях находят отражения как боевые события, участником которых являлся автор, так и его личные переживания и впечатления.

Для историка дневник представляет особый интерес в той его части, где ген. Селивачев оказался вынужденным так или иначе реагировать на политические события, ворвавшиеся в монотонную и размеренную жизнь автора, сначала начальника пехотной дивизии, затем командира корпуса и, наконец, командующего VII армией.

В дневнике Селивачева мы не найдем глубокого анализа событий и правильной оценки их значения. Этого и трудно было ожидать от генерала, насквозь пропитанного взглядами и настроениями среды, в которой он жил и действовал.

Зато отдельные штрихи быта и настроений, зафиксированные автором, представляют несомненное значение для всякого интересующегося революцией 1917 года.

Особенный интерес представляет отражение в дневнике фактов, рисующих процесс разложения армии, начавшийся задолго до февральской революции.

В этом отношении весьма характерны записи в дневнике Селивачева от 15 и 18 марта. Сообщив о газетных слухах о подготавливаемой немцами 2.000.000 армии для похода на Петроград, о тревоге, распускаемой военным министром Гучковым, о сборе немцами значительных сил против нашего северного фронта, автор среди всех этих вздорных слухов и сплетен роняет, сам того не сознавая, весьма ценный исторический штрих, свидетельствующий о двойственности Временного Правительства. Именно, он сообщает о разговоре своего дивизионного интенданта с одним из членов комиссии генерала Поливанова, в котором этот член комиссии просил дивизионного интенданта при случае передать в войска, чтобы после организации комитетов эти последние выносили резолюции о доверии Временному Правительству, подтверждая эти резолюции телеграммами. По словам члена комиссии, эта мера должна была послужить противовесом Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, желавшему подорвать престиж Временного Правительства.

Не будучи даже официальным, этот разговор тем не менее весьма характерен для близких к Временному Правительству кругов. Эти факты и штрихи в дневнике, предшествующем февральским событиям, тонут в массе несущественных и не имеющих никакого исторического значения мелочей, но тем не менее они дают довольно яркую картину «предвестников» революции в отношении настроений не только солдатской массы, но и ее руководящих кругов.

Так, в записи от 16 января автор, передавая один из питерских слухов о трениях между бывшим царем и английским посланником Бьюкененом из-за бывшей императрицы, делает следующую приписку: «Вот до какого позора дожила наша императрица и весь наш царствующий дом!».

19 января автор, комментируя уход из начальников штаба генерала Гурко, приводит как один из мотивов ухода слух, циркулировавший в армии, о том, что Гурко ушел из-за нежелания делать служебный доклад императору в присутствии императрицы.

В записи того же дня автор делает следующую интересную заметку:

«Священники указывают на трудность пастырской деятельности, ибо люди, много читая газеты, вечно требуют разъяснений и жалуются на несправедливость правительства,— грустное явление, но, к сожалению, неизбежное теперь при свободе писаний в газетах, закрывании государственной думы, Распутинской истории и пр. и пр.... Да, кстати, у нас и народ начинает развиваться».

29 января Селивачев отмечает в своем дневнике о возмущениях в рабочих партиях из туркмен из-за несоблюдения с ними договорных условий.

12 февраля автор сообщает об отказе части рот северного фронта итти в атаку и о последовавших затем репрессиях и расстрелах.

В записи от 26 февраля автор сообщает крайне любопытный эпизод, свидетельствующий о том скрытом разложении, которое захватило даже отборные части, именно об убийстве солдатами особой пехотной бригады, посланной во Францию, при высадке в Марсели одного из батальонных командиров, подполковника Крузе, при чем солдаты мотивировали свое убийство тем, что батальонный командир был немец.

По мере приближения февральских дней политические настроения все чаще начинают проникать в армию.

2 февраля Селивачев записывает в своем дневнике: «Недовольство в народе становится сильнее и сильнее, несмотря на то, что полиция, кроме пулеметов, получила уже и бронированные автомобили... Революция неминуема».

6 февраля автор отмечает циркулирующие в Тарнополе слухи о предстоящем якобы возвращении в Петроград гвардии в связи с начавшимися в столице волнениями и о беспорядках на пороховом заводе.

По некоторым местам своих записей, предшествующих февральской революции, автор рисуется человеком, живо чувствующим недостатки режима.

Так, в записи от 28 января автор бросает следующую фразу: «неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни».

29 января, отмечая никуда негодную подготовку специальных частей третьеочередных дивизий, автор, обвиняя в этом бывшего командующего войсками московского военного округа генерала Сандецкого, ставленника высоких сфер, горько замечает: «Вот в чьих руках была подготовка наших частей, на кои теперь ложится задача последних усилий для победы над врагом!».

4 февраля, говоря в своем дневнике об интриге, которую вели против Алексеева Протопопов, Штюрмер, Вырубова и Распутин, и критикуя последнего царского военного министра, генерала Беляева, автор восклицает: «Вот какие ничтожества решают наши великие дела!».

Поступив в академию генерального штаба армейским пехотным офицером, Селивачев окончил ее без причисления к генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть лямку армейского пехотного командира.

Русско-японская война 1904—1905 г.г. застала его командиром баталиона, в каковой должности он и отправился со своим полком на войну.

Тяжело раненый во время этой кампании, Селивачев снова по излечении возвращается в строй, где последовательно получает должности командира пехотного полка и—с производством в генералы — командира пехотной бригады.

В последней должности застает Селивачева начало мировой войны, при чем он сначала формирует второочередную 4-ую Финляндскую стрелковую бригаду, с которой и выступает в поход, а затем, с переформированием этой бригады в дивизию, он в течение первых трех лет войны командует ею. За это время Селивачев показал себя довольно энергичным командиром.

В первые месяцы февральской революции Селивачев получает корпус, которым командует недолго, а затем и VII армию. Здесь он был арестован комиссаром юго-западного фронта Иорданским за сочувствие Корниловскому мятежу. Вскоре освобожденный, Селивачев последние месяцы кампании провел не у дел.

Революцию Селивачев готов был воспринять, как смену лиц — не более, и потому с первых же дней он отшатнулся от революции, когда увидел на политической сцене народные массы.

С особой тщательностью он отмечает в своем дневнике все слухи, толки и сплетни, могущие набросить тень на революцию или ее деятелей. Солдатские выборные организации и институт комиссаров в армии находят в нем упорного противника.

Ожесточенная борьба Селивачева с революционными органами его армии привлекает на себя внимание и вызывает вмешательство высших инстанций.

Для характеристики сложившихся отношений в армии, которою командовал Селивачев, приводим выдержку из донесения начальника отделения общих дел управления военного комиссара юго-западного фронта, штаб-ротмистра Кузьмина-Караваева, без № и даты, но, повидимому, относящегося к концу июля:

«...У комиссариата 7 чрезвычайно неладно обстоит дело по отношению командарма VII и к штарму. Определенно указывают, что назначение наштарма VII графа Каменского явилось делом чей-то протекции.

«Наштарм VII, человек старой формации, определенный противник революции или во всяком случае не понимающий сущности и задачи революции и тем самым весьма затрудняет работу представителей революционной власти в армии... Нижние чины штаба также не склонны проявлять хотя бы корректную деловую вежливость.

«Тов. комиссара Сургучев, человек очень твердый, определенный, умеющий себя поставить на должную высоту, также констатирует полную невозможность работать в создавшейся в VII армии обстановке» [1]).

Все эти обстоятельства надлежит иметь в виду при чтении той части дневника, которая следует за февральским переворотом.

Все события революции преломляются весьма своеобразно в понимании автора.

---

[1]) Дело канцелярии военного министерства по описи В. Уч. Арх. № 82.

При чтении записок читатель много раз будет натыкаться на места, характерные для политической безграмотности автора.

Политически невежественный автор сохраняет довольно верное чутье настроения солдатских масс и верно передает его. 11 марта автор пишет: «Подъема в войсках нет, совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война и каждый, вернувшись домой, займется своим делом. А тут — опять бои и бои не на живот, а на смерть!..». 10 марта Селивачев пишет в своем дневнике, что «солдаты желают теперь только одно — еды и мира, так как устали от войны... питаться же громкими фразами, — прибавляет автор, — наш солдат не может».

Как мы уже отметили, наш автор вскоре оказался в стане недоброжелателей, а затем и врагов революции. Поэтому страницы его дневника широко открыты всем ложным и провокационным слухам и басням, чернящим революцию. Мы сохранили их в тексте, чтобы дать возможность читателю проследить ту внутреннюю сначала подсознательную контр-революцию в армии, которая нашла затем своего вождя в лице генерала Корнилова.

В нашем распоряжении имелись две тетради дневника Селивачева; одна охватывает период времени с 13 января по 4 апреля 1917 г., когда автор командовал 4 Финляндской стрелковой дивизией, стоявшей сначала в резерве, а потом заступившей на пассивный участок фронта; другая посвящена описанию событий за время с 1 июля по 8 августа 1917 г., когда автор командовал VII армией, принимавшей участие в известном июньском «наступлении Керенского» на юго-зап. фронте. Записки автора за этот период начинаются именно тогда, когда наступление приостановилось, а затем обратилось в беспорядочный отход на государственную границу. Но эти события всею своею тяжестью легли на соседние армии, и VII выполнила свой отход сравнительно благополучно, в силу чего боевые эпизоды и в этой части дневника Селивачева играют соподчиненную роль по отношению к фактам, рисующим внутреннее состояние армии, ее распад, и характеризующим внутренние взаимоотношения командования, комиссаров, комитетов и солдатских масс.

Готовя дневник Селивачева к печати, мы освободили его от излишних длиннот, многословия, молитвенных обращений, обильно рассыпанным на каждой странице дневника, и совершенно выпустили чисто военную часть, как посвященную описаниям эпизодов второстепенного боевого значения, уже описанным в целом в специальных трудах.

Освобождение дневника от всех излишних и не имеющих прямого исторического значения деталей позволяет нам ясно представить себе картину постепенного развала старой русской армии, достаточно полно отраженную дневником Селивачева, в чем и заключается его историческое значение.

Н. Какурин.

1917 год.

(3 марта — 1 апреля.)

3 марта. Пошел пешком на позицию сперва в правый бат-н шт.-капит. Соловьянова, а затем — в левый, где мне хотелось осмотреть тыл, видимость и обстрел долины р. Серета. В штабе 14 Ф. с. п. оказался плакат, вывешенный сегодня ночью немцами и снятый нашими разведчиками. В плакате значится, что в Петрограде вспыхнула революция, что власть захвачена 12-ю членами гос. думы, поставившими депутата думы Энгельгардта градоначальником; все министры заключены в тюрьму, и 30.000 гарнизон столицы присоединился к мятежникам. Повидимому, нет дыма без огня, так как по возвращении домой прочитал телеграмму, о том, что из ставки ожидается объявление важного акта, который должен успокоить умы столицы, взволнованные вопросами продовольственными; попутно потребовали в штаб корпуса офицера за получением какого-то секретного документа. Нам предписывается принять все меры к избежанию эксцессов. Что-то господь даст — ужасное переживаем время!!

13 часов. Сейчас получена бумага с манифестом государя об отречении от престола и передаче его вел. кн. Михаилу Александровичу, а главнокомандования армиями—вел. князю Николаю Николаевичу. Войска и флот Балтийский действительно примкнули в революционерам, а председателем комитета назначен Родзянко. Порядок восстановлен в обеих столицах. Господи, господи, помози нам справиться с нашей великой задачей! Вот до чего довела государя его слепота по отношению к государыне. По слогу манифеста совершенно ясно, что он продиктован государю от первого до последнего слова. Да и дан он в о П с к о в е с ясной тенденцией отклонить от государя всякое влияние, могущее повести к колебаниям и нерешительности. Оригинальное указание на характер действий флота, который «примкнул к правительству во избежание гибели», — очевидно, при междоусобице. Председателем совета министров назначен князь Львов.

Сегодня в 16 часов собираю к себе нач-ков частей, полковых священников и уполномоченных для объявления им новости и обсуждения вопроса о разъяснении положения нижним чинам.

Все еще не могу опомниться от совершившегося — вот превратность судьбы,— вот вам и блеск царского трона и могущество власти!!.

Не в этом, видно, истинное счастье, и я думаю, что государь с удовольствием бы поменялся теперь местами с любым из нас на фронте. Недаром же великий сердцевед Суворов на смертном одре сказал: «Долго гонялся я за славою — все тщета, покой души у престола всевышнего»... Интересно, что в основание нового порядка вещей новое правительство поставило выработку законов на основании принципа сохранения монархического начала... Впрочем, в манифесте, напутствуя Михаила Александровича, государь желает ему работу совместную с новым правительством на основаниях, выработанных последним.

На заседании изложил свой взгляд и предложил принять к руководству, что теперь крайне необходимо ввиду того, что противник бросает уже прокламации в бомбах... Все выслушали мои указания и приняли их серьезно, но вдруг благочинный дивизии заявил, что он не может итти против своей совести и до получения подтверждения от св. синода отказывается вести какие-либо беседы с нижними чинами. Конечно, это крайне поразило всех участников заседания, тем более что отец Любимцев сказал: «а может быть, государя заставили подписать отречение или даже арестовали». Никакие убеждения не могли столкнуть с места благочинного, и тогда мне пришлось заявить, что если по получении официального акта он откажется исполнить мое требование, я принужден буду принять все меры строгости, если он не сочтет более удобным теперь же отстраниться. На это он ответил, что он может уйти только силою. Манифест государя объявлять не разрешено по просьбе Родзянки,— видимо, появились какие-то осложнения, до разбора коих манифест задержан.

С минуты на минуту ожидаем телеграммы — объявлять ли манифест об отречении государя от престола.

(с. Тросьцянец — позиция.)

4 марта. В 7 часов выехали на позицию.

К 11 часам пришел в 15 Ф. с. п., где по телефону из штаба дивизии получил доклад нач-ка штаба дивизии о том, что манифест приказано объявить. Домой вернулся в 12 часов и здесь застал телеграмму с манифестом великого князя Михаила Александровича, по которому он соглашается исполнить требование брата — вступить на престол только в том случае, если будет избран представителями народа путем всеобщего, тайного и проч. избрания. Итак, пока мы без царя. Пастор, приезжавший сегодня служить, говорил за обедом, что Родзянко предлагал государю оставаться, лишь бы заключить в монастырь государыню, но он отказался. Великий князь Николай Николаевич издал приказ о своем вступлении в главнокомандование и предписал исполнять распоряжения Временного Правительства. Военным министром, а временно и морским назначен Александр Иванович Гучков; министром иностранных дел — Милюков.

Вот превратность судьбы великих мира сего. Являвшийся мне полковник Иванов, допущенный к командованию 13 Ф. с. п., говорил, что

государыня во время петроградских событий укрылась в английском посольстве и будто бы уже уехала в Англию.

Все министерство из числа октябристов, левых и трудовиков — это явная гарантия за то, что ни о каком сепаратном мире с Германией и мечтать не будут... Не это ли начало конца Германии?? Тем более, что и великий князь Николай Николаевич ярый противник немцев.

17^{20} часов приходил священник 3 пех. дивизии по вопросу о том, как поминать теперь на богослужении: государя нельзя, нельзя и вел. князя Михаила, не принявшего еще престол. А духовное начальство, конечно, молчит упорно, очевидно, не желая попасть впросак.

Сейчас получена телеграмма вел. кн. Николая Николаевича, подтверждающая действительность манифеста государя и заявление великого князя Михаила Александровича и предписывающая всем нач-кам внушить нижним чинам необходимость стойко держаться против врага и спокойно выжидать народного решения о выборе царя.

Нач-к штаба говорил, что в газетах пишут об аресте в Петрограде всех министров, а в Москве—командующего округом, генерала Мрозовского [1])...

5 марта. В 8 часов приехал в резервный бат-н 16 Ф. с. п., где к-р полка читал манифест, а в 12^{30} приехал домой. День чудный, светлый, ярко-солнечный.

Сейчас пришла телеграмма о крупных успехах французов.

6 марта. Командир корпуса, отдал приказ, по коему ясно, что, кроме верховного главнокомандующего, он не признает никого из Временного Правительства. Это глубочайший монархист, участник «Русского Знамени» и юдофоб чистейшей воды...

Новая радиотелеграмма сообщает о крупных успехах французов, заставивших немцев отойти на 20 верст и на фронте около 100 верст. Немецкие арьергарды оказывают упорное сопротивление, но у французов идет безостановочное преследование конницей.

Из 6 арм. корп. передавали, что в Австро-Венгрии — революция на почве требования прекратить войну и отделения Венгрии от Австрии.

Сейчас получена телеграмма, предупреждающая о появлении каких-то делегаций от нового правительства с целью разоружения офицеров и жандармов и о направлении в армию воззваний рабочей партии, призывающей нижних чинов не повиноваться офицерам. Приказано делегации захватывать и предавать полевому суду. Итак, анархия начинает уж действовать...

Главный священник фронта уведомил сегодня, что царствующий дом поминать не надо, а поминать «благоверный правительствующий синклит»... Тоже ведь подобрали выражения!!! Что-то теперь скажет благочинный.

7 марта. Вчера одна сестра милосердия сообщала, что есть слух, будто из царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши

тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда — ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!!

Характерная особенность. Новое правительство обращалось ко всем со своими воззваниями и совершенно умолчало о губернаторах — как будто их и не было никогда.

Вчера получил телеграмму от к-ра 743 запасного пех. полка, укомплектовывающего дивизию, такого содержания: «Счастлив сообщить, что полк в полном составе офицеров и нижних чинов присоединился к новому правительству. Продолжаем работать по подготовке укомплектований».

Несомненный дурак — какое мне дело до его политических убеждений: присылай лучше обученные укомплектования.

К-р 16 Ф. с. п. представил сегодня привезенный отпускным н. чином приказ № 1 партии Солдатских Депутатов с приказанием солдатам не отдавать чести, становясь во фронт и вообще вне службы, не титуловать «ваше превосходительство», «ваше высокоблагородие», а г-н генерал, г-н полковник и т. д.

8 марта. По вчерашним газетам совершенно ясно, что в Петрограде было кровопролитие: по одним слухам, убито и ранено 6.000; а по другим — 20.000 человек. Первыми примкнули к революции — л.-гв. Волынский запасный полк, затем л. гв. Литовский и л. гв. Казачий. Словом, гвардия — эта баловница царская — сыграла и тут ту роль, которую она играла при всех переворотах... Но удивительно хорошо соображен момент: даже гвардия не имеет прочного, надежного кадра старых офицеров, не говоря уж об армии, сплошь состоящей из третьего сословия — извозчиков, печников и т. п. Несомненно, что после войны революция была бы более кровавая, а теперь — провинция просто таки присоединилась. Это опять доказательство того, что политическая жизнь страны в руках ее политических центров.

Генерал Мрозовский, будучи арестован, послал заявление Временному Правительству о своей солидарности с последним.

Выехал на позицию в 7^{30} часов и побывал на наблюдательном пункте на высоте 416. Батареям, видно, странно, что генерал ходит по позиции, разговаривает, расспрашивает, хотя некоторые прямо таки говорили: «Вас-то мы уверены, что увидим»...

9 марта. Вчера интересовался у к-ров полков, как отнеслись н. чины к событиям отречения государя. На это все ответили, что отнеслись очень спокойно, а некоторые прямо заявили: «Да мы это ведь давно знали и ожидали». Только некоторых смущает вопрос — «а что же будет с наследником?».

Газеты последних дней полны подробностями отречения государя и между прочим указывают, что Воейков советовал государю открыть западный фронт немцам, чтобы усмирить восстание. Это указание на западный фронт особенно характерно потому, что из 3-х главнокомандующих фронтами только Эверт не откликнулся на призыв Родзянки и до настоящего времени хранит упорное молчание. Характерно это

еще и потому, что на этом фронте вот уже более года не только нет успехов, но полнейшее непродвижение вперед.

Получено циркулярное воззвание «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и приказ нового военного министра. Оба эти документа прикладываю здесь, как доказательство, до чего можно дойти в абсурдах — что-то выйдет из этого при составе наших граждан - солдат.

Сейчас приходил ко мне полковник Богданович, оставшийся временно за генерала Перрет [2]). Как старый служака он, конечно, возмущается новым режимом и распорядками военного министра; между прочим, он рассказывает, что киевский комиссар Оберучев [3]) был изгнан из 37 артиллерийской бригады — за неблаговидные поступки; вот каковы комиссары нового правительства!!!

10 марта. Лег в 0^{30} часов, проведя время в беседе с уполномоченным земского союза Блохом по поводу совершившихся событий. Толковали о том, что приказы военного министра всецело отдают влиянием «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», с которым, несомненно, Гучков не может не считаться.

Я прямо доказывал, что вопрос пойдет дальше, и все распоряжения этого «Совета» будут приняты Гучковым для введения в армию, хотя и пройдут через комиссию генерала Поливанова. В доказательство этого я указал на приказ «Совета Депутатов» о разоружении офицеров и о неисполнении н. чинами приказаний офицеров о выдаче им оружия из рот, которое должно быть в ведении особых комитетов из нижних чинов.

На это капит. Архангельский [4]) (большой приверженец нового правительства) сказал, что это распоряжение «Совета Депутатов» не относится к действующей армии, так как приказом № 4 Совет уже разъяснил,что это касается лишь гарнизона Петрограда, дабы не позволить образоваться контр-революции.

Далее поднялся вопрос об Учредительном Собрании — я ответил, что глубоко убежден, что армия будет привлечена к выборам, так как иначе некому же будет и выбирать— в деревнях остались лишь бабы и дети. А раз допустить выборы в армии — значит допустить и предвыборную агитацию, что недопустимо по боевой обстановке. Я глубоко убежден, что солдаты желают теперь только одно — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими фразами об «отечестве», его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно настоящий, так как в деревнях его в этом духе не воспитывали, а армия не имеет времени заняться этим, так как должна вести бой; и если наши старые, воспитанные в этом духе, солдаты, в начале войны были огорчены, что она не кончилась (как это говорили) через 3 м-ца, и мы увидали настойчивое стремление их под разными предлогами в тыл, то что же сказать о современном солдате, который воспитывается в наших запасных полках? Да и кто же попадает в «Совет Депутатов»? Тыловые писаря разных учреждений, скрывающиеся в тылу наши нижние чины, разные шоферы, по протекции попавшие в тыл, т.-е. весь тот хлам,

который не видал, не знает и не чувствует войны. Может ли наш солдат верить в высокие слова этих Солдатских Депутатов о необходимости вести войну до победного конца, если эти депутаты спрятались сами от войны по протекции старого режима, им же ненавистного??!

Не знаю, как ответят мои к-ры полков по требованию военного министра, я же лично дам такой ответ: «для меня, как человека военного, всякий приказ военного министра непреложен к исполнению; обсуждать затронутые в нем вопросы я считаю возможным лишь до тех пор, пока они не вылились в форме приказа. Тем более вопросы внутренней жизни войск, которая должна основываться на принципах, а не на разнообразной обстановке, повелевающей в бою; как начальник, я не мог бы доверять своем подчиненному, позволяющему себе критиковать отданный мною приказ».

Встал сегодня в 7^{30} часов. Утро тихое, слегка морозное; продолжает итти снежок.

9^{30} часов — сейчас еду на позицию — в 16 Ф. стр. п. Вчера генерал Ларионов [5]) рассказывал о возмутительном поведении нижних чинов в Киеве и на железной дороге; снимая с офицеров револьверы и шашки, они одевают их на себя, при чем поверх шинелей носят снятые же с офицеров ордена с мечами. Нач-к штаба 39 пех. див. рассказывал Ларионову, что от него в Петрограде какой-то студент потребовал шашку и когда тот отказался отдать, то его под конвоем 3 вооруженных солдат повезли в Таврический дворец. Здесь к нему вышел какой-то штатский, снова потребовавший от него шашку, на что полковник ответил, что ее не отдаст, а если ее возьмут силою, то он не уедет в армию. После совещания с кем-то штатский оставил шашку полковнику.

Сегодня прислали текст присяги на верность новому Временному Правительству с приказанием немедля привести полки к присяге под своими знаменами.

Ясно, что развал начинается: в петроградском гарнизоне нижние чины сами себе выбирают начальников, а скоро это будет и на фронте: уже сегодня автомобильно-пулеметный взвод в Заложце потребовал удаления младшего офицера — человека строгого и требовательного. В Тарнополе сегодня была уже присяга Временному Правительству.

Сегодня же получил просьбу от медицинского персонала 91 передового перевязочного отряда без подписей, но с посвидетельствованием старшего врача Терпсихорова о том, чтобы управление отрядом при новом правительстве было передано в руки медицинского персонала...

Я ответил: 1) что не уполномочен входить во внутреннюю жизнь отряда и 2) что считаю медицинский персонал не подходящим для замещения этой должности.

По словам полковника Давыдова, приказ военного министра произвел на офицеров неприятное впечатление...

В штабе корпуса ходят слухи, что Временное Правительство отыскивает скрывшегося куда-то бывшего императора.

По рассказам офицера, вернувшегося из Петрограда, генерал Эверт получил телеграмму за подписью государя о допущении немцев в Россию для усмирения восстания. Телеграмму эту, составленную якобы Воейковым и Фредериксом, он не исполнил, тем более, что вскоре получил и телеграмму Родзянко, с которой тот обращался ко всем главнокомандующим фронтами.

11 марта. Вчера вечером с капитаном Архангельским сели за ознакомление с присланным мне планом прорыва на участке 6 арм. корпуса. План этот прислан только для моего сведения.

Предстоящая операция, говоря откровенно, крайне пугает меня: подъема в войсках нет, совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война и каждый, вернувшись домой, займется своим делом. А тут — опять бои, и бои не на живот, а на смерть, так как немцы, стягивая свои силы и сокращая свой фронт на стороне Франции и Англии, усиливают удар на нашем фронте, тем более, что по последним данным число их дивизий доведено уж до 200, правда, с переходом к 3-х-полковым дивизиям... Какие бы громкие фразы ни говорили от «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», уставший от войны и ее ужасных лишений солдат не поднимется духом больше, нежели он поднимался при царе, а со стороны офицеров едва ли что можно ждать путного: старые оскорблены, а молодые — неопытны, да и также обижены, так как ограничение прерогатив офицерского звания, к которым, в сущности говоря, они и стремились, ставит их в ложное положение. Вчера передавали, что выработан проект уменьшения содержания офицерам и увеличения жалованья солдатам. Словом, «хам» уже идет, и я глубоко убежден, что скоро наступит время террора и междоусобицы. Ожидать счастливого окончания для нас войны невозможно — я не пророк, но глубоко убежден, что мы потеряем Польшу и Курляндскую губернию и Буковину с Галицией. Выборный начальник «хам», не зная России и не понимая ее задач исторических, несомненно будет рассуждать так, как и его гражданин-солдат, который знает только свою волость и ее только и считает своим отечеством. Живем в ужасное время, явившееся следствием преступных деяний государя, продиктованных ему немецкой партией. Положение великих князей отчаянное: «Советы» требуют удаления всей фамилии Романовых из пределов России и недопущения их к каким-либо ответственным должностям. Великий князь Николай Николаевич не приезжает еще с Кавказа, и надо думать, что верховное главнокомандование оставлено за ним как временная уступка Временному Правительству и Родзянке — личному приятелю Николая Николаевича.

Симпатии и доверие, какими Ник. Ник. пользуется в армии, будут, на мой взгляд, служить главной причиной его удаления во избежание могущего быть поворота событий...

Генерал Иванов, ехавший к государю с 700 георгиевскими кавалерами якобы для поднесения ему ордена св. Георгия 3 степ., ушел

в отставку и идет в монастырь[6]). Это заветная мечта старика, особенно сильная после отчисления его от главнокомандования юго-зап. фронтом.

Несомненную карьеру делает Брусилов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом: когда хотели уничтожить земские организации по причине их якобы бесполезности на фронте, а на самом деле, считая их революционными, Брусилов, единственный из главнокомандующих, дал им идеальную аттестацию, признав их безусловно необходимыми в армиях фронта. Я лично глубоко убежден, что его ожидает пост верховного главнокомандующего... Будет ли только от этого прок — бог весть: по словам его сотрудников и близко видевших его работу — он совершенно неспособен к личной работе, которую предоставляет выполнять другим — всякие боевые операции ему необходимо подолгу растолковывать, так как сам охватить вопроса он не в состоянии. Велико у него «военное счастье», но не забудем, что говорил великий старик Суворов: «сегодня счастье, завтра счастье — помилуй бог, надо же когда-нибудь и уменье». Вот этого-то последнего у Брусилова и не имеется.

Сейчас получена телеграмма Родзянки к начальнику штаба верховного, в коей значится, что все приказы «Совета Рабочих Депутатов», попадающие теперь нелегальным путем в армию, не имеют никакого значения, так как «Совет Депутатов» в составе правительства не состоит.

Вместе с тем прислано и воззвание к армии от Родзянки, по которому он призывает офицеров и солдат сплотиться, бросить всякие раздоры между собой, дабы дать отпор врагу, который хочет воспользоваться настоящим положением и нанести нам удар, который мог бы приостановить новую жизнь государства. Рознь начинается!

15 [45] часов приходил полковник Яковец доложить от к-ра 13 Ф. с.п., что две роты, 10 и 11 после чтения всех этих манифестов и воззваний отказались итти на работы. После разговора с ними к-ра полка обе роты пошли, и инцидент был исчерпан. Полковник Яковец рассказывает, что австрийцы вывесили против 16 Ф. с. полка плакат с надписью «Скажите, куда вы девали вашего — на днях мы собираемся туда же отправить и нашего»... Усиленно говорят, что в Австрии полное брожение, а в Венгрии уже революция.

Наш «Солдатский Вестник» усиленно говорит, что 15 марта нас сменят.

Приезжавший с докладом дивизионный интендант рассказывал, что солдатская распущенность дошла до того, что два артиллериста, остановленные подполковником Демчинским за неотдание чести, ответили ему, что теперь нет отдания чести, а есть взаимное приветствие, и что он, подполковник, мог бы первым приветствовать их. Он же рассказывал, что 404 пех. полк (101 пех. дивизии) отказался атаковать, заявив, что чужой земли России не надо, а что и без того мы взяли чужую землю — Галицию и Буковину. Вот до чего доводят теперь армию всякого рода приказами!!!

Комиссия генерала Поливанова спешно разрабатывает закон для омоложения командного состава армии. Несомненно, главная цель этого — впустить в армию возможно больше офицеров из солдат... «Хам» идет, идет самым настойчивым образом. Ротные комитеты уже введены, но пока их функции сведены к заведыванию хозяйством.

12 марта. Вопросы внутренней жизни частей невероятно волнуют всех — не дай бог, если анархия перекинется к армии — это будет ужасный зверь, перед которым не устоит ничто. Вчера по газетам было видно, что Грузинов [7]) заискивал у Керенского, чтобы остаться на должности командующего войсками, и тот обещал похлопотать у правительства — личность Грузинова таким образом обрисовывается вполне. Вчера получил письмо от Татуси из Петрограда — пишет о тех ужасах, которые они пережили: в газетах не было и $^1/_8$ того, что было на деле. Вот вам и свобода печати и слова.

По газетам — вся царская фамилия арестована. Татьяну удалось спасти от отравления; слухи по этому поводу самые разноречивые — некоторые говорят, что она жила с Распутиным и забеременела от него, а между тем была невестой румынского наследника, некоторые же говорят, что она не могла пережить позора, павшего на семью.

13 марта. Лег спать в 2 часа, заговорившись с начальником штаба по поводу современных событий.

Вчера саперная отдельная № 74 рота, состоящая при дивизии, подала мне заявление на к-ра роты шт.-кап. Яковлева, обвиняя его в том, что он читает им не все распоряжения Временного Правительства, объяснив это тем, что они идиоты и все равно ничего не поймут, а равно и тем, что все это глупая затея, так как Россия некультурна. Тут же саперы заявили, что они никак не могут служить с прапорщиком Мейстером и фельдфебелем, так как они дерутся; сверх того, саперы указывают на неправильности в роте по поводу пользования ротными и заработочими деньгами... Разобрать все эти вопросы поручил генералу Ларионову. Вообще, как весь состав сапер, так особенно офицерский состав этой бывшей ополченской роты ниже всякой критики...

Штаб корпуса, видно, очень трусит перед новыми порядками: вчера только прислали текст присяги, как уже сегодня запрашивают, почему не доносим о приведении н. чинов к присяге. Ответил, что привод к присяге под знаменем (как требуется) требует сбора людей, что стоя на позиции невозможно, а посему это будет выполнено постепенно, отводя роты в дивизионные резервы.

Сейчас из штаба корпуса прислали аноним, присланный к-ру корпуса от инженерной роты капитана Молчановского (дивиз. инженер), на то, что он не позволяет роте читать газеты и вообще является приверженцем старого образа правления и режима. Наглости солдат теперь не оберешься...

Но то же выдумало и наше умное начальство: присягу вести под знаменем, включающим в себе все стимулы прежней власти: имя царя,

двуглавый орел и знак веры — образ, а между тем все эти стимулы уже уничтожены, так как даже вера не требуется, так как ни поднимания руки, ни креста, ни евангелия, как атрибутов веры, при присяге не введено... Зачем же требовать присутствия священников и знамени, вероятно, не додумались!

Сейчас нач-к штаба 6 Сибир. дивизии запрашивал у нас, по какому случаю в 3 пех. дивизии были устроены манифестации и не было ли о них какого-либо распоряжения свыше... Очевидно, нач-к 3 п. див. генерал Шолп решил доказать, что он не немец и вполне сочувствует перевороту...

В саперных частях началось уже брожение: пришедший сегодня капитан Молчановский (дивизион. инженер) доложил, что вчера саперы его роты заявили ему и старшему офицеру, что они просят их уйти; признавая их авторитет и знания, они не могут допустить совместной службы, так как они слишком горячи и могут своею требовательностью довести роту до вреда ей и себе. Капит. Молчановский доложил мне, что его старший офицер обещал роте уйти и подал рапорт о болезни. То же самое хочет сделать и он, Молчановский.

Мы с нач-ком штаба капитаном Архангельским возмутились и заявили ему, что это недопустимо, так как означало бы дать прецедент для других; в то тяжелое время, которое мы переживаем, на нашу долю офицера выпадает тяжкий долг до конца стоять у власти, а не сдавать ее по первому требованию. Вполне возможно, что многим придется и пострадать, но не надо забывать, что это и есть тот крест, который каждый должен взять на себя и нести его безропотно.

14^{30} часов штаб принимал присягу, перед которой я сказал короткую речь на тему, что дарованная свобода дала и обязательства — твердо стоять на защиту родины и исполнять свой долг; уважение к личности не противоположно исполнению приказания начальника, а насборот.

Полковник Сулимов рассказывал, что опрашивал стрелков о современном положении — далеко не все сочувствуют введенным новшествам; больше всего хлопочут они — будет ли им прирезана земля за счет помещиков, уделов и монастырей — вот их главнейшее желание. Между прочим, вчера подполковник 13 Ф. с. п. Папчинский донес своему к-ру полка о том, что из 16 Ф. с. п. якобы передали, что обороняться будут, а наступать отказываются и что якобы артиллерия тоже сообщила, что если пойдут в наступление, то она будет стрелять по своим. Этот рапорт я передал к-ру 16 Ф. с. п., который сегодня доложил мне, что разбирал это дело и оказалось как раз насборот: 13 Ф. с. п. угрожал 16-му, что если они пойдут в наступление, то солдаты 13 Ф. с. полка будут в них стрелять — это говорили какие-то стрелки 16 полка лавочнику солдатской лавки 16 полка. Как и всегда — правды не сыщешь...

Вечером приходил генерал Перрет. Он передал со слов прибывшего к нему в бригаду священника, что Эверт уволен, а на его место

назначен генерал Лечицкий. Сбывается все то, что я предсказывал, так как и вел. кн. Николай Николаевич, прибывая в ставку, будет иметь совещание с кн. Львовым. Лично думаю, что это совещание окончится отказом от верховного главнокомандования ввиду категорических требований, чтобы никто из великих князей не стоял у ответственных постов и чтобы вся фамилия Романовых была убрана из России.

14 марта. Мои предсказания сбылись — великий кн. Николай Николаевич отрешен от должности главнокомандующего, и временно в главнокомандование вступил генерал Алексеев. Ген. Эверт вышел в отставку.

В газетах пишут об уничтожении капитула орденов ввиду предположенного уничтожения большинства орденов — тяжко это будет для тех, кто так дорожил знаками отличия...

В 16^{30} часов прошел в 91 передовой перевязоч., где сегодня приводили к присяге. После присяги я сказал краткое слово, выяснив людям значение свободы и долга в исполнении обязанностей службы.

Вечером приехал прапорщик Носарь, привезший массу новостей из Тарнополя. Рассказывал он о том, что нач-к гарнизона Тарнополя генерал-майор Карлстедт, который был при Бобрикове полицеймейстером Гельсингфорса и был более Бобриков, нежели сам Бобриков, теперь стал заигрывать с солдатами, разрешает митинги и подтягивает офицеров за невнимание к солдатам. Офицер 8 Ф. стр. п., вернувшийся из Петрограда, рассказывает, что в петроградском гарнизоне Совет Солдатских Депутатов сместил нежелательных офицеров, отправил их на фронт и поставил угодных солдатам — вот до чего дошло дело — не дай бог, если эта волна докатится до действующей армии. Уехавший генерал Оболешев [8]) куда-то неизвестно исчез, так как в Москву он не приезжал, а из Киева уехал в отдельном вагоне. Темные догадки идут о том, что он арестован. По словам Носаря, он приехал ультра-левым, а уехал, наоборот, ультра-правым. Арест его, по догадкам Носаря, имеет связь с прежней деятельностью его как нач-ка штаба московского округа — бог ведает, насколько все это правильно.

Идут слухи, что верховным главнокомандующим будет генерал Рузский.

По рассказам офицера, вернувшегося из Петрограда, в руках рабочих депутатов имеется 1.200 пулеметов, готовившихся к отправлению в армию из офиц. стрелков. школы и переданных в руки рабочих присоединившейся к революции школой... Значит, армии не дождаться усиления пулеметами.

15 марта. К-р 14 Финляндского стрелкового полка доложил мне, что получил рапорт капитана Ольшевского о том, что 7 и 8 роты отказались итти на работы и что он не ручается за дисциплину батальона. Я приказал передать, что сейчас приеду сам говорить с ротами. В 11^{30} часов приехал в Бенювский лес к построенным ротам, поздоровался с ними, поздравил с принятием присяги и, обратившись к ним,

предложил рассказать мне, как они понимают присягу. Вышел унт.-офицер, который весьма разумно доложил, что раньше они не знали, за что дерутся, так как дрались за немцев и предателей родины, теперь же им ясно, что они дерутся за счастье свободной России и что долг каждого — добиться победы. Я обратился к ротам и спросил, согласны ли они с объяснением унт.-офицера; все ответили, что согласны. Тогда я сам разъяснил им, что такое долг, повелевающий им драться при всех условиях, и они обещали мне работать безропотно. Затем я спросил их, слыхали ли они, что некоторые мутят слухами о выборе себе нач-ков. Так вот, чтобы объяснить им, в чем дело, я предлагаю вместо себя выбрать нач-ка дивизии, на что даю им $^1/_4$ часа. Сам отъехал в сторону переговорить с офицерами. Стали что-то говорить между собою. Через 15 минут, спросив, готово ли, подъехал к ним и спросил, кого же они выбрали себе нач-ком. Все в один голос ответили: «Вас, только вас». Я ответил: «Спасибо вам, но за что же это вы меня выбрали — ведь я и ругал нередко крепко и строг был». Тогда они ответили, что я всегда с ними, что они могут говорить со мной, что я все знаю и что скажу, то так и надо делать, что они верят мне. Тогда я разобрал им по очереди все эти свои достоинства и доказал, что для этого надо учиться, много работать и жить с ними, а посему им и трудно будет выбирать себе нач-ка, не зная знаний и жизни других.

Люди успокоились, я поблагодарил за работу и любовь ко мне и уехал...

К 13 часам вернулся домой. Тут ждал меня доклад дивизионного инженера о том, что болезнь офицеров (фиктивная, так как большинству саперы заявили, что совместная с ними работа немыслима), отбирание унт.-офицеров и состояние сапер лишает его возможности вести работы по той же системе, что и раньше.

Воззвания Гучкова старательно указывают на усиление немцев на нашем северном фронте для движения на Петроград. — Бог ведает, откуда идут эти слухи, но думаю, что цель их — запугивание «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», фактически присвоившего себе контрольную власть над правительством и стремящегося захватить власть в свои руки.

До какой ерунды доходит дело нового правительства, видно из следующего: командующим войсками московского военного округа назначен приказом армии и флоту подполковник Грузинов, при наличии в округе генерал-ст инфантерии действительной службы Протопопова — просто не верится в подобную вакханалию...

Сегодня предложили быть экономнее в осветительных патронах и ручных гранатах, так как отпуска их с фронта нет. — Это перед началом-то серьезных операций!!!

16 марта. Вчера газета «Киевская Мысль» напечатала обзор царствования дома Романовых, указывая, насколько вокруг этого дома сплетено было закулисных интриг, убийств и насилий... Жутко читать подобные вещи. Все великие князья вышли в отставку. — Иного

решения, конечно, не могло и быть. Однако в газетах проскальзывают слухи о начавшейся по местам контр-революции, для подавления которой правительство вынуждено послать войска.

Наше начальство старательно принимает меры к предупреждению недовольства в войсках, то и дело предупреждая о «необходимости разъяснять солдатам значение стихий в вопросах подвоза продовольствия, какового может не хватить». Группа интендантов обратилась к Гучкову с заявлением своей радости о свободной России; тогда вопрос довольствия войск несомненно станет на других началах; тут же группа заявляет, что многое расскажет из порядка в хозяйстве при старом режиме... Ослиное копыто заведомых жуликов и льстецов!!!

Получил неприятный доклад: в 16 Ф. с. полку перебежало к противнику 8 челов. разведчиков, бросивших винтовки; производится дознание, но факт неприятный, так как, повидимому, это расчет на безнаказанность после войны ввиду наступившей свободы и отмены смертной казни.

Опять телеграмма с указанием на необходимость потерпеть отсутствие фуража, каковой не подвозится, а в запасах фронта его нет. Комиссия генерала Поливанова разрабатывает вопрос омоложения высшего командного состава, при чем как принцип ставят: назначение на должности «по выбору» вне списка старшинства, и все это мотивируется тем, что при современной позиционной войне старшие нач-ки сбратились в стратегические кабинеты в усадьбах, из коих они никуда не показываются... Что говорить — это правда, но назначение «по выбору» поставит в тяжелое бесправное положение не выбранных и создаст неуверенность в завтрашнем дне, а отсюда и «нырянне» к высшим...

Сапожный вопрос изо дня в день становится острее и острее. Сегодня подал телеграмму к-ру корпуса, излагая положение вопроса и прося не менее 3.000 пар сапог.

17 марта. Генерал Перрет рассказал мне, что 2 солдата 2 батареи явились сегодня к к-ру батареи и доложили ему, что они избраны депутатами в комитет в Заложце и идут на собрание...

Вернувшись домой, я рассказал об этом капитану Архангельскому, который в ответ на это подал мне телеграмму из корпуса о том, что предписано сформировать офицерско-солдатские комитеты в армиях и корпусах, допустив туда и гражданских лиц; положение о них разрабатывается армиею, которая запрашивает, не сочтено ли будет необходимым сформировать дивизионные комитеты. Я отвечаю, что дивизия и полк настолько заняты боевыми вопросами, что формировать комитеты не имеют возможности. Боюсь одного — комитеты начнут собираться в наиболее страдное боевое время, когда многим охотно уйти в тыл.

Рабочая партия требует окончания войны во что бы то ни стало, и это теперь, когда с минуты на минуту можно ожидать начала больших боев! — Пропаганда, проникнув в войска, приведет к жестоким вещам!!!

Вчера в газете «Русское Слово» генерал Алексеев был назван временным верховным главнокомандующим. По всем вероятиям, верховного главнокомандующего не будет, а на манер Франции вопросы будут решаться советом министров. Исполнителем же боевых операций будет нач-к штаба — в данном случае генерал Алексеев...

Надо ждать, что недалеко то время, когда вопрос о твоем существовании как нач-ка будет дебатироваться и баллотироваться в комитете офицерских и солдатских депутатов. — Надо готовиться к отъезду из армии, раз только начнешь предъявлять требования исполнения долга.

11 ч. веч. (23 часа) пришел к-р артилл. бригады с к-ром 1 батареи капитаном Цивинда, доложившим, что у него в батарее произошел инцидент.— Младший офицер, ехавший на разведку, заговорил с разведчиком и высказался в духе приверженности старому строю, сказав: «Не было фуража при старом правительстве, нет его и при новом; войне не кончиться в нашу пользу, но как бы она ни кончилась, а я после войны сниму мундир и уеду в Германию». На это разведчик ответил ему: «Какой же вы русский офицер, если так говорите?».

На это офицер приказал ему замолчать, угрожая в противном случае пустить пулю в голову.

Днем капитан Цивинда, проходя через батарею и увидав собравшихся солдат, спросил о чем они беседуют. Они отвечали, что говорят о подпоручике, которого за такие слова необходимо арестовать.

Капит. Цивинда ответил на это, что он разберется и доложит к-ру бригады. Люди разошлись, но когда он вечером возвращался с наблюдательного пункта, к нему подошли 2 солдата-артиллериста и заявили ему, что выбраны депутатами потребовать ареста подпоручика, так как с такими взглядами он не должен служить в армии, ибо он может действовать на пользу врага. При этом они добавили, что говорить теперь могут, так как им это объяснил комиссар, который в Заложце беседует с солдатами, и что если ему доложат, то он завтра же прикажет арестовать офицера... Я позвонил нач-ку штаба корпуса, которому рассказал весь инцидент и просил сообщить, кто допустил комиссара для разъяснений и почему, допустив в Заложце комитет, к-р корпуса не счел нужным поставить нас в известность? Генерал Кадошников ответил, что о существовании комиссара он ничего не знает, комитета в Заложце нет, но что к-р корпуса разрешил собраться по 2 депутата от части и обсудить свои дела согласно создавшегося положения. Разъяснение вопросов взял на себя корпусный комендант. Я ответил, что прошу доложить обо всем к-ру корпуса, но что считаю долгом указать, что разъяснения непрошенных комиссаров ставят нас, нач-ков, в глупое положение, так как в своих решениях мы подчиняемся требованиям солдат...

Подобные инциденты совершенно ясны — в 3 пехотн. дивизии и в 3 артиллер. бригаде уже введены комитеты — ну нашим, конечно, завидно...

Завтра во избежание неприятностей сам арестую офицера...

18 марта. Вчера интендант дивизии доложил по телефону о том, что корпусн. интендант 17 корпуса отпустил в дивизию 2.400 пар сапог; им затребовано еще 60.000 на корпус, но пока не получено. Слава богу, что отпустили и это количество!!!

Газеты полны известий, что немцы собирают до 2.000.000 для движения на Петроград, а военный министр Гучков усиливает тревогу, сообщая о сборе против северного фронта больших сил и о наводнении Финляндии немецкими шпионами после снятия в ней нашей жандармской охраны.

В 7 часов выехал с к-ром артиллер. бригады на позицию 1 батареи, где приказал арестовать поручика Жданова и, собрав батарею, переговорил с ней о дисциплине. — Рассуждения здравые и разумные. Ко мне относятся отлично.

В 12^{00} часов отправился домой, где меня уже ждал вр. команд. 3 арт. бригадой полковник Борисов, который доложил мне о причинах, по коим им было разрешено в батареях обсуждение своих внутренних дел... Это разрешение привело, однако, к тому, что поселило раздор и зависть. В 3 пех. див. во всех полках уже действуют комитеты. Я говорил с нач-ком штаба корпуса, который сказал мне, что пришло распоряжение об образовании распорядительн. комитетов в составе 5 солдат и 2 офицеров — по выбору. Комитет этот будет ведать всеми внутренними делами, разрешать недоумения в солдатской среде и знакомить ее со всеми новшествами боевого дела — это будут посредники между к-ром полка и солдатами. Каптенармусы, артельщики и кашевары рот будут выборными; они же будут раздавать солдатам жалованье и прочее довольствие. — Полагаю, что это очень хорошо — не будет нареканий на офицеров, и эти последние будут освобождены от лишней заботы и работы. На-днях это будет объявлено официально... А пока только одни разговоры и разговоры.

Затем пошел побеседовать с арестованным поручиком 1 Ф. с. арт. бриг. Ждановым. Состояние молодого человека тяжелое: он твердит только одно, что обязан всем царю, так как воспитывался на счет казны, всегда любил и любит государя и не может помириться с настоящим положением. Я убеждал его помнить присягу и не волновать себя излишними вопросами, а главное — не высказывать свои мысли, имея их про себя; то, что чувствует он, ни до кого не касается, а говорить все, что чувствует, не следует. Жданов просил прислать к нему священника; — много изломанных мыслей и понятий будет после этого переворота, местами перешедшего в буквальную анархию с солдатским разгулом.

Вечером приехал подполковник Каминский [8]), рассказывавший за ужином массу новостей. Между прочим, говорил, что один из членов комиссии Поливанова — полковник генерального штаба — говорил ему, что вопрос омоложения армии окончательно решен и теперь уничтожаются все кандидатские списки и назначение будет по выбору, при чем

на все солдатские должности до фельдфебеля включительно выборы предоставлены солдатам. Этот же офицер просил Каминского передать в войска, чтобы по организации комитетов те выносили резолюции о доверии Временному Правительству, подтверждая это телеграммами последнему, что необходимо как противовес Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, видимо желающему подорвать престиж правительства. На обратном пути Каминский уехал среди матросов Гвардейского Экипажа, заполнявших все места во всех классных вагонах; эти матросы рассказывали Каминскому, что на царской яхте «Штандарт» они часто подглядывали в каюту Александры Федоровны в то время, когда она была в объятиях то одного, то другого офицера, получавших за доставлявшееся ей удовольствие флигель-адъютантство или другие награды — «охотница до наслаждений венеры она была большая».

И это в то время, когда всякий вход женщин на корабль запрещен...

Сегодня из 16 Ф. с. полка опять без вести пропал стрелок 10 роты. К-р 16 п. сообщил, что солдаты батальона 11 пех. полка, прибывшие в Лопушаны, по дороге стали отказываться от работ. Офицеры их уговорили, но когда бат-н прибыл в Лопушаны, то к-р бат-на доложил полковнику Сулимову, что, пройдя по грязи, батальон не в состоянии интенсивно работать.

Полковник Сулимов спросил меня, что делать, на что я ответил, что отправить домой, так как при этих условиях считаю невозможным пользоваться батальоном. «Хам» и разруха идут рука в руку...

До настоящего времени не присылают к нам укомплектования, а роты все тают и тают — уже теперь дошли до 120—130 штыков. На это меня утешают, говоря, что в полках 17 корпуса роты дошли до 80 человек.

19 марта. Вечером приезжал вр. и. д. нач-ка штаба корпуса, разбиравшийся в инциденте, происшедшем в инженерной роте 3 пех. дивизии. Как результат разбирательства — удаление капитана Молчановского от командования ротою. По сему случаю в роте долго были слышны крики ура. — Итак, «хам» уже пришел!..

Сегодня в полки послали новое положение о самоуправлении в ротах и об образовании комитета.

20 марта. Полковник Сулимов доложил мне, что батальон 11 пех. полка пришел на работы в 2 часа, а ушел с работы в 4 часа. Сегодня ставлю в известность к-ра полка с просьбою принять меры.

Вчера инсп. артиллер. корпуса рассказывал моему к-ру бригады, что и в артиллерии началось омоложение армии — увольняют 17 инспекторов артиллер. корпусов.

Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шел впереди толпы с красным знаменем, — вот наши бывшие приверженцы монархического строя, зажигавшие своими речами за царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг царского трона!!!

Вчера к-р сотни, состоящей при дивизии, был в Заложце — в штабе корпуса и слышал, что будто Англия прислала нашему правительству такой ультиматум: «Если Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не оставит в покое вашу армию, то мы заключаем с Германией сепаратный мир». — Если это верно, то это отличный ушат воды на голову нашего «Совета», пытающегося прикончить войну. А что, надо полагать, это верно, можно судить по недавнему официальному выступлению Бьюкенена, заявившего, что «Англия ведет войну для освобождения народов от ига прусского милитаризма, не преследуя никаких агрессивных задач, так как ей никаких земельных приобретений не нужно». Вот как говорят наши союзники.

Инсп. артиллер. корпуса генерал Селиверстов (мой товарищ по Псковскому корпусу) говорит, что в гвардии до сих пор не присягнули л.-гв. Павловский, л.-гв. Гренадерский и л.-гв. Волынский полки. — Офицеры присягнули, а солдаты требуют присяги за подписью Родзянко. Л.-гв. Волынский полк, однако, уже уговорили...

Беспорядки везде идут большие, при чем в Луганске они приняли такой оборот, что Временное Правительство послало для усмирения войска — вот вам и характерная особенность: свобода, отмена смертной казни, а рядом расстрелы, о которых правым газетам писать *не* разрешается.

Начальник штаба доложил мне телеграмму, по коей предложено высказать мнение относительно предложения главнокомандующего фронтом об исключении всех дисциплинарных прав начальников, оставив только замечания и выговоры; все проступки рассматривать в особых полковых судах из офицеров и нижних чинов... Я ответил, что на мирное время это отлично, а на войне заниматься судоговорением некогда... Доживаем до полного развала армии — и это при нашем-то составе!!!

К 13 часам приехали Табуи [10]) — полковник франц. генерального штаба, состоящий для связи у нас с французской армией, и сопровождающий его князь Кропоткин, а равно и полковник Елчанинов. С французом пришлось, хоть и с грехом пополам, говорить по-французски, дав ему объяснение своей позиции, а так как он особенно заинтересовался организацией артиллерийской обороны, то в 15 часов я назначил к нему генерала Перрет, а сам беседовал с полковником Елчаниновым, который рассказывал мне, какие безобразия творятся в 35 артиллерийской бригаде, где офицеры говорят зажигательные речи, составляют подписку на революционную библиотеку для солдат...

По его рассказам, в одном из полков требуют 8-часового окопного дня, предъявляют требование убрать нелюбимого офицера и т. п.

В 16^{30} часов говорил с саперной ротой и разбирался в их жалобах, недослушанных генералом Ларионовым... Народ — сплошной мерзавец. Просят о смещении фельдфебеля. В свою очередь унтер-офицеры подали просьбу отправить их, как перешедших 42-летн. воз-

раст, для службы в тыловые учреждения; но главный мотив — невозможность службы при существующей распущенности солдат...

До ужина опять беседовали с французом по поводу событий.

Князь Кропоткин рассказывал, что один из офицеров штаба 50 пех. дивизии, только что вернувшийся из Петрограда, рассказывает, что «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» приказом своим № 3 требует смещения Брусилова и Алексеева, указывая, что их популярность опасна для революции...

Сегодня в газете есть известие об убийстве в Твери ген.-майора Чеховского — бывшего к-ра 15 Ф. стр. полка... Анархия идет полным ходом.

21 марта. Вчера наш французский гость до глубины души возмущался переносом в армию политики, а наши радуются этому.

Сегодня в газетах объявлено о предании суду бывшей императрицы, обвиняемой в сношениях с Вильгельмом, также предается суду и бывший император. Ужас берет! Полковник Табуи, узнав об этом, сказал: «Это совершенно так же, как начиналась революция у нас».

Полковник Сулимов доложил сегодня, что батальон 11 пех. полка, своевременно прибывший на работы, отказался от работы ввиду того, что в окопах грязно. Я передал обо всем этом к-ру 11 пех. полка, сказав, что прошу принять меры, не желая совершенно жаловаться нач-ку дивизии.

Сегодня в газете «Киевская Мысль» сказано, что комиссия генерала Поливанова выработала ряд мер: 1) полное неотдание чести офицерам, при чем взаимное приветствие между офицерами и солдатами предоставляется их личному усмотрению; 2) дисциплинарные взыскания предоставляется накладывать только дисциплинарным судам, в состав которых входят солдаты по 5 в каждой роте; 3) для рассмотрения дел по обвинению офицеров в неправильном отношении к солдатам также учреждаются особые суды, в состав которых входят и солдаты.

Договариваемся до предела!!!

Сейчас пришла телеграмма о том, что на театре военных действий полевые суды остаются за тем лишь исключением, что в постановлении не может быть назначена смертная казнь. Слава богу, что хоть эта-то острастка оставлена для нашего гражданина-солдата!!!

22 марта. Вчера рассказывали, что генерал Оболешев возвращается к дивизии; вызывали его для объяснений в Петроград ввиду того, что он посылал поздравительную телеграмму жене Михаила Александровича.

В 8 часов поехал в 13 Ф. с. полк.

На обратном пути беседовал с ротой бат-ного резерва по вопросам современного положения, о выборах в ротах и т. п.

После обеда приезжал ко мне к-р 11 пех. полка полковник Протазанов. Рассказывал мне, что у него в полку отказались присягать под знаменем, так как на нем имеются инициалы царя, потребовали сыграть марсельезу. Далее сказали, что в атаку не пойдут, так как этой

земли им не дадут». Когда, наконец, их удалось убедить, что победа будет возможна, только при наступлении могут быть хорошие результаты, то они заявили, что сами организуют наступление, при чем во главе полка должен наступать к-р полка под сенью красного флага...

Вообще развал приближается...

23 марта. Сегодня в нашу армию направляются члены государственной думы: князь Шаховской, Макагон и еще один, командированные для разъяснения солдатам смысла и значения совершившегося переворота.

Вечером пришли два донесения от к-ра 14 Ф. с. п. о начавшемся знакомстве наших и австрийских солдат; положение ненормальное, а посему приказал запретить и строго следить.

24 марта. Укомплектований все нет и нет, а между тем убыль в полках очень большая и особенно эвакуированными по болезни, преимущественно простудной, благодаря отчаянным работам в постоянной грязи и воде.

25 марта. Сегодня телеграммой сообщено об оставлении нашими войсками Рудка-Червищенского плацдарма при очень больших потерях.

Сегодня второй день, что заседает исполнительный дивизионный комитет.

По окончании заседания я пришел и обратился с речью, поблагодарил за внимательное отношение к нуждам дивизии и выразил уверенность в том, что работа дивизионного комитета будет основана на принципе взаимного доверия и терпимости к «чужому» мнению, так как только тогда может быть плодотворная работа. Сегодняшним заседанием установлено однообразие в работе комитетов дивизии, при чем по докладу нач-ка штаба некоторые из солдат просто-таки высказывались за то, чтобы все хозяйств. суммы и операции были на попечении самих н. чинов — словом, полное расширение своих прав.

26 марта. Вчера в газете «Киевская Мысль» было сообщено, что от особой армии выехали в Петроград делегаты в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и в запасные гвардейские бат-ны, чтобы заявить, что особая армия с оружием в руках будет защищать Временное Правительство и не потерпит ничьего вмешательства в дела правления до созыва Учредительного Собрания... Это отличный удар по Совету Депутатов... Права гвардии отменяются. Вчера же было написано об отмене всех орденов, кроме ордена св. Георгия, и об учреждении особого Георгиевского креста, который будет присуждаться офицерам постановлением солдатской думы за храбрость...

— Первый шаг к выборам офицеров солдатами...

Вернувшийся вчера из Тарнополя солдат доложил, что отпускных так много, что в Тарнополе не попавшие в поезда солдаты произвели буйство, разбили окна вокзала. Солдат сам видел священников, сидевших на крышах вагонов. Повидимому, количество отпускных превышает установленную норму; иными словами — мы своими же руками разрушаем нашу же дисциплину.

В 15 часов поехал в 14 Ф. стр. полк с целью переговорить о недоразумениях, возникших у него с исполнительным комитетом. Полковн. Давыдов стоит на своих прежних «реакционных» понятиях и никак не может допустить уступок солдатскому самоуправлению. Дал ему свои указания и выработанное положение в дивизионном комитете...

Приезжал сегодня с докладом дивизионный интендант, доложивший о том, что дивизии дали дополнительно 400 пар сапог, — слава богу! Кстати разобрались с вопросом об отпуске фуража частям дивизии, так как артиллер. бригада заявила жалобу на неправильное распределение фуража в интендантстве; жалоба оказалась неправильною.

Дивизионный интендант представил рапорт с изложением сведений о неполучении фуража и получаемыми утешениями вроде того, что надо потерпеть неизбежные лишения войны и т. п. Вместе с тем он пишет, что, несмотря на целый ряд ходатайств, лошадей не додают, и теперь некомплект в дивизии достиг до 500 лошадей...

27 марта. Сейчас пришла телеграмма от нач-ка штаба армии генерала Романовского. «Сердечно поздравляю назначением ком. кор. 49. Шлю наилучшие пожелания». Итак, назначение состоялось.

Сегодня передали телеграмму Гучкова верховному главнокомандующему генералу Алексееву с призывом теперь же и безжалостно освободить армию от неспособного и устаревшего командного состава, дабы дать широкий простор движению, таланту и энергии. Посему к 28 требуется представление тех, кои подлежат увольнению, с указанием, с переводом ли на тыловые должности, или в отставку... Ну можно ли заниматься этим в настоящее время, когда мы сами же ждем «громового» удара со стороны немцев, заполонивших все и вся своими шпионами, не сдерживаемыми теперь ни полицией, ни жандармами??!...

Сегодня в 11 часов вновь в 14 Ф. с. п. выходили солдаты из окопов для разговоров с австрийцами, о чем мне сообщил к-р 3 артил. бригады. Полковник Давыдов, открыв огонь по разговаривавшим, счел, однако, необходимым умолчать об этом, и, когда я спросил, для чего он скрывает факт, он ответил, что до сих пор не имеет донесения от командира батальона — это с 11 до 17 часов-то, — но что австрийцы передали нашим прокламацию, которую он представил мне. Полковник Давыдов буквально таки невозможный по своим взглядам и характеру к р полка!!!

Делегаты от государственной думы прибывают для бесед с представителями от полков. Завтра 28 марта в 11 часов собираем своих представителей в сел. Тросьцянец...

28 марта. Вчера говорил с благочинным дивизии относительно солдат. Он, который всегда так отстаивал солдат перед офицерами благодаря чему в полку происходили эксцессы, требовавшие моего вмешательства, говорит, что после данной свободы солдат разнуздался невообразимо: одна мечта и один разговор у них — скорее домой, никаких высоких идей, никакой любви к родине—ничего: «зачем мне свобода, если меня убьют?»— вот лейтмотив их мнений и мечтаний. Все громкие фразы

и слова с тыла об «опасности отечества» о «призыве в окопы» встречаются неумолимой логикой: «Пусть те, которые это говорят и пишут, заменят нас в окопах, в которых мы сидим уже $2^1/_2$ года, а мы пойдем на их места. Вот тогда посмотрим, что из этого выйдет: они много кричат». Ну, что можно сказать против подобных доводов и убеждений? Что можно сказать против указаний на полицию, которая заключает в себе самых крепких и здоровых солдат и ничего не делающих? А тут еще и подтачивающее и разлагающее влияние «Известий Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», требующих прекращения войны, так как никаких аннексий нам не нужно: проливы в мирное время все равно открыты (??), а сами мы все равно не выходим в открытое море. Подобные рассуждения на темного человека производят ошеломляющее впечатление — ведь ни география, ни наши иностранные рынки для него ничего не говорят. А г. г. офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать «якобы неблагонадежных» газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам; современная же молодежь — офицеры абсолютно никуда не годны для воспитания солдата — полнейшее незнание, полнейшее лентяйничание и полнейшее непонимание обстановки.

В 10^{30} часов на автомобиле поехал к восточной окраине сел. Тросьцянец, куда одновременно подъехал и автомобиль из штаба корпуса с депутатами государственной думы князем Шаховским, Кузьминым и Макагоном. Пока строились представители от моих полков, а равно и подошедшие сюда 9 и 11 пех. полки, все мы зашли в столовую земского союза, где повели беседу на современные темы. Депутаты признались, что Временное Правительство в руках у Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и что вырваться из этих рук правительству в высшей степени трудно.

Далее вышли на площадь, и со стола депутаты думы начали говорить свои речи на тему единения офицеров и солдат и на тему о задачах армии.

После их речей поднялся я — было жутко: как-то примут мое выступление. Речь моя покрывалась громкими рукоплесканиями и криками «ура». Затем следовал ряд ораторов от солдат и офицеров, на которые отвечали члены думы. Только к 14 часам удалось взять членов думы к обеду и окончить собеседования, которые грозили затянуться до позднего вечера, так как являлось все больше и больше желающих начать говорить речи.

Обедали депутаты у нас. За обедом они поведали о том ужасном хаосе, который царил в Петрограде. Кн. Шаховской сказал, что положение генерала Корнилова крайне трудно, так как теперь стали пускать слух, что он нарочно выпущен из плена, чтобы захватить власть.

Пулеметный полк (члены думы не знают какой такой) занял Народный дом, окопался, никого не впускает к себе и не выражает никаких пожеланий и мнений...

Особенный ужас творится во флоте и главн. образом в Кронштадте: там власть вполне в руках матросов, которые перебили до 1.000 офицеров [11]), а часть держат арестованными; никакие уговоры членов думы, командированных туда, не действуют: офицеров из-под ареста не выпускают, говоря, что когда пойдут в плавание, то возьмут их с собой и приставят советчиками к выбранными ими к-рам из матросов для руководства— вот до чего дошло дело!

После обеда члены-депутаты уехали.

Сегодня из окопов противника бросали опять прокламации, а на имя 14 Ф. с. п. пришли по почте газеты самого ярого содержания, в коих требуется казнить Алексеева и вообще покончить со всеми служившими при старом режиме. Вот катится та волна, о которой говорили члены государственной думы и которая, по мнению членов, идет за ними... За обедом я сказал речь, подчеркнув всю трудность офицерского положения...

Сегодня запрашивали лета всех нач-ков от к-ров полков и выше— видно, начинают применять возрастный ценз для очищения армии от престарелых...

29 марта. Сегодня происходило 3-е заседание дивизионного комитета, в коем выработано обращение к тылу, который призывается к работе у станков во имя долга, а затем решено: в заседания этого комитета приглашать чиновника от управления дивизион. интенд., к которому могли бы обращаться по вопросам продовольствия, столь жгуче разбираемым в полковых комитетах. Далее выработано постановление предложить полковым комитетам признать за дивизионным право выражать постановления, кои были бы обязательны к руководству полковым комитетам. Вообще ясна тенденция сорганизоваться и понять свои права и обязанности как комитета...

30 марта. Немцы старательно пускают шары с прокламациями, в коих указывают на речь в рейхстаге Бетман-Гольвега о том, что они ведут не завоевательную политику; в этих словах нет уже ни звука обвинения англичан в подстрекательстве России, нет и упоминания на богом данного нам царя, которого свергли с престола. Общее неуважение к династии Романовых так велико в массе, что сказать трудно...

Сегодня к-р дивизиона 17 мортирн. рассказывал, что солдаты подали заявление, что деньги копить не надо, а посему собрались завладеть денежным ящиком и раздать поровну между солдатами...

31 марта. Вчера из австрийских окопов вновь в 14 Ф. стр. полк переслали воззвание с приглашением сегодня, в пятницу, прислать депутата для переговоров с ручательством, что прибывшему ничего дурного сделано не будет.

Это начинается повторение прошлогодней пасхальной истории, когда братание привело к пленению 2 офицеров и 85 солдат...

Сегодня в газете объявлено об увольнении в отставку генерала Леша [12]) и к-ра 3 арм. корпуса ген. Янушевского за Стоходскую панаму. Давно пора было убрать Леша!!!...

Вечером прибыло в дивизию 5 рот укомплектования. По словам нового нач-ка штаба, как бывшего к-ра запасного полка — это вполне распропагандированная масса. Когда они прибыли к нему в полк, то часть их не пожелала взять с собой винтовки, «так как они устали»...

1 апреля. В 6[30] часов поехал в 14 Ф. с. п., чтобы поздравить к-ра с полковым праздником. Там к-р полка доложил мне, что полковой комитет отлично настроен и разумен, но зато общее собрание выборных прямо невозможно — требуют отчета в деньгах и в хозяйстве полка, заявляя, что, вероятно, нач-к хоз. части и другие сговорились обкрадывать. Удивляться всему этому не приходится: чего только в свое время не наслышались солдаты-писаря в канцеляриях и штабах и теперь, конечно, воображают, что все так и идет везде... В 15 Ф. с. п. комитет заявил, что следовало бы поверить полковую отчетность.

В 9 часов вернулся домой и застал солдат, прибывших на укомплектование из 74 пех. п. Прибыли с красными флагами и стягами, на коих надписи: «Вперед на врага», «Война до победного конца», «Долой германский милитаризм» и т. п. Пользуясь этими надписями, сказал солдатам подобающую речь и приказал удовлетворить желание некоторых вернуться в свои родные полки...

Генерал Бринкен [13]) чуть не был арестован солдатами во время своей речи на площади, где он спутался в словах, как человек, не могший признать происшедшего переворота. Во время речи с ним сделалось дурно, он упал, его расстегнули, он простудился и получил и воспаление легких и закупорку аорты от напряжения.

Что делается в армии — бог весть: генерал Щербачев лично ездил уговоривать полки, отказавшиеся занять окопы — вот где ужас...

3 апреля. В районе 16 Ф. с. п. вышел перебежчик чех, который на допросе показал, что наступать они не собираются и боятся наступления русских...

Показывает, что офицеры говорят, что в наступление не пойдут. Словом, картина — подобная нашей...

7[30] веч. (19[30] часов) приехал в Тарнополь и поместился в штабе 6 Финл. стр. дивизии.

Нач-к дивизии генерал Оболешев рассказал мне, как, будучи вызван советом министров на должность командующего войсками московского округа, он по приезде узнал от князя Львова о том, что его назначение не одобрено Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Кн. Львов советовал Оболешеву добиться беседы с Советом, на что тот категорически отказался.

Рассказал мне Оболешев о том, что подполковник 23 п. Попов уволен им в резерв за безусловную анархию, которую он вводил в полку с помощью шт.-капитана Зоньзя.

В Тарнополе ходят темные слухи, что через 2 недели здесь будут австрийцы. Не мудрено появляться разным слухам, когда благодаря «свободе» на свободе разгуливают пленные австрийские солдаты и офицеры, при чем один из последних появляется в рестораны и кофейни и совершенно свободно принимает участие в разговоре с нашими офицерами, весьма невыдержанными на язык.

В отряде рассказывали, что не так давно приехало пополнение из Сибири в запасный полк в Трембовлю, по дороге они занимались производством арестов тех лиц, на коих указывали им железнодорожные служащие, как на лиц ненадежных и реакционеров...

Арестованных они подвергали унижениям: так, с жандармского подполковника содрали погоны, которые были расхвачены по кусочкам сестрами милосердия санитарного поезда «на память». Этого же подполковника, захватив с собой, посадили не в классный вагон, а среди солдат в теплушку, при чем когда он, проходя через ряд вагонов, захотел пролезть через переход, его не пустили конвойные, потребовав лезть под вагон «как это мы делаем». Подумаешь, какое это укомплектование!

Как велики эксцессы, можно видеть из того, когда пришедшей толпе стал говорить генерал Щербачев, один из толпы бросился к нему, выхватил у него шашку и в полной истерии воткнул ее в землю, закричал толпе «клянемся генералу, что выполним то, что он требует — поддержим порядок и дисциплину», после этого оратор упал в обморок... Просто сумасшедшее время!!!

Разговаривал вечером с генералом Оболешевым, который рассказывал о том, что творится в 23 Ф. стр. полку у полковника Кондратенко. — Главным вожатым всего дела оказался шт.-кап. Зоньзя, а подголоском его подполковник Попов — бывший 13 Ф. стр. полка. Его зажигательные речи настолько нелепы, что слышавшие их члены государственной думы назвали его сумасшедшим человеком. Теперь его сплавили в резерв армии, куда вслед за ним отправляют и полковника Кондратенко, который, по слабости своего характера, всецело отдается требованиям комитета и сменяет с должностей офицеров по требованию солдат...

4 апреля, г. Тарнополь... После обеда виделся с прапорщиком Носарем, только что вернувшимся из армейского комитета. Носарь говорит, что из ставки даны общие указания о порядке и характере действий всех комитетов, а посему их комитет ничего не вырабатывал, а лишь обменялся взглядами на положение вещей в армии. За исключением депутата от 4 пех. дивизии, общий голос говорит, что внесенная в армию разладица, несомненно, понизила боевую способность армии, а отнюдь не повысила ее, как это утверждает депутат от 4 пех. дивизии, где, как слышно, далеко не так все благополучно, хотя он и утверждает, что этот вопрос у них обсуждался и дал твердые основания думать, что в боевом отношении дивизия даже окрепла.

(Продолжение следует).

Примечания.

[1]) *Мрозовский* — командующий войсками московского военного округа во время февральской революции, назначенный незадолго до февральской революции.

[2]) *Перетт* — командир 4 Финляндской стрелковой артиллерийской бригады.

[3]) *Оберучев* — первый командующий войсками киевского военного округа после февральской революции. В Октябрьские дни боролся в Киеве за власть Временного Правительства.

[4]) *Архангельский* — вр. и. д. наштадив 4 Финляндской стрелковой.

[5]) *Ларионов*, ген. — командир бригады 4 Финляндской стрелковой дивизии.

[6]) *Иванов*, генерал — бывший главнокомандующий юго-западным фронтом, в момент разгара Февральской революции был командирован в Царское Село и Петроград с отрядом георгиевских кавалеров для подавления революции. Осуществить своей задачи ему не удалось, так как его отряд перешел на сторону восставшего гарнизона. Арестованный Вр. Правительством, но потом освобожденный, генерал Иванов дальнейшего активного участия в событиях не принимал.

[7]) *Грузинов* — первый командующий войсками моск. воен. округа после свержения царского правительства.

[8]) *Оболешев* — бывший начальник штаба моск. воен. округа, в момент февральской революции или незадолго до нее назначенный начальником третьеочередной 6 Финляндской стрелк. дивизии, формировавшейся под наблюдением начальника 4 Финляндской стр. дивизии.

[9]) *Каминский* — дивизионный интендант 4 Финляндской стрелк. дивизии.

[10]) *Табуи*, полков. — представитель французской военной миссии, командированный на участок 4 Финляндской стр. дивизии.

[11]) Цифра, явно преувеличенная.

[12]) *Леш*, ген. — командующий III армией.

[13]) *Бринкен*, ген. — командир XXII арм. корпуса.

ПОКАЗАНИЯ А. Д. ПРОТОПОПОВА.

В двух книжках «Падение царского режима» [1]) опубликованы, в числе других, четыре стенограммы допросов А. Д. Протопопова в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В дополнение и разъяснение к ним ниже приводятся показания Протопопова, которые представляют большой интерес. Не выходя из круга вопросов, уже наметившихся в Комиссии, показания эти значительно расширяют рамки ранее данных ответов, дают освещение, фон, детали многих фактов.

В противоположность мнению П. Е. Щеголева, который в предисловии своем к названному выше изданию [2]) находит, что «его объяснения на многочисленных допросах и в пространных объяснениях, писанных в уединении крепостной камеры, совершенно откровенны», — следует отметить очень большую сдержанность в показаниях Протопопова. Мы могли бы это обстоятельство иллюстрировать на десятках примеров.

Комиссия — вовсе не была «следственной». Получается впечатление, что председатель ее давал возможность говорить опрашиваемому о таких вещах, делах, событиях, фактах, о которых последний хотел говорить, и в том освещении, какое ему было угодно.

Поэтому такую важность играют детали, которые необходимо накопить, чтобы затем уже использовать их для выводов. Приходится собирать отдельные штрихи. Такие штрихи и дает публикуемое впервые показание Протопопова.

Протопопов касается (именно «касается») множества вопросов. Старается скользить — не затронуть бы такого вопроса, на котором можно увязнуть.

Тут целый калейдоскоп. Есть мелкое, ненужное...

Но есть и интересное.

В п. 11 показаний Протопопов рассказывает о военной цензуре, которая стала интересоваться депешами, передаваемыми через императорский стол. «Главным управлением почт был составлен ответ о том, что корреспонденция этого стола изъята от цензуры. Об этом случае я говорил царю. Этот случай и заставил меня изъять депеши Распутина (из хранилища почтамта) царю, царице, а с ними и другие, как я показывал в Комиссии».

Но именно этого он не показывал Комиссии. Не говорил о боязни военной цензуры. «Должен прибавить, — говорит дальше Протопопов, — что в 3-х или 4-х

---

[1]) Ленгиз, 1924 г., под редакцией П. Е. Щеголева.

[2]) Т. I, стр. XXIX.

депешах к царю и царице упоминалось обо мне; хотя я в них и назван Калининым, все же это упоминание обо мне в депешах Распутина мне было неприятно». — Здесь как будто полная откровенность. Признает Протопопов, что изъял корреспонденцию и по личным мотивам. Но самый главный штрих, мимо которого прошел Протопопов, это вопрос о том, какие же депеши, чьи изъял он вместе с депешами Распутина («а с ними и другие»).

Если депеши Распутина изъяты из ведения военной цензуры, то почему бы депешам самого Протопопова не проходить через императорский стол? Не пришлось ли производить выемку корреспонденции при таких обстоятельствах, когда личные мотивы стояли на первом месте?

Самая неприятная вещь—поездка за границу, Вартбург... В особенности после того, как выплыл, в дополнение, Карл Перен. Вопрос поставлен Комиссией подробно. Просят указать даже обстановку, в какой происходило свидание. Не удовлетворены объяснениями, уже данными. И в пунктах 12 и 21 Протопопов вынужден опять остановиться на этом вопросе, но так «слегка».

Между тем то, что сообщает он в п. 12, чрезвычайно интересно. Оказывается, что «нейтральная» всегда Швейцария имела во время войны несколько зон влияния. В том числе — немецкую — в Немецкой Швейцарии.

«Зоны» влияния «строились», видимо, в удобном аппарате банков. Протопопов рассказывает о парижском отделении Международного банка, директор которого жил в Швейцарии, «во Францию не возвращался и находится в числе лиц на замечании у французского военно-охранного отделения». На замечании и управляющий отделением, проживающий в Париже, — Александр Рафалович. Последний ездит в Швейцарию к директору с отчетами. «В банке много служащих из Немецкой Швейцарии» — «Об отделении Международного банка идет нехорошая молва», — сообщил Протопопову член государственной думы Однобишин. «В последнюю свою заграничную поездку в июне прошлого года,— говорит Протопопов,— в Париже я был встречен и имел свидания с управляющим отделениями Международного банка Рафаловичем. У меня был открыт кредит в этом банке».

Протопопов старается сгладить некоторые неприятные подробности, которые вытекают из факта возможности ему сноситься с Швейцарией, а может быть, и местами более отдаленными и более интересными для него. Он говорит: «Приехав в Петроград, я это дело передал Вышнеградскому и Шайкевичу. Управляющий отделением был сменен»...

Непонятно только, зачем товарища председателя государственной думы встречает управляющий Международным банком. И зачем имел свидания Протопопов с Рафаловичем?

Для получения денег из банка Протопопов в этом не нуждался.

А вот дословно пункт 21: «После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, дня через два-три, ко мне приехал Л. М. Полляк и привез мне для исправления наш разговор с Вартбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык, и прочесть его не мог. Полляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратив его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Вартбургом не годится, что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легко-

мысленный поступок его, тем более опасный для него, что он еврей, — и считая его хорошим человеком. — Теперь рассказываю это, ибо, может быть, это надо знать Следственной Комиссии».

Опять не договаривает Протопопов. Не говорит самого главного. Прежде всего, что значит: «я категорически отказываюсь от этого». От чего? Перед этим речь идет о сношениях с Вартбургом. Если категорически отказываются, значит, сделано предложение. Кем? Через кого? Какое же предложение сделал Полляк Протопопову, через два-три дня после его возвращения из-за границы, в то время, когда Протопопов еще не делал докладов царю, не видал царицы и т д...

Мы этого не знаем.

Он еврей, — говорит про Полляк Протопопов. И для него «легкомысленный поступок» особенно опасен. Какой поступок? Полляк, по словам Протопопова, делает ему любезность: привозит для исправления разговор с Вартбургом, делает перевод с немецкого на русский... Где же тут «легкомысленный поступок»? — Если бы Протопопов свое умолчание по этому эпизоду объяснил тем, что он не придавал ему значения, что это — мелочь и т. д., тогда иное дело. Но он, оказывается, не говорил до сих пор, не желая «кидать тень»... «считая его хорошим человеком». — Тут что-то не так.

Интересны несколько новых штрихов о подготовке царской России к подавлению восстания.

На этом чрезвычайной важности вопросе, конечно, не остановилась Чрезвычайная Следственная Комиссия. С этой точки зрения она не была и «чрезвычайной». Все рассматривалось здесь с точки зрения юридических норм. Раз существовал царский режим, значит, все меры, которые принимались агентами — большей или меньшей марки — этого самодержавия для укрепления режима, законны и, конечно, не подлежат обследованию. Тем более, что вопрос идет о восстании. Восстание — неприятная вещь, а члены Чрезвычайной Следственной Комиссии вовсе не принадлежали к тем, кто штурмовал самодержавие и его сбросил с трона.

Известно, что царская Россия готовилась к восстанию. Разрабатывались планы подавления его на местах и в столице. 17 февраля 1916 г. была разослан телеграмма следующего содержания: «Москва, Владимир, Воронеж, Нижний-Новгорода, Рязань, Тула, Ярославль, Кострома. Нач. жанд. глок [1]) указал разработать соображения распределения отрядов войск и стражников в наиболее важных пунктах губерний в том предположении, дабы целесообразное размещение войск способствовало наискорейшему решительному подавлению крупных беспорядков при возникновении их. Дислокация таких отрядов должна зависеть, главным образом, от сосредоточения рабочих масс, построения их фабричных центров, опасности захвата жизненных центров. Необходимо указать приблизительно численность отрядов, отметив, имеются ли в губернии какие войска. Эти сведения необходимы для общей сводки, доклада глок жанд., они являются безусловно секретными; при их сборе, разработке должна соблюдаться полная конспирация за самой серьезной Вашей личной ответственностью и верно отражать современное политическое настроение губернии. Степень осведомления Гру [2]) представлен-

[1]) Главнокомандующий отдел. корп. жандар.

[2]) Вероятно, губернатор.

ных Вами сведений зависит от Вашего собственного усмотрения. Требуемые сведения представьте срочным порядком. Ком. корп. жанд. ген.-лейт. граф Татищев»[1])

О плане подавления его в столице известно уже. Об этом говорили уже и в Следственной Комиссии в своих показаниях: команд. войсками петроградского воен. округа Хабалов, градоначальник Балк, Протопопов в своих первых показаниях.

Но тут новое. Царское правительство учитывало опыт революции 1905 года. «В основу плана, — говорит Протопопов, — принято распределение охраны, бывшее в 1905 году»... «По поводу охраны я также говорил с генералом Вендоржем, переживавшим движение 1905 г.».

Была выработана дислокация: «От Балка я получил дислокацию полиции и войск на случай беспорядков»... Она «составлена была на 4 дня (кажется)»... «Эту дислокацию я представил царю, который ее у себя оставил».

Правительство готовилось к восстанию, стягивало в столицу наиболее надежные части, подтягивало артиллерию. Оно надеялось в 4 дня разбить революцию. Сам Николай II принимал участие в выполнении дислокации: «Он приказал генералу Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков»...

В этих показаниях Протопопов ни слова не говорит о подготовке полиции к подавлению восстания при помощи пулеметов. В связи с этим интересно то, что рассказывает Протопопов в п. 18 публикуемых показаний о союзе русского народа, Маркове 2, субсидиях ему и о своих с ним разговорах о том, как... «народ будет защищать царя дубьем». Здесь самое интересное следующее: «Марков говорил об охране, бывшей в Костроме и Киеве, и об оружии, которое было у охраны от союза, полученное им я не знаю от какого ведомства»... «О необходимости иметь и теперь оружие упомянул вскользь». Далее Протопопов, конечно, опять говорит о своем незнании — получил ли союз оружие, или нет.

Колоритен рассказ его об аресте Д. Л. Рубинштейна. Царица и Вырубова принимали в нем участие. «Я советовал им через Воскобойникову в дело не вмешиваться, но все же генералу Батюшину сказал, что «это дело беспокоит дамскую половину дворца».

Царица, видимо, имела свои собственные источники осведомления. Так, обыск у Марии Дерфельден был произведен по приказанию царицы. «Основанием к обыску было заявление о том, что на ее, Дерфельден, квартире происходили совещания по поводу убийства Распутина и также замышлялось подобное против б. царя». В этом деле, не давшем никаких результатов, Протопопов с его департаментом полиции был только исполнителем. Сведения даны были самой царицей. По ее почину предпринято было расследование и об офицерском политическом кружке в Луцке.

«Показания» печатаются дословно с копии, имеющейся в Историко-Революционном Архиве в деле Ч.С.К. — № 25, т. II, стр. 92. Копия, засвидетельствованная делопроизводителем Ч.С.К., напечатана на пишущей машинке (92—107), имеет на первой странице надпись: «В следственную часть № 7, 18/VII» (чернилами) и на последней: «27 июля 1917 г. № 378».

Ив. Тоболин.

---

[1]) Д.Ч.С.К., т. 8, стр. 63.

Г. председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

1. В октябре прошлого года Сухомлинов был переведен по распоряжению судебных властей из крепости под домашний арест. Кто его перевозил — не знаю. Министр юстиции Макаров сказал мне по телефону о переводе Сухомлинова и что под домашним арестом караулить арестованного лежит на обязанности м-ва внутренних дел. Жена Сухомлинова жаловалась мне по телефону, что караул, поставленный у них на квартире и состоящий из 9 человек солдат, причиняет им большое стеснение. Я сказал полицеймейстеру (кажется, Григорьеву) поехать на квартиру Сухомлинова и, сняв излишних караульных, оставить необходимое число таковых, сказав ему, что Сухомлинов все равно не убежит. Кто меня направил к полицеймейстеру Григорьеву—не помню. На следующий день я сам поехал на Сухомлиновскую квартиру. Хотел его видеть и узнать, как поставлен караул. Я пробыл у Сухомлинова ½ ч. Говорил с ним наедине. Офицер жандармский, его охранявший, на мой вопрос: разрешает ли мне это закон?— ответил утвердительно и вышел в другую комнату. Сухомлинов признался мне, что за него, по просьбе его жены, хлопочет Распутин, просил передать царю благодарность за участие, которое он принимает в его судьбе, показал дневник свой — тетрадку, в которой был план его камеры, отрицал свою виновность в измене и высказывал свою надежду на то, что сумеет в ней оправдаться перед судом. Я сказал Сухомлинову, что царь не верит в его измену, но огорчен его денежными делами; я не сказал прямо — нечистыми, не желая его обижать, но он понял значение моих слов. Охранялись в квартире все выходы агентами полиции, в комнатах был офицер, и я счел охрану достаточной. Под конец моего разговора в комнату вошла жена Сухомлинова, поблагодарившая меня за исполнение их просьбы относительно караула. О своем посещении Сухомлинова я сказал Курлову, обратившему мое внимание на неосторожность этого поступка. Более я к Сухомлинову не ездил. О своем посещении я сказал царю, которому передал благодарность Сухомлинова за милость, ему оказанную; точно разговора с царем не помню. Царь говорил, что получил письмо от Сухомлинова, но его мне не показывал. Распутин, в моем присутствии, у Бадмаева, при Курлове, говорил, что его удерживает в Петрограде дело Сухомли-

нова, о котором просит его жена Сухомлинова, которую он очень любит, иначе он уехал бы уже в Тобольск.

Когда Сухомлинов был еще министром, он мне говорил, что, когда наша мобилизация была в ходу, царь ему сказал по телефону о предложении Вильгельма таковую приостановить и что тогда войны не будет. Сухомлинов говорил, что он предупредил царя, что Вильгельм его обманет, и на свой страх работ по мобилизации не прекратил.

Наши военные грузы задерживались в Швеции. Несмычка железнодорожной линии русской и шведской тоже мешала их транспорту. Я рекомендовал Сухомлинову Литвинова-Фалинского, как человека, которого можно послать в Швецию для переговоров. Он туда и был командирован. Позже я от него слышал, что некоторые задержанные грузы шведы согласились пропустить; также он вел переговоры о о смычке железнодорожной линии. Смычка не прошла, но шведское правительство согласилось сблизить конечный пункт дороги до Хапаранды и Торнео,—раньше расстояние между станциями было 28 верст (кажется); больше об его командировке от Литвинова не слышал и не знаю.

2. Курлова переводить на место командира отд. корп. жандармов Распутин помогал неохотно; он говорил: «Там наверху его не очень любят, надо подождать». Судя по моим разговорам с царем по поводу Курлова — он говорил правду, хотя царь мне определенно сказал, что он более на Курлова не сердится и, по словам последнего, был очень ласков к нему при его представлении в ставке. Назначению Курлова мешало и то, что место командира корпуса занимал Татищев, которого я хотел просить назначить в государственный совет и что сделать не удалось, как о том показывал.

3. Я слышал от Васильева, что мотор, в котором ездил Распутин, нанимался для этой цели департаментом, который оплачивал поездки Распутина в моторе в Царское Село. Об охране Распутина я особо не заботился, зная от Васильева, что она имеется; кому она поручена, не спрашивал; не сомневался, что его охраняют агенты департамента. Об охране Распутина агентами дворцового ведомства узнал впервые уже здесь. В дополнение своих показаний о поездке Трепова в ставку и моем предполагавшемся уходе 8 ноября 1916 г. я должен добавить, что Распутин, вызванный по телефону к Бадмаеву, сказал: «Хорошо, что это узнал сегодня, а то завтра было бы уже поздно». Я предполагаю, что он знал о намерениях Трепова от других заинтересованных лиц: Бобринского, Раева, Шаховского, но наверно сказать этого не могу. Позже я слышал, что отставка моя была подписана, но по настоянию царицы хода не получила. Сам же я не уговорил царя меня отпустить, не смог или не сумел — сам не разберусь. Просился уйти, как показывал Комиссии, но без упорства: ж а л е л у х о д и т ь. В разговоре с царем я указывал на Н. Н. Покровского, как на человека, годного на пост министра иностранных дел. Позже царь, повиди-

мому, вспомнил наш разговор — Покровский был назначен. От Бадмаева, 8 ноября, Распутин послал депешу царю, резко составленную против Трепова и его предположений переменить состав совета министров. Эту депешу я отправил на главный телеграф так же, как и три телеграммы, раньше посланные Распутиным царю и царице и, кажется, Вырубовой,—в ставку, и которые касались меня в связи с поручением мне продовольственного дела, за что был и Распутин. Эти депеши я отсылал либо Похвисневу, либо старшему дежурному чиновнику; возили эти депеши полковник Пиринг, мой служащий Павел Савельев или служащий Бадмаева или мой шофер.

В ночь убийства Распутина, часов около 12, я отвез сестру Воскобойникову на вокзал и после заехал к Распутину. Жених его дочери — кавказец — офицер Симоник (фамилии его не знаю и лично не видел) пытался застрелиться. По этому случаю я и заехал к Распутину, жалея его и думая, что он горюет о случившемся. Пробыл у него минут 10. Видел только его одного: он сам отворил мне дверь. О намерении своем куда-либо ехать в эту ночь он не говорил.

4. Еще до назначения своего я высказал Бадмаеву и Курлову свою догадку — не возит ли Распутин б. царице деньги, которые он берет за свои хлопоты о делах и наградах с разных людей (Например, я слышал от Н. А. Гордана, что он заплатил Распутину 15 тысяч за звание коммерции-советника.). С Горданом я был на обеде у Книрши вместе с Распутиным; там была и С. Г. Лунц. Теперь, уже в крепости, узнав о существовавшей измене сверху и об обращении фальшивых денег, мне думается: не возил ли Распутин б. царице фальшивые деньги, получая их через Мануйлова или кого другого. Не замешан ли тут гр. Татищев, А. Н. Хвостов или Симанович, заменивший, как я слышал от кн. Тархановой, при Распутине Добровольского, и нет ли связи между Переном, о котором меня допрашивали, и привозом в Россию этих денег. На мысль о связи Мануйлова и Перена наводит общность названий «доктор» Перен и съезд «докторов» в Копенгагене, на который должен был будто бы ехать Мануйлов по письму, которое прочел мне Степанов А. В., сказав после, что оно Мануйлова не касается, почему в то время это сопоставление в голову мою не приходило. Из сумм деп. полиции я давал Распутину по 1.000 р. в месяц. Выданные ему деньги я вернул из своих средств, истратив их вместо казенных на пособия. Давал Распутину 1.000 рублей в месяц, узнав от Белецкого, что такая сумма платилась Распутину в то время, когда Белецкий был товарищем министра. Деньги я отдавал Распутину иногда сам, иногда посылал с Павлом Савельевым (своим служащим). За несколько дней до приказа о моем назначении, которое было уже решено, как г о в о р и л Р а с п у т и н, я сказал ему у Бадмаева, что буду давать ему эту сумму. Он ответил: «Ну, это все равно».

Я видел запись в книге расходов департамента полиции, сделанную в то время, когда А. Н. Хвостов был министр: «поездка в ставку 18.000»

(или 130.000, не помню). Боясь, что пропустил это в своем прежнем показании, решаюсь записать в настоящее.

5. При показаниях своих по делу А. Н. Хвостова я забыл сказать, что Д. П. Носович получил место в Соединенном банке через Татищева на 8 тысяч рублей в год. Я был рад, что он устроился (он брат моей жены). Узнал об этом, насколько помню, после отъезда Татищева в Москву.

6. По делу ареста Д. Л. Рубинштейна его жена обращалась ко мне за помощью. Я ответил ей, что ничего сделать не могу. Сестра Воскобойникова от имени царицы и Вырубовой тоже просила меня помочь освободить Рубинштейна. Я советовал им через Воскобойникову в это дело не вмешиваться, все же генералу Батюшину сказал, что «это дело беспокоит дамскую половину дворца». Распутин хлопотал за Рубинштейна. Я слышал, что дело это касалось продажи русских процентных бумаг, находящихся в Германии, через нейтральные страны во Францию и возникло по сообщению французского правительства ставке. Рубинштейна я знал до своего назначения. Познакомился на собрании банкиров, собранном мною для проведения при их посредстве русского займа в Америке для оплаты там пошлин заказов на военные надобности. В Америку по этому делу ездил шведский банкир Ашберг; он был указан Барком. Подробности об этом займе, в случае желания Комиссии, могу доложить устно. Я председательствовал на этом собрании, получив поручение от совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии. Предполагалась возможность произвести заем в сумме 60 миллионов долларов. Позже я слышал от Путилова, что для начала заем может быть сделан лишь в сумме 10 мил. долларов. Был ли он сделан и использован ли правительством — не знаю. Личных дел с Рубинштейном не имел и от участия в совете Французского и Юнкер банков — отказался. Я изредка заезжал к нему на дом или в банк и бывал на его торжественных обедах. Он тоже приезжал ко мне, сообщал новости о предполагаемых переменах в правительстве и городские слухи. Он много узнавал от Горемыкина, куда, по его словам, часто ездил и пожертвовал на благотворительность 300 тысяч рублей через жену Горемыкина. Он бывал у Барка и других министров, чем любил хвалиться. От него я слышал, что Барк думал о проведении меня на пост своего товарища. Будучи раз у него во Французском банке я случайно присутствовал при неудовольствии, которое он высказывал своей жене по поводу отсылки ею какого-то мехового подарка ее родным в Румынию. Шла речь о каком-то письме. Значение этого разговора не знаю. При аресте Рубинштейна присутствовал Мануйлов, что, по моему мнению, устанавливает связь сего с контр-разведкою (как я показывал).

В день ареста Рубинштейна я был у него на даче, где находился директор Comptoire d'Escompte Шарль Нодо, которого встречал в Париже на экономической конференции. По его просьбе я и был приглашен и поехал к Рубинштейну, пробыл часа $1^1/_2$ — 2. При мне

между ними шел разговор об увеличении оборотов Персидского банка при помощи французского капитала. Позже я слышал, что Нодо допрашивали наши военные власти по поводу дела Рубинштейна. Был ли он арестован, не знаю. Один из домов Рубинштейна был нанят под клуб Крупенским, получившим от Трепова на это дело до 75 тысяч рублей. Во время своего ареста в Псковской тюрьме, Рубинштейн продал Второву свои акции Юнкер банка в количестве 48.000 акций по дешевой цене с убытком для себя до 2 миллионов рублей. Слышал я это в Международном банке, кажется, от Шайкевича или от М. М. Горелова.

Настоящий п. 6 своих показаний я излагаю так, как он остался у меня в памяти. Некоторые ошибки в нем мне указаны следователем при допросе моем как свидетеля по делу Штюрмера; так — я называю — Шарля Нодо — директором Comptoire d'Escompte — оказывается, что Нодо—газетный корреспондент; говорю об 2 миллионах убытка, которые Рубинштейн понес при продаже своих акций Второву — убыток, оказывается, 4 милл.

При допросе тот же следователь, говоря о письме, которое прочел мне Степанов по поводу предполагаемой будто бы поездки Мануйлова в Копенгаген на съезд «докторов», называет это письмо «письмом Каро». Имя это является для меня неизвестным, автора письма, о котором идет речь, либо Степанов мне не говорил, либо я его совершенно забыл.

7. Когда происходила эвакуация Риги Курлов был против нее. Я вполне разделял его мнение. Эвакуация требовала 80.000 вагонов, такое количество невозможно было рассчитывать получить в короткий срок. Все же заводы, работавшие на оборону, при эвакуации прекращали производство предметов, нужных нашим войскам. Несогласие Курлова обусловило его отставку. Вел. кн. Ник. Николаевич, по просьбе кн. Щербатова, согласился на нее. Над Курловым было назначено следствие генерала Баранова, во всеподданнейшем отчете которого имеются подробности этого дела (телеграмма депутата Маклакова Щербатову: «В Риге измена, Курлов противится эвакуации, и другие данные). Дело об эвакуации Риги имеется и в делах эвакуационной комиссии (совещание по обороне) под председательством Родзянко.

Эвакуирован был и Балтийский завод (аэропланы, вагоны, моторы). Директора завода хлопотали о покупке мест для новой постройки завода, о ссуде, субсидии и авансе под заказ. Директором правления был мой школьный товарищ В. Ф. Давыдов; благодаря его любезности я нанимал от завода мотор по цене, исчисленной для членов правления. Давыдов обратился ко мне с просьбою содействовать ускорению и разрешению их дела в министерствах торговли и военном, дабы дать заводу возможность скорее возобновить свою работу по казенным заказам. Помочь я им не мог и дал лишь письмо к В. И. Гурко, к которому Давыдов и должен был обратиться и объяснить нужды и ходатайства завода. Сколько всего дано было заводу авансом, субсидией и ссу-

дой — не знаю,— слышал разные суммы — от 3 до 8 милл.; точную цифру я не спрашивал ни у кого.

8. Ко мне летом 1916 года обратился Лука Лукич Зотов, из Нижнего-Новгорода, собственник Смеловского цепного завода, вместе с инженером г-ом Бурда. Они желали построить оружейный завод, обусловив эту постройку определенным заказом от казны. Во главе дела стоял Л. Нобель. Условия, по их словам, были выгодны для казны. Я посоветовал им сходить к г-же Лунц, которая через Распутина доведет их план до сведения царя. По словам Зотова, хлопотал за это дело и вел. кн. Михаил Александрович. О Зотове я слышал раньше от англичанина Дальтон Парсов, бывшего у меня по делу акционизации моей фабрики в Англии. Он купил у Зотова Смеловский завод, владел им некоторое время и снова продал завод старому владельцу, потеряв при этом некоторую сумму.

9. От княгини Тархановой я слышал, что Симанович, имевший магазин золотых вещей, ведет дела Распутина, имеет на него влияние, что он умный и часто у него бывает. Я его видел 2 раза после убийства Распутина (раньше его не видел). В день убийства Симанович приехал ко мне вместе с монахом, имени которого не помню, рассказать об исчезновении Распутина и просил разыскивать его живого или мертвого (он предполагал, что Распутин убит) и второй раз просить себе право жительства; он был тогда вместе с своими двумя сыновьями-гимназистами. Я заказал ему два жетона, которые подарил Ознобишину и Радкевичу. Тарханова знала Шифлера. Была должна ему по закладной на ее имении 60 тыс. рублей. Я обещал ей, если буду участвовать в каменноугольном деле, уплатить ее долг по закладной Шифлеру акциями, которые причтутся на мою долю. До войны Шифлер, как я слышал от него, был представителем завода Круппа, это и служило поводом производившихся о нем дознаний и его ареста. Я ему говорил, что ввиду этого опасаюсь с ним иметь дело и общение. Он отрицал свою виновность в чем-либо незаконном, и я ему верил, так как он после ареста и дознания был освобожден и оставался во главе крупных дел; вследствие этого я и не возражал, когда он выступал комиссионером по продаже копей кн. Мыщецкого и Комп. Лианозову С. Г. После своего назначения министром я из дела вышел. За себя я предоставил сделать все расчеты Кадзаеву А. Н. Не имея никаких договорных прав на участие в этом деле вновь, в случае оставления мною службы, я все же свое возвращение в это дело мысленно допускал. Ни формы своего участия в нем в будущем, ни суммы, в какой буду участвовать— я не предполагал. Очень может быть, мне оказалось бы невозможным вновь в него вступить, так как в работах по делу, его проведению и устройству во время службы своей я участия не принимал. Тарханова о моем выходе из дела знала; она хлопотала о пенсии своей дочери, вдове кн. Геловани, и я, насколько мог, помогал ей.

10. При назначении министром юстиции Н. А. Добровольского я слышал, что он затруднен в деньгах. Я предлагал ему кредит у себя,

чтобы дать ему возможность не должать по векселям и уплатить им. Денег он у меня не брал. Я слышал позже от Тархановой, что у Симановича имелись векселя Добровольского, кажется, на 30 тысяч руб. Добровольский хлопотал о упорядочении дела ликвидации менонитского землевладения. Присылал менонитов и ко мне. Он считал их голландскими выходцами. Я не сочувствовал вообще политике, принятой по поводу землевладения немецких колонистов, считая ее вредной для России, опрометчиво уменьшающей общую площадь посева в трудное время. В вопросе о менонитах был особенно с ним согласен; к их устройству при ликвидации их земель надо было отнестись бережно, проводить ликвидацию осторожно, индивидуализируя каждый случай.

11. От Похвиснева, в январе, я узнал, что военная цензура интересуется депешами, подаваемыми через императорский стол. Главн. управл. почт был составлен ответ о том, что корреспонденция этого стола изъята от цензуры. Об этом случае я говорил царю. Этот случай и заставил меня изъять депеши Распутина (из хранилища почтамта),— царю, царице, а с ними и другие, как я показывал в Комиссии. Я боялся распространения этих депеш, как это случалось. Должен прибавить, что в 3-х или 4-х депешах к царю и к царице упоминалось обо мне; хотя я в них и назван Калининым, все же это упоминание обо мне в депешах Распутина мне было неприятно.

12. В последнюю свою заграничную поездку в июне прошлого года в Париже я был встречен и имел свидание с управляющим отделениями Международного банка Александром Рафаловичем. У меня был открыт кредит в этом банке. Во время нашей поездки в Реймс на фронт полковник Ознобишин мне сказал, что об отделении Международного банка идет нехорошая молва; что директор этого отделения живет в Швейцарии, во Францию не возвращается и находится в числе лиц на замечании у французского военно-охранного отделения (точно названия не помню). Что об А. Рафаловиче, который его заменяет в отделении банка и к нему ездит в Швейцарию, тоже есть нехорошие разговоры, как о лице, находящемся в некотором подозрении; что в банке много служащих из немецкой Швейцарии. То же сказал мне и Николай Рафалович, директор Азиатского банка в Париже. Об этих отзывах я имел разговор с А. Рафаловичем; он сказал, что ездит к директору с отчетами банка; последний раз был подвергнут строгому досмотру на границе, чего раньше не было; находил, что дело банка за время войны действительно осталось без перемены персонала, набранного в значительной части из немецкой Швейцарии, и возбуждает толки в обществе и печати. Приехав в Петроград, я это дело передал Вышнеградскому и Шайкевичу. Управляющий отделением был сменен, и банк, как я слышал, переменил контингент своих служащих в Париже. Это дело на память записано мною в путевую записную книжку, которую я дал А. С. Ключареву.

13. Член государств. совета Озеров был представителем русского кинематографического общества в Москве. На представлениях кине-

матографа в его квартире я познакомился с г-жей Софией Григорьевною Лунц. После моего назначения Лунц была у меня раза 4—5. Я познакомил ее с Курловым; вначале у меня была мысль поручить ей общественную разведку, существовавшую при Столыпине, о чем я узнал от Курлова. Ей было назначено вознаграждение, которое и платилось некоторое время, рублей по 250 в месяц. Мысль о разведке осуществления не получила. Деньги, ей данные, возмещены мною из своих средств и ушли на дела благотворения вместо казенных.

Лунц ходатайствовала об отсрочке ее мужу (ввиду назначения его на должность, дающую ему это право. Он служил в транспортной конторе «Кавказ и Меркурий», кажется). Директор этой конторы тоже был у меня по этому делу. Оно было передано в управление воинскою повинностью, где и получило законное направление. Результата я не знаю. Вначале я охотно исполнял просьбы Лунц о разрешении прав евреям на жительство. Позже у меня явилась мысль, не берет ли она за эти хлопоты деньги? Я стал осторожнее, направляя прошения в деп. полиции с подписями: «Разрешить, если нет особых препятствий» или «разрешить», когда дело казалось мне бесспорно справедливым. Я всегда надеялся, что в случае ошибки с моей стороны я получу соответствующий доклад. Формальная сторона дела была мне мало известна. В последний раз она обратилась ко мне с несколькими прошениями, в числе коих, помнится, было одно—разрешить въезд из Копенгагена в Россию кому-то из конторы, находящейся там и где ее муж служил раньше. Все ее ходатайства были направлены мною в деп. полиции для поверки и доклада мне, потому что, прося меня, она сказала, что разрешение может принести ей деньги. Это подтвердило мои подозрения, и я решил, что дело надо проверить. Ей я сказал, что более просьб от нее принимать не могу, и предложил ей впредь подавать их обычным путем. При разговоре присутствовал мой служащий Павел Савельев. Более я ее не видел. Обдумывая здесь все это дело, у меня явилось подозрение: уже не принадлежит ли она к какой-ни будь шпионской компании? Она мне говорила, что ей помогает деньгами ее друг, как она называла; его фамилия, помнится, Битер. Я также здесь думал, в Петрограде ли она, или уехала. Думал также, не она ли лектрисса при царе, о которой здесь слышал. Не поднял об всем этом вопрос, так как все изложенное по поводу шпионажа были лишь мои предположения и догадки. Иной раз мне казалось, что она уже в крепости, и я ожидал об этом допроса. Сам же иной раз забывал, иной раз опасался поднять этот вопрос, щадя себя.

14. Вспоминаю случай, когда мною было предложено деп. полиции сделать обыск и домашний арест г-жи Марии Дерфельден. Приказ об этом я получил от бывшей царицы; передала мне об этом по телефону Вырубова, основанием к обыску было заявление о том, что на ее, Дерфельден, квартире происходили совещания по поводу убийства Распутина и также замышлялось подобное против б. царя. Обыск результатов не дал, арест был снят в течение суток; перед г-жею Дерфельден

я извинился, и она была у меня для личных объяснений. По этому случаю я познакомился с ее братом.

15. Б. царица мне прислала письмо полк. Бильдерлинга с надписью разобрать дело, не вмешивая ни ее, ни Вырубову. Во исполнение надписи я видел полк. Бильдерлинга, объяснившего мне, что в Луцке, по его мнению, есть кружок офицеров, поставивших себе политическую цель,—какую—он не знает. Он получил приглашение, печатное, за номером, прибыть, если желает, в Луцк, при чем было сказано: «номер ваш известен». Был ли это действительно заговор, он объяснить не мог. Передавал лишь факт и свое о нем мнение. Дело мною было передано в деп. полиции А. Т. Васильеву, который, наведя справки и послав расследовать это дело, довел до моего сведения, что никакой организации среди офицеров в Луцке не найдено. Об этом письме и разговоре моем с полковником Бильдерлингом я докладывал б. царю. Он сказал, что там находится в. кн. Павел Александрович и что он вполне верит его надзору. Письмо Бильдерлинга с надписью б. царицы находится в папке, которую в числе других бумаг я отдал Павлу Савельеву, уходя из дома и надеясь вернуться и разобрать их.

17.[1]) Вспоминаю, что в декабре (конце) Замысловскому было дано из сумм деп. полиции на поддержку монархических в Ростове-на-Дону газет и тамошнего отдела монархистов. Точно расхода этих денег не знаю. Дал их ему Курлов с моего ведома и согласия.

18. В дополнение показаний своих о наших разговорах с Марковым вспоминаю, что он говорил, что народ будет зашищать царя дубьем. Это он говорил и в думе. Жаловался, что субсидия мала. «Скажите царю, чтобы он взял $^1/_2$ миллиарда из военного фонда, и тогда можно будет что-нибудь сделать». Я ему отвечал, что денег более дать не могу, что это дается на поддержание кадров (бюро) союза. «Позже поговорим»; докладывать б. царю о его предложениях я отказался. Субсидии, которые получал Марков, шли через него на поддержку всего союза; он же давать должен был деньги Дубровину и другим. Их я не видел. Отчета в деньгах не получал,— не спрашивал, и только в феврале намеревался спросить, но не успел. Марков говорил об охране, бывшей в Костроме и Киеве, и об оружии, которое было у охраны от союза, полученное им я не знаю от какого ведомства. О необходимости иметь и теперь оружие упомянул вскользь; но от кого союз мог получить оружие, получил ли, я не знаю. Ни средств союза, ни их сношений с другими членами бывшего правительства я не знаю.

19. На новогоднем приеме в Царском Селе у меня произошел инцидент с председ. государственной думы М. В. Родзянко. На мой поклон ему при встрече, когда б. царь шел уже в комнату, он, повернувшись ко мне, сказал: «нигде и никогда». Я ответил ему, что принужден буду прислать к нему своих друзей. Он ответил: «хорошо, как

[1]) Пункта 16 в нашей копии не имеется. *Прим. Ред.*

хотите». Зная, что вызова без разрешения царя я послать не могу, я составил письмо, в котором довожу до сведения Родзянко, что принужден отложить дуэль до времени, когда оставлю свое место. Настоящее же письмо прошу считать за вызов. Это письмо я показал б. царю; он против него не возражал, но в тот же день Голицын воспротивился и пожелал вновь доложить царю. Я согласился. Дубликат письма был засвидетельствован Куколем и еще не помню кем, с обозначением, что подлинное находится у председателя совета министров. Через дня два Голицын мне сказал, что б. царь, по его докладу, против отсылки письма, которое осталось непосланным; по утверждению моих секундантов причина была уважительная, и я сохранил право послать это письмо после выхода в отставку. (Говорил я по этому поводу с Радкевичем, Ознобишиным и Куколем.)

20. Кн. Андроникова, за несколько дней до моего назначения, послал ко мне Белецкий. При моем назначении Андроников поднес (прислал) мне икону. Желая его лично видеть и иметь об нем понятие, я просил свою двоюродную сестру кн. Мышецкую его позвать к себе для свидания со мною. Этих свиданий он всячески добивался. Впечатление он производил благоприятное. Деятельность его была мне известна по наслышке (шантажист). Разговоры касались его отношений к другим министрам и двору. Я советовался с ним о редакции депеши поздравительной б. царю, — так как он был хорошим составителем таковых (он издавал также свою газету). Редакция его депеши, однако, меня не удовлетворила; я ее переделал по своему. Видел я его раза 3—4. В его квартире случилось воровство, сделанное какими-то людьми, коим он позволил у себя, кажется, без прописки переночевать. Подробностей не знаю. Слышал предположения, что Андроников был причастен к убийству Распутина; кто это говорил, не помню. Царь, царицы и Вырубова его не любили, что мне и говорили. В связи со всеми слухами об Андроникове я спросил царя, как с ним поступить и не следует ли его выслать. Царь согласился, и Андроников был сослан в Рязань, по ордеру военных властей, коим я передал приказ царя. На вопрос Андроникова по телефону о причине его высылки я ответил, что «не знаю, — это приказ сверху, не желаю сообщать ему подробности, сопровождавшие это распоряжение». Андроников имел людей ему преданных в ведомстве и в доме министра (Драгомирецкий — коего после его удаления мною я постарался устроить, и Балашов, который все время оставался при мне и помогал, не обижая Андроникова, не допускать его к посещению ни ведомства, ни меня. Однажды Андроников все же был в деп. общих дел, где, как мне говорил Волконский, позволил себе неосторожные речи про б. царицу. Я просил кн. Волконского составить показание, но показания этого, хотя я его спрашивал, я не получил, и дело заглохло).

В Рязань я послал Андроникову 1.000 со своим служащим Павлом Савельевым — вручить без расписки из моих денег, боясь Андроникова и одновременно жалея его. Макаров обращал мое внимание на

необходимость его не раздражать. Курлов Андроникова считал человеком вредным.

21. После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, дня через два-три, ко мне приехал Л. М. Полляк и привез мне для исправления наш разговор с Вартбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык, и прочесть его не мог. Полляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратив его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Вартбургом не годится, что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легкомысленный поступок его, тем более опасный для него, что он еврей, и считая его хорошим человеком. Теперь рассказываю это, ибо, может быть, это надо знать следственной комиссии.

22. В то время, когда я был членом совещания по обороне, я много знал и слышал о недочетах разного снабжения наших войск. В частности вспоминаю, что пушки, заказанные на заводе Крезо во Франции, опоздали и наши корпуса пошли в бой с неполным количеством орудий. Слышал также, что часть патронов, доставленных из-за границы (до войны) была плохого качества. Русские заказы за границею и во время войны очень опаздывали, и совещание принимало все меры исправить это зло и увеличить русское производство. Слышал также, что русские не употребляют разрывных пуль. Набор же немецких пуль видел — не помню где, кажется, у военного министра Сухомлинова или Поливанова. Разрывные пули на гильзе имели черный ободок.

23. Член государственной думы Ознобишин написал описание нашего путешествия за границей (делегации законод. учреждений). Я ему дал письмо в главное управление по делам печати для того, чтобы помочь ему издать эту книгу. Издана ли эта книга — мне неизвестно. Помнится, на издание была определена сумма (не более 3.000 руб.—а может быть, и гораздо меньше).

24. Митрополита Питирима я видел впервые при его назначении, когда я был тов. предс. госуд. думы. При его приезде я сделал ему визит. Он отдал его Родзянке, так как я был у него официально. Я слышал потом от Родзянки, что он говорил митрополиту о невозможности его знакомства с Распутиным — о коем идет слух, на что митрополит отвечал уклончиво. После своего назначения я видел его довольно часто, любил бывать у него. Он также ко мне приезжал и относился очень ласково. Раньше он пользовался влиянием при дворе, и я слышал, что Хвостов А. Н. и Штюрмер часто бывали у него вместе с Распутиным. В мое время на царя имел влияние Шавельский (протопресвитер). Влияние митрополита, по неизвестным мне причинам, упало. Митрополит был защитником выборного духовенства от прихода и обеспечения такового от казны. Эта реформа казалась и мне полезной. Она разрабатывалась в особой комиссии при синоде. Б. царь был согласен на обеспечение духовенства, но выборного духовенства находил несвоевременным вводить. (Это было влияние Распутина.) Пред-

положения синодской комиссии в жизнь не прошли и в совете министров не разбирались. Способ их проведения в жизнь по 87 ст. или 86 ст. также решен не был. В государственной думе я слышал, что митрополит был хорош с Распутиным и что это обусловило его выбор в петроградские митрополиты. До этого он был экзархом Грузии, свою епархию очень любил и там его любили.

Вызов его секретаря (Осипенко, кажется) свидетелем по делу Мануйлова беспокоил митрополита. Он советовался со мною по этому делу. Я дать ему решительного совета не мог; ссылался на статьи закона, напечатанные на повестке. Был ли его секретарь на суде — не знаю, но более разговоров у меня с митрополитом по этому поводу не было. Причину своих опасений по случаю вызова его секретаря в суд митрополит объяснял нежелательностью для него разговоров о немсна суде. «Будут лишние разговоры»,—как он говорил. Я слышал, что О ипенко был дружен с Мануйловым, когда он был при Распутине и они вместе кутили. О секретаре митрополита я слышал, что он берет взятки. Я ему подарил 100 руб. Митрополита беспокоили газетные против него статьи. По его просьбе я говорил об этом с Плеве. Подобные статьи оказались запрещенными перечнем, которым руководствовалась цензура. Я также находил, что бранных статей против старшего члена синода помещать нельзя (без цензуры). Незадолго до процесса Мануйлова я был у митрополита вместе с Добровольским Н. А. Митрополит высказывал и ему свое беспокойство, что присутствие на суде его секретаря поведет за собою разговоры в обществе и печати. Добровольский успокоил его, говоря, что неприятных последствий из-за явки свидетелем его секретаря митрополиту не будет. Видел у митрополита и Раева. Разговор тогда шел о реформе прихода, которой Раев был сторонником.

25. По делу ареста рабочих секций военно-промышл. комитета я забыл показать, что не все депутаты были сразу арестованы (Гвоздев по болезни, других не нашли). После мне говорил Васильев, что Онисимов [1]) (кажется) выразил желание отсидеть положенный срок и что надо принять будет меры, как это обыкновенно делается, для облегчения его участи (допустив побег или просьбу о помиловании). Сведения о движении будут доставляться департаменту, как прежде.

В связи с показаниями моими по делу Хвостова и моими предположениями, что он находится в связи с распространением фальшивых денег в России, вспоминая отчет в расходовании 325 тыс. (кажется), который я видел при допросе своем, у меня является мысль, что на расходы по рабочему движению тратились фальшивые деньги в его время (там, помнится, показана цифра 130 тыс. р.).

26. В папке бумаг, переданных мною своему служителю Павлу Савельеву, о которой показываю в п. 16, находятся мои доклады царю, черновики моих ему писем, также писем царицы, письма Выру-

[1]) Не Онисимов, а Абросимов, — провокатор, что установлено. *Прим. ред.*

бовой и другие бумаги. Также несколько фотографий, снятых с Распутина после его убийства. Между ними есть мое письмо царю, ответ, или, вернее, разбор письма Г. Клопова, данного мне царем для прочтения и отзыва. Главные положения письма составлены при помощи Гурлянда и пополнены мною; письмо касается своевременности экономических, а не политических реформ, отношений к государственной думе, оценка политического настроения в государстве, несвоевременности собрания совещания под председательством царя; также говорится об аресте рабочих депутатов в. пр. комитета и суда над ними,— что жизнь укажет правильность этого шага; также о тогдашнем правительстве.

27. Список вновь назначенных членов г. совета я раз видел у Вырубовой; этот список, предполагаю, был прислан царем царице для ее отзыва; я его не рассматривал и кандидатов царя, там поименованных, не знаю. Б. царь иногда советовался со мною относительно замещения вакантных министерских мест; так я по его спросу и совету со Щегловитовым назвал Кульчинского, знал о назначении — предполагаемом—Беляева и Щегловитова.

28. В Петрограде товарищем городского головы был избран Демкин. Его долго не утверждали, так как он был в подозрении по какому-то делу, кажется, Французского банка; по предложению Анциферова, находившего его утверждение нужным для ведения городского дела, я на него согласился; последовало ли утверждение — не помню.

29. При замещении вакантной должности крымского кадия эскера было два кандидата — хан Карачайский и К. [1]) (фамилии не помню). За первого ходатайствовал губернатор Княжевич, и по справке деп. духовных дел он имел больше прав. За второго просили б. императрица, Вырубова и Муфти-Заде. После справок, кадием был назначен государем Карачайский, по моему представлению.

30. С Мануйловым я познакомился либо у Бецецкого, к которому ездил после его отставки, жалея его и предполагая, в случае его бедственного положения, устроить его в один из банков, — либо у Штюрмера, когда он при нем состоял. Предполагая издавать газету, по совету М. М. Горелова, Мануйлову, как будущему сотруднику газеты, послал 3.000 р. авансом, о чем с ним лично условился. При его посредстве, М. М. Горелов предполагал купить машину, печатавшую казенную газету «Россия», но машина эта почему-то куплена не была. На его кварире был раз с визитом. Зная его близость к Штюрмеру, думал через него узнать о предстоящих переменах в правительстве, в частности в министерстве торговли, которым особо интересовался.

Возвращаясь из-за границы, я был в Торнео встречен А. Л. Стембо, одним из деятельных тогда работников по подготовке дела издания

[1]) Помощник симферопольского предводителя дворянства Селямед мурза Кипчакский, которого поддерживал Княжевич. Он же был и кандидатом деп. дух. дел. Он же, Кипчакский, а не «Корожанский», кандидат Муфти-Заде, был утвержден по представлению самого Протопопова. Арх. д. Ч.С.К. № 25, стр. 18

новой газеты. Он меня поставил в курс дела, как оно складывалось в мое отсутствие. Вскоре после ареста Рубинштейна арестован был и Стембо в псковской тюрьме, выпущен через 6 недель; причину ареста не знаю, после его ареста он более участия в подготовительных к изданию газеты работах не участвовал, и я его видел, кажется, только раз.

31. а) Жандармский офицер севастопольского управления сообщил депешами министру вн. дел и департаменту происходящие в этом городе события. Получив депешу об аварии с броненосцем «Императрица Мария», я эту депешу передал Григорьеву. Позже я узнал, что адмирал Колчак сместил нашего офицера за сообщение этого сведения, считавшегося секретным. Офицера мы перевели в другое место: в Севастополь же был назначен другой, по соглашению с адмиралом Колчаком. После этого случая получение сообщений из Севастополя стало затруднительным, хотя они и поступали, но с опозданием, напр., сведения о несчастии с броненосцем «Екатерина II».

б) Телеграфная линия, соединяющая нас с Англией, и станция (не в Архангельске, а в другом месте — названия не помню) находилась в заведывании военных властей. На станции случился пожар, и линия оказалась поврежденною. Чинами ведомства, вызванными для исправления, оно было произведено быстро, и через три дня телеграф мог передавать 25 тысяч слов в день (раньше передавал 50 тыс., и после полного исправления это было достигнуто). Я узнал об этом деле от Похвиснева, просившего разрешения наградить работавших там чинов ведомства. Причину несчастия не знаю; было предположено и злоумышление. Расследование вело военное ведомство и считало его секретным.

в) Государь передал мне для разбора прошение, переданное ему его матерью (императрицей Марией Федоровной) и полученное ею от датских подданных, служивших в России на телефонной сети, датского офицера, кажется, в Петрограде. Они были удалены вследствие предупреждения, полученного от английского правительства. Они просили о возвращении своем на службу или возмещения убытков. Прошения я передал Похвисневу. По разборе их дела доложил царю. В просьбе датчанам было отказано, исполнить ее оказалось нельзя.

г) Городской голова Москвы, Челноков, входил в совет министров и имел со мною разговор о передаче городу освещения и энергии, (общества 1886 г.) в Москве. В совете министров явилась мысль сделать казну участницею в предприятии, а не один город. Мысль эту поддерживали кн. Шаховской и я. Дело все же решения не получило.

д) Из Архангельска департамент полиции и министр получали сведения, но с опозданием, и были не в курсе дел, а только происходящих событий; я получал депеши оттуда изредка; так причина пожара, возникшего в Архангельске на пристани, где было много припасов военных и всякого рода товаров, была мне сообщена депешею, в которой говорилось, что предполагается, что причина пожара заключалась в особом составе, коим были натерты разгружаемые бочки, воспламеняющемся при разгрузке. Так ли это—не знаю. Сведения эти

военное ведомство и морское считало секретными и вело расследование само. В совете министров о нем доклада не было.

Показания мои, изложенные в настоящем под № 31 пункте и литерами а, б, в, г и д, — мне помнится, я представлял уже в письменном показании комиссии. Опасаясь все же допустить пропуск, я решаюсь их, может быть, повторить, насколько сохранились они у меня в памяти.

32. Неправильное распределение пленных в губерниях для сельских работ случалось, и м. вн. д. старалось, насколько возможно, приводить ему известные случаи и порядок. Вспоминаю, что Н. Н. Анциферов мне сказал, что председатель управы, кажется, харьковской губернии — удерживает пленных на работах земства, не отпуская их на сельские работы, и возводит постройки, которые дорого стоют. Я послал туда на ревизию кн. Андрея Ширинского-Шихматова, который, вернувшись, доложил мне, что там действительно происходит задержка пленных на строительных работах вместо сельских. Он указал эти неправильности председателю управы, обещавшему ему изменить распределение. Отчет о ревизии Ширинского был направлен в главное управление по местному хозяйству за краткое время до моего ухода. Пленные отпускались и в крестьянские хозяйства; при снятии их по постановлению совета министров для надобностей м-ва торговли, путей сообщения или военного—брали пленных не от помещиков и крестьян пропорционально поровну, а раньше от крестьянских хозяйств — несмотря на протест со стороны представителей министерства внутренних дел и не различая мест, где снят урожай и где еще не убран.

33. Незадолго до революции государь, по представлению, кажется, Голицына, согласился назначить особо полномочного ревизора для проверки правильности даваемых отсрочек лицам, подлежащим призыву (ибо почти все учреждения, частные и общественные дела (?) и организации и союзы допускали незаконные отсрочки). В разговорах с государем я высказывал, что подобная поверка полезна. Ревизором был назначен Алексей Ширинский-Шихматов, не успевший начать свое дело, как наступил переворот.

34. По делу снабжения Петрограда продовольствием и фуражем ко мне обратился г-н Виткун; его направил ко мне Распутин. Виткун заявил, что у него закуплено много провианта и фуража, но что отправка его затрудняет — нет вагонов. Я предложил ему составить список станций, с коих он желает отправить товар, наименование такового и количество вагонов, говоря, что все, что нужно, будет у него куплено уполномоченным по продовольствию, если качество товара удовлетворительно. Я передал дело Виткуна Ковалевскому (заведующему продовольственной частью м-ва вн. д.), который вел с ним переговоры; позже мы направили его в м-во земледелия. Виткун говорил, что при приходе и разгрузке в городе происходят злоупотребления — берут взятки, — в подтверждение своих слов передал мне несколько ярлычков, выдаваемых, кажется, при назначении разгрузочных оче-

редей. Дело это я передал Курлову, прося назначить дознание по нему. Таковое было поручено Гагарину — из деп. полиции, который и вел его, обнаружив виновность одного из членов комиссии по продовольствию, кажется, при градоначальстве; дело при мне закончено не было и продолжалось расследованием. К Виткуну я посылал за списком его товаров и их количества по станциям своего служащего Павла Савельева; от него я слышал, что Распутин бывает у Виткуна, обедает иногда у него и что Виткун человек богатый. Посылал, желая ускорить дело закупки нужных городу товаров. Теперь у меня является мысль, не причастен ли Виткун к шпионажу? Прежде всего, конечно, не думал и оснований утверждать что-либо подобное — не имел; мысли эти явились у меня под влиянием узнанного уже в крепости.

Мне также приходит в голову — не изменник ли Симанович и не был ли таковым Распутин. Подозреваю А. Н. Хвостова (п. 9 настоящего показания), Татищева, кн. Тарханову, Мануйлова, Мануса, Штюрмера; прежде этого не подозревал, а теперь невольно думается,— подозреваю (п. 20 настоящего показания) фрейлину Никитину, кн. Андроникова, полковника Резанова, — хотя положительно к тому оснований не имею, — также думается, не (п. 11 настоящего показания) знала ли София Лунц Мануйлова и не видалась ли в Копенгагене с Переном или кем другим, причастным к шпионажу, — хотя и это есть лишь предположения, здесь пришедшие мне на мысль.

35. А. И. Гучков считался человеком и влиятельным в военной среде и сторонником перемены бывшего государственного строя. Царь особенно его не любил и общение с ним считал предосудительным. За Гучковым деп. полиции следил, и о посещавших его лицах велся список. Донесение о посещении его генералом Гурко, полученное через агентуру департамента, было мною представлено царю; с царем же я имел разговор по поводу писем Алексеева к Гучкову и его ответах. Эти факты, письма Алексеева, были известны царю из другого, неизвестного мне, источника... Знал ли он и о посещениях Гурко — не знаю; но царь, помимо департаментских сведений, имел сообщения, что я ранее замечал. А. И. Гучков, по сведениям департамента полиции, ранее делал собрания военных (на Сергиевской — дом не знаю) и членов думы; это было до меня, и докладов царю по этому поводу не делал, — но он был в курсе дела, как предполагаю из его разговоров о Гучкове.

36. От жандармского генерала Попова, временно командированного мною в распоряжение дворцовой охраны, лежавшей на генерале Гретене (в отсутствие Воейкова — помнится), я слышал, что среди офицеров и солдат стрелков императорской фамилии и, помнится, сводного баталиона, стоявших в Царском Селе, имеется возбуждение против б. царицы. Это я говорил генералу Воейкову и б. царице; не помню, говорил ли я это царю, но, кажется, говорил.

37. Когда стала предвидеться возможность революционного движения в Петрограде, согласно сведениям деп. полиции, я спросил градоначальника Балка, выработаны ли меры, которые надо принять для

сохранения порядка. Это было в декабре прошлого года или в январе. Эти меры были двух родов: доставка продовольствия (шло через министерство земледелия), мера предупредительная и мера остановки движения, если оно возникнет, полицейской военной охраной. Балк мне сказал, чтобы я не беспокоился по этому поводу, что происходили и происходят совещания у него на дому под председательством Хабалова, где вырабатывается план распределения полиции и войск по полицеймейстерствам; в каждом будет особый начальник военных частей. В основу плана принято распределение охраны, бывшее в 1905 году, но, конечно, тогда войск было больше, теперь же приходится полагаться более на полицию, конную стражу, жандармов и учебные команды запасных батальонов. Всего около 12 тыс. человек; в 1905 году было более 60 тыс., как я слышал. По поводу охраны я также говорил с генералом Вендоржом, переживавшим движение 1905 г., и, помнится, просил Курлова быть на совещании у Балка. Курлов, кажется, там был раз и более не ездил, сказав мне, что он там лишний и дело обойдется без его участия. От Балка я получил дислокацию полиции и войск на случай беспорядков; она предполагала меры сначала полицейские, затем войсковые. Составлена была на 4 дня (кажется). Эту дислокацию я представил царю, который ее у себя оставил. Позже я слышал от царя, что он приказал генералу Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков, но что Гурко выслал не указанные части, а другие, в том числе моряков (кажется, 2 гв. экипажа), считавшиеся менее надежными (пополнялись из фабричного и мастерового контингента). Царь был этим недоволен; я выразил удивление, как Гурко осмелился не исполнить его приказа. Настаивал ли далее государь на исполнении приказа, не знаю. Знаю, что по приказу Хабалова в Петроград прибыли казаки и какие-то военные части из окрестностей; кажется, была вызвана артиллерия, в последний, или предпоследний день революции, т.-е. 26 и 27 числа февраля. Каким образом была исполнена дислокация и меры, предпринимавшиеся для прекращения беспорядков, я знал только по телефонным сообщениям градоначальника или по своим справкам у генерала Хабалова. На прибывших моряков не надеялись; запасный батальон Литовского полка самовольно оставил казарму, отказываясь от стрельбы, и вернулся в казарму, уговоренный священником, вышедшим с крестом в руках к солдатам этого батальона, стоявшим на Марсовом поле. После 26 февраля военный министр Беляев тоже принимал участие вместе с Хабаловым в распоряжении действиями войск. О возникновении революционного движения и введении в действие войск я послал, через генерала Воейкова, телеграмму царю в ставку. Я указал на позднюю выпечку хлеба и ложные слухи об отсутствии муки в Петрограде, как на повод к возникновению движения; сообщил, что полицейские и войска верно исполняют свой долг и что есть надежда, что движение прекратится. Царь ответил депешею ген. Хабалову (тоже известившему царя о революционном движении в городе), приказывая

всеми мерами прекратить беспорядки, недопустимые во время войны. Депешу царя ген. Хабалов мне показал.

Думая о предстоящей после войны демобилизации, я предполагал, что ее надо проводить постепенно, чтобы в деревнях не скопился сразу недовольный элемент. По сообщению деп. полиции в Австрии и Германии наших пленных нарочито революционизировали в особых школах. О возвращении их думал тоже с опасением, предвидя неизбежность беспорядков после войны. Думал о необходимости принятия мер — одних, направленных к облегчению крестьянских хозяйств, волостное хозяйство, мелкий кредит, раздача земельного банковского фонда и фонда земель бывших у немецких подданных и колонистов, пенсии раненым и увечным; других, направленных к прекращению беспорядков. В случае возникновения таковых так думал о необходимости иметь в уездах, кроме стражников, еще особые команды из бывших на войне солдат под начальством таких же офицеров; производить обучение новобранцев, если таковые будут призваны, в местных уездных городах. Разработанного плана по этому вопросу не имел, о нем особо не задумывался. Разработку его никому не поручал, царю о необходимости осторожной и постепенной демобилизации — говорил.

Штюрмер испросил в свое распоряжение у царя особый фонд в 5 милл. рублей. В них он должен был отсчитаться перед контролером. Слышал об этом от бывшего м-ра земледелия А. Н. Наумова. На какую цель предназначался этой фонд — не знаю: знаю только, что он был в распоряжении председателя совета министров.

Я слышал от В. В. Граве, что Штюрмер, когда был министром внутренних дел, временно затерял военный шифр; потом он нашел его; все же военному министерству пришлось изменить шифр. Рубинштейн говорил мне, что Штюрмер проводит члена государственного совета Охотникова в министры финансов или земледелия и что Охотников будто бы готов заплатить за это Штюрмеру 1 милл. рублей. Последнее я считал сплетнею, о кандидатуре же Охотникова на его место я говорил Барку. От Рубинштейна или Гурлянда я слышал, что фрейлина Никитина роется в столе Штюрмера и читает находящиеся там бумаги. Гурлянд находит, что Штюрмер напрасно приближает к себе Никитину. Никитина приезжала ко мне один раз-знал я ее только, видя у Штюрмера. Самойлова, чиновника особых поручений при нем, после ухода Штюрмера я поместил вице-директором департамента общих дел. Я и Куколь знали Самойлова по службе в управлении по воинской повинности, я же оценил его, как большого работника и дельного человека, за время, когда он вел производство по совещанию о дороговизне.

Елисавета Влад. Штюрмер предупреждала меня, что среди лакеев в доме министра внутренних дел есть сыщики деп. полиции. Советовала их удалить. Я никого из прислуги не переменил. Я слышал, будто бы чиновник особых поручений Андро ежедневно ездил к Штюрмеру

передавать, кто у меня бывает, и дела, кои он мог узнать. Я не придал этому веры и значения и считал его полезным; оставил его на занимаемом им месте.

В связи с новым пониманием мною значения дела о растрате А. Н. Хвостовым 1.300.000 р., а следовательно, и значения документов по этому делу, надпись Штюрмера на одном из отчетов по этим суммам заставляет меня думать, что он, в равной с Хвостовым мере причастен к этому делу. Отчеты, которые были мне предъявлены следователем, мне кажутся теперь отчетами в расхождении фальшивых денег (об обращении таковых в стране я узнал, уже будучи в крепости, как говорил в своих показаниях, ранее же я этого не подозревал). Отношения Штюрмера и Хвостова мне неизвестны, но я знаю, что Гурлянд был близок к обоим и, может быть, знает это. У меня является также подозрение, что занятые мною у гр. Татищева под векселя 50.000 р. могут оказаться фальшивыми. Пачку денег, завернутую в бумагу и им же переданную, я не развертывал.

После ухода Сухомлинова из министерства, я несколько раз был у него. Он жил на Торговой ул., 12, потом на Офицерской, № 53; я хотел оказать ему внимание, не веря в его виновность и памятуя его доброе отношение ко мне, когда он был министром. Я знал его и его брата еще во время моего пребывания в кавалерийском училище. Я всегда считал его человеком бедным и что деньги, которые широко тратила его жена, даны ей Манташевым. После своей отставки он жил скромно, но обстановка его квартиры была очень хорошая. Он сказал мне, что за долгую службу успел скопить 50.000 р., которые были им даны Утину, игравшему для него удачно на бирже, и что теперь у него есть обеспечение на старость. Позже от С. Т. Варун-Секрета я узнал, что у Сухомлинова всего денег оказалось 600 тыс. рублей.

Я слышал от своего брата С. Д. Протопопова, что член продовольственной комиссии при градоначальнике Фомин принимает муку от г. Черняка (фамилию точно не помню) затхлую, дает ему преимущественно перед другими вагоны под грузы и другие льготы. Действия комиссии вообще вызывали нарекания. Я говорил кн. Оболенскому по поводу подозрений на Фомина. Он за него заступился; я ему поверил, но не вполне; все же в то время я не распорядился расследовать это дело. Действия комиссии подверглись расследованию только по делу Виткуна (случившемуся вскоре после сообщения моего брата о действиях Фомина) уже после ухода Оболенского. Расследование велось Гагариным и обнаружило виновность одного из членов комиссии, дело которого передано было следователю.

А. Протопопов.

Октябрьский переворот и ставка.

(Окончание [1]).

V.

Около самой ставки начали сгущаться тучи недовольства. Солдаты видели контрреволюционные намерения сидевших там генералов. Ненависть солдат направлялась и на сидевшего в Быхове генерала Корнилова. Все чаще и чаще раздавались по адресу Корнилова и его друзей угрозы солдат. Ставка решила оградить Корнилова сначала путем перевода в Могилев, но затем, испугавшись солдатского возмущения, решила направить его в захолустный городок Чериков. 29 октября генерал Духонин вел по этому вопросу следующий разговор по прямому проводу.

— У аппарата генерал Духонин, здравствуйте!

— У аппарата генерал Барановский. Здравствуйте, Николай Николаевич [2])! Сейчас меня вызывал Данилевич по приказанию Ал. Ф. [3]); последний просит Вас немедленно ему сообщить мотивы вызова чрезвычайной следственной комиссии. Эта комиссия находится в Петрограде, и связи с ней нет. А. Ф. по получении от Вас ответа даст надлежащие указания. Кроме того, я имею в руках телеграмму, которую должен зашифровать. Телеграмма адресована Вам и также требует скорого ответа. Не откажите передать сейчас по первому вопросу.

Здравствуйте, Владимир Львович [4])! Первый вопрос касается генерала Корнилова и арестованных с ним лиц. В последнее время масса толков вызывает их пребывание в Быхове. Армейский комитет настойчиво предлагает перевод Корнилова в Чериков. Сегодня было совещание в составе начальника гарнизона, комиссара казачьих войск, пришедшее к заключению о желательности перевода в Чериков. Мотивы — опасность самосуда со стороны проходящих через Быхов эшелонов. Ввиду того, что вопросом охраны ведает председатель чрезвычайной следственной комиссии Шабловский и определенных письменных правил содержания и охраны арестованных он не дал, мне было бы желательно совместно с ним пересмотреть весь вопрос и изложить его ввиду общего интереса, который в настоящее время сосредоточивается вокруг арестованных, так равно и ввиду точного установления круга ответственности разного рода лиц, причастных в той или иной степени к охране. До сих пор на практике недоразумений не встречалось, и считалось, что арестованные находятся в ведении Шабловского и охраняются особым нарядом войск, с его согласия подчиненным коменданту; с согласия же Шабловского и был установлен режим арестованных, порядок допуска корре-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. VIII, стр. 153—175

[2]) Духонина звали Николаем Николаевичем.

[3]) Александр Федорович Керенский.

[4]) Владимир Львович Барановский.

спонденции и тому подобное. Частые приезды Шабловского или членов комиссии давали уверенность в правильном положении этого вопроса; ныне же, кажется, около трех недель он отсутствует, и комиссия не проявляет видимого руководства надзором, что тревожит организации, служит источником разных слухов. Новый комендант ставки признает необходимым ввести некоторые изменения; вот все эти обстоятельства и заставляют желать прибытия Шабловского в Быхов. Его также ждут с нетерпением все арестованные. Вот что я мог сказать по первому вопросу. Не имеется ли каких-либо сведений о положении дел у А. Ф.?

Новости есть, но я их буду Вам докладывать, если разрешите, после 11-ти вечера, так как сейчас не имею времени абсолютно. Особенного ничего нет. *Барановский.*

— Тогда до свидания, всего лучшего.

В ночь на 30 октября между ставкой и штабом северного фронта происходили переговоры о политическом положении. Ген. Барановский сообщал ген. Духонину о состоянии и настроении армий северного фронта.

— У аппарата ген. Барановский.

— У аппарата ген. Духонин, добрый вечер, Владимир Львович!

Здравия желаю Николай Николаевич! Попросил Вас, чтоб ориентировать об обстановке у нас: XII армия, — настроение попрежнему пестрое. Латыши попрежнему ведут себя по-большевистски; Венден, Юрьев в руках большевиков. Повидимому, что-то неладное случилось и в Валке, так как прибывший туда броневой дивизион и ударный батальон из Пернова получили приказание штаба погрузки не начинать. Узнав об этом в 10 часов вечера случайно, мы могли только добиться подтверждения, что такое распоряжение действительно отдано, но причин его до сих пор не знаем, так как нам говорят, что командарм сейчас занят и не может дать ответа. На армейском съезде армий большинство не за большевиками, председатель искосола [1]) поручик Кучин имел успех своей речью,—это для сведения,—так как создает надежду,что комитет XII армии будет благоразумный. I армия сегодня выразила готовность помочь комитету спасения революции войсками. Мы приказали немедленно отправить 23 Донской полк, также, кажется,—я не уверен, так как начальник штаба говорил по аппарату, после чего ушел, и я ленты не читал, — и ударные батальоны, об этом доложу точнее завтра. V армия — положение скверное, армиском [2]) собирается посылать войска на помощь большевистскому петроградскому гарнизону, только что говорил по аппарату с наштармом V, который мне это и сообщил. Армиском сейчас заседает и,— как говорит наштарм V,— в случае подобной резолюции командарм решил действовать решительным образом. Мы привлекаем в Псков для обеспечения тыла войск Краснова, а также для охраны узла 3 Уральский полк. Положение в Пскове тревожное: сегодня два эскадрона стрелкового полка 16 кав. дивизии освободили из тюрьмы до 200 арестованных. Начальник гарнизона подал в отставку, ибо окончательно растерялся; все надежные части гарнизона подчинены командиру Нерчинского полка, в распоряжении которого находятся три сотни, три эскадрона, 4 орудия, 8 пулеметов; по приходе Уральского полка освободим часть Уссурийской дивизии и направим их Краснову. В Ревеле юзисты, не желая подчиняться большевистскому контролю, ушли из аппаратной. Главкосев сегодня подробно говорил с генералом Генриксоном; выяснилось, что там царствует революционный комитет. Эксцессов нет, спокойствие полное, но никаких войск ни откуда посылать не хотят и не позволяют. 13, 15 Донские полки уйти не могут, но главкосев вновь подтвердил приказание главковерха, и Генриксон будет пытаться. 44 дивизия занимает выжидательное положение, объявив нейтралитет. О Финляндии знаем, что командир 428 полка с пятьюстами человек, 16 пулеметами проследовал в Петроград, куда должен был прибыть на поддержку большевикам. 128 дивизия, готовая к посадке, задержана областным комитетом. Два полка 29 пе-

[1]) Искосол — исполнительный комит. солд. депутатов.

[2]) Армиском — комитет армии.

ревезены морем в Гельсингфорс, другие два остались в окрестностях Ревеля. Говорил по аппарату с Данилевичем, который сообщает, что прибыли два офицера перебежчика, сообщившие подробное расположение повстанческих войск, о царящем разложении, отсутствии командования, связи в этих войсках. Старший их начальник ушел, а начальник штаба перебежал на нашу сторону. Сегодня очищали станцию Александровскую. Других действий не было, ночью думаем произвести операцию, дабы использовать царящую в Петрограде растерянность. С нетерпением ждут подхода пехоты, которая двигается очень медленно, только завтра к вечеру можно ожидать подхода головы пехоты 17 корпуса; о Петрограде сведения очень противоречивы, одни говорят об успешных действиях юнкеров, другие, наоборот, об успешных действиях повстанческих войск. Как нам известно, Павловское, Владимирское училища якобы заняты большевиками, телефонная станция точно так же, Вердеревский, а равно министры-социалисты выпущены из Петропавловской, на Неве стоят крейсера «Аврора» и «Олег» и 6 миноносцев. Центрофлот разогнан, вместо него образован морской революционный комитет из состава представителей всех морей, приехавших на Съезд Советов; платформа большевистская; разогнанные члены центрофлота вошли в комитет спасения. Вердеревский фактически исполняет обязанности и занимается делами лишь оперативно технически и не именуется министром и совершенно ушел от политики; на улицах города изредка была стрельба, погромного движения не наблюдается. За истекшие сутки прошло в Гатчину две сотни 9 Донского полка, в Пскове задержано две сотни и штаб Нерчинского полка, одна сотня Уссурийского полка, 4 орудия. Ночью прибудут со стороны Дна две сотни Амурского полка и утром из Осташкова 2 сотни Уссурийского полка, направляясь в Гатчино; около 23 часов со станции Бычиха должен был выйти первый эшелон 12 Великолуцкого полка, за ним другой и так далее, бригада и мортирный дивизион со станции Невель. Что Вы можете сказать по поводу телеграммы главковерха НР 163? Является ли проектируемая мера своевременной по обстановке и возможно ее несколько отложить?

Должен сказать не свое мнение, а мнение комиссара Савицкого и председателя комитета спасения, которые находят эту меру необходимой, усматривая в деятельности желание тормозить и во всяком случае не содействовать, занимая нейтральную позицию, что по современному положению, конечно, говорят они, невозможно. Мое мнение, что действительно занятая нейтральная позиция упорно удерживается, что создает трудные условия для совместной работы; отсутствие взаимного доверия порождает недоверие, осторожность в действиях и действия несогласованные. Свыше говорят одно, снизу действуют и говорят другое. При таких условиях работа не идет полным ходом, как было бы нужно. Юридически как будто все лойяльно, но чувствуется что-то странное. Я боюсь сказать окончательное заключение, поговорю с наштасевом и завтра Вам доложу наше общее мнение. Сейчас получена телеграмма от генерала Юзефовича, вот ее содержание: «Тревожное положение в армии поддерживается усердно распространяемыми слухами о снятии войск с фронта для отправки в Петроград и по поводу отправления 5 броневого дивизиона; уже были волнения в некоторых частях. Считаю чрезвычайно опасным по общему состоянию армии отправлением этого дивизиона дать основание для дальнейшего муссирования вопроса в настоящую минуту, когда самочинное выступление латышских полков начинает принимать угрожающий характер. Доношу, что во избежание дальнейших осложнений в армии я лишен пока возможности исполнить распоряжение об отправлении броневого дивизиона. Дивизион, который еще не прибыл в Валк, будет оставлен мной в этом городе в составе войск, назначенных для поддержания порядка. Для усиления валкского гарнизона мною вызван и ударный батальон западного фронта, относительно этого батальона не было распоряжений об отправлении из армии. Кроме 1 и 3 латышских стрелковых полков, самовольно перешедших вчера с фронта в Венден, сегодня самочинные действия распространились и на вторую бригаду; сегодня 6 и 7 латышские полки самовольно ушли со своих мест, арестовали штаб бригады с начальником бригады и передали управление бригадой выборному офицеру. Дальнейшее движение этих полков еще не выяснено. Имеются сведения, что эти полки имеют целью захват Вольмара

и Валка. Поступили сведения, еще не проверенные, что станция Юрьев захвачена латышами запасного полка. Валк, 30/10 НР. 06055 Юзефович». Считаете ли Вы возможным применить меры в том виде, как указано. Мне думается, должно быть предложение уйти с обязательством уехать во внутреннюю Россию или Кавказ.

Да, я думаю, что Ваше мнение правильно. Я только теперь не уверен, что это пройдет гладко, но мы переживаем такие перипетии и затруднения и осложнения, что это, я думаю, немного осложнит положение, а быть может, все пройдет гладко. Лучше было бы, если бы явилось новое лицо и предложило бы сдать,— заблаговременное извещение и выжидание заместителя создаст тяжелые дни.

А вы имеете в виду такое лицо?

Нет, но только не командарм V; этот вопрос при настоящей обстановке сложный, и выбранное лицо должно совмещать много качеств и скоро прибыть. Может быть, у Вас есть кандидат, может, Вы назовете несколько кандидатов?

У нас на фронте, кроме командарм XII, нет других; признаюсь, над этим вопросом не задумывался и сейчас ответить затрудняюсь, решать с плеча трудно; опять-таки,если подумать, то завтра могу сообщить свое мнение.

Я думаю, что можно дать заключение, так как главковерх сообщал Вам, что он считает необходимым, то еще не значит «приказываю»; лучше семь раз отмерить, один раз отрезать. Если Вас не затруднит, передайте мне содержание Вашего ответа сейчас: можно было бы обсудить до завтрашнего дня.

«Военная главковерх НР 163. Оценивая обстановку, ныне слагающуюся на фронтах, считаю себя обязанным доложить, что наступивший момент признаю слишком критическим по настроению масс для приведения в исполнение указанной меры. Положение в армейских тылах на фронте за сегодняшний день осложнилось. Большевистская пропаганда имеет успех и охватывает темные массы; самочинные организации побуждают войска к пассивному отношению к большевистскому движению и влияют на правильность работы железных дорог по подвозке войск. При наличии создавшейся обстановки полагаю как самый арест, так и перевозка и содержание в ставке могут вызвать тяжелые эксцессы. Полагал бы ограничиться предложением оставить должность ввиду принципиального разногласия принятого плана с обязательством немедленно отбыть во внутреннюю Россию за пределы действующей армии. До назначения и прибытия полагал бы должность передать согласно положению о полевом управлении войск наштасеву» [1]. Вот что я хотел ответить.

Я думаю, что указания на округа излишни, полагая, что достаточно указать во внутреннюю Россию вне предела действующей армии, остальное, мне кажется, хорошо.

Конечно, я с Вами согласен и написал это на-спех; пожалуйста, это зачеркните и вставьте Вашу фразу. Сегодня, действительно, был день много сложнее вчерашнего, я знаю, до какой степени необходимо в настоящее время подать быстро Александру Федоровичу пехоту. Между тем сегодня по постановлению комитета спасения революции в Минске задержаны эшелоны 3 Финляндской дивизии на начальника станции западного фронта в Жлобине, Лунинце. С большим трудом путем долгих переговоров, приказаний и ругни удалось двинуть их дальше; под вечер в Орше самочинно вылезли из эшелонов украинцы сто пятьдесят шестой дивизии и снюхались с большевиками, закупорив движение в Жлобине; не пропустили в Москву кавалерийскую бригаду и только после долгих усилий удалось продвинуть. В Гомеле, Вязьме, Ржеве везде большевики получают перевес. Но больше всего мешает Всероссийский союз желдорог, в котором преобладание получили большевики; угрожают полной забастовкой, чинят саботаж всем перевозкам в связи с событиями, в союзах несомненно [2] большевистской, ибо приноси пользу, тормозя подвоз. Министерство продовольствия. как назло, ничего не дает, и чувствуется острый недостаток в продовольствии. Посылаю телеграммы в Петроград с настойчивым требованием хлеба. В Москве большевикам пришло подкре-

---

[1]) Речь шла о генерале Черемисове, главнокомандующем северным фронтом, которого ставка хотела арестовать.

[2]) В оригинале, вероятно, опущено «дух».

пление, нашим приходится туго, чувствуется усталость. Бой продолжается на улицах с участием тяжелой артиллерии со стороны большевиков; доблестно дерутся юнкера. На южных двух фронтах перемен нет. Я не считаю вспышек тыловых гарнизонов. На Кавказе отлично. Не дал ли каких-либо указаний главковерх по поводу Быхова? [1]).

Нет, никаких не дал, а Вашу телеграмму главковерху передать, или лучше Вы передайте сами, вновь изменив редакцию, или дайте мне Вашу фамилию; я думаю, что можно оставить до завтра. Оставив до завтра, я хочу выслушать Ваше мнение и Лукирского.

В телеграмме я назвал не Вас, а Лукирского только потому, конечно, чтобы не обидеть его; кажется он непричастен [2]).

Я бы на себя не взял это все. Войтинский смутьянил, но я протестовал и протестую сегодня; меня они [3]) поставили в неловкое положение в связи с событиями в Пскове; решили всех игнорировать и лезут ко мне, но я их направил к Лукирскому,— он прекрасно знает фронт, Псков и отлично распоряжается. Я полагаю, что Александр Федорович если не завтра, то послезавтра войдет в Петроград, это необходимо и в смысле настроения на фронтах, на которых слишком напряженно; во всяком случае первое ноября крайний срок, иначе будет много эксцессов, к этому времени подойдет пехота. Если нельзя послать весь броневой дивизион, то нельзя ли послать половину его, хотя бы несколько броневиков по шоссе, они могут скоро и вернуться; а ушел ли броневой поезд?

Поезд ушел и сегодня работал уже на станции Александровской. Дай бог, чтобы А. Ф. удалось 31 или 1 войти в Петроград. В связи с отсутствием пехоты как у них, так и у казаков, повидимому, упадок духа, — так чувствовалось по разговору с Данилевичем: все задержки движения прямо ужасны, какое-то безумное помешательство, затмение рассудка. *Барановский.*

— Да, я думаю, что первого ноября можно будет войти, если не произойдет железнодорожных задержек, подойдут части семнадцатого корпуса, 3 Финляндская уже вступила на западный фронт, но, конечно, возможно, что только ко второму соберется, ибо много застав на пути, разного рода комитетов и спасителей революции. Очень я Вас прошу дать непременно броневиков, хотя бы немного, мы дать не можем, так как западный фронт не дает, а с остальных уже взято,— и подвезти далеко; может быть, из первой армии дать, если трудно — из XII, во всяком случае напишите Юзефовичу о крайней необходимости выделить несколько машин, это не ослабит его особенно, а Александру Федоровичу поможет. До свидания, всего хорошего; сделаем все, что возможно. Всего лучшего.

Разговор о высылке из пределов «действующей армии» и аресте относился к главнокомандующему северным фронтом генералу Черемисову, который не выражал готовности бороться с большевиками так, как того хотела ставка.

30 октября утром между ставкой и штабом северного фронта происходили переговоры по прямому проводу, в которых уже намечался уход Керенского, передача им власти особому комитету.

— У аппарата ген. Барановский.

— У аппарата ген. Духонин.

Здравствуйте, Николай Николаевич, извиняюсь, что не мог подойти раньше, все время бесконечные переговоры и разговоры, прямо разрываюсь. Сейчас здесь были

---

[1]) Дело касалось освобождения Корнилова.

[2]) Барановский интриговал вместе со ставкой против главнокомандующего ген. Черемисова и нач. штаба северного фронта Лукомского, расходившихся во взглядах на положение дела со ставкой.

[3]) По сообщению Лукирского, «они» были: Чернов, Сперанский и Фейт, требовавшие ареста Черемисова.

члены Всероссийского комитета спасения революции. Они требуют точно так же скорейшего экстрактирования лица, Вам известного. Я говорил с Лукирским; он находит, что это можно сделать немедленно на основании телеграммы Керенского и что это и нужно сделать. Выслушав заявление членов комитета спасения, я думаю колебаться не следует; путь такой: вызов в ставку и затем отправление на все четыре стороны внутрь России вне района армии. Вы меня спрашивали об именах; мы остановились на двух— Драгомиров и Юзефович. Должен Вам выяснить настроение комитетов со всей определенностью: ясно, что комитеты за прежнее правительство не идут и войск Керенскому, как главе его; посылать не хотят; идут за комитетами спасения, и так как эти последние молчат и не говорят, что Керенский с ними, то войска никуда и не двигаются. Вам, наверно, уже известно, что бригада 3 дивизии не пошла, так будет и дальше, если не будет объявлено во всеуслышание, что такое комитет спасения и какова в нем роль Керенского; лучше распоряжаться именем комитета, чем последнего, иначе ничего не выйдет, а между тем дом горит, и его надо спасать. Говорил с Войтинским, который при Керенском; вот что он мне передал на мое заявление, сделанное ему в том же духе, что я сказал Вам: между Керенским и комитетом спасения полный контакт, по крайней мере; полное желание контакта, при чем А. Ф. без колебания сделает все, что от него требуется. Настроение комитета спасения вполне определенное, все их надежды связаны с действиями отряда Краснова. Совершенно несомненно, что победа достанется либо нам, либо Каледину. Возможность третьего выхода уже исключена. Это понимают и большевики, лидеры которых не покидают «Авроры» и, повидимому, согласны уже на социалистическое министерство со своим меньшинством и притом без тех имен, которые фигурировали в их списке народных комиссаров. Вчера у них, у Керенского были Станкевич и Гоц, которые обсуждали вопрос о железнодорожниках и решили действовать с полным напряжением сил без всяких колебаний. Члены комитета спасения уехали в Лугу, откуда будет выпущен, повидимому, манифест о роли этого комитета с призывом к войскам бороться против захватчиков, большевиков; кроме того, они обещают посылку своих агитаторов к войскам; последнее совершенно необходимо, и мы на этом настаивали, так как до сих пор работают только большевистские агитаторы, которые и останавливают все эшелоны. Я думаю, нам нет основания спорить о том, будет ли победа за ними или Калединым; нам важно,чтобы ее не было за большевиками; нужно так или иначе спасать прежде всего Россию. Главковерх как министр-председатель должен был бы передать или, как выражаются нынче, делегировать свою власть этому комитету и работать вместе с ним, — это мое глубокое убеждение, иначе несомненный конец всему, вот все. Так как же насчет решительной телеграммы, здесь ждут ее с нетерпением, будет ли она?

(Духонин.) Здравствуйте, Владимир Львович, скажите пожалуйста, есть ли у Вас прямая связь с главковерхом?

(Барановский.) Иногда, когда он в Гатчине, по аппарату Морзе; обычно, когда они сами меня вызывают.

(Духонин.) Дело в том, что выполнение в точности телеграммы, составленной не в виде приказа с арестом и доставкой с конвоирами в ставку, пребывание здесь, ибо по смыслу телеграммы на все четыре стороны внутри России вне района армии, я не уполномочен этой отправить, а как лицо арестованное [1]) должен содержать под охраной все это — как я вам уже и говорил и как изложил в телеграмме, чрезвычайно трудно, и я не могу принять на себя ответственности взять его в ставку, не осведомившись определенно о настроении здешних комиссариата и комитета в отношении этого вопроса. Поэтому, если не появилось со времени нашего разговора новых данных, препятствовавших продлению оставления на занимаемой должности еще на несколько часов, то я предпочитал бы послать вчерашнюю телеграмму главковерху. Насколько я знаю, настроение складывается так, что его надо арестовать и не выпускать, ибо это дело судебное. Вот что я и хотел сказать; в исполнение должности считаю в данной обстановке необходимо по получении телеграммы вступить наштасеву, а командарма XII —

[1]) Так в оригинале.

снять с своей должности, ввиду создавшейся обстановки с латышами, нельзя и думать. Сейчас получены сведения из штаба юго-западного фронта, что в Киеве большевикам удалось захватить крепость, комендант и офицеры расстреляны. В Виннице продолжается упорный бой с большими потерями, в бою участвуют даже аэропланы большевиков. На румынском фронте пока спокойно и даже, пожалуй, настолько пассивно, что формирование отряда для Москвы до сих пор не окончилось. В Жлобине и Орше вопрос до сих пор не ликвидирован, и является опасение, что положение вещей в этих пунктах отразится на перевозке войск, направляемых Керенскому и в Москву. В Смоленск сегодня прорвался из Москвы помощник командующего войсками, который доложил об очень тяжелой обстановке в Москве.

(Барановский.) Я сейчас буду говорить с Данилевичем и выясню все сомнения, а потом вам передам.

(Духонин.) Хорошо.

(Барановский.) Сейчас говорил с Данилевичем; этот последний—с главковерхом. Главковерх согласен отозвать с должности без ареста, без вызова в ставку, а с предложением выехать внутрь России вне пределов армии; заместитель по положению временно. Будет ли такая телеграмма? Должна ли телеграмма о приведении в исполнение быть от наштаверха, от имени главковерха, или главковерх сам пришлет Вам телеграмму для исполнения?

(Духонин.) Нет от Вас, от имени главковерха, но если Вам удобнее прямо от главковерха, то я передам в Гатчину.

(Барановский.) Желательно, чтобы телеграмма исходила непосредственно от главковерха из Гатчины. Слушаюсь, я передам. Будут ли еще какие-нибудь вопросы или приказания?

(Духонин.) Сейчас я говорил с донским войском, мне передано, что Харьков и Воронеж, по сведениям казаков, заняты большевиками; при таких условиях Дон, располагая всего двумя дивизиями, необходимыми для него самого, не считает возможным рисковать посылкой.

Керенский потерял всякий вес даже у людей ставки. Они вступали в соглашение и с Калединым, образовавшим в Новочеркасске «войсковое правительство».

VI.

Ожидания побед не сбывались. Каждый день ставка убеждалась в своем бессилии, но борьбы не прекращала. Известия о положении в различных районах, полученные 30 октября, говорили о безнадежном положении сил Временного Правительства. 30 октября ставка имела переговоры по прямому проводу со штабом юго-западного фронта, в районе которого развертывалась борьба.

(Духонин.) У аппарата генерал Стогов?

(Стогов.) Здравствуйте, Николай Николаевич.

(Духонин.) Прошу не отказать ориентировать меня в обстановке, слагающейся в настоящее время в Киеве, и какое отношение центральной Украинской Рады к большевистскому движению, насколько лойяльно в настоящий момент отношение Рады к нашему правительству?

(Стогов.) Обстановка в Киеве складывается весьма неблагоприятно; только что получил сведения от генерала Дзевановского, что стрельба около штаба округа усиливается и возможно, что штаб округа будет взят большевиками. Чешские войска почему-то до сих пор участия не приняли, будто бы ожидая кубанских казаков, которые, по невыясненным пока причинам, начали выгружаться лишь в 17 часов. По последнему сведению, переданному по аппарату, дело обстоит не так плохо; будто бы полк Меженцева начал выполнение своей задачи, ликвидацию горной батареи, и постепенно ее окружает, а для обстрела там понтонных казарм, имеющих

будто бы очень толстые стены, подтягивается тяжелая артиллерия. Сейчас буду передавать только что полученное донесение генерала Квецинского: «Киев, 30 октября, 10 часов 15 минут. Ночь прошла очень тревожно, общая усталость и нервность являются источником провокационных слухов, сеющих тревогу. При вывозе оружия из дворца, а также во время перевозки его для выдачи войскам, прикрывающие перевозку части подверглись обстрелу. У здания первого Киевского военного училища, где размещены части первого Славянского ударного полка, была перестрелка, во время которой убит один офицер этого полка; ударники ручными гранатами рассеяли толпу; есть убитые и раненые. Профессиональные союзы в виде протеста за задержание большевиков хотят провести забастовку. Об освобождении большевиков не хотят и слышать части, несшие охрану в городе и принимавшие участие в занятии дворца, заявляя резкий протест; принимаются меры примирения этих течений. Начали прибывать эшелоны первой Кубанской казачьей дивизии. Только что поступило донесение, что проходившие мимо моего дома две роты юнкеров первого Киевского училища были обстреляны с трех сторон с домов и крыш, есть убитые и раненые, из вышедших на разведку двух офицеров один ранен, другой пропал без вести. По имеющимся сведениям, в обстреле юнкеров принимали участие солдаты запасного понтонного батальона. Принимаю решительные меры с целью окружить и заставить положить оружие. 19807 Квецинский». Продолжаю: недавно, часа полтора тому назад говорил с хорунжим Волгского полка, назначенным к нам комиссаром, выехавшим из Киева вчера в 23 часа, принимавшим участие во взятии дворца; его мнение, что украинцы не совсем лояльны; полагаю, что они пока в нерешительности; с одной стороны, боятся порвать окончательно связь с Правительством, с другой—не желают очень сердить и большевиков.

(Духонин.) Было бы желательно получить более определенный ответ об украинцах; дело в том, что в 156 дивизию, находящуюся в районе Жлобина, прибыли депутаты якобы от Рады и передали о необходимости притти к ней на помощь. Представители дивизионной Рады обратились с ходатайством разрешить им вернуться в Киев на защиту Рады против большевиков.

(Стогов.) У нас еще утром была депеша начдив 156 о том же, кроме просьбы его собственной Рады и без упоминания о большевиках; ему отвечено, чтобы ехал, куда указано ставкой; почему хотят вернуться в Киев, они в Киеве не были. В Киев, кроме Кубанской дивизии, направлено три батальона из Черкасс; думаю, даже уверен, что все эти силы и без 156 дивизии справятся с большевиками, раз будут против большевиков бесповоротно и активно.

(Духонин.) Представители желали бы побеседовать с кем-либо из членов Рады, возможно ли предоставить им это?

(Стогов.) Полагал бы полезным спросить Квецинского лично; думаю, что это крайность.

(Духонин.) Дело в том, что необходимо для скорейшего успокоения дивизии дать ей знать, что Раде не угрожает никакой опасности от большевиков и они хотят это услышать от представителя Рады; если это возможно сделать, то было бы желательно знать, что будет говорить этот представитель.

(Стогов.) Рада помещается в Педагогическом музее, с которым телеграфной связи нет, но при генерале Квецинском находится комиссия, в которую входят представители Рады. Повторяю, полагал бы полезным просить Квецинского.

(Духонин.) У нас нет желания посылать 156 дивизию в Киев, а надо знать, какое положение относительно большевиков занимает Рада?

(Стогов.) Повторяю, что сказал все, что знаю, могу еще спросить Квецинского.

(Духонин.) Пожалуйста, и немедленно сообщите, так как положение 156 дивизии обостряется. Окончательно ли ликвидировано дело в Виннице?

(Стогов.) Пока таких определенных донесений нет, но уже передано, что бой кончился, мятежники бегут, но верные войска столь утомлены, что преследовать не могут. Требуете первый революционный полк, имейте в виду, что в нем всего 900 штыков. Посылать ли?

(Духонин.) Этого довольно.

(Стогов.) Что слышно про Петроград?

(Духонин.) Жду Вашего скорейшего ответа относительно Рады. В Петрограде без перемен и для того, чтобы вывести положение из равновесия, необходим подход к Керенскому пехоты.

(Стогов). Ответа от Квецинского скоро ждать нельзя, приму все меры; до свидания.

(Духонин.) Еще минуту: по имеющимся пока непроверенным сведениям, несколько эшелонов 156 дивизии самовольно пошли со Жлобина на Киев, — сообщаю для сведения.

(Духонин.) Благоволите ориентировать об обстановке в Москве.

(Стогов.) В Москве положение напряженное, большевики усилились, но правительственные войска ведут ожесточенную борьбу; к сожалению, пока не получили предназначенного для них подкрепления с фронта ввиду того, что железные дороги не вполне безостановочно везут; Кремль в наших руках, а окраины в руках большевиков.

(Духонин.) Покорно благодарю.

(Стогов.) Ожидаем войска (?) в Москву. Всего хорошего.

(Духонин.)Чрезвычайно интересуется положением войск главковерха у Петрограда.

(Барановский.) [1]) Говорил сегодня по аппарату с помощником командующего войсками московского округа полковником Кравчуком; он определенно указывает, что Москва продержится своими силами еще дня два. Считаю необходимым отметить, что сегодня на телеграфных линиях замечается довольно частое повреждение, как бы стремление парализовать деятельность ставки, во всяком случае своевременность ликвидации дел в Петрограде и Москве. Не найдете ли возможным довести сказанное до сведения главковерха, для его ориентировки. Я еще раз высказываю предположение, что 1 ноября, вероятно, предельный срок выжидания, ибо каждый последующий день вносит новые осложнения в нашу деятельность и, в конце концов, может затруднить ее до последней степени. Я считаю, что вопрос с Петроградом должен быть решен с подходом пехоты, хотя бы и не всей, и части, хотя нескольких, броневиков. Последнее необходимо послать от Вас, ибо мы этого сделать не можем.

(Духонин.) Шесть броневиков поедут из Режицы, сейчас дал наряд на состав. Послали туда, согласно просьбе, аэропланы, пехоту продвигайте сами; надо послать каких-нибудь комиссаров, агитаторов, у нас их нет — все в разгоне; не знаю, как с ударным батальоном первой армии, до сих пор не удается выяснить, посылают их или нет.

(Барановский.) Финляндцы сегодня двигаются беспрепятственно; как бы хоетлось, чтобы их нигде не задержали; в пути 24 эшелона, часть из них будет двигаться мимо Вас; их настроение до сих пор отличное, и никакая агитация большевиков не влияет, к вечеру часть эшелонов достигнет Могилева, по крайней мере рассчитываю так. Сюда по этому же пути направляется 18 Донской, так как через Курск провезти не удалось. Задержка возможна только в Орше, но придется пробиваться. Вот все, что я хотел сказать. Когда получите телеграмму главковерха, то не откажите передать ее в копии мне, а также сообщить, как она воспринята и благополучно ли все обошлось. Сейчас получена телеграмма, что в Виннице большевистское движение ликвидировано силою, с большими потерями. Работали и финляндцы. Как Вы передали разговор мой — в виде продиктованной вчера телеграммы?

(Барановский.) Нет, очень кратко сообщу, что говорил с Вами, и лучше было бы всего решить вопрос так: сейчас получил телеграмму из первой армии о недопуске отправки войск впредь до разрешения этого вопроса армейским съездом, созванным сегодня в Альтшваненбурге.

(Духонин.) Не может ли комитет спасения действительно обратиться с воззванием ко всем местным комитетам спасения, дабы они отнюдь не входили в рассмотрение вопросов об отправке и движениях войск, предоставив это исключительно на усмотре-

[1]) Барановский вступил в разговор с Духониным непосредственно после Стогова.

ние верховного главнокомандующего, приказание которого должно исполняться беспрекословно. При этих только условиях они могут осуществить свое назначение без ущерба делу. Пока все.

(Барановский.) Всего лучшего! Попытаюсь передать Ваше пожелание в Лугу.

(Духонин.) Да, обязательно скажите и еще добавьте, что особенно мешает нам комитет спасения в Минске. Всего лучшего!

О происходивших конфликтах с украинской Радой, их характере и значении, мы находим некоторые сведения в переговорах начальника связи Сергиевского со штабом киевского военного округа.

— Там ли полковник Сергиевский?

Штабс-капитан Поплавский: член комитета по охране революции, командирован сюда к аппарату начальником округа и военным комиссаром Керенским. Чем могу служить?

Удостоверяю это, дежурный офицер и уполномоченный комиссар.

Говорит полковник Сергиевский. К наштаверху прибыла депутация украинизированной 156 дивизии, которая остановилась во время перевозки на севфронт и требует своего возвращения в Киев ввиду того, что Рада будто бы в опасности. Депутация желала говорить с Радой, но дежурный офицер мне ответил, что главкоокр запретил пускать представителей Рады на аппарат. Наштаверх просит подробно его ориентировать об отношении к Раде и о занятом ею положении.

Отвечаю на вопрос: несмотря на все старания команд. округом, военного комиссара и комиссара города и комитета по охране революции и прокурора, достигнуть до сих пор полного соглашения с Радой не удалось, так как Рада в лице генерального секретариата требовала создания комиссариата при командующем округа для контроля его деятельности в деле подавления беспорядков в Киеве, на что никто из указанных не согласился; однако представители Рады генерального секретариата и генерального войскового комитета непрерывно посещают штаб для информации и участвуют в заседаниях комитета по охране революции. Позиция Рады и генерального секретариата до сих пор окончательно не выяснилась, хотя они категорически утверждают, что примут самые энергичные меры и будут решительным образом бороться с большевистским восстанием и анархией. Рада и генеральный секретариат, между прочим, настаивают на освобождении арестованных большевиков, мотивируя это тем, что фактически большевики, по их мнению, активно не выступали, и восстание фактически не началось, с чем не мог согласиться командвойск, комиссары и комитет в своем большинстве. Имеется масса телеграмм перехваченных, которые рисуют довольно шаткую позицию Рады и генерального секретариата, вызывая целый ряд недоразумений, сомнений; что касается допуска к аппаратам, то это общее распоряжение — никого к аппаратам не допускать, принимая во внимание особенно нынешнее положение. Штабс-капитан *Поплавский*.

В армиях румынского фронта, судя по переговорам ставки с генерал-квартирмейстером штаба румынского фронта от 30 октября, положение было более благоприятное для Временного Правительства, чем на других фронтах.

(Полковник Кусонский.) Я — полковник Кусонский; будьте добры, Ваше превосходительство, наштаверх приказал мне выяснить следующие вопросы: 1) почему до сих пор Вы не ответили на нашу телеграмму от 27 октября за номером 7955 о сформировании для отправки в Москву отряда из шести батальонов, шести сотен и восемнадцати орудий; что сделано Вами в этом направлении, когда и какой именно отряд может быть отправлен; 2) какая политическая обстановка на Вашем фронте, а в частности в штабе фронта и в Одессе; 3) какое, вкратце, настроение войск; все.

(Штаб румын. фронта.) Здравия желаю! Недавно, именно в 23 часа 35 минут, НР 01275 наштарум просит сообщить, чьим распоряжением в Москву должен быть отпра-

влен отряд, так как завтра 31 в Романе эти вопросы рассматривает фронтовой съезд, подготовительные сношения, планы; с минуты на минуту ожидаем ответа командарм IV—IX, какие именно части могли бы быть взяты для этой цели. Революционным комитетом постановлено, что всякие отправления и перевозки войск не оперативного характера в пределах фронта могут быть производимы лишь с его согласия. Выяснение же в числе прочих вопросов и этого он вноеит на съезд, который в Романе уже начался,— общая политическая обстановка определенно выяснится также на этом съезде, вероятно, завтра. В частности сам революционный комитет и фронтовой отдел румчерода к выступлению большевиков относятся отрицательно; также нужно предполагать отнесутся и представители армии. Пока же наверное можно сказать про IV—IX армию. настроение войск, по мнению находящегося здесь же члена революционного комитета, можно считать, в большинстве совпадает с мнением комитетов, то-есть — к большевикам отрицательное, хотя выступления отдельных частей в виде митинговых резолюций наблюдалось и сочувственно. Если я дал Вам неполный ответ, будьте добры спросить снова.

Какие условия работы в настоящее время в штабе фронта? Не усложнилась ли в этом смысле обстановка в последние дни? Как обстоят дела?

(Штаб рум. фронта.) Работа идет нормально, повторяю: работа в штабе идет нормально; все сведения, получаемые комиссаром, революционным комитетом и румчеродом из разговоров с организациями, они сообщают нам; мы, со своей стороны, получаемое нами, сообщаем им. На телеграфе есть представитель революционного комитета и комиссара; в революционном комитете полномочным членом состоит от штаба генштаба подполковник Дубяго. Категорически сказать, каково положение в Одессе, пока трудно, наружно спокойно; какая именно организация сейчас является выразительницею настроения, ответить пока невозможно; там все делается, чтобы сохранить полный порядок. Телеграммы комиссаров и штаба округа, как я уже сказал, несколько противоречивы и пока не позволяют сделать окончательного вывода, кроме того, что порядок поддерживается, управление снаборум и штаб округа работают нормально, железные дороги также.

Штаб ставки работал, распределял районы, посылал войска на подавление восстаний, но значительная доля его распоряжений оставалась невыполненной. В одних случаях отказывались солдаты, в других — мешали рабочие железнодорожники, не подававшие состав или отказывавшиеся перевозить войска. Но и те войска, которые соглашались ехать в тыл, в пути меняли свои настроения и сражаться с большевиками не желали. Состояние войск и их движение на Питер дано ген. Лукирским во время его переговоров со ставкой в 23 часа 30 октября.

(Лукирский.) Здесь. Наштасев Лукирский.

(Духонин.) У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте, Сергей Георгиевич!

(Лукирский). Честь имею кланяться, Николай Николаевич.

(Духонин.) Я получил от главковерха телеграмму с приказанием двинуть немедленно на Петроград семнадцатую кавалерийскую дивизию, а потому прошу Вас сделать распоряжение; телеграмму официальную пришлю сейчас, возьму только номер. Сообщите, пожалуйста, какое у Вас положение в отношении отправки частей на помощь главковерху и вообще получили ли Вы телеграмму от главковерха?

(Лукирский.) Докладываю справку о движении эшелонов за 30 октября: 1) из Острова отправлен штаб 3 конного корпуса, оперативное радио, телеграфное и мотоциклетное отделения, вслед за ними будет отправлена команда связи, кабельное отделение и отряд красного креста; 2) из Старой Руссы отправлены 3 сотни Нерчинского полка, одну сотню вынужден временно задержать на станции ввиду того, что бывший там эскадрон 16 кавалерийской дивизии, повидимому, совершенно ненадежен; 3) из района Невеля погрузка 137 пехотного полка начнется на станции Бычиха завтра утром. 17-й мортирный дивизион, погруженный в Невеле, отправлен через Идрицу на Псков,

не дожидаясь прохода пехоты; 4) авиационный истребительный отряд из Пскова засел и не отправлен, так как все еще обсуждают вопрос, ехать или нет; 5) 6 броневиков из состава 1 брондивизиона, находящегося в V армии, по уведомлению штарм V, отправились походом в 4 часа дня из Двинска — Режица, где назначена им посадка, так как в Двинске это могло бы осложниться; 6) в Пскове в настоящую минуту находятся 5 сотен из состава 3 конного корпуса, 2 пулемета и 2 орудия. Вопрос о немедленном продвижении и присоединении к корпусу несколько раз обсуждался здесь главнокомандующим, комиссаром, председателем комитета спасения псковского и петроградского, приезжавшего сегодня ко мне вместе с Черновым, и каждый раз приходили к заключению, что таковое направление ввиду угрожающей обстановки в самом Пскове чрезвычайно опасно в интересах войск, собираемых под Петроградом. Во Псков экстренно перевозят 3 Уральский казачий полк, который сосредоточится здесь в течение 31 октября. Во Пскове имели уже место такие эксцессы: выпуск из тюрьмы арестантов солдат, грабеж, нападение на одиночных казаков и тому подобное. Комитет спасения в данную минуту в остром конфликте с революционным комитетом, который послал ему ультиматум, дав на ответ 2 часа, несомненно, имея в виду приступить вслед за сим к насилию. Армком V армии постановил послать в Петроград 12 батальон с артиллерией, пулеметами, саперами, якобы с целью нейтральной для избежания, вернее, предотвращения кровопролития и междоусобиц. Командарм V решительно воспротивился такой посылке и заявил, что никаких войск на поддержку большевикам из Двинска отправить не позволит, хотя бы пришлось для того действовать оружием. Недвусмысленно председатель аркома дал понять, что командарму V, штабу и комиссару грозит арест в случае сопротивления. Тем не менее, командармом приняты все меры, и позиции своей он изменить не желает ни за что. В Ревеле происходит армейский съезд войск, подчиненных насухвойск [1]), настроение съезда благоприятное, в городе порядок, спокойно. В Гельсингфорсе также эксцессов не было. С 42 корпусом связи нет. Из XII армии ничего не было. Вчера вечером я передал через наштарма генерала Пневского приказание направить через Псков 5 ударных частей, которые были названы наштаром, как вполне надежные. Обещано было немедленно приступить к их отправке так же, как и 23 Донского казачьего полка. Сегодня имею сведения, что ни одна из этих частей не отправлена до решения вопроса об отправке армейским съездом, который назначен на 30 октября. Сейчас получены сведения из Гельсингфорса: наружно спокойно, эксцессов не было, в некоторых частях отношение безразличное, связи нет ни с кем; местные летучие листки, заменяющие газеты, освещают события явно тенденциозно, с местным населением обострение; за городом были случаи столкновений с партиями красной гвардии, неорганизованные части полков 509 и 511 самовольно, в ночь на 29, сели в порожний состав с целью переезда в Петроград. Было столкновение ударного батальона с какой-то из этих частей, после чего последняя рассеялась—сведение еще не проверено,—части 29 дивизии, перевезенные в Свеаборг, благоразумны все. Приказание о немедленной отправке к Петрограду 17 кавалерийской дивизии будет передано, однако я очень сомневаюсь, что оно будет исполнено. Командарм XII, во избежание острого возбуждения в частях армии и в частности в Валке, отказался от отправки по указанному назначению 5 брондива, оставив его в Валке, для использования по водворению порядка, коему угрожают действия самочинные латышских полков. Командарм XII получил разрешение главкосева 17 кавалерийскую дивизию пододвинуть к Валку с тою же целью.

(Духонин.) Может быть, в первую голову, — если отправить всю дивизию будет нельзя по причине волнения латышей, — можно будет отправить бригаду с батареей, а другую бригаду и батарею дослать по выяснении обстоятельств. Было бы желательно послать дивизию целиком, и указанное мною, как крайность. Если прибудет в Псков 3 Уральский казачий полк, то Вы отправите уссурийцев; правильно ли я Вас понял?

---

[1]) Насухвойск — начальник сухопутных войск.

(Лукирский.) Совершенно верно, и это будет исполнено завтра, т.-е. 31. Казаки, задержанные здесь, этим недовольны и рвутся на присоединение к своему корпусу; все.

(Духонин.) Очень приятно это слышать, а когда пошлете 23 Донской?

(Лукирский.) Совершенно не могу об этом доложить, так как не знаю, как вырешит этот вопрос армейский съезд I армии.

(Духонин.) Очень Вам признателен, до свидания! Не знаете ли Вы, сообщал ли Владимир Львович Керенскому ежедневную мою ориентировку по фронтам для передачи ему, так как из полученной телеграммы усматривается, что он недостаточно ориентирован?

(Лукирский.) Барановский все не передавал, а передавал наиболее существенное.

(Духонин.) Всего хорошего!

(Лукирский.) Всего лучшего!

Контр-революционная деятельность ставки закончилась для некоторых лиц весьма трагически. Глава ее, начальник штаба генерал Духонин, как ответственный за работу ставки, был убит солдатами могилевского гарнизона.

VII.

Наши партийные организации, а также созданные для борьбы со Временным Правительством военно-революционные комитеты вели широкую агитационную кампанию, используя все технические средства, попадавшие в наши руки, типографии, в которых печатались миллионы воззваний и газет, телеграф, по которому передавалась наша информация, радио, служившие средством связи с армиями всех фронтов, передавая наши воззвания. Некоторая доля этих агитационных призывов, перехваченная ставкой, сохранилась в ее материалах.

«Всем из Москвы. В четыре часа дня получено известие, что генеральный штаб сдался и вся власть принадлежит Совету Рабочих и Солдатских Депутатов».

«Всем. В Петрограде распространены приказы бывшего министра Керенского о его победах над гатчинским гарнизоном; известия эти распространяются, чтобы специально произвести панику. По достоверным сведениям, у Керенского только 5 тысяч обманутых им казаков. Среди казаков начался раскол, половина их отказывается итти на Петроград. Небольшая часть войска, верных Керенскому, берет[ся] под обстрел линейными кораблями. Рабочая гвардия мобилизована. Все население призывается к абсолютному спокойствию».

«Военно-революционный комитет. Всем. Ко всему населению. Бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского Съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским Съездом, — Совету Народных Комиссаров».

«Фронт отказал Керенскому в поддержке против правительства и присоединился к военно-революционному комитету, власть перешла к Советам. Ни одна пехотная часть не идет против рабочего и крестьянского правительства, которое в согласии с твердой волей армии и народа, приступило к мирным переговорам и передало землю крестьянам. Подобно генералу Корнилову, только несколько эшелонов сбитых с толку казаков мог набрать преступный враг народа, пытающийся обмануть население Петрограда ложными манифестами. Мы заявляем во всеобщее сведение: если казаки не арестуют обманувшего их Керенского и будут двигаться в Петрограду, войска революционные со всей силой своего оружия выступят на защиту драгоценных завоеваний революции». (Дальше прервали ст. «Дно».)

«Крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины. Многомиллионное крестьянство, многомилионная армия с нами. Победа

народной революции незыблема. Военно-революционный комитет петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

30 октября ночью было передано радио «всем» о победе Советов над контрреволюцией, об образовании Советского Правительства и о принятых Вторым Съездом Советов решениях, подписанное В. Ульяновым-Лениным.

Радиостанция при штабе верховного главнокомандующего. Перехвачено в 23 часа 20 минут 30 октября 1917 года.

«Всем. Всероссийский Съезд Советов выделил новое Советское Правительство. Правительство Керенского низвергнуто и арестовано. Керенский сбежал, а все учреждения в руках Советского Правительства. 29 октября началось восстание юнкеров, освобожденных на честное слово 25 числа. Восстание в тот же день подавлено. Керенский и Савинков с юнкерами и частью казаков пробрались обманным путем до Царского Села. Советское Правительство мобилизовало силы для подавления нового корниловского похода на Петроград. Балтийский флот, верный делу революции, пришел на поддержку восставшего народа; юнкера, казаки Керенского колеблются. К нам прибывают пленные из лагеря Керенского с заверением в том, что казаки обмануты и если поймут в чем дело, не будут стрелять. Советское Правительство принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие. Если избегнуть кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское Правительство не остановится перед самыми беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода. Сообщаем для сведения, что Съездом Советов, который разъехался, уже приняты два важных декрета: 1) о немедленном переходе всех помещичьих земель в руки крестьянских комитетов, 2) о предложении демократического мира. Председатель Советского Правительства *Владимир Ульянов-Ленин*.

Да здравствует социальная революция!»

Давало Царское Село.

Матросы «Олега» по своей инициативе через радио посылали электрические волны, информируя суда и сухопутные команды.

Радиостанция при штабе верховного главнокомандующего. Перехвачено в 23 часа 35 минут 30 октября 1917 года.

«Всем. Петроградская жизнь идет нормально, заводы и трамваи работают, эксцессов за сутки никаких не было. Сведения от вышедшего петроградского гарнизона навстречу Керенского пока не получено. Все социалистические партии стараются войти между собою в блок. Настроение у всех бодрое. № 2250 «ОЛЕГ» Комитет».

Какое огромное значение для успеха Октября имела наша агитация, видно из телеграммы комиссара X армии Пасечного.

«Молодечно, 30 октября 1917 года. По мере поступления сведений о восстании армия ознакомилась с положением дел. Мною при первых же известиях определенно заявлено всем частям, что я считаю восстание авантюрой и власть большевиков не признаю, как самочинную и гибельную для родины. Известия взволновали армию и конкретно вылились в требование социалистического министерства и скорейшего мира у одних и власти советов — у других. Началась усиленная агитация большевиков, главным образом минского совета, с требованием активной поддержки их, переизбрания комитетов и организации военно-революционных комитетов для захвата власти. Боролся правильным освещением и разъяснением происходящего совместно с комитетами. 27—29 происходил съезд представителей комитетов армии. В резолюции выдвинуты следующие основные положения: осуждение восстания как гибельной для родины и революции преступной авантюры, социалистическое министерство, активная внешняя политика за скорейший мир и безотлагательный созыв Учредительного

Собрания. В связи с агитацией большевиков в армии сильное волнение; были эксцессы, выражавшиеся в аресте офицеров, возможны эксцессы, и очень сильные, в будущем. Через царско-сельский радио направлялись в армию телеграммы — сплошная ложь и провокация, будирующая массу. На телеграфах и радио армии и корпусов установлен контроль членов комитетов. Лично с помощником просматриваю все поступления в армию. НР 1080 Комиссарм X, *Пасечный*».

Несмотря на проклятия и осуждения, сыпавшиеся на наши головы за октябрьское восстание, не взирая на десятки резолюций различных армейских, корпусных и дивизионных совещаний и съездов, все эти верхушечные организации оказались бессильны победить нас, нашу партию и поддержанную ею Советскую власть. Массы солдат и рабочих, которые подняли меньшевиков и эсеров до власти, отшатнулись от них за их политику сделок с буржуазией и невыполнение чаяний и надежд этих трудовых элементов. Верхушки были против нас, низы, толща солдатская, крестьянская и организованный пролетариат был с нами, с нашей партией и дали ей победу.

А. Шляпников.

ВОКРУГ „ГАТЧИНЫ".

В 1917 году, после корниловских дней, финансовый капитал вполне сознательно готовился к схватке с пролетариатом. В экономической области проводился в жизнь план московского буржуа Рябушинского — задушить рабочих «костлявой рукой голода». Локауты все учащались, безработица росла. Временное правительство, во главе с «демократом» Керенским, с величайшим усердием проводило в жизнь «разгрузку» Петербурга, обостряя безработицу и превращая организованный пролетариат в хронических люмпенов, неспособных ни к какому отпору. Политика дополняла экономику. Буржуазные патриоты не прочь были заключить какой-угодно мир в обмен на усмирение рабочих и крестьян. Подготовка сдачи Петербурга немцам была затаенной мыслью этих патриотов. Вооруженные удары готовились и извнутри. Во многих местах возродились разбитые в корниловские дни контр-революционные организации, особенно на Дону, откуда корниловское казачество должно было устроить крестовый поход против рабочих и крестьян. Рабочие, в свою очередь, напряженно готовились перейти от обороны к наступлению для завоевания власти. Крестьянство повышало свою активность и переходило к прямому восстанию против помещиков.

«Законосовещательный совет республики», или «предпарламент» («предбанник», по остроумному выражению тов. Бухарина), служивший оплотом одновременно против Учредительного Собрания и против Рабочих, Солдатских и Крестьянских Советов, после ухода из него большевиков потерял значение центра, в котором отражалась напряженность классовой борьбы.

Меньшевики и правые эсеры в ЦИК, предпарламенте и вне его вели политику соглашательства и закулисных сделок с буржуазией и ожесточенную кампанию за срыв уже назначенного на 20 октября (2 ноября) Всероссийского Съезда Советов.

Кризис назревал. Партия большевиков понимала всю серьезность положения, обсуждала вопрос о восстании и готовилась к нему.

Кризис назрел. 16 (29) октября петербургск. Совет Раб. и Солд. Депутатов постановил организовать военно-революционный комитет; 22 октября (4 ноября) было «днем петербургского Совета», превратившимся в генеральный смотр революционных сил, а в ночь на 25 октября (7 ноября) революционные войска заняли почту, телеграф, государственный банк, петербургское телеграфное агентство и вокзалы. 25 октября (7 ноября) в петербургском совете Р. и С. Д. было объявлено от имени военно-революционного комитета, что «Временное Правительство больше не существует», и на трибуне Совета появился тов. Ленин, освобожденный из подполья начавшейся пролетарской революцией.

Керенский, спасшийся от ареста, бежал на фронт для собирания контрреволюционных сил против столицы революции. На помощь Керенскому из Петербурга вскоре выехали члены ЦК партии эсеров, Гоц и Фейт, которые пытались собрать силы для движения на столицу, но повсюду терпели неудачу. На призыв Керенского отозвался только генерал Краснов с казаками. Из печатаемого ниже материала видно, что силы отряда Краснова состояли из 10 сотен казаков, 700 юнкеров, 12 орудий, 1 бронированного поезда и 1 бронированного автомобиля [1]). Решающее столкновение революционных войск с отрядом Краснова произошло 30 октября (12 ноября) между Красным и Царским Селами. После жестокого артиллерийского боя казаки отступили на Гатчину. Керенский в своих воспоминаниях («Гатчина») утверждает, что бой под Пулковым закончился для казаков успешно, но «этот успех нельзя было ни использовать (преследованием), ни закрепить благодаря ничтожности наших (казацких) сил» [2]). Как бы ни утешал себя Керенский «успехом», но ясно, что этот «успех» ликвидировал его попытку двинуть контрреволюционные войска на столицу революции. Решительный отпор Керенскому был отпором помещикам, буржуазии, корниловцам, и пулковский отряд своим доблестным ударом закрепил дело пролетарской революции.

Среди казаков Краснова началось брожение. Они начали посылать своих лазутчиков в Петербург и даже своих официальных делегатов в Смольный, которые убеждались, что в столице порядок поддерживается гарнизоном, ставшим на сторону Советской власти. Казакам стала ясна вся нелепость затеи взять Петербург при помощи небольшого отряда, при отсутствии подкреплений с фронта.

Офицерство отряда Краснова и гатчинского гарнизона было настроено контрреволюционно и готово было сражаться против Советской власти, но только под руководством Краснова, при условии ареста Керенского, который после своих неудачных мытарств по фронту появился в Гатчине.

В Гатчине генералом Красновым было введено осадное положение, а Керенским отдано приказание арестовать большевиков, членов гатчинского Совета Раб. и Солдатских Депутатов. Это приказание, однако, не было приведено в исполнение из боязни вызвать в Гатчине волнение.

30 октября (12 ноября) [3]) вечером к Керенскому из Петербурга явилась делегация от так называемого «викжеля» (всероссийского исполкома союза железнодорожных служащих) с ультимативным требованием: вступить с большевиками в мирные переговоры под угрозой железнодорожной забастовки. Утром 31 октября (13 ноября) Керенский созвал военный совет для решения вопроса о перемирии с большевиками. Присутствовали: ген. Краснов, начальник его штаба — полковник Попов; помощник командующего войсками петербургского военного округа — капитан Кузьмин, начальник обороны Гатчины — Савинков, комиссар северного фронта — Станкевич, член совета союза казачьих войск — Ананьев и подъесаул Ажогин.

---

[1]) Ср. воспоминания Краснова, I т. «Архива русской революции», издаваемого под ред. Гессена.

[2]) См. стр. 30 «Гатчина», изд. 1922.

[3]) Тов. Лелевич относит приезд делегации к 29 окт. (11 ноября). См. № 9 (21) «Пролетарской Революции», статью «Октябрь в белогвардейском описании». См. также брошюру П. Вомпе «Дни Октябрьской революции и железнодорожники». изд. 1924, стр. 41.

«Только два мнения, — пишет Керенский в своих воспоминаниях [1]), — Савинкова и мое — были поданы за безусловный отказ от переговоров. Все военные без исключения были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчас же начать переговоры; иначе нельзя ручаться за спокойствие казаков. Итак, мнение большинства ясно и очевидно. Как ни было мне это отвратительно и трудно, другого выхода не было — нужно было выиграть время переговорами. Кроме того, невозможно было допустить, чтобы Краснов и его штаб могли сказать казакам: мы были за мир, но Керенский приказал драться. Я утвердил мнение большинства, и военный совет приступил к обсуждению самой техники переговоров. Было решено, что Станкевич объездом поедет в СПБ, чтобы там передать «Комитету Спасения Родины и Революции» мои условия перемирия». Керенский помнит из этих условий только два: «во-первых, большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному Временному Правительству; во-вторых, состав и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашению существующего Временного Правительства с представителями всех политических партий и комитетом спасения родины и революции. Ген. Краснов сорганизовал делегацию в Красное Село с целью заключения немедленного перемирия на фронте, впредь до выяснения результатов поручения Станкевичу. В состав этой делегации вошли исключительно казаки, которые вечером уехали в Красное Село. Эти делегаты возвратились в Гатчину утром 1 (14) ноября вместе с матросской делегацией, во главе с Дыбенко. Основным требованием матросов было — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки согласились на это требование, так как еще до возвращения своих парламентеров, в ночь с 31 окт. на 1 ноября (с 13 на 14 ноября), они постановили арестовать Керенского и установили за ним негласный надзор. Участвовали ли в решении вопроса об аресте Керенского офицеры? Прапорщик Брезе показал на допросе, что постановление об аресте Керенского вынесли казачьи комитеты, а прапорщик Миллер показал, что постановление об аресте вынесли офицеры и солдаты отряда Краснова.

Керенскому удалось бежать из Гатчинского дворца переодетым в матросскую форму. В печатаемом материале мы находим лишь краткое сообщение о том, что Керенский бежал из Гатчинского дворца около 3 ч. дня 1 (14) ноября, но каким образом — неизвестно. Об обстоятельствах побега Керенского дал интересное письменное показание 1 (14) ноября арестованный генерал Краснов. Так как этого показания нет в печатаемом ниже материале, то мы приведем его содержание здесь в буквальных выражениях.

«Около 15 часов сегодня меня потребовал к себе верховный главнокомандующий (Керенский). Он был очень взволнован и нервен.

— Генерал, — сказал он, — Вы меня предали... Тут Ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...

— Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к Вам нигде нет.

— Но и офицеры говорят то же!

— Да, офицеры особенно недовольны Вами.

— Что же мне делать? Приходится покончить с собой.

---

[1]) См. «Гатчину», стр. 34.

— Если Вы честный человек, Вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в революционный комитет, где переговорите, как глава правительства.

— Да, я это сделаю, генерал.

— Я дам Вам охрану и попрошу, чтобы с Вами поехал матрос.

— Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это мой враг.

— Ну, что же делать. Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.

— Да, только я уеду ночью.

— Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что Вы не бежите.

— Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошел, вызвал казака 10 Донского казачьего полка Русскова и приказал назначить 8 казаков для окарауливания верховного главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать; полагаю, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же» [1]). Из показаний Краснова видно, что в побеге Керенского он не принимал никакого участия.

Если же мы обратимся к воспоминаниям того же Краснова, напечатанным в заграничном контр-революционном «Архиве русской революции», издаваемом Гессеном, то убедимся как раз в обратном. «В три часа дня (1 ноября), — рассказывает Краснов, — ко мне ворвался комитет 9 Донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отведут в Смольный.

— Ничего ему не будет. Мы волоса на его голове не позволим тронуть.

Очевидно, это было требование большевиков.

— Как вам не стыдно, станичники! — сказал я.—Много преступлений вы уже взяли на свою совесть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, как наши деды отвечали царям московским: с Дона выдачи нет!.. Кто бы ни был он — судить его будет русский суд, а не большевики...

— Он сам большевик.

— Это его дело. Но предавать человека, доверившегося нам, неблагородно, и вы этого не сделаете.

— Мы поставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Мы выберем верных людей, которым мы доверяем! — кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказал я.

Когда они вышли, я прошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным, в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

— Как ни велика вина Ваша перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя в праве судить Вас. За полчаса времени я Вам ручаюсь.

---

[1]) Цитирую по книге т. Троцкого «Октябрьская Революция», изд. 1918 г., стр. 90—91.

Выйдя от Керенского, я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он бежал. Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавались голоса о моем аресте, о том, что я предал их, давши возможность бежать Керенскому» [1]).

Керенский знаком с воспоминаниями Краснова и даже приводит в своей книжке («Гатчина») часть той выдержки, которая приведена у нас (о посещении его Красновым), но он считает «все это сплошным вздором и вымыслом». Сославшись на телеграмму Краснова от 1 (14) ноября ген. Духонину («Приказал арестовать главковерха; он успел скрыться»), Керенский говорит: «Не говоря уже о телеграмме в ставку, автора этой легенды головой выдают «другие выходы», которых в действительности не было, за исключением тайника, о котором никто не знал и которым днем воспользоваться было невозможно» [2]). Является ли телеграмма, на которую ссылается Керенский, мифической, или нет, нам неизвестно. Если даже такая телеграмма и была послана Духонину, то вполне допустима мысль, что такая телеграмма могла быть послана «для отвода глаз», для оправдания Краснова в глазах казаков. Что касается «других выходов», то этот вопрос является спорным. Краснов, конечно, не ценил Керенского как государственного деятеля, но он действовал в данном случае, без сомнения, в согласии с корниловским советом союза казачьих войск и хотел до поры до времени сохранить Керенского, «как наживу на удочку для известного сорта рыбы».

Слова в кавычках станут ясны, если мы обратимся к печатаемому ниже документу — разговору по прямому проводу между товарищем председателя фронтового казачьего съезда и представителем (вероятно, членом) совета союза казачьих войск. Этот разговор знакомит нас с ближайшими политическими планами корниловского казачества и с его отношением к Керенскому, как главе Временного Правительства. Товарищ председателя фронтового съезда, подъесаул Иванов, говорит по проводу, что фронтовой казачий съезд ждет от совета союза казачьих войск, который находится в Петербурге, самых решительных мер к подавлению большевистского восстания и что войсковое правительство на Дону требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону.

Представитель совета союза казачьих войск (фамилия его неизвестна) дал подъесаулу Иванову очень любопытный ответ: «Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом. Съезду необходимо потребовать от своих фронтовых частей абсолютного подчинения, если такое еще не состоялось. При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось, он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим «проходимцем». В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с москов-

[1]) См. 1 т. «Архива русской революции», изд. 3, 1922 г., статью Краснова «На внутреннем фронте», стр. 173—174.

[2]) См. «Гатчина», стр. 38—39.

ски ми общественными деятелями. Это объективная логика событий и обстановки».

Если подъесаул Иванов видит еще в Керенском представителя Временного Правительства, пригодного для организации государственной власти, то представитель совета союза казачьих войск величает Керенского уже «проходимцем», с которым казачеству не следует связывать свою судьбу, так как Керенский потерял в тылу всякое влияние и потому не пригоден для организации государственной власти «в контакте с московскими общественными деятелями» (читай: с московской финансовой буржуазией). Однако Керенского надо сохранить («взять его к себе»), как «наживу на удочку для известного сорта рыбы», как приманку, — скажем мы, — для мелкой буржуазии, которую корниловцы, несомненно, думали использовать в своих контр-революционных целях, и в то же время — как ширму, которой они хотели прикрыть желаемую и ожидаемую ими реакцию.

Генерал Краснов был определенным корниловцем и, конечно, был против того, чтобы связывать судьбу казачества и контр-революции с «проходимцем». Но критическое положение в настоящем заставляло его быть «предусмотрительным» относительно ближайшего будущего. Керенский казался ему нужным для корниловцев в качестве «наживы на удочку», в качестве приманки и политической ширмы. Поэтому весьма понятно, что Краснов не только сочувствовал побегу Керенского, но и оказал ему некоторое содействие. Главными организаторами этого побега были другие лица: эсеры Семенов (тот самый, который принимал участие в эсеровском процессе) и Вейгер Редемейстер [1]). Из воспоминаний видно, что они действовали независимо от Краснова. Керенский спасся, но его попытка вернуть себе власть, при помощи Гоцов, Фейтов, Войтинских и Красновых, потерпела жалкое крушение. Краснов ошибся в своих надеждах на то, что Керенский в ближайшие дни послужит приманкой для мелкой буржуазии: масса крестьян и городской бедноты присоединилась к пролетариату и приняла активное участие в борьбе за власть. Крупная буржуазия потерпела поражение, и Керенский, таким образом, оказался «проходимцем» как для мелкой, так и для крупной буржуазии. Подтверждение этого факта мы находим, между прочим, и в печатаемом ниже материале, почерпнутом нами из дела № 10 следственной комиссии Верховн. Революцион. Трибунала при ВЦИК за 1917 г., хранящемся в Архиве Октябрьской Революции.

Публикуемые материалы представляют собой допросы ряда лиц, причастных к гатчинской авантюре: а) прапорщика Брезе (№ 1); б) прапорщика Миллера (№ 2); в) поручика Данилевича (№ 3); г) прап. Книрши (№ № 4 и 5); д) комиссара северного фронта В. С. Войтинского (№ № 6 и 7). Кроме того, мы считали нелишним напечатать имеющееся в упомянутом деле письмо инж. Кроника о роли В. С. Войтинского в деле «Гатчины» (№ 8) и переговоры по прямому проводу тов. председателя фронтового казачьего съезда и члена совета союза казачьих войск (№ 9).

Н. Авдеев.

---

[1]) См. их интересные воспоминания: 1) в «Прожекторе» № 6 Семенова и 2) в № 9 (21) «Пролет. Рев.» Вейгера Редемейстера. См. также в том же № «Прол. Револ.» упомянутую раньше статью т. Лелевича.

№ 1.

Показания И. В. Брезе.

25 октября 1917 года около 11 ч. 30 минут дня я получил приказание от кап. Козьмина сопровождать его в поездке. Так как я его неоднократно сопровождал в его поездке по городу, то тут же оделся и вышел на улицу. Нас ждал автомобиль, в который сели А. Ф. Керенский и два его личных адъютанта поручик Випер [1]) и флаг-капитан Кованько, кап. Козьмин, я и шофер. Шоферу был дан приказ ехать к Варшавскому вокзалу. Не доезжая до вокзала было отдано Керенским приказание ехать за Московскую заставу и когда выехали за заставу, то дали шоферу маршрут на Гатчино. По приезде туда, Керенский с его адъютантами вошел во дворец и минут пять спустя вышел и сказал, что поедем в ставку. Поехали дальше через Лугу на Псков. После краткой остановки, во время которой Керенский беседовал с главнокомандующим северного фронта [2]), мы поехали в Остров. В Острове мы встретили отряд ген. Краснова, который стоял там в казармах. С этим отрядом уже поездом двинулись обратно и остановились в Гатчине. На другой день отряд, состоящий приблизительно из десяти сотен и восьми или десяти орудий, двинулся на Царское Село. Керенский остался в Гатчине и уже к вечеру поехал в Царское Село. В это время части царскосельского гарнизона сдавали оружие. После этого он уехал обратно в Гатчину, где пробыл до момента своего побега. В ночь с 31 октября на 1 ноября казачьи комитеты постановили арестовать Керенского и к нему был приставлен негласный надзор, из-под которого скрылся он около 3 часов дня 1 ноября, переодевшись в матросскую форму. Узнав об этом, я совместно с прапорщиком Миллером и пор. Данилевичем явились к комиссару Дыбенко для информации, который направил нас в военно-революционный комитет для подачи показаний.

Прапорщик *И. Брезе.*

Кирочная, 37, гв. Литовский полк, нестроевая рота.

№ 2.

Показания прап. Миллера.

Адъютант отряда увечных воинов прапорщик Миллер прибыл в штаб отряда Краснова 28 октября.

Силы отряда были: 10 сотен казаков, 12 орудий, 1 бронированный поезд, 2 вагона, 1 бронированный автомобиль и 700 юнкеров, не принимавших активного участия в действиях. Вчера вечером казаки на совещании решили арестовать Керенского и прекратить братоубийство,

[1]) Не Випер, а Виннер. *Прим. Ред.*

[2]) Генералом Черемисовым. *Прим. Ред.*

но наблюдение за ним было слабое, и сегодня, когда пришли его арестовывать, то нашли только его пальто, а он успел скрыться. Вступив в переговоры с военно-революционным комитетом, офицеры и солдаты отряда постановили выдать Керенского и немедленно ликвидировать кровопролитие, что и было исполнено, когда мы пригласили товарища Дыбенко и впустили Финляндский полк во дворец. В настоящее время выбываю в свой отряд.

Прапорщик *Миллер*.

1/XI—17 года

№ 3.

Показания пор. Данилевича.

И. д. штаб-офицера для поручений при начальнике кабинета министра председателя и верховного главнокомандующего поручик Данилевич, 30 лет, православный, под судом не был, жительство имею по Захарьевской, 19, кв. 11, по делу о побеге А. Ф. Керенского показываю:

После заарестования Временного Правительства и отъезда Керенского, я, в целях выяснения положения военного кабинета, в котором служу, отправился в Псков в расчете встретить там Керенского и доложить ему о создавшемся положении. В Пскове последнего я не застал; мне было сообщено, что он с 3 конным корпусом уехал в Гатчину, почему я отправился в последнюю, куда и прибыл вечером 27 октября. Здесь мне было сообщено комендантом города, что Керенский уехал в Царское Село. Я направился туда. По дороге встретил Керенского и пересел к нему в автомобиль. Так как сообщение с Петроградом было прервано, я остался в Гатчине, где и был до сегодняшнего (1 ноября) дня. Нес обычную канцелярскую работу и ни в каких операциях, а также и в оперативной работе участия не принимал.

Керенский во время этой операции располагал очень незначительным отрядом (10 сотен и $1^1/_2$ дивизии легкой артиллерии при двух мортирах, броневой поезд и броневой автомобиль). Юнкера местной школы в боевых действиях не участвовали, а несли лишь караульную службу в г. Гатчине. Во время боя под Пулковым 30 октября находился в Гатчине и сведений о ходе его за отсутствием связи не имел. Отряд Краснова понес небольшие потери и вечером, ввиду отсутствия патронов и снарядов, отошел в Гатчину. Никаких насилий отрядом Краснова по отношению к захваченным не применялось. 31 октября послан был Керенским Станкевич (комиссарверх) в Петроград для заключения перемирия, а 1 ноября с утра из Красного Села прибыли делегаты для переговоров. Когда стало известным, что переговоры завязались, я был в нижнем коридоре Гатчинского дворца и прислушивался к разговорам в офицерской среде и среди казаков. Около 3 часов дня я поднялся на 3 этаж дворца, где жил Керенский,

и узнал, что его нет. Каким образом он совершил побег—не знаю и во время побега я в этаже, где он жил, не был.

Поручик *Данилевич.*

1917 года 1 ноября, г. Петроград.

№ 4.

Показания прап. Книрши.

Адъютанта управления заведывающего автомобильной частью петроградского военного округа, прапорщика Бориса Ипполитовича Книрши, прож. в г. Петрограде, по Бассейной ул., д. 56, кв. 15, тел. 430—66.

25 октября 1917 года, я был вызван в штаб петроградского военного округа около пяти часов утра, в управление заведывающего авточастью, находящееся в здании штаба. В десять часов утра, когда заведывающий авточастью лег спать и я остался один в канцелярии управления, я был вызван к генералу Багратуни (б. начальник штаба) и в его присутствии полковник Полковников приказал мне достать два автомобиля для Керенского, который будто бы должен ехать встречать подходящие в Тосно войска. При штабе не было ни одной машины. Одни уехали, другие были испорчены. Я вернулся к б. главнокомандующему и доложил ему, что машины нет. Тогда он в категорической форме, а вместе с ним и начальник штаба потребовали исполнения приказания во что бы то ни стало, при чем, кажется, генерал-квартирмейстер подполковник Параделов сказал: «где Подгурский (б. заведывающий авточастью округа)? я его не узнаю: до того он бездеятелен». Тут же Полковников сказал, что, может быть, удастся достать машину в английском посольстве или в каком-нибудь другом. Этим заняться было приказано адъютанту генерал-квартирмейстера прапорщику Соболеву и мне. Мы вышли на улицу и решили, что проще, вместо того, чтобы ехать на Французскую набережную, где находится английское посольство, проще всего пойти по Морской в итальянское посольство. Посол сказал, что машины у него нет. Тогда я позвонил из посольства присяжному поверенному Эристову и просил разрешения к нему заехать. Я знал, что у него есть автомобиль и что он живет тут же рядом на Морской. По дороге к Сидамону-Эристову (Морская, 61), у американской миссии, мы увидели машину. Соболев остался около нее и стал расспрашивать шофера, а я пошел к Эристову, который сказал, что машину даст, если таковая имеется у него в управлении, на Сергиевской. Та же, на которой он ездит, слишком слаба. С этим решением мы с Сидамоном-Эристовым выехали из его дома. У подъезда американской миссии я просил разрешения остановиться, вошел в подъезд и спросил, здесь ли прапорщик Соболев. Получив от прислуги утвердительный ответ, я зашел в квартиру и, пройдя в гостиную, увидел Соболева, разговаривающего с поручиком в русской форме, который оказался бароном Рамзай, состоящим при посольстве, и атташе американского посольства — американца, фами-

лии его не помню. Я услышал только конец разговора, из которого понял, что американец соглашается дать автомобиль, но просит свезти его к главнокомандующему. Мы вышли все вместе; Соболева я познакомил с ожидавшим нас Сидамоном-Эристовым, и он поехал с Соболевым доставать вторую машину, а я с бароном Рамзай и с американцем, на его автомобиле «Рено», поехал в штаб округа. По приезде в штаб я доложил полковнику Полковникову о прибывших, и он, переговорив с Рамзай и американцем, спросил их — не желают ли они что-нибудь сказать Керенскому лично. Американец изъявил свое желание и вместе с Полковниковым они пошли вниз. Что и с кем они говорили, я не знаю. На машине «Рено» был американский флаг, который посредине пути отвязался, и я его спрятал. Шофер был финляндец. Где была получена вторая машина, та именно, на которой уехал Керенский — я не знаю. Прапорщика Соболева я больше в штабе до своего отъезда не видал. Автомобиль «Рено» остался на виду у всех у главного подъезда штаба. Я ожидал с шофером у машины. Через полчаса ко мне подошел какой-то офицер в морской форме, как потом оказалось, один из адъютантов Керенского, и сказал: поезжайте вслед за той машиной, которая сейчас выедет из ворот. Ко мне в карету сел другой офицер, позже я узнал, что это прапорщик Брезе — адъютант Козьмина. Я увидел, как морской офицер побежал к воротам штаба, находящимся за углом, и вскоре оттуда выехал открытый автомобиль фирмы Пирс-Арроу. Я велел шоферу ехать вслед за ним, но ввиду того, что ни я, ни шофер не знали, куда именно ехать, мы стали крутиться по площади на виду у всей толпы, и только через минуту я понял, что, очевидно, от меня требуют, чтобы я ехал вперед. Сделать я этого не мог, не зная направления и, видимо, на первом автомобиле это поняли и двинулись к арке. Миновав арку, нам знаками приказали ехать вперед, указав «прямо». Мы исполнили приказание. Миновав Мариинский дворец, я спросил Брезе — куда же ехать, он ответил — к Царскому, по Царскосельскому шоссе. Я ответил, что не знаю, как туда выехать. На Вознесенском, у какого-то магазина я приказал остановить машину и пропустить вперед первую машину. Остановилась и она, оттуда прапорщику Брезе сказали ехать по Забалканскому. Они хотели, видимо, чтобы я ехал первым, но я упорно не хотел этого, не зная маршрута. На Вознесенском, по переезде через Екатерининский канал, передний автомобиль круто завернул в какой-то переулок, видимо не желая сталкиваться с толпой, шедшей ему навстречу. Первый автомобиль шел страшно быстро, и бывали даже в городе моменты, когда моя машина отставала от первой на четверть версты. Я видел, что в первом автомобиле сидели Керенский и Козьмин, а с ними еще два офицера — один моряк, подходивший ко мне, другой какой-то поручик. После я узнал, что первого звать Кованько, а второго — Виннер, и что они оба адъютанты Керенского. Мы миновали Забалканский и выехали на шоссе, ведущее через Пулково в Гатчину. Я не задумывался над целью поездки Керенского прежде всего потому, что получил катего-

рическое приказание от главнокомандующего с соответствующим объяснением цели поездки. Правдивость этой цели для меня имела основания в том обстоятельстве, что еще часа за два до этого генерал-квартирмейстер Параделов говорил об автомобилях на Тосно для встречи войск, при чем на них должны были ехать комиссар Малевский и представители крестьянских депутатов. Достать этих автомобилей мне не удалось, пока я не получил приказания искать их на стороне. Если мне и приходило в голову, что Керенский хочет бежать, то я не допускал серьезности этой мысли, не зная трудности положения штаба и слыша, что будто бы громадные массы войск, верные правительству, движутся к Петрограду и эшелоны находятся уже в часе езды от столицы. Вместе с тем для меня, как офицера, ни штаб, ни верховный не сложили своей власти и никем не были еще в то время низложены. Около 12 с полсвиной дня мы приехали в Гатчину и, следуя за автомобилем Керенского, поехали прямо во дворец. В воротах дворца я впервые познакомился с Керенским, как с представителем Временного Правительства. Раньше, принадлежа к сословию присяжных поверенных, я его знал, конечно, однако за все время его пребывания в правительстве ни разу не видел его и с ним не разговаривал. Во время пребывания моего в сословии у меня с Керенским были скорее холодные отношения; они были вызваны одним принципиальным дисциплинарным делом, разбравшимся под его председательством в комиссии помощников присяжных поверенных. Керенский держал себя во время разбора дела исключительно неприступно и не по-товарищески, все время показывая, насколько он стоит выше окружающих. Приехав во дворец, Керенский с сопровождавшими его прошел к коменданту города, я же поднялся в третий этаж к своим хорошим знакомым. Приблизительно через минут 15—20 я спустился вниз и встретил Керенского выходящим. Он подошел ко мне и сказал: «Вы останетесь здесь. Нагрузитесь бензином, шинами и всем, чем нужно, а потом приезжайте в Лугу к коменданту. В Гатчине не задерживайтесь. Через час, самое позднее, выезжайте». Я спросил — а где же войска, которые мы должны встречать? Он ответил — они не успели, мы едем им навстречу. Я остался в Гатчине и хотя знал, что у меня нет освещения, но особенно не беспокоился, думая, что ночь не такая уже темная. Я пытался достать бензин и шины, но этого не удалось, и в поисках я потерял целый день. Насколько я был мало осведомлен, куда еду, видно из того, что при выезде моем из Петрограда в баке моего автомобиля было не более пуда бензина. Запасных покрышек и камер не было вовсе. Часов около семи только я выехал из Гатчины, взяв два пуда бензина только для своей машины у коменданта. Около станции Сиверской мы из-за отсутствия фонарей налетели на камень, и я, видя, что ехать так дальше — значит только погубить бесцельно машину, оставил ее на постоялом дворе с шофером, который на следующий же день возвратился в Петроград (по крайней мере, так было ему приказано). Сам же взял извозчика и поехал на станцию, откуда поездом доехал до Луги. В Луге, как мне

было приказано, я явился к коменданту города, и он сказал мне ехать в Псков. 26 утром я приехал в Псков и отправился в штаб северного фронта, где был принят генералом Барановским. Генерал сказал мне, что Керенский уехал в Остров и что туда сейчас посылается офицер с телеграммами на имя главковерха и я могу ехать с ними. По приезде в Остров, мне сказали, что Керенский поехал в Псков и что с ним туда выступил 3 конный корпус с генералом Красновым во главе. Мы вернулись в Псков, и здесь начальник военных сообщений генерал Кондратьев сказал, что и Керенский и Краснов миновали Псков и едут в Лугу. Опять был наряжен автомобиль, и я вновь с офицером, везшим депеши, отправился в путь. Находясь в штабе, я ни на одну минуту не мог задуматься над легальностью положения Керенского. Конверт был ему адресован как главковерху от штаба. Генерал Черемисов, который видел меня и знал, почему я очутился в штабе, отдавал распоряжения об отправке эшелонов на Петроград. Так же уверенно держали себя все другие чины штаба, с которыми мне приходилось встречаться. Ни о каком правительстве в Петрограде, вновь сбразовавшемся, не было и речи. В Луге я, наконец, в вагоне увидел Керенского. Он приказал мне ехать с ним в Гатчину и временно исполнять обязанности и. д. начальника канцелярии главковерха по гражданской части и управляющего делами Временного Правительства. За все время моего будто бы исполнения этих обязанностей мною были подписаны первым званием — одна записка об офицере, арестованном по приказанию главковерха, вторым — одно или два удостоверения для свободного прохода по Гатчине и одно требование на бензин из авиационной Гатчинской школы. Никаких «дел» Временного Правительства или канцелярии главковерха я не знаю и не вел. 27 числа я узнал о событиях в Петрограде, о взятии Зимнего дворца и об арестечинов штаба округа. Об образовании правительства я не знал до 31 числа, так как, несмотря на все вопросы Керенскому, я на это от него ответа не получал. Больше того — 27 числа в вагоне Керенского находился какой-то казачий офицер, будто бы только что приехавший из Петрограда. Он сообщал, что войска в Петрограде отказываются итти за большевиками, что в полках раскол и товарищи Ленин и Троцкий бежали. В штабе фронта в Пскове комиссар Войтинский [1]) сказал, что мартовцы и камковцы откололись и среди большевиков идет страшная рознь. 27 к утру мы приехали в Гатчину. Казаки начали выгрузку артиллерии и войска. Когда все было кончено, было приказано выходить из вагона. Я поехал в одном автомобиле, а на другом Керенский и его адъютант. Приехали во дворец и разместились в комнатах третьего этажа. Керенский с своими адъютантами, я же на противоположной стороне корпуса. Шли какие-то боевые распоряжения, которых я не касался. Слышал, что подходят эшелоны различных ча-

[1]) Комиссар северного фронта Войтинский — меньшевик; раньше был большевиком. *Прим. Ред.*

стей, а Керенский говорил, что в Петрограде бунт, правительства нет, идут уличные бои и позже, что Полковников овладел телефонной станцией и Инженерным замком. 28 числа я целиком провел день во дворце, при чем мои обязанности заключались в том, что я передавал снизу от коменданта наверх к Керенскому приносимые телеграммы. В Гатчине было введено генер. Красновым осадное положение. Было предположено арестовать большевиков, состоящих в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Гатчине; это приказание Керенского не было выполнено ни мною, ни комендантом города. Обсудив этот вопрос, мы решили не приводить в исполнение этой меры, как могущей вызвать волнение в городе. 28 числа Керенский ездил под Царское, куда началось движение его отряда. Там он пробыл целый день со своим штабом. Я же только под вечер, без всякого поручения, скорее из любопытства, поехал в деревню, где он должен был находиться, проведя целый день у знакомых. Я встретил Керенского на дороге — он ехал в Гатчину. Ехавшие со мною (кажется, комиссар Семенов и еще кто-то) вышли из автомобиля и разговаривали с ним. Я из автомобиля не выходил. Приехав в штаб корпуса, я не нашел никого и заснул на стуле. Проснувшись часа через полтора, прошел в комнату, где уже находился командир корпуса, и там же впервые я увидел Савинкова. Мне его показали. Раньше я с ним знаком не был. Просидев пять минут в штабе, я поехал в Гатчину и прямо направился к моим знакомым, живущим во дворце. До утра я Керенского не видел. 29 числа он с утра уехал в Царское Село, но я не поехал, хотя он мне и приказал ехать на бронированном поезде. Дело в том, что 29 утром ко мне в комнату вошел приехавший накануне в Гатчину поручик Данилевич из политического управления военного министра и сказал мне: «Верховный главнокомандующий приказал Вам передать мне все имеющиеся у Вас телеграммы и бумаги; он благодарит Вас за работу и ничего не имеет против того, что Вы вернетесь к месту своего служения». Я на это ответил, что несколько телеграмм у меня имеется, бумаг никаких нет, а заодно спросил: куда же мне ехать? Данилевич сказал: «Ведь Вы здесь служите в батальоне». Когда я ответил, что ничего подобного, он был страшно удивлен и вполне согласился, что смешно со стороны Керенского предлагать мне ехать в Петроград, когда я туда не могу проехать. В этот же день к вечеру я поехал в Царское Село и нашел штаб корпуса во дворце Марии Павловны. Тут-то я получил от генерал-майора Краснова предписание совместно с комендантом организовать охрану жителей Гатчины. На утро 30 я занялся проверкой караулов и просил товарища председателя С. Р. и С. Д. Кауфмана содействовать возобновлению деятельности совета. Я считал, что вообще вся цель охраны должна покоиться на общественных основах, а вооруженная сила лишь обеспечивает осадное положение на случай открытого нападения. Того же 30 числа полученное мною предписание от Краснова было послано мною на утверждение Керенского. Он утвердил, а через $^1/_4$ часа (о чем я совершенно случайно узнал

только вечером, найдя брошенную на комендантском столе бумажку), видимо, желая парализовать мое назначение, назначил особоуполномоченного по охране общественной безопасности и спокойствия некоего Вейгер фон Редемейстера [1]). Часов около десяти вечера того же числа, опять-таки без моего ведома, сместил меня и назначил начальником охраны кого-то другого — кого не знаю. В этот же вечер был организован штаб охраны. На предварительном заседании я присутствовал только первые десять минут, когда речь шла о назначении начальником штаба какого-то штабс-капитана, который должен был исполнять эти обязанности до прихода генерала Краснова. Ушел я с заседания по следующим причинам: первая — этот штабс-капитан сказал мне, когда я его назвал «товарищем» — «я не товарищ, а штабс-капитан», вторая—потому, что то же лицо (фамилии его не знаю), будучи поставлено в необходимость изложить передо мною свои политические взгляды, сказало мне: «мне на партии наплевать и ничего партийного в штабе я знать не хочу». После этих слов я вышел и больше в комнату не возвращался. 30 числа, собственно говоря, кончились хотя и незначительные, но все же некоторые мои отношения к Керенскому. Я считал его образ действия по отношению ко мне неприличным и недостойным, а потому решительно уклонился даже от каких-либо с ним сношений. Не помню, кажется в этот же день, происходило совещание Керенского с командиром корпуса и с комиссарами — я не присутствовал на нем, так же, как и ни на одном из других бывших у него совещаний. О результате этого совещания я услышал в комендантском от офицеров — было решено установить перемирие и будто бы в Петрограде согласны на министерство, в коем не будут принимать участие ни Керенский, ни Ленин. 31 числа я абсолютно ничего не делал и сидел целый день в комнате у моих знакомых. Вечером ко мне пришел прапорщик Миллер, состоявший при штабе Керенского, в оперативном отделении, и предложил мне немедленно одеваться, взять револьвер и ехать за ним. Я спросил его, зачем это нужно. Он сказал, что ответить мне не может, что он действует по приказанию верховного главнокомандующего. Я сказал, что не поеду, пока мне не будет сказано зачем и куда. Тогда он ответил мне: «Мы едем на Балтийский вокзал давать телеграммы о перемирии». Я поехал. В моем присутствии им была передана комитету спасения родины и революции телеграмма, сообщенная также Викжелю, о перемирии, об установлении линии нейтральной зоны — Лигово, Тосно, Пулково — и о выезде Козьмина и еще кого-то делегатами в Петроград. 1 числа я встал в 12 часов дня и прямо прошел к моим знакомым завтракать. Туда же пришел есаул Енисейской сотни Коршунов. Он рассказал, что делегаты V армии и казаки хотят арестовать Керенского. Я пошел проверить этот слух. Зашел в помещение, занимаемое Керенским. Не входя в его комнату я в пер-

---

[1]) Вейгер-Редемейстер — эсер. См. его воспоминания в № 9 (21) «Пролет. Революции». *Прим. Ред.*

вой комнате от входа встретил его адъютанта поручика Вяннера и спросил его — каково положение. Он ответил: «Ничего особенного не происходит и идет перемирие». Я вернулся завтракать и вдруг приходит поручик Лившановский, авиационной школы, и говорит, что Керенскому конец. Тогда я снова пошел к нему и тут увидел его — он стоял между дверьми. Я спросил: «Что случилось, Александр Федорович?». Он ответил: «Скверно». Видя, что от него ничего не узнаешь, я пошел к коменданту. Там шли споры, крики. Возвращаясь обратно, чтобы продолжать завтракать, я на втором этаже вижу бегущего прапорщика Миллера — на руке у него пальто Керенского и он кричит мне: «Керенский бежал». С этим известием я побежал к есаулу Коршунову и поручику Лившановскому. Через час я был задержан казаками, а потом передан под стражу правительственных войск. Вчера же вечером я был освобожден товарищем Троцким и полковником Муравьевым на честное слово с обязательством явиться для допроса сегодня в Петроград в Смольный, что я и исполнил.

№ 5.

Дополнительное показание прап. Книрши.

Прапорщик Книрша, дополнительно показываю:

1) Когда я не мог за отсутствием автомобилей у штаба округа достать таковой для выезда комиссаров навстречу войскам в Тосно, одним из комиссаров была принята следующая мера: он позвонил по телефону в политический кабинет военного министра и просил оттуда выслать автомобиль. Ему ответили, что автомобиль есть, но нет бензина. Тогда я пошел на двор штаба, собственноручно налил бидон бензина и на извозчике с писарем авточасти отправил бензин в политический кабинет. До моего отъезда автомобиль подан не был — по крайней мере мне это неизвестно.

2) Керенский все время получал телеграммы из разных армий и из ставки от комитетов и командного состава о полном их подчинении верховному главнокомандующему. Это меня еще больше убеждало, неосведомленного о том, что происходит в Петрограде, — в отсутствии какого-либо нового правительства, заменившего Керенского.

3) Накануне бегства Керенского вечером к нему приезжала французская миссия из ставки. Говорили, что во главе их стоял французский генерал. Я его не видел и знал о прибытии миссии только потому, что для нее искали помещение во дворце. Оно оказалось ненужным, так как в ночь миссия уехала из Гатчины. Для чего она приезжала к Керенскому, я не знаю.

4) 31 октября начальник артиллерии генерала Краснова полковник (фамилию забыл) приказал мне поехать на Варшавский вокзал и узнать, имеются ли там 8-*мм* снаряды и патроны для пулемета Шварц-

лова для бронепоезда. Я поехал и узнал, что они в Луге. Полковник предложил мне съездить в Лугу, но я, не желая принимать никакого участия в боевых действиях, от этого поручения отказался, и поехал в Лугу другой офицер.

5) Морской офицер, личный адъютант Керенского, Кованько, уехал из Гатчины накануне побега Керенского вместе с французской миссией. Узнал я об этом после побега Керенского, когда я спросил поручика Данилевича или прапорщика Миллера — точно не помню кого — где адъютант Керенского.

6) Из телеграмм, полученных Керенским и лично мною ему переданных, помню содержание следующее: а) Духонина — о подчинении; б) кавказской армии — тоже; в) о положении следственной комиссии Грузенберга в Одессе; г) о делах в Туркестане; д) о задержании трех эшелонов с броневыми машинами на ст. Режица большевиками.

№ 6.

Протокол допроса В. С. Войтинского.

Протокол допроса Войтинского Владимира Савельича, комиссара северного фронта 2 ноября 1917 г. Смольный Институт.

В начавшейся 25 октября и закончившейся, по моему убеждению, 1 ноября гражданской войне, я стоял на стороне Центрального Комитета Сов. Р. и С. Депутатов 1-го созыва, представителем которого я являлся в качестве комиссара северного фронта. Позицией ЦИК Совета Раб. и Солд. Депутатов целиком определялась моя деятельность в эти дни. 27 октября, когда выяснилось, что сосредоточиваемый Керенским под Петроградом отряд состоит преимущественно из частей северного фронта, я выехал в этот отряд и в дальнейшем почти безотлучно находился при нем, о чем официально уведомил управление комиссариата в Пскове. При отряде я исполнял свои обязанности комиссара, как я их понимаю. Главной своей задачей я считал предотвращение каких бы то ни было эксцессов и использование движения отряда контр-революционерами. Считаю, что в этом направлении мне удалось достигнуть весьма многого. Я не допустил образования военно-революционных судов, массовых арестов и других насилий, добился установления гатчинского Совета Раб. и Солдатских Депутатов, о чем могут показать члены этого Совета Горшков и Кауфман, добился принятия отрядом определенной платформы примиренческого и ярко демократического характера. Наряду с этим, состоя в отряде, я вел сношения с Центральным Комитетом Совета Раб. и Солд. Депутатов 1-го созыва и комитетом спасения родины и революции, так что через меня шли многочисленные обращения этих комитетов к армейским организациям и комиссарам, касавшиеся опе-

рации отряда. Эти сбращения я передавал и успеху их старался содействовать нетолько в силу формальной обязательности для меня платформы Центрального Комитета, но и потому, что сосредоточение отряда я считал единственным возможным средством погасить гражданскую войну путем уравновешения силы силой. 1 ноября состоялось известное соглашение между представителями отряда и представителями петроградского гарнизона и Дыбенко, представителя Совета Народных Комиссаров. Это соглашение, названное официально соглашением о перемирии по существу, бесспорно явилось соглашением о прекращении гражданской войны и именно так это соглашение понималось сбеими сторонами. Считая гибельным каждый лишний час гражданской войны, я немедленно после подписания соглашения сторонами дал телеграмму в штаб северного фронта, псковским общественным организациям, в ставку, общеармейскую фронтовую организацию, комиссарам и всем, всем, всем с извещением о том, что гражданская война закончилась примирением сторон и что немедленно должны быть прекращены всякие враждебные действия, а также приготовления к таковым и передвижение идущих на Петроград эшелонов. Последнее я считал особенно важным, так как в момент подписания соглашения отряд был еще далеко не весь в сборе и в многочисленных пунктах на пути следования эшелонов можно было ожидать вооруженных столкновений. Этими моими телеграммами закончилась, по моему убеждению, полоса гражданской войны в районе северного фронта. Так как ликвидировавшее эту войну соглашение заключало в себе признание власти нового правительства, против которого я в течение семи дней вел борьбу, то одновременно с отправкой названных телеграмм я сложил свои полномочия комиссара северного фронта и вернулся к положению частного лица. В соглашении 1 ноября предусмотрена полная амнистия участников гражданской войны, этим соглашением ликвидированной. В частности, это соглашение по смыслу своему исключает всякую возможность последующего привлечения к судебной ответственности кого бы то ни было из состава отряда. А доказательством того, что я был именно членом отряда, является моя подпись, скрепляющая упомянутую мною выше платформу отряда, опубликованную радиограммой всем, всем... Поэтому полагаю, что на мне лежит полная политическая ответственность за мою деятельность при отряде и объяснение этой деятельности самое обстоятельное и подробное я готов дать своим политическим единомышленникам и противникам когда угодно. Но была бы вопиющим нарушением заключенного соглашения и данного слова всякая попытка привлечения меня к суду и тем более лишения меня свободы. Этим пониманием соглашения 1 ноября я и руководствовался, испросив прилагаемый при сем пропуск от гатчинского коменданта Новикова и народного комиссара Дыбенко за № 2995.

Владимир Войтинский.

№ 7.

Допрос В. С. Войтинского.

Гр. В. С. Войтинскому *вопросы:*

1. Известно ли Вам, что 25 октября с. г. в Петрограде по поручению ЦИК тов. Даном был открыт второй Всероссийский Съезд Советов Р. и Солд. Депутатов, как законно созванный?

2. Не послали ли Вы телеграмму в Петроград и когда — о том, что Вы слагаете свои полномочия комиссара северного фронта, как утратившие силу, вследствие созыва II Съезда?

3. Считали ли Вы закономерным выступить в качестве представителя ЦИК I Съезда, после того, как собрался в установленном порядке II Съезд?

4. Известно ли Вам, что во II Съезде участвовали делегаты северного фронта?

5. По собственной ли Вы инициативе явились в отряд Керенского против Петрограда, или по чьему-либо приглашению (письменному или словесному) и какого числа?

6. Кто и когда вызвал отряды с северного фронта против Петрограда, какие части, с каких мест?

7. Каким эшелонам и куда Вы послали телеграммы об их направлении

Показание.

1. Это мне известно. Но я получил вслед за тем сообщение, что Съезд покинут всеми фракциями, кроме большевистской, и что ЦИК первого созыва объявил Съезд несостоявшимся, а новый ЦИК — незаконным. Не имея возможности выяснить подробности дела, я вынужден был принять постановления ЦИК первого созыва к сведению и руководству без всякой критики.

2. Такую телеграмму (точнее, юзограмму по прямому проводу) я послал, не зная о том, что ЦИК первого созыва дезавиуировал Съезд и избираемый им второй ЦИК. Получив более точную информацию, я поспешил взять свое заявление об отставке назад, так как считал для себя недопустимым уклониться от участия в борьбе, начатой ЦИК первого состава.

3. Ответ на этот вопрос ясен из ответа на предыдущие два вопроса.

4. Известно. Но я получил сведения что фронтовая делегация покинула Съезд и объявила его незаконным, подтвердив вместе с тем продление полномочий и прав ЦИК первого созыва.

5. В отряд я явился по собственной инициативе, как явился бы в любой участок своего фронта, где сложилось бы опасное и ответственное положение. В частности, для Керенского мое появление в отряде явилось совершенной неожиданностью.

6. Части вызывались от имени ЦИК первого созыва. Надлежащим образом санкционированное требование вооруженной поддержки было передано мне по проводу ночью с 24 на 25 октября. При этом названия частей не были мне указаны; по этому вопросу, повидимому, велись особые переговоры в порядке командования.

7. По условиям перевозки войск по жел. дор. телеграмм эшелонам я не

на Петроград или об остановке их движения?

давал и давать не мог. Я сносился лишь с комиссарами и армейскими комитетами, и в отдельных случаях с комитетами вызванных и проходящих через Псков частей. Телеграмму об остановке эшелонов я дал с расчетом автоматического задержания всех эшелонов там, где застанет их моя телеграмма.

8. Признали ли Вы допустимым в качестве комиссара ослабление фронта против внешнего врага, отправляя эшелоны на Петроград?

8. Ослабление фронта при отправке эшелонов я признавал недопустимым и потому дал распоряжение не брать ни одной роты с позиций и действовать лишь свободными резервами (в первую очередь резервом главкосева). Так как вся операция должна была задолжить лишь по 1—2 полка с армии, то-есть не больше 2—3% сил фронта, но никакого ущерба для устойчивости фронта от этой меры произойти не могло, фронт ослаблялся самым фактом гражданской войны в тылу, а не уходом десятка эшелонов.

9. Каким наказом вы руководствовались, участвуя в наступлении отрядов Керенского против Петрограда и подписывая воззвание Керенского вместе с комиссарами других армий?

9. Вопрос мне неясен. Никакого наказа я не получал. Но ко мне поступали резолюции ЦИК (первого созыва), армейских комитетов и общеармейского комитета при ставке. Эти резолюции требовали вооруженного давления на Петроград, т.-е. именно той меры, которая осуществлялась отрядом.

10. От кого и через кого Вы получили распространенные Вами воззвания членов б. ЦИК и комитета спасения и не можете ли Вы перечислить, какие воззвания Вы распространили?

10. Ответить на этот вопрос затрудняюсь. Заняв в происходившей борьбе вполне определенную позицию, я распространял все доходившие до меня воззвания той стороны, к которой я принадлежал, независимо от того, через кого эти воззвания ко мне поступали. Решительно не помню, сколько было таких воззваний и в каких выражениях они были составлены.

11. Состояли ли Вы 1 ноября с. г. на действительной военной службе в гатчинском отряде?

11. Да, состоял. Несение должности комиссара, несомненно, является действительной военной службой. 27 октября я телеграфно известил свое управление, что на время тревожных событий буду находиться безотлучно в сводном отряде, куда и прошу обращаться ко мне по делам службы. С этого момента я формально вступил в состав отряда, в каковом положении оставался вплоть до вечера 1 ноября, когда отряд, как таковой, перестал существовать.

12. Известны ли Вам обстоятельства, при каких А. Ф. Керенскому удалось скрыться, и что Вы сделали, чтобы это предупредить?

12. А. Ф. Керенский скрылся во время моего отсутствия из Гатчины. Обстоятельства его бегства известны мне со слов ген. Краснова. Сообщение об этом бегстве явилось для меня совершенной неожиданностью. Если бы накануне кто-нибудь мне сказал о возможности подобного бегства, я, по всей вероятности, отнесся бы к подобному предположению, как к пустой фантазии. Никаких мер к предупреждению со стороны А. Ф. Керенского шага, в возможность которого я не верил, я не предпринимал и предпринимать не мог.

Вл. *Войтинский*

№ 8.

Письмо инженера Кроника.

В следственную комиссию в.-р. комитета.

25 октября я присутствовал, как член искоборсева, на собрании, состоявшемся в Пскове в помещении комиссариата северного фронта. На это собрание были приглашены следующие организации: коморсев, искоборсев, псковский искомсовдеп. Войтинский здесь выступил с речью, примерно, такого содержания: в Петрограде, благодаря большевистской авантюре, создалось крайне тревожное положение. Продовольствия там всего на 2 дня и не иначе, как послезавтра утром (т.-е. 27), в Петрограде начнутся грабежи и погромы на почве голода и черносотенной агитации. Ввиду этого в Петроград необходимо послать надежные дисциплинированные революционные войска. Этих войск требует Временное Правительство и ЦИК. Он, Войтинский, обратился к армиям с запросом, но сам считает посылку войск в Петроград необходимой.

(Начала его речи я не слышал, так как пришел только к концу ее.)

Представители искоборсева высказывались против посылки войск, и даже выразили Войтинскому недоверие. Вечером того же дня, в отсутствии Войтинского, на том же собрании помощник Войтинского Савицкий заявил, что так как из Петрограда получены странные сведения о назначении Кишкина, Пальчинского и Рутенберга на ответственные посты, то комиссариат северного фронта решил пока воздержаться от посылки войск.

Все организации, присутствовавшие на собрании, присоединились к мнению, что войск в Петроград не следует приглашать, и тогда же был составлен для этой цели северо-западный военно-революционный комитет, в который был приглашен и Войтинский.

Явившись на заседание в.-р. комитета, Войтинский заявил, что из армий получены уже ответы, а именно: I армия против посылки войск, V армия согласна послать войска, но не против петроградского военно-революционного комитета, а скорее ему в помощь, и только XII за посылку войск в помощь Временному Правительству. Ввиду этого, он, Войтинский, считаясь с тем, что из трех армий две против посылки войск, сам тоже подчинится решению армий, и так как он, очевидно, не соответствует нынешнему настроению армии, то он слагает свои полномочия комиссарства. Тут же он передал, что говорил с графом Толстым, по прямому проводу, сообщил ему, какие части было предположено выслать в Петроград, но это дело прошлое. Теперь им, в согласии с Черемисовым, сделано распоряжение о приостановке движения всех эшелонов.

Однако на следующий же день, т.-е. 26 утром, Войтинский снова явился на заседание в.-революционного комитета, но уже в совершенно ином настроении. Он описал петроградский переворот, как чисто бутафорский, произведенный кучкой большевиков при добродушно-пассивном отношении остального гарнизона и резком протесте всей демократии, начиная от левых эсеров и кончая им самим. Затем сообщил, что от верховного главнокомандующего получено распоряжение продолжать двигать войска к Петрограду, что он, Войтинский, находит, что из трех армий две высказались за посылку, и только одна против, и поэтому он будет продолжать посылку войск. На прямо поставленный ему вопрос, признает ли он власть сев.-зап. военно-революционного комитета, он ответил, что подчиняется только ЦИК, который требует войск.

На вопрос, где Керенский, он ответил, что накануне Керенский был в Пскове, а сейчас находится в ставке. После этого Войтинский с заседания в.-революционного комитета ушел.

В то же время в военно-революционный комитет стали поступать сведения, что на Петроград один за другим идут эшелоны, главным образом казацкие, и что Керенский был утром в Острове и выступал там перед казаками, а потом с отрядом казаков поехал к Петрограду.

26 вечером снова было собрание в помещении комиссариата, где опять выступал Войтинский, сказав, примерно, то же, что утром в заседании военно-революционного комитета. На вопрос мой, почему он посылает казаков, он ответил, что казаки такая же часть демократии, как и другие ее части.

26 ночью я был на собрании псковского совдепа. Здесь опять выступал Войтинский, и доказывал, что на преступное насильственное ниспровержение Временного Правительства надо отвечать силой, что войск от него требует президиум Ц. И. Комитета, что ему сообщил и подтвердил Гоц, что эти войска к Петрограду уже подвозятся и через день-два под Петроградом уже будет скоплена достаточная физическая сила, чтобы ликвидировать авантюру большевиков.

Уже на этом собрании Войтинский встретил резко враждебное отношение. Из среды присутствующих солдат раздавались требования его арестовать.

На этом же собрании был избран псковский военно-революционный комитет. Я был избран его членом. Считая деятельность Войтинского крайне опасной, псковский военно-революционный комитет поручил одному товарищу отправиться к Войтинскому, оцепить его дом караулом и предъявить Войтинскому требование, чтобы все сношения и распоряжения проходили через контроль военно-революционного комитета.

Рано утром товарищ исполнил данное ему поручение, но Войтинского уже в комиссариате не было, а его заменял Савицкий.

Член искоборсева инженер *Кроник*.

Петроград 6/II—17 г.

№ 9.

Переговоры между председ. фронтового съезда и членом союза казачьих войск.

У аппарата подъесаул Иванов — товарищ председателя фронтового съезда. Ваш пароль, который Вы вчера передавали? Я верю, что Вы. Можете говорить. Деятельно ли работает совет союза казачьих войск — запрашивает съезд. Съезд ждет от Вас самых решительных мер к подавлению большевистского восстания в Петрограде. Отвечайте. Буду краток — ввиду того, что съезд ждет меня. Прежде всего поздравляю с началом победы. Сейчас вел переговоры с помощником атамана войска Донского Богаевским. Вот что он мне передал: войсковое правительство всю власть взяло в свои руки. Атаман Каледин орудует во-всю для подавления большевистского восстания. Тихий Дон таковым и остался. На Дону все благополучно. Порядок полный. Власть Каледина распространяется включительно до Царицынского округа. Ростов, откуда со мною говорил Богаевский, подчиняется воле Дона, и я с ним в полном контакте. Передайте сию же минуту, как только отойдете. Хорошо. Войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону. Дон предлагает все услуги для сконструирования этой власти. Этот Керенский в данное время находится на северном фронте и ведет войска на Петроград. Как только Вам понадобится установить связь с войсковым правительством Дона, то сообщайте по прямому проводу Петроград — Ростов и просите прибытия к аппарату градоначальника, которому правительство войска Донского поручило держать связь съезда со ставкой и с Доном. Если хотите переговорить с Богаевским, сегодня вызовите к аппарату часам к 5 вечера через градоначальника. Эту связь Вам необходимо под-

держивать. Я об этом сейчас доложу Богаевскому. Ответьте, будет ли это исполнено Вами. Хорошо, передам, имейте ввиду, в шестом часу я буду у аппарата. Безусловно прошу быть у аппарата, ибо должен передать Вам все, что происходит в Киеве. Поняли? Но в Киеве пока все тихо. Хорошо. Сотник Герасимов уже все знает, ибо мною связь установлена со всеми городами. Съезд казачий выделил из себя исполнительный комитет, которому поручено в корне пресекать всякие большевистские выступления в Киеве и по соседству, не останавливаясь ни перед какими суровыми мерами. 27 казачий полк вошел в Киев. Войска в количестве 5 тысяч, почти все юнкера, повинуются только воле съезда. Порядок будет. Украина, насколько нам известно, желает воспользоваться горем родины и хочет объявить себя вполне самостоятельной. Если это случится, то пути казака и украинца разойдутся. Это единогласно всеми нами принято. Телеграфируйте уже от имени военного министра Петлюры. Чуть-чуть не был захвачен. Была угроза комиссару Кириенко из штаба округа, но последний будет под защитой нашего исполнительного комитета, и мы не допустим самочинных действий со стороны рады, — хозяева положения пока мы. Я слушаю. Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом. Съезду необходимо потребовать от своих фронтовых частей абсолютного подчинения, если такое еще не состоялось. При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось, он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем. В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями. Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте. Пока верный Временному Правительству гарнизон, состоявший из юнкеров, ударников, женского батальона и казаков 14 полка в 2 часа ночи, после жестокой схватки и артиллерийской бомбардировки с крейсера «Авроры» капитулировал. Революционный штаб заметно развязывает руки с момента капитуляции. В городе спокойно. Казачьи полки пока не играли. В час ночи в совете были делегаты передовых эшелонов 1 Донской дивизии из Гатчины. Ожидается делегация Уссурийской и 5 Кубанской дивизии. Сюда направлена XV армия. Центральный комитет [1]) центральный исполнительный комитет и крестьянский разошлись с военным революционным большевистским комитетом. Кабинет почти сформирован по вчерашней схеме. Предстоят в ближайшем будущем аресты петроградских военных училищ, все время ищущих контактов с нами. Совет

[1]) Слова: «Центральный комитет» — являются здесь излишними, будучи по ошибке повторены в оригинале дважды. *Прим. Ред.*

пока в безопасности. Дальнейшее зависит... Почему Вы начали официальный разговор? Как вас понимать? Ага! Чему верить — первому или второму? Будет ли дежурство? Найдется на нашу работу. Успокойте Временное Правительство от имени съезда. Не забудьте вырвать из ленты Вашей фамилии. Понимаете ли? Когда Вы будете у аппарата? Назначьте час. Три раза. Да. Я полагаю, воля съезда для совета есть закон в данное тяжелое время. Все-таки президиум съезда настаивает, чтобы у аппарата Вы остались дежурить; сделайте так, чтобы большевикам, занявшим телеграф, о Вашем присутствии на телеграфе не было известно никоим образом; я от имени съезда настаиваю на этом самым категорическим образом. Передайте еще, какие новости есть. Что можете сообщить о сотне юнкеров?

ЗАПИСКА А. К. БОШНЯКА.

Во второй половине 1825 года правительство, как известно, получило один за другим три доноса о тайном обществе: 17 июля в Каменноостровском дворце Шервуд докладывал Александру о своих «открытиях»; в середине августа в Петербурге было получено донесение начальника южных поселенных войск гр. Витта, который позднее, 18 октября, в Таганроге лично сообщил Александру результаты своих «розысканий» на юге; наконец, 1 декабря, уже после смерти Александра, начальник его штаба бар. И. И. Дибич получил в Таганроге донос Майбороды на Пестеля. Если этот последний донос был простым изветом предателя, в значительной мере устраивавшего таким способом свои личные дела, то в действиях Шервуда уже налицо совершенно определенные элементы «агентурной работы» не без некоторой при том доли провокации; что же касается «операций» гр. Витта, то в них провокация занимает центральное место и является конечною целью всего плана: здесь дело шло уже не о простом лишь собирании сведений о заговорщиках, их связях и планах, но прямо об организации конспиративного съезда руководителей Южного общества, на котором они должны были быть захвачены «с бумагами и архивами»; местом и временем для этой «операции» намечался Киев во время ближайшей контрактовой ярмарки в январе—феврале 1826 года. План Витта получил высочайшее одобрение *), и только смерть Александра и последовавшие за нею события сорвали, к великому огорчению его авторов, его выполнение.

Печатаемая ниже записка помощника Витта в его разведках о тайном обществе коллежского советника А. К. Бошняка дает обстоятельный и интересный рассказ о всех перипетиях «изысканий» Витта и Бошняка, которые до сих пор обычно излагались с меньшими подробностями по источникам, дававшим менее полную и менее точную картину. И надо сказать, как замысел, так и выполнение всего плана обличают и в авторе его и в выполнителе несомненное призвание к своему делу и большое мастерство. Для Бошняка это была первая проба сил на поприще тайного сыска, дебют, не оставшийся впрочем без продолжения; но руководитель всего дела, гр. Витт был уже испытанный специалист в данной области.

Граф Иван Осипович Витт родился в 1781 году. Его отец — поляк был комендантом польской крепости Каменца Подольского; впоследствии он перешел на рус-

*) В донесении от 4 декабря 1825 г. (Шильдер, «Александр I», т. 4, стр. 411) бар. Дибич говорит, что Витт докладывал Александру лишь о надежде своей получить на контрактах «вернейшие известия» о заговоре, но Бошняк в своей записке досказывает до конца, в чем именно состояли и как далеко шли планы его руководителя в данном случае.

скую службу. За матерью Витта, гречанкою по происхождению, держалась двусмысленная слава красавицы и авантюристки.

И. О. Витт с 11 лет был записан в Конную Гвардию. При Павле он уже служил в Кавалергардском полку и в 1801 году получил чин полковника и Мальтийский крест. В 1802 году он перешел в Кирасирский полк; принимал участие в походах, в 1805 году был контужен под Аустерлицем и в 1807 году, по служебным недоразумениям, вынужден был выйти в отставку.

В 1809 году он поступает волонтером в армию Наполеона, участвует в ряде сражений и в 1811 году состоит тайным агентом Наполеона в герцогстве Варшавском. В июне 1812 года он возвращается в русскую службу. Ему поручается формирование в киевской и подольской губерниях четырех украинских казачьих регулярных полков, во главе которых он затем и участвует в Отечественной войне. Как видно из слов В. Л. Давыдова, передаваемых в записке Бошняка, в военных кругах держалось убеждение, что Витт и здесь, в армии Барклая-де-Толли, выполнял какие-то секретные поручения агентурного характера.

Отличившийся в ряде сражений, награжденный орденом св. Георгия 3 степени, Витт 19 августа 1814 г. получает назначение начальником Украинской казачьей дивизии, переименованной 26 октября 1816 года в уланскую. Через год, в октябре 1817 г. украинские полки развертываются в две дивизии: Украинскую и Бугскую, и Витту поручается формирование последней и устройство ее в поселениях на юге. Таким образом Витт стал начальником южных военных поселений, за деятельность по которым получал неоднократные выражения удовольствия и награды со стороны Александра I.

Одновременно, однако, на него были возложены и иного рода обязанности. В записке своей, представленной в 1826 году «О поручениях, в которых был употреблен императором Александром», Витт пишет:

«Того же 1819 года, по дошедшим до покойного блаженные памяти государя императора известиям, повелено мне было иметь наблюдение за губерниями: киевскою, волынскою, подольскою, херсонскою, екатеринославскою и таврическою, и в особенности за городами Киевом и Одессою, при чем его величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня; обо всем же, относящемся до сей части, никому, как самому императорскому величеству, доносить было не позволено, и все на необходимые случаи разрешения обязан я был принимать от самого в бозе почивающего государя императора» *).

Собирая через своих агентов сведения о настроениях и толках во вверенных его надзору губерниях, сам к ним прислушиваясь и присматриваясь к «злонамеренным людям», Витт пришел к заключению, что семейство Давыдовых и имение их Каменка в Киевской губернии являются центром какого-то «тайного общества». Он пытается проникнуть через своих агентов в круг знакомства Давыдовых, но попытки эти не увенчиваются успехом. Перебирая лиц, которые могли бы более удачно разрешить эту задачу, Витт останавливается на отставном коллежском советнике Бошняке, проживавшем в своем имении неподалеку от Елизаветграда, где находилась корпусная квартира гр. Витта.

---

*) Н. К. Шильдер «Николай I», т. I, стр. 526. Оригинал донесения — в «Военно-Ученом архиве» в Москве, отд. III, № 1169 (17305).

Александр Карлович Бошняк, сын костромского помещика, родился в 1787 году; еще в колыбели был он записан в Семеновский полк и трех лет от роду был уже гвардии сержантом. При Павле он был, однако, исключен из службы, как неявившийся по вызову в полк. 14 марта 1799 г. он был зачислен «юнкером без жалования» в государственную коллегию иностранных дел, а в августе того же года «помещен был к делам» в московский ее архив, поступив одновременно для обучения в московский университетский пансион, по которому был товарищем В. А. Жуковского. В 1804 г. выполнял уже действительные работы по службе, «с похвальной тщательностью» занимаясь «под надзиранием» управляющего архивом А. Ф. Малиновского. В 1807 г. Бошняк, как и многие другие молодые дворяне, служившие в архиве, поступил в земское ополчение. В 1808 году он перешел на службу в департамент внутренних дел и через год перевелся в главное правление мануфактур. 20 марта 1810 г. он вовсе уволился со службы и поселился в Нерехтском уезде костромской губернии, в родовом имении своем при селе Савикове, в котором считалось у него 197 душ. В 1812 году он опять служил в ополчении, по выходе из которого до осени 1820 года проживал в Савикове, занимаясь сельским хозяйством и ботаникой, в которой был небезызвестным специалистом, состоя деятельным членом московского общества испытателей природы. Два трехлетия под ряд был он избираем губернским дворянским предводителем. В конце 1820 года он переехал на юг, в херсонскую губернию, где ему незадолго до того досталось по наследству от дальних родственников имение Катериновка, близ Елисаветграда, недалеко от границы киевской губернии. По соседству, в пределах уже киевской губернии, проживал в своем имении Златополе, прилегавшем вплотную к городу Ново-Миргороду, генерал Николай Петрович Высоцкий, брат вотчима Бошняка.

Бошняк часто бывал у него и здесь, в Златополе, был представлен Витту. У того же Н. П. Высоцкого познакомился Бошняк и с Вл. Ник. Лихаревым, свойственником Высоцкого, доверчивость и слабохарактерность которого Бошняк использовал позднее для своих агентурных целей *).

За Бошняком были все данные для выполнения поручения, которое предполагал возложить на него Витт. Умный, образованный, наблюдательный он имел некоторые знакомства как раз в кругу тех самых либеральных офицеров и помещиков, которые так интересовали Витта. В их обществе он умел показать себя сочувствующим вольнолюбивым мнениям и оценкам, но в то же время держался осторожно и замкнуто **). Между тем в доверительных беседах с Виттом с глазу на глаз Бошняк высказывал совсем иные взгляды и проявлял большой — пока что теоретический — интерес «к изысканию причин» и корней враждебного правительству и порядку ропота. Словом, граф Витт не мог не заметить в Бошняке не только

*) Между прочим у того же Н. П. Высоцкого в Златополе на большом званном обеде в конце 1823 года (не в день ли именин хозяина 6 декабря?) и Шервуд делает свои наблюдения над декабристом Барятинским, положившие начало его шпионским похождениям (см. Исповедь Шервуда. «Историч. Вестн.», 1896 г., № 1, стр. 69). Декабрист Волконский в своих «Записках» (Птб., 1901, стр. 426) высказывается уверенно, что Шервуд так же, как и Бошняк, был агентом Витта.

**) «Человек умный и ловкий и принявший вид передового лица по политическим мнениям», говорит о Бошняке декабрист Волконский в своих записках (ПТБ, 1901 г., стр. 423); «человек суровой наружности и в речах весьма осторожный» — характеризует его В. Н. Лихарев в своем показании (см. ниже в примечаниях после текста).

той «природной твердости» и «тонкости в уме», в которых не отказывает себе и сам Бошняк в своей самооценке (см. его «Записку»), но и того «навыка в лицемерии, хитростях и пронырствах», которые склонен он был за собой не признавать и которые так роднили его по характеру с новым его патроном *).

В своей записке Бошняк рассказывает, как произошел окончательный сговор его с Виттом. Сначала шли предварительные ощупывания и пробы, в ответ на которые Витт получал от Бошняка самые недвусмысленные изъявления полной готовности на делаемые ему авансы. Тогда Витт не без торжественности сделал уже совершенно откровенное предложение. Польщенный и смущенный Бошняк, быть может, в самом деле пережил некоторое замешательство: слишком решителен был шаг, который предстояло ему сделать; но вся игра, затеянная между ним и Виттом, вела к одному концу, и он ответил согласием **).

«К делу приступлено было» в апреле 1825 г. Бошняк обратил внимание Витта на Лихарева, которому граф должен был оказать особенное внимание. После этой предварительной подготовки, Бошняк перешел к прямой атаке и объявил о желании Витта вступить в сношения с обществом. С первых же шагов успех едва ли не превзошел ожидания Витта и его помощника; вслед за Лихаревым в их сети оказался Давыдов, и они убедились, что общество заговорщиков, и при том нешуточное по размерам, действительно существует; узнали в общих чертах его цели, весьма определенные; получили представление о его организационной структуре; имели в своих руках несколько имен. Пред ними открывались перспективы крупного первоклассного «открытия», которое должно было принести награды, славу и головокружительные успехи в служебной карьере. Дело это приходилось тем более кстати, что у руководителя его, гр. Витта, как раз в то время были серьезные неблагополучия по службе. Только что были обнаружены крупные денежные злоупотребления в южных поселениях; Александр был недоволен Виттом, а всесильный Аракчеев, всегда ревниво ненавидевший в Витте соперника своего в делах поселений, спешил использовать момент и окончательно подорвать доверие к нему Александра. Открытие заговора должно было вновь показать Витта незаменимым и верным слугой и вернуть ему милости его повелителя. К тому же можно было попробовать запутать в дело и кое-кого из неприятных и мешавших людей и свести с ними старые счеты. В этих последних видах Бошняк и получает

---

*) «Лжец» и «двуличка» характеризовал гр. Витта кн. П. И. Багратион; «всякого рода интриги были стихией этого человека»— говорит о нем Вигель (ср. в примечаниях после текста отзывы о Витте в. кн. Константина Павловича).

**) В семейном архиве Якушкиных хранится рукопись, озаглавленная: «Биографические сведения об Александре Карловиче Бошняке»; она составлена в 1901 году племянником А. К. Бошняка Александром Константиновичем Бошняком, земским деятелем костромской губ., для Евг. Ив. Якушкина. Автор, воссоздавая по семейным воспоминаниям биографию Бошняка, изображает его бесхарактерной жертвой хитрого Витта; вся роль его в раскрытии тайного общества сводилась якобы к тому, что он разбалтывал у гр. Собаньской то, что слышал от сочленов своих по обществу, в которое поступил из моды; Собаньская передавала его рассказы Витту, а тот писал доносы в Петербург. «Записка» Бошняка опровергает все построение его племянника, а представление последнего о характере его дяди не подтверждается другими свидетельствами. Ознакомлением с названной рукописью составитель настоящей заметки обязан любезности Е. Е. Якушкина.

«задание» всячески разведывать, нет ли каких отношений у заговорщиков с Киселевым, Ермоловым, Трощинским, Раевским, М. Орловым [1].

«Розыскания» продолжались успешно, и в мае или июне Витт уже считает возможным намекнуть на их результаты в письме начальнику штаба е. и. к. бар. Дибичу в Варшаву, где тот был тогда вместе с Александром I *). 13 августа 1825 г. он уже с большею определенностью писал о своих «открытиях» самому Александру **) и просил аудиенции для личного доклада во время предполагавшегося пребывания Александра в Таганроге [2]. Доклад этот состоялся 18 октября. О содержании его мы знаем из донесения бар. Дибича от 4 декабря, который, быть может, присутствовал при нем и во всяком случае имел тогда же беседу с Виттом на темы его «открытий» [3].

При докладе Витт представил анонимное письмо на его имя, помеченное 3 августа, в котором его предупреждали о заговоре, грозившем жизни государя и всей его семьи, и о покушении, подготовляемом против самого Витта. О письме этом упоминает и Бошняк в своей записке. Оно напечатано по-французски в первом томе сочинений Н. К. Шильдера — «Николай I» (стр. 605); мы приводим его ниже в примечаниях после текста в русском переводе [4]. В книге Шильдера письму дано заглавие: «Донос А. К. Бошняка 3 августа 1825 года», при чем не указано, какими данными располагал Н. К. Шильдер или редактор его посмертного труда, чтобы приписывать это письмо Бошняку. В своей «Записке» Бошняк говорит об этом письме так, как если бы ни ему, ни Витту неизвестен был его автор. И все же не исключена возможность, что письмо составлено если не Бошняком (возможно и это), то каким-нибудь другим агентом Витта, или даже сфабриковано самим графом, так кстати шло оно к его докладу, так выразительно подчеркивало все те личные опасности, каким подвергал себя якобы Витт, как верный слуга на страже жизни и интересов своего владыки.

По возвращении Витта из Таганрога он и его помощник намерены были энергично повести дело к развязке, всеми мерами вовлекая руководителей общества к участию на съезде во время «контрактов». Но болезнь сначала Витта, а потом и Бошняка помешала им развернуть в должной мере свою деятельность, а последовавшая смерть Александра I и начавшиеся аресты участников заговора заставили и вовсе приостановить ее.

Между тем Следственный Комитет, производивший изыскание о тайных обществах из показаний В. Н. Лихарева, сделанных в дворце 6 или 7 января 1826 года, узнал о сношениях Витта через Бошняка с заговорщиками. Нач. штаба е. и. в. Дибич разъяснил Комитету, какого рода были эти сношения, и тогда в заседании своем 16 января 1826 г. Комитет постановил:

«Для объяснения при допросах нужно иметь здесь помещика Бошняка, члена Союза Благоденствия, который приезжал к отставному полковнику Давыдову с предложением графа Витта вступить в общество, сделанным, как объявил начальник главного штаба е. и. в., вследствие мер, принятых покойным

*) См. печатаемую в примечаниях после текста выдержку из письма Витта к Александру I от 13 августа.

**) Характерно для Витта и для его тогдашнего положения его стремление в этом письме предупредить то невыгодное истолкование, какое — он предвидел — будет дано его действиям.

императором. — Положили: о высылке Бошняка в С.-Петербург без арестования написать к губернатору, предупредив о том и гр. Витта» *).

20 февраля соответствующие отношения направлены были херсонскому гражданскому губернатору и графу Витту. В середине марта Бошняк был доставлен с фельдъегерем в Петербург к Дибичу. Последний направил его к ген.-ад. А. И. Чернышеву при следующем письме, которое и приводим в переводе с французского **).

Дорогой Чернышев.

Направляю к Вам колл. советника Бошняка. Это он доставил гр. Витту все те сведения, которые были одним из первых оснований для наших мероприятий в Таганроге. Конечно он может нам дать и еще много чрезвычайно полезных указаний как относительно лиц, уже раскрытых, так и о тех, которых еще надо открыть. У меня лично нет времени, чтобы войти во все подробности, и к кому же мне лучше всего обратиться, как не к Вам, дорогой товарищ по сердцу и по оружию.

Весь Ваш *Дибич*.

23 марта 1826 года.

Результатом бесед Чернышева с Бошняком была составленная последним и печатаемая здесь «Записка о сношениях его с некоторыми из заговорщиков», помеченная 25 марта 1826 г. 26 марта Чернышев представил ее Дибичу при следующем рапорте, в котором дает оценку «открытий» Бошняка и его «подвига».

«Имею честь представить при сем Вашему превосходительству объяснение отставного коллежского советника Бошняка, взятое вследствие сделанного мне поручения.

Открытия г. Бошняка могли принести существенную и важную пользу тогда, когда правительство не имело еще сведений о тайном обществе, но при обнаруженных уже Комитетом намерениях и действиях оного открытия сии не служат нитью для нового розыска.

Некоторые однако же обстоятельства в представляемом извлечении обращают на себя внимание, потому что комитет не имел еще ясного об них сведения; впрочем, и сии обстоятельства со стороны Бошняка указываются как слышанные и незаключающие достоверности. Они могут быть средством к дальнейшему пояснению сих предметов.

Справедливость требует заметить, что подвиг г. Бошняка в раскрытии неизвестного еще тогда тайного общества, совершенный с благоразумной ревностью к пользе государя и отечества, и теперь достоин всемилостивейшего благоволения его величества; но если бы стекшиеся происшествия не остановили действия г. Бошняка, то, при руководстве графа Витта, он, без сомнения, достигнул бы предположенной цели, и тогда услуга, им оказанная, имела бы важнейшие последствия».

Генерал-адъютант *Чернышев*.

26 марта 1826 года.

Его превосходительству бар. И. И. Дибичу.

---

*) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд.» — фонд XXI, «Госархив I. В», № 26, л. 77 об.

**) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд.» — фонд XXI, «Госархив I. В», № 508, л. 2.

К рапорту Чернышева приложено было «Извлечение» из объяснений Бошняка, в котором изложены пункты его «Записки», казавшиеся небезынтересными для Следственного Комитета *).

29 марта Дибич, возвращая Чернышеву его рапорт и «Записку» Бошняка, писал:

«При сем имею честь обратить Вашему превосходительству бумаги о коллежском советнике Бошняке. Полагаю, что оные нужно внести для рассмотрения в Комитет о злоумышленном обществе. При первом же свидании прошу покорнейше объясниться со мною насчет сего Бошняка».

Его превосходительству А. И. Чернышеву.

29 марта 1826 года **).

Того же 29 марта, Комитет, собиравшийся, как известно, на свои заседания по вечерам, выслушал рапорт Чернышева от 26 марта и «Записку» Бошняка, свое заключение о которой формулировал в следующих выражениях:

«...По сообщенным от него (Бошняка) открытиям гр. Витт донес покойному государю о тех подробностях, кои вместе с открытиями Шервуда и Майбороды дали первое положительное известие о тайном обществе. Все, что Бошняк раскрыл и в сем показании описывает, совершенно согласно с имеющимися в Комитете сведениями и доказывает благоразумие и осторожность его действий. Положили: взять в соображение». Этот отзыв был включен в очередную докладную записку председателя Комитета гр. Татищева императору Николаю ***).

Между тем еще до привоза Бошняка в Петербург Комитет требовал уже показаний о сношениях с ним и от В. Н. Лихарева (18 января, 1 февраля и 5 марта) и от В. Л. Давыдова (1 и 16 февраля). Теперь, имея в руках «Записку» Бошняка, Комитет, применительно к ее тексту, поставил каждому из них уже целый ряд вопросов (Давыдову 10 апреля и Лихареву 13 апреля), на которые они дали обстоятельные ответы. Реплики Лихарева и Давыдова, которыми обменивались они с Бошняком при посредстве Комитета, очень интересно дополняют его «Записку», рисуя те же самые отношения, встречи и разговоры, которые в ней изложены, с точки зрения другой стороны. Ниже, в примечаниях после текста «Записки», приведены соответствующие показания декабристов.

В Комитете мелькала, повидимому, мысль и об очной ставке Бошняка с Лихаревым, но на этот шаг не решились в виду очевидной его рискованности. Об этом Комитет в следующих выражениях говорит в «Записке», резюмирующей дело В. Н. Лихарева ****).

«Против сих показаний (Бошняка) Лихарев ответствовал отрицательно; но для улики его Бошняк не был призываем потому, что в разведании о злоумышленном обществе он действовал вследствие высочайшего соизволения покойного государя императора».

---

*) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд. — фонд XXI, «Госархив I. В», № 4, л. л. 27—35.

**) Там же, л. 26.

***) Архив Окт. Рев. — «Госархив I. В», № 26. «Журналы Следственной Комиссии», л. 315, там же, № 25. «Докладные Записки», л. 254.

****) Дело В. Н. Лихарева. Архив Окт. Револ. — «Госархив I. В», № 412. «Записка», л. 5 об.

После апрельских вопросов Лихареву и Давыдову Бошняк был уже не нужен более Комитету; однако, его еще задерживали в Петербурге, и он проводил время, посещая музеи и кабинеты Академии Наук, приятно взволнованный тем обстоятельством, что незадолго до того какое-то открытое им растение окрещено было в ботанике его именем. Впрочем, в конце его пребывания в столице, Бошняку было суждено выполнить еще одно незаурядное и очень деликатное поручение правительства. Через несколько дней после казни декабристов он, согласно словесного поручения гр. Витта, выехал в псковскую губернию «для исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян». Бошняку было предоставлено право, если в том выяснится надобность, арестовать Пушкина, для чего с ним вместе отправлен был фельдъегерь. Поручение это Бошняк выполнил с большою ловкостью, выдавая себя при объезде соседей Пушкина за ботаника, путешествующего с научными целями. Никаких признаков возбуждающего воздействия Пушкина на местных крестьян им обнаружено не было, о чем он и рапортовал по начальству [5].

Поездка в псковскую губернию заняла у Бошняка время с 19 по 25 июля; еще до того, 15 июля он, по высочайшему повелению, был вновь принят на службу по госуд. коллегии иностр. дел с прикомандированием для особых поручений к гр. Витту. 22 августа он был, по представлению Витта, высочайше удостоен ордена св. Анны 2 степени с алмазами; вскоре после того он был отпущен из Петербурга. Заехав на некоторое время к брату в костромскую губернию, А. К. Бошняк вернулся в конце 1826 года в Елисаветградский уезд, где и продолжал службу свою при гр. Витте; высочайшим повелением от 31 декабря 1826 года ему было назначено жалование по 5.000 руб. ежегодно.

В 1829 г. во время войны с Турцией гр. Витт со своими войсками занимал дунайские княжества; при штабе его находился и Бошняк. В оккупированных княжествах Молдавии и Валахии было устроено временное управление, во главе которого были поставлены «диваны». Полномочным председателем их был назначен сначала гр. Фр. Петр. Пален, а после него киевский военный губернатор ген.-лейтенант П. Ф. Желтухин; вице-председателем при Желтухине 19 марта 1829 г. назначен был Бошняк. Желтухин задержался с приездом, и на некоторое время Бошняк оказался фактическим руководителем всего управления обоих княжеств. Это был очень крупный успех в его карьере, которая, однако, оборвалась катастрофически. В числе других мероприятий в оккупированных княжествах проведена была денежная реформа; она оказалась чрезвычайно неудачной и навлекла на Бошняка нарекания в корыстных злоупотреблениях. Когда Желтухин приехал и вступил в управление, у него произошло крупное объяснение с Бошняком, которому хотя и удалось оправдаться в обвинениях относительно злоупотреблений, но пришлось оставить свой пост и немедленно выехать из Бухареста. 12 апреля 1830 года он вновь зачислен состоящим для особых поручений при гр. Витте с прежним своим окладом в 5.000 руб. *).

*) Сведения о службе А. К. Бошняка заимствованы из дел «моск. архива колл. ин. дел» и «министерства ин. дел», хранящихся в «Московском Историческом Архиве» (Древлехранилище).

Когда в 1830 году вспыхнуло польское восстание, Витт со своим корпусом принимал участие в действиях против революционных войск. Бошняк был при нем. В 1831 г., когда после неудачного сражения при Баре русские войска поспешно отступили, Бошняк, больной горячкой, был забыт в этом городке, где вскоре и умер и похоронен был на местном кладбище. Так рассказывает о конце Бошняка его племянник. По другим рассказам *) он был убит в Баре в отместку за свое вероломство.

Гр. Витт пережил своего агента и продолжал преуспевать на службе Николая I. 29 августа 1831 г. он был назначен варшавским военным губернатором и в 1832 г. председательствовал в уголовном суде над польскими мятежниками. 10 апреля 1832 г. он был назначен инспектором всей поселенной кавалерии и в следующие годы неоднократно заслуживал крупные награды и милости за блестящие смотры и за всю постановку южных поселений. Умер он 1 августа 1840 г. По всей видимости он продолжал и в эти годы свою деятельность на поприще секретного сыска, но она еще мало обследована и требует особого изучения.

Печатаемая здесь «Записка» А. К. Бошняка входит в состав «дел о декабристах», составлявшего «Разряд I. В» в быв. «Государственном Архиве» и хранящихся ныне в Архиве Октябрьской Революции в Москве (фонд XXI). В этом фонде она входит в состав № 4, носящего заглавие «Показание коллежского советника Бошняка о средствах и успехе открытий его существования Южного Общества», и занимает в этом деле листы 3—25.

Она представляет собственноручно каллиграфически выполненную рукопись Бошняка на листах большого формата с полями в половину ширины листа. Здесь текст ее воспроизводится по современной (новой) орфографии с некоторыми исправлениями в пунктуации.

Б. Сыроечковский.

*) См. статью А. А. Шилова «К биографии Пушкина». «Былое», 1918 г., № 2, стр. 67.

Показание кол. сов. Бошняка.

Записка о сношениях моих с некоторыми из заговорщиков, в исполнение настоятельных требований генерал-лейтенанта графа Витта, об открытии посредством оных обширного заговора, как в полуденном, так и в некоторых других краях России ветви свои простиравшего, и, наконец, об удостоении меня чрез графа Витта словесного повеления блаженныя памяти императора Александра Павловича о продолжении и усилении сношений моих с заговорщиками.

С того самого времени, как оставил я службу, занимаясь в деревенском уединении некоторыми науками, а именно ботаникою и зоологиею, я мечтал уже, что нахожусь вне политического круга человеческих деяний и что должен навсегда ограничиться надеждою на известность единственно по ученым трудам моим.

Но судьба увлекла меня невидимо, и я с удивлением очутился на обширнейшем поприще!

Расстроенные дела и, наконец, доставшееся малое наследство в херсонской губернии побудили меня в конце 1820 года оставить костромские мои деревни и переселиться в полуденный край России.

Здесь имел я счастие приобресть знакомство, потом благосклонность и наконец, осмелюсь сказать, самую приязнь и доверенность генерал-лейтенанта графа Витта. Одинакие чувства, одинакие мнения час от часу нас сближали. Нередко разговоры наши клонились к изысканию причин глухого ропота и неудовольствия, которых отголосок гремел как в малых, так и в больших обществах.

Постепенно соглашались мы, что сей ропот, сии неудовольствия должны быть возбуждаемы, усиливаемы, и не без цели, какими-нибудь злонамеренными людьми. Наконец, граф Витт открыл мне, что ему высочайше препоручен надзор за полуденным краем России; что ему известно семейство Давыдовых, как скопище врагов правительства; что он давно старается проникнуть в тайны его, но что поныне он успеха не имел; наконец, что одного меня находит он способным рассеять мрак,

которым окружают себя злодеи, и что именем правительства требует от меня безусловного повиновения.

Пораженный сим препоручением, которого важности не мог я не постигнуть с самой первой минуты, я должен был необходимо обратить внимание на способности мои и рассмотреть беспристрастно, соответствуют ли оные столь затруднительному предприятию. В кругу родных, друзей и соседей я не мог приобресть навыка в лицемерии, хитростях и пронырствах; однако, при природной твердости, воображая, что я не лишен и тонкости в уме, я польстился успехом. Но другая мысль убивала меня!

Я страшился, чтоб общество не прично поступка моего к другим каким-либо видам, кроме истинной любви к государю и отечеству, чтоб не смешали меня с теми низкими душами, которые из мелкой корысти предают и друзей и клевретов своих, наконец, чтоб самая память моя не была очернена столь презираемым именем шпиона! Страшился, но судил, что есть случаи, в которых истинно любящий государя и отечество подданный обязан жертвовать для защиты их и самою доброю славою, — решился — и пожертвовал ею!

Итак, в апреле прошедшего 1825 года приступлено было к самому делу. Сопровождая графа Витта в Ново-Миргород и пробыв там вместе с ним дня два, я просил его облегчить мне ход мой чрез обольщение особыми ласками известного, служащего в свите, офицера Лихарева, с которым я хотя и познакомился еще года за два, встречаясь с ним у генерала Высоцкого, но от которого всегда удалялся по природному ли отвращению, или по несообразности мыслей, которых, впрочем, я и не позволял ему никогда достаточно мне объяснить. Графу Витту нетрудно было пленить Лихарева, и я, воспользовавшись расположением духа сего последнего, начал с ним сближаться и показывать особую откровенность. Вскоре оставил я Ново-Миргород и поехал к Высоцкому, где надеялся найти Лихарева и свободно с ним объясниться. Я не ошибся в своем расчете и застал его за ужином у живущего в Златополе купца Гека; лишняя бутылка вина разгорячила Лихарева; не упуская столь счастливого случая, я последовал за ним в комнату его и старался разведать все нужное [6].

Здесь я должен объяснить, хотя и не предвижу настоящей в том необходимости, как понимал я ход предлежащего мне действия. Я чувствовал, что, не оправдывая совершенно мнений и поступков входящих в состязание со мною людей, не приняв на себя личины гнуснейшего якобинства, одним словом, не пренебрегая притворно всеми правилами благомыслия, верноподданства и чести, я не мог приобрести столь нужной доверенности заговорщиков. Итак, хотя и оскорбительно было для меня слушать и произносить речи, исполнявшие душу мою горести и даже бешенства, но я должен был на все итти; таким образом принял я на себя личину отчаянного и зверского бунтовщика.

Усладя слух Лихарева некоторыми двусмысленными словами насчет верности графа Витта к престолу, я начал проповедывать ему о мнимой ненависти моей к правительству; возбудя его доверенность, я узнал следующее:

1. Действительно существует общество заговорщиков, которого члены рассеяны почти по всему лицу империи. Сие общество управляется пятью главными скопищами начальников, названными вентами (Ventes); оные суть: 1-я вента северная (Vente du Nord) в С.-Петербурге; 2-я вента средняя (Vente du Centre), вероятно, в Москве; 3-я вента полуденная (Vente du Midi); 4-я вента западная (Vente de l'Ouest) и 5-я вента кавказская (Vente du Caucase) [7].

2. Распростирая свои действия, венты пекутся о том, чтоб принимаемые в сообщники никого не знали, кроме того лица, которое их приняло, и чрез него доставляли все требуемые сведения.

3. Вента не знает в подробности действий прочих вент. Та, от которой зависит Лихарев, считает уже значительные силы во власти своей, а именно во 2 армии: тринадцать полков пехоты, пять рот артиллерии и Харьковский драгунский полк, которого полковник Кончиалов, по словам Лихарева, был недавно принят в сообщники. Из артиллеристов в особенности именовал он мне Янтальцева, как усердно сберегающего на случай порох, ядра и картечь [8].

4. Выхвалял полковника Пестеля, как душу их скопища, человека весьма образованного и занимающегося сочинением конституции.

5. Сказывал, что Василий Львович Давыдов однажды возил бумаги, скрытые на груди, для сообщения петербургскому скопищу, а дивизионный генерал князь Волконский служил для сообщения с вентою кавказскою.

6. Говорил, что в первой армии действуют неусыпно, и называл полковника Циммермана (может быть, Ширмана), если я не ослышался; упоминал также с восхищением о Муравьеве, не называя, однако, поименно. Наконец, прибавил, что и генерал-интендант (во которой армии — не знаю) принадлежит тоже к числу деятельнейших заговорщиков.

7. Когда речь зашла о генерале Ермолове, то сказал, что весьма было бы хорошо употребить его, но что он столь опасен, что по одержании успеха должно б было его погубить [9].

8. Говорил о дивизионном 3 уланской дивизии генерале Трощинском, что он сказывал Давыдову, находящемуся с ним в теснейшей дружбе, что к заговору он не приступит, но буде все подымется, то и он не отстанет [10].

Сделав все сии признания, он ужаснулся своей опрометчивости:

— Боже мой! — воскликнул он. — Кому я открылся! Приверженцу графа Витта!

Я старался успокоить его.

— Послушайте, — сказал он [11], — при малейшей измене, даже при малейшей нескромности будьте уверены, что вы погибнете от яда или кинжала *).

Убедя его, наконец, в моей искренности, я успел уговорить его познакомить меня с Васильем Львовичем Давыдовым, которого я однажды или много два раза встретил случайно пред тем в обществе.

Чрез несколько дней, по условию с Лихаревым, отправился я к Давыдову; чтоб более убедить его в моей искренности, я старался показывать знаки величайшего опасения и страха по случаю вступления моего с ним в связь. На это он мне сказал со смехом:

— Поелику вы здесь, то уже запутаны **).

Я застал у него какого-то помещика, как кажется, по делам приехавшего, и Поджио, женатого на Бороздиной. По отъезде вышеупомянутого помещика Давыдов говорил мне, что я могу объясняться с ним при Поджио, которому тоже все известно. Я на сие не решился, находя затруднительным вовлекать в заблуждение двух заговорщиков разом и полагая, что более успею, когда приучу их сознаваться мне по разнице; однако после сего с Поджием я не имел случая встречаться да и искать его никакой нужды не предвидел. По отъезде Поджио и по окончании прений и разговоров наших с Давыдовым, я был принят без всяких обрядов в сообщники и узнал следующее [12]:

1. Цель заговора есть по истреблении или заключении всей императорской фамилии установление в России представительного республиканского правления [13].

2. По окончании переворота установленное провизорное правление приступает к преобразованию государства. Несколько губерний соединяются под управлением одного генерал-комиссара, пользующегося и отличною властью, и огромнейшим содержанием. Мне представлено было на вид, что и я, может быть, удостоюсь получить генерал-комиссарство костромской и прилежащих к оной губерний [14].

3. Дворянство должно отказаться от своих преимуществ, или выехать, или погибнуть. От земель помещиков значительные участки должны быть отрезаны крестьянам. Права всех подданных одинаковы как пред законом, так и во влиянии на управление республикою. Ничем не ограничивается право избирать или быть избираемым. Каждая губерния делится на области, а области — на волости; в волости записываются равно как крестьяне, так купцы и помещики. Каждая волость избирает депутата, сии депутаты собираются в областном городе и избирают губернских депутатов, наконец, губернские депутаты избирают депутатов высшего правительства.

---

*) Ecoutez, rappelez-vous que si vous nous trahissez, que méme àla moindre indiscrétion le poignard, l'aqua tophana ou la cantarella ne vous manqueront pas.

**) Puisque vous êtes ici, vous voilà compromis.

4. Устанавливается сенат из членов, заслуживаших сие отличие чрез особые подвиги; сии сенаторы должны быть пожизненные, получают огромное жалование, но не передают прав своих потомству.

5. Что еще в 1823 или в 1824 году от верховной венты, вероятно, Петербургской, на предназначенном смотре предписано было сообщникам схватить блаженные памяти государя императора Александра Павловича, но что пред самым исполнением сие повеление было отменено, неизвестно по каким причинам.

6. Что время приведения в исполнение заговора никому неизвестно, кроме верховной венты, собирающей сведения от всех прочих мест и дающей свои окончательные повеления; что без сего присвоения исполнительной власти одному месту и не могло б быть нужного единства в действии. Наконец, что хотя и сам Давыдов в силах бы, может быть, возбудить к восстанию один или два полка, но что подобные безрассудные поступки могли бы уничтожить весь план заговора [15].

7. Что в случае, если бы верховные члены вент были схвачены, то подговоренные начальники в войсках должны немедленно возбудить полки и открыть с ними решительные действия, не ожидая уже никаких повелений [16].

8. На домогательства мои узнать, кто главные начальники заговора, Давыдов утверждал, что он сам их не знает.

9. Любопытствуя знать, действительно ли генерал, служащий под начальством графа Витта, знал о существовании заговора и не объявлял об оном, я расспрашивал Давыдова о генерале Трощинском, на что он отвечал мне, что вся связь его с ним основана на старинной дружбе и товариществе, что он, зная его совершенно, к заговору привлекать его не старался; что, впрочем, если б дело шло о Малороссии то — статочное дело, что и Трощинский согласился бы пристать [17].

10. Давыдов расспрашивал меня о костромской губернии, где я долго жил и невступно два трехлетия сряду был уездным предводителем; говорил мне, что я окажу важную услугу обществу, если доставлю полное статистическое описание костромской губернии, или, по крайней мере, уезда, в котором я имел пребывание, с приложением характеристики значительнейших лиц. Я обещал удовлетворить сему требованию, предоставляя себе право не выполнить обещания, ничтожного, когда оно дается врагам государя и отечества.

11. Давыдов уговаривал меня ехать в костромскую губернию для заведения там нового гнезда заговорщиков или венты, прибавляя к тому, что если я решусь на сие, то мне дано будет все нужное вспомоществование из кассы злоумышленников. Я отклонил сие предложение, говоря, что надеюсь быть более полезным в полуденном краю по связи моей с графом Виттом [18].

12. Давыдов настоятельно требовал от меня, чтоб я ни под каким видом не открывал графу Витту ничего из сказанного мне как им, Давыдовым, так и Лихаревым, прибавляя, что всякая с моей стороны нескромность будет нарушением законов общества и подвергнет меня

ответственности. Давши ему обещание свято исполнить его требование, я спросил его, могу ли хотя открыть графу Витту о существовании заговора, не входя ни в какие подробности, и то если увижу ясно волю его действовать решительно в пользу оного. Давыдов подтвердил свое запрещение, говоря, что допущение генералов ко вступлению в общество без разрешения венты не позволяется; что недавно еще принятие в сообщники одного генерала было отклонено вентою [19]). Потом Давыдов принялся описывать графа Витта самыми черными, по мнению заговорщиков, красками, называл его давно известным агентом правительства. На мои возражения он отвечал мне:

— Найдите случай спросить его от себя, чем он занимался в армии под начальством графа Барклая-де-Толли; есть некто, кто имел в руках своих подлинные документы, почему мы и знаем с достоверностью, что мы должны думать о графе Витте.

13. Наконец, поелику я сбирался ехать к Александру Львовичу Давыдову, которого почитал человеком неспособным искусно сохранить тайну, я спросил Василья Давыдова, могу ли быть откровенен с братом его.

— Сохрани Вас бог, — отвечал он мне; — мы таимся от него. Он — аристократ, которого разве только можно будет при новом правительстве назначить пожизненным сенатором *).

Встревоженный столь многочисленными и столь ужасными сведениями о преднамерениях заговорщиков, я спешил видеть графа Витта, но поелику он был тогда в отъезде я не прежде мог найти его в Елизаветграде как в первой половине мая. Я спешил открыть ему все мною изведанное, и поелику граф отправлялся немедленно в Одессу, то взял меня с собою для основательного рассмотрения всего того, что было уже известно, и соображения способов дальнейших действий в столь важных, сколь и необыкновенных, обстоятельствах.

Граф Витт по зрелом размышлении, предоставил мне действовать самым решительным образом, согласно с моими понятиями и рассудком, требуя его разрешения в самых только сомнительных случаях; приказал, во что бы то ни стало, хотя бы необходимо было самого его включить в список заговорщиков, решаться на все; иметь же особенно в виду открытие главных начальников заговора, ибо из всех показаний Лихарева и Давыдова явствовало, что хотя они и из числа сильнейших орудий злодейской шайки, но все только орудия; прибавил тоже, что я должен стараться узнать, велика ли сумма, хранящаяся в кассе бунтовщиков и в чьих руках она находится.

Снабженный всеми нужными наставлениями, в половине или после половины июня я отправился в Златополь для свидания с Лихаревым. По приезде моем я скоро получил от него записку о том, что он имеет нужду немедленно меня видеть и ожидает в вольной аптеке. Я побе-

*) C'est un aristocrate; il sera tout au plus bon à faire le senateur sous le nouveau régime.

жал к нему; на лице его изображалось какое-то дикое отчаяние. Мы вышли в сад, и здесь он начал говорить мне следующее:

— Вы погубили меня! мое излишнее доверие к Вам лишило меня доверия общества. Слушайте! вот определение венты.

В определении, писанном на французском языке и мне прочитанном, сказано было в сущности, что Лихареву за излишнюю опрометчивость при открытии тайны приверженцу графа Витта воспрещается всякое дальнейшее действие и повелевается оставаться вовсе безгласным, что по случаю допущения моего, как искреннейшего приятеля графа Витта, к тайнам общества, все венты должны остановить ход свой и обязаны разойтись; что если я буду продолжать изъявлять искреннее желание принадлежать к числу членов общества, то потребовать от меня следующие обязательства:

1. Хотя и не в обыкновении брать от членов общества подписок, но от меня, как сомнительного по тесной связи с графом Виттом, взять писанное и подписанное моею рукою клятвенное обещание в том, чтоб не изменять обществу; 2. Потребовать, чтоб я доставил статистическое описание Костромской губернии, обещанное мною Давыдову, тоже писанное моею рукою; 3. Наконец, взять с меня клятву, что я графу Витту не открою ни малейшего из известных мне обстоятельств [20]).

Признаюсь, что таковые требования поразили меня; я чувствовал, совершенно, что, поелику не было еще донесено блаженныя памяти императору Александру Павловичу об употреблении меня к открытию ужаснейшего и опаснейшего из заговоров, один граф Витт мог оправдать чистоту моих намерений; что какой-нибудь внезапный случай или даже и смерть графа Витта лишали меня всякой опоры, и по выданным мною подпискам я почтен был бы виновным и подвергнулся бы казни за службу государю и отечеству! Итак, находясь вынужденным прибегнуть к новым хитростям, дабы выйти из столь затруднительного положения, не образумя заговорщиков, я сказал Лихареву, что могу успокоить его и сообщить такие известия, которые вовсе удовлетворят общество. Лихарев начал убеждать меня скорее отправиться к Давыдову, и я в тот же день к нему поехал.

Прибыв в деревню к Давыдову, я был остановлен холодностью его приема; несмотря на то, я прямо приступил к делу. Я сказал ему, что удивляюсь странным заключениям общества, что оно легко могло бы расчесть, что если б я был агент правительства или просто шпион, то не усомнился бы ни на минуту дать им и двадцать подписок, что именно потому, что я не агент и не шпион, решительно отказываюсь оставить у них лоскуток бумаги, исписанной моею рукою, и беру даже назад обещание мое сочинить им статистическое описание Костромской губернии. Потом, приступя к якобинским беснованиям, успел я тронуть чувствительную струну Василья Давыдова; он смягчился, и я начал говорить ему о графе Витте и уверять его всеми возможными средствами в готовности его содействовать видам общества. Тогда Давыдов сказал мне, что он не может более сомневаться в моей искрен-

ности; что самое общество во мне сомневаться не будет; но что ж касается до графа Витта, то я должен взять все возможные противу него предосторожности; что часто бывали примеры, что завлекали благомыслящих людей притворным соучастием в мнениях их, что таковые moutons более всего становились опасными для возмутительных обществ.

Тут я принялся клясться в откровенности графа Витта, уверять, что малейшие тайны его мне известны и пр. и пр. Наконец, я просил Давыдова уведомить общество, что граф готов подвинуть весь свой корпус на помощь возмутителей. Давыдов отвечал мне, что слова не суть доказательства, что граф не иначе может приобресть доверие общества, как чрез открытие какой-нибудь важной государственной тайны и шпионов, назначенных к наблюдению за поступками заговорщиков.

Более ни в чем успеть я не мог и поехал для свидания с графом. Жестокая лихорадка воспрепятствовала мне отправиться в город; граф потрудился сам ко мне приехать; я объяснил ему все дело, и он отложил дальнейший ход оного до моего выздоровления.

Получа облегчение, я испрашивал дальнейших наставлений от графа Витта.

— Хорошо, — сказал он, — надобно и их потешить; им будут и государственные тайны и шпионы.

Итак, приказав все нужное, послал он меня к Давыдову.

Приняв на себя самый важный и таинственный вид, явился я перед хитрым заговорщиком. Я сказал ему, что теперь доставлю ясные доказательства в истинной готовности графа Витта действовать в пользу общества; что граф не требует даже никаких открытий, о которых по недоверчивости их к нему, он и слышать не хочет; что все его желание стремится к тому только, чтоб служить помощником и подпорою действиям их. Потом распространился я на счет выгод, какие может доставить граф Витт обществу чрез свое включение в оное, и наконец, приступил к открытию так названной государственной тайны.

Я сказал Давыдову, что в случае возмущения повелено отряду австрийской армии немедленно вступить в польские губернии, и спросил, знали ли они это и какие надеются принять противу австрийцев меры.

Давыдов отвечал на это довольно глухо, а именно, что это статья затруднительная, но которая, впрочем, не воспрепятствует возмущению, ибо оное произведется во внутренности государства, а не на границе; что к тому же при намереваемом в России перевороте война с австрийцами сама по себе неизбежна [21]).

Тогда наименовал я ему шпионами свитского офицера Корниловича и полковника Абрамова, и особенно сего последнего, как шпиона генерала Киселева. На это Давыдов отвечал, что генерал Киселев более приносил им пользы, нежели вреда *). Потом прибавил я еще,

*) Il nous a plutôt rendu service que causé du tort.

стараясь еще более устрашить Давыдова и самое общество и чрез то побудить прибегнуть с откровенностью к графу Витту, что общество окружено шпионами, что в самом полку Пестеля есть офицеры, имеющие за поведением его надзор, одним словом, что один граф Витт в силах еще защитить общество от погибели [22]).

Давыдов, наконец, казалось убедился в истине приступления графа Витта к заговору, клялся в вечной ему преданности и в употреблении всех возможных усилий, дабы переменить мнение общества и побудить оное войти с графом в теснейшую связь. Дабы не дать времени Давыдову одуматься и усилить доказательства в пользу обманчивой доверенности нашей, я предложил даже ему войти в прямое сношение с графом при наблюдении весьма забавных предосторожностей. Зная совершенно всю тонкость и проницательность ума графа Витта, всю убедительность исполненного огня красноречия его, я уверен был, что граф извлечет из Давыдова то, что оставалось для меня тайною. Я, однако, не знал, найдет ли граф полезным видеться с Давыдовым, но не беспокоился об этом, ибо мне известно было, что при многоразличных занятиях графа весьма легко было оттянуть такое свидание на неопределенное время.

Не помню точно, в этот ли приезд или в следующий делал я покушения открыть, не участники ли в заговоре генерал от кавалерии Раевский и генерал Михаил Федорович Орлов, которые могли быть сильно подозреваемы по близкому их родству и тесной связи с Давыдовыми. Итак, я сказал, что граф Витт никогда не согласится играть между заговорщиками ничтожного лица и что он желает знать, вверят ли ему командование кавалериею, если предназначено генералу Раевскому командовать армией и генералу Орлову быть начальником штаба, место, к которому он почитает его весьма способным. Кажется, что Давыдов почувствовал, к чему клонился сей вопрос, ибо отвечал весьма холодно, что в революциях места назначаются характером и достоинствами и что потому граф Витт не может сомневаться во власти, которая ему предоставится; что Раевский о замышляемых переменах и понятия не имеет и что никто не осмелится и говорить ему об оных; что ж касается до генерала Орлова, то хотя он и принадлежал к прежнему обществу, но что в нынешнее не вступал и ни во что не мешается.

Между тем, по дошедшим ли каким-либо слухам, или в силу сношений с вентами, не только Давыдов, но отчасти и Лихарев начал показывать совершенную и явную к графу Витту недоверчивость; на все мои запросы, убеждения, просьбы Давыдов отвечал мне, что я читал решение венты, что заговорщики разошлись и что всякое производство дел вовсе прекращено; что он сам готов служить графу Витту, но что общество уже более не существует. Лихарев же, казалось, сознавался, что он и мог бы говорить, да не смеет.

В одно случайное мое свидание с Давыдовым в местечке Златополе, Давыдов, расположенный, может быть, к большей откровенности,

говорил мне, что дела заговорщиков остановились потому, что они не согласны между собою в образе правления, к установлению предполагаемого, что одни хотят империи конституционной, другие — республики представительной, аристократической или демократической. Но справедливо ли было, или нет таковое показание Давыдова, или было пустым отводом, утвердительно сказать не могу.

Огорченный худым успехом моих происков у Давыдова, я донес обо всем графу. По зрелом размышлении положено было снова действовать на Лихарева и пугать как его, так и Давыдова мыслию, что граф, видя их недоверчивость, совершенно к ним охладел. С сих пор пристал я к Лихареву, говорил ему о графе, делал разные ложные и вздорные откровения и преклонил совершенно на свою сторону; наконец, посредством его успел я столько, что Давыдов назначил мне свидание в местечке Златополе, в доме, нанимаемом Лихаревым. Когда мы остались одни, Давыдов начал мне жестоко выговаривать за то, что я все открыл графу, что чрез сие самое не только себя, но и Лихарева и даже его, Давыдова, лишил доверия общества. Мне удалось снова его убедить в хорошем к оному расположении графа, но дал притом почувствовать, что графу наскучила недоверчивость заговорщиков, что он намерен предоставить их собственной судьбе и что мне даже приказал прекратить всякое сношение с ними. Тогда Давыдов показался встревоженным; сказал, что напрасно граф принимает сию недоверчивость к сердцу, что он, Давыдов, не может всех товарищей заставить думать по-своему, но что надеется переменить их мнение. Тогда я стал допытываться, когда и в какое время назначено заговорщикам начать открытые действия. Давыдов отвечал, что это знают высшие начальники, что если убедятся в верности графа Витта, то недели за две до начатия действий он будет предупрежден и получит надлежащие наставления.

Потом старался я опять изведать, точно ли известная нам в полуденной России шайка управляется каким-нибудь Пестелем или Давыдовым, или состоит в зависимости от значительнейших людей.

— Скажите откровенно, — говорил я Давыдову, — заговор не ограничивается ли одною Киевской губернией и несколькими малозначущими лицами из 2 армии, или состоит в связи с Петербургом и управляется знатнейшими людьми. В первом случае граф обещает не открывать вас, но оставить всякое сношение с вами; во втором же он готов подкрепить общество всеми от него зависящими силами.

Давыдов отвечал:

— Весьма низкое мнение имел бы граф Витт о заговоре, если б он полагал меня, деревенского помещика, начальником оного. Я весьма малозначущее лицо.

Сии самые слова я неоднократно слышал от Давыдова и при других случаях, а когда именно, не упомню.

При сем свидании видел я полковника Николая Раевского, с которым за несколько месяцев обедал я на именинах у Высоцкого в Златополе.

В первое наше свидание он обращал мало на меня внимания, а во второе вступил со мною в посторонний разговор. Это мне подало случай говорить Лихареву, что я удивляюсь, что приняты в сообщники столь ветренные молодые люди, каковым мне кажется Николай Раевский, но Лихарев божился мне, что он к числу заговорщиков не принадлежит.

Продолжая мои решительные приступы к Лихареву, то пугая, то одобряя, то намекая ему о каких-нибудь вздорных тайнах и требуя в награду искренности, я успел собрать от него следующие сведения:

1. Он, Лихарев, три года служил обществу, пишет многие для оного статьи и великими заслугами своими достиг до того, что допущен до величайшей доверенности и даже имеет некоторое влияние на полагаемые решения. С Пестелем состоит в связи и, как кажется, два раза был у него с тайными поручениями [23]).

2. Василий Давыдов хотя и выше его, но не есть первенствующее лицо. Неоднократно Лихарев мне повторял, когда я спрашивал его, участниками ли в заговоре какие значительные люди.

— Ах, если бы вы знали, кто между нами находится, вы не хотели бы мне поверить! *).

Потом, говоря о военных, продолжал:

— Есть между нами военные полковники, лет сорока, а горячатся, как молодые люди; просят работы; трудно удержать их [24]).

3. Изъявлял свое удивление, что Эртель **) упустил из вида и не донес о революционном обеде на контрактах в Киеве, на котором присутствовало до тридцати полковников и от четырех до пяти генералов, но которого года и кто были сии заговорщики, не объявил [25]).

4. Называл пылкими и надежными сообщниками в С. Петербурге Рылеева, Бестужева и Муравьева. Говорил также, что Балтийский флот приступил к заговору [26]).

5. Когда я испытывал мнение Лихарева о известнейших лицах, он пребывал в молчании, но когда дело дошло до вице-адмирала Синявина, то Лихарев вздумал рассказать мне следующий вымышленный или невымышленный анекдот, не знаю. Что будто бы блаженной памяти государь Александр Павлович посылал покойного генерала Милорадовича обыскать и опечатать его бумаги и что г. вице-адмирал говорил ему:

— Ищите, ищите! я — не писака, а умею только действовать [27]).

6. Или испытывая меня, или в припадке недоверчивости, Лихарев упрекал меня, что граф Витт их обманывает, ибо еще в мае месяце предлагал генералу Киселеву захватить всю шайку заговорщиков. Я отделался смехом и шутками. Впрочем, мне неизвестно, были ли какие по сему предмету переговоры между генералом Виттом и генералом Киселевым [28]).

---

*) Ah, mon cher, si vous saviez quels hommes nous avons parmi nous, vous ne m'en croiriez pas!

**) Полицеймейстер в Киеве. *Прим. Ред.*

7. Я убедил Лихарева уговорить Давыдова видеться с графом на контрактах в Киеве для определения последним нужных мер в сообществе с главными начальниками заговора, на что Давыдов и согласился.

Между тем граф Витт получил безымянное письмо, в котором остерегали его, что императорской фамилии, государству и самому ему предстоит скорая гибель. Уведомя меня об оном при первом свидании, он сделал мне честь советоваться со мною по сему случаю. Я изложил следующее мнение: или что письмо действительно писано от какщегося злодея, или что оно трудов известного нам скопища и присланное нарочно для испытания истинных намерений графа; что и в том и в другом случаях мы можем, не показывая письма, объявить о содержании оного. Что, не видя почерка, заговорщики не узнают, кто писал оное; если же сочиняли сие письмо они сами, то тогда уже убедятся совершенно в откровенном соучастии графа.

С сим поехал я к Василью Давыдову, и когда я объявил ему вкратце о содержании безымянного письма, он смутился; требовал оного для показания сообщникам и узнания, чьей оно руки; когда ж я ему сказал, что это невозможно, что граф подобного письма никому не вверит, он обратил оное в шутку, говоря, что эта выдумка. При всем том, он казался очень тронутым и как будто бы из благодарности объявил, что убитый в Грузии генерал Лисаневич принадлежал к числу его сообщников. Генерала же Ермолова бранил и говорил, что он совершенно изменился [29]).

Дабы оказать заговорщикам еще большую доверенность, узнать притом, нет ли у них каких-либо связей в военном поселении, и, наконец, умножить число агентов, которым можно б было вверить надзор за ними, по приказанию графа я жаловался им, что в корпусе его никаких еще не предпринято мер для приготовления умов; что, впрочем, ни граф, ни я не можем сами действовать среди поселенного войска, и потому граф предлагает Давыдову и Лихареву заняться испытанием людей, которых он им назначит; им назначены были три полковника: Маркле, Станкович и Шварц, на которых граф полагал совершенную надежду; но Лихарев и Давыдов, неизвестно почему, решительно отказались [30]).

Вскоре потом граф Витт отправился в Таганрог, по возвращении отколе я удостоился получить словесно чрез него от блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, при обнадеживании в государевой милости, повеление продолжать мои сношения с заговорщиками и, если возможно, усиливать оные. Излишние было бы сказать, сколько мысль, что осчастливлен вниманием великого государя, поселила во мне бодрости и готовности жертвовать трудами и самою жизнью на службу его.

Дня через два по приезде граф Витт слег горячкою; я оставался при нем до 7 или 9, дни, в которые он уже вышел вовсе из опасности, и отправился в Златополь к делу. Здесь я занемог, и меня навещали Лихарев и Давыдов; я воспользовался сим случаем, чтоб уверить их, что нарочно распущены слухи о хорошем будто бы приеме

графа в Таганроге; что граф в существе принят необыкновенно дурно; что положение его соделалось весьма сомнительным; что самая болезнь приключилась ему не от чего иного, как от горести и отчаяния; что, не упуская сего случая, должно спешить войти в откровеннейшую и теснейшую связь. Лихарев и сам Давыдов поверили мне совершенно и с восхищением и нетерпеливостью ожидали Киевских контрактов.

Но внезапно получил я известие о приближении графа к неизбежной смерти; я сам лежал почти недвижим. Оправясь немного, я поехал к нему; он не был еще в силах действовать, ниже распоряжать делами [31]). Вскоре пришло известие о кончине незабвенного блаженныя памяти государя императора Александра Павловича и о последовавших за оною случаях. Все сие побудило графа, в ожидании новых повелений, приказать мне остановиться в производстве препорученного мне дела.

Более сего я сказать ничего не могу; вот собранные и доставленные мною графу Витту сведения и самый ход моих действий, по наставлениям его расположенных. Легко усматривается из всего изложенного мною здесь обширность плана, графом Виттом изобретенного и мною в исполнение приведенного. Он внедрил искреннейшего к себе человека и истинно верного подданного в шайку злодеев, объясняющих ему без зазрения ужасные тайны свои; сих самых злодеев ослепил до того, что они понадеялись найти начальника в том, кто уже многие годы стремился открыть их, и, наконец, самый час, определенный ими для объяснения пагубных намерений, назначил часом обличения и суда.

Утвердительно могу сказать, что если б встретившиеся нечаянные, независящие от людей обстоятельства, не воспрепятствовали доведению до желательного конца столь благополучно начатого предприятия, то Киевские контракты положили бы меру преступлению; и не только известные заговорщики с бумагами и архивами были б захвачены, но скрывающиеся еще, может быть, и поныне во мраке начальники их преданы б уже были достойному по делам возмездию.

Если не много было нам известно имен второстепенных и особенно мелких заговорщиков, то, это, во-первых, потому, что, не возбудя подозрений, трудно было расспрашивать об них; во-вторых, потому, что, стремясь к великому, можно было пренебрегать малым и быть притом уверенну, что открытие главных злоумышленников влечет за собою открытие и прочих.

Почитаю нужным прибавить, что я сообщил здесь только те сведения, которые получил чрез Лихарева и Давыдова; что, вероятно, граф Витт имел и других, кроме меня, агентов и, может быть, снабжен по предмету открытого мною заговора и еще некоторыми добавочными сведениями.

Елизаветградский помещик, отставной коллежский советник

Александр Карлов сын Бошняк.

С Петербург, Марта 25 дня 1826 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Кн. С. Г. Волконский в своих «Записках» говорит, что Витт и раньше догадывался о существовании тайного общества, но в 1825 году вошел в сношения с ним, определенно имея необходимость выслужиться и восстановить доверие к себе, пошатнутое Аракчеевым, в связи с денежными злоупотреблениями в южных поселениях. Так же объяснял действия гр. Витта и вел. кн. Константин Павлович в письмах Дибичу от 14 и 15 декабря 1825 г. 14 декабря он писал:

«Генерал Витт такой негодяй, каких свет еще не производил: религия, закон, честность для него не существуют; словом, это человек, как выражаются французы, достойный виселицы» (Un gibier de potence). (Французский текст и перевод см. «Рус. Ст.». 1882 г. № 7, стр. 196).

На следующий день, возвращаясь к той же теме, он писал Дибичу:

«Мне кажется, что главная всему есть пружина — ген.-лейт. граф Витт, который, чтобы подслужиться покойному государю императору и сделаться нужным, нарочно наделал беспокойства и подвел свои хитрые пружины. Тут, может быть, явятся еще какие письма, которые будут перехватывать, но мне кажется, что это все плутни, и, по моему мнению, граф Витт есть такого рода человек, который не только чего другого, но недостоин даже, чтобы быть терпиму в службе, и мое мнение есть, что за ним надобно иметь весьма большое и крепкое наблюдение» (там же, стр. 198—199).

2. После сообщений о другом возложенном на него поручении (о наблюдении за высланными поляками) Витт продолжает:

«Стараясь открыть причину недовольства там, где оно могло скрываться, мои агенты, по счастливой случайности, напали на след гораздо более важного и серьезного дела, могущего иметь самые печальные последствия, так как тут дело идет, государь, о спокойствии Вашего императорского величества.

В письме, написанном мною генералу Дибичу в Варшаву *), я коснулся слегка одного дела, по поводу которого он желал иметь от меня некоторые сведения, но в то время я сам был еще на пути к открытию истины, теперь же я имею все сведения, знаю также цель, какую желают достигнуть, и поэтому осмеливаюсь просить В. в. о разрешении Вам представиться, так как дело касается вещей, которые не могут быть переданы письменно и которые возможно сообщить лишь В. и. в. Вы будете, государь, на пути к разъяснению многих событий.

Чтобы нельзя было заподозрить цель моей поездки в Петербург и чтобы она была известна лишь В. в., я думал отпроситься в отпуск на 28 дней, но так как здесь говорят, что В. и. в. намереваетесь отправиться на несколько дней в Таганрог, то, быть может, государь, вы соблаговолите разрешить мне представиться В. в. там, так как Вы будете в губернии, в которой расположены поселения.

Смею уверить В. в., что дело идет не о поселениях и того менее о какой-нибудь попытке с моей стороны воспользоваться этим случаем как средством оправдаться от клеветы и устранить зло, которое люди стараются причинить мне. Совесть моя слишком чиста, а моя честь и усердие к службе В. в. стоят вне всякого упрека; нет, государь, от меня далеки всякие мысли о личных интересах, и я думаю лишь об особе В. в. и о спокойствии Вашем. Теперь более, чем когда-либо, Вы убидите, государь, во мне и во всех действиях моих одно усердие, преданность и благоговение к В. и. в.» [Военно-уч. архив, отд. I, № 959а (804)].

3. Приводим из донесения бар. Дибича от 4 декабря 1825 г. часть, посвященную докладу Витта: «Между тем приехал, по высочайшему соизволению, в Таганрог 18 октября генерал-лейтенант Витт и объявил равномерно, что существует таковое общество, которое значительно увеличилось в обеих армиях и старалось, но тщетно, помощью генерал-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевского зара-

*) В Варшаве Александр I, а при нем и Дибич, были с апреля по июнь 1825 г.

зить и Черноморский флот, что бывают часто подобные собрания в фамилии Давыдовых, кои все заражены сим духом, и что из числа деятельнейших членов объявлены ему гвардейского генерального штаба капитан Муравьев, гвардейский офицер Бестужев, служивший прежде во флоте, некто Рылеев (вероятно, секундант покойного поручика Чернова на дуэли с флигель-адъютантом Новосильцовым), что 18 пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка полковник Пестель, что адъютант графа Витгенштейна Крюков и генерал-лейтенанта Рудзевича Шишков — также члены, и что, наконец, один из главных членов — подпоручик квартирмейстерской части Лихарев, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Все сии известия даны графу Витту одним членом, и по недовольной еще основательности оных надеялся он получить вернейшие на Киевских контрактах, ибо давал им надежду склониться на их сторону по неприятностям, имевшимся между им, Виттом, и графом Аракчеевым. Граф Витт при сем прибавил, что он надеется, что можно получить также сведения от гвардейского генерального штаба штабс-капитана Корниловича, принадлежавшего сему обществу, но раскаявшегося, увидя бездну ужасную, в которую оно может ввести; равномерно доставил граф Витт письмо от неизвестного, который объявляет об обществе и огромности оного, остерегает его о личной его опасности тем, что заговорщики хотели его сделать одною из первейших жертв замыслов своих.

Его императорское величество приказал графу Витту продолжать открытия свои». — Следует отметить, что, судя по этой передаче Дибича, Витт в своем докладе сообщил не все те сведения, какими располагал через Бошняка, зато приводил некоторые другие данные и догадки, которые имел, очевидно, от других агентов (о Черноморском флоте, о Крюкове и Шишкове). — В том же донесении, несколько ниже, Дибич, по поводу доноса Майбороды, пишет: «Я при сем должен прибавить, что граф Витт м н е сказывал, что он имеет подозрение на генерал-адъютанта первой армии Пирогова. Шервуд же и Майборода говорят про генерала-интенданта второй армии Юшневского и не упоминают о Пирогове». (Шильдер — «Александр I», т. IV, стр. 411 и 415.)

4. Анонимное письмо, представленное гр. Виттом в Таганроге при докладе 18 октября 1825 г. (см. Шильдер—«Николай I», стр. 605). «Поставленный в необходимость принять усиленные предосторожности, чтобы предупредить Ваше превосходительство относительно важных известий, которые мне нужно Вам сообщить, я выбираю анонимный способ, чтобы Вам доставить кое-какие данные относительно сплетения ужасов, мысль о которых леденит мою кровь и последствия которых мне постоянно представляются в виде отвратительного преступления, несчастья и самой ужасной смуты.

Видя, как со всех сторон нашего горизонта собираются с некоторых пор мрачные тучи, окруженный сам недовольными, слыша неопределенные, но страшные угрозы, различая во мраке образование сложного плана, похожего на возмущение, которое, глухо распространяясь, должно разразиться с особенной силой, я решил, наконец, увериться, что́ тут есть на самом деле. Я сделал вид, что не противлюсь более всему тому, чем меня старались завлечь, я допускал, чтобы мне все говорили и все объясняли, и таким образом я ознакомился с одним из самых черных заговоров, проник во все недоступные его изгибы, задуманные с поразительной предусмотрительностью; с полной ясностью увидел я политические интриги, глухие и черные, которые, к несчастью, простерлись вплотную до особы императора.

В то время как европейские карбонарии занимали внимание государей, в глубине мирной и процветающей России с 1819 г. образовался узел якобинства, завязанный за границей; его целью было пустить глубокие корни в империи, которая одна была препятствием к переменам и всеобщему ниспровержению престолов. После стольких революций, вспыхивавших и не удававшихся, ясно было, что только влияние нашей страны и страх пред теми гигантскими силами, которые один император мог двинуть в защиту монархических принципов, остановили успехи, на которые надеялись. Опрокинуть этот колосс стало единственной надеждой и лозунгом всех

злоумышленников, и с того времени завязались потаенные связи между европейскими карбонариями и буйными умами России.

К несчастью, необъяснимый рок или, быть может, косвенное влияние, хитрые тонкости которого ускользали от наблюдения, привели правительство к ряду неверных шагов, которыми опять-таки воспользовались для того, чтобы новых и новых приверженцев откалывать от правительства и привлекать на сторону этой новой силы, которая хотела возвыситься и распространиться, чтобы раздавить врага, которого она страшилась. Отсюда исходил план, революционная сеть которого распространилась во всех классах; канцелярии министров и вообще правительственных учреждений наполнились людьми, которых было слишком легко завербовать, так как в перевороте усматривали они для себя возможности и карьеры и обогащения. Отсюда проистекает самая главная опасность: заполняя административный аппарат, эти люди получили возможность влиять на своих начальников, препятствовать от их имени правильному ходу управления, раздавать приказы и принимать меры, подсказанные враждою и клонившиеся к разрушению счастья и процветания империи.

Когда наметилась возможность революции в России, оставалось только решить, с кого начинать: с народа или с военной силы. К несчастью, зародыш недовольства, обнаружившийся в армии, решил выбор в пользу последнего пути, и с тех пор, не переставая, обрабатывали умы и офицера и солдата. Невозможно, чтобы Ваше превосходительство не замечали, что в армии есть недовольные, но Вы, наверное, не знаете, что бóльшая часть этой армии, еще недавно столь преданная государю, разделяет желания тех, которые над ней поработали, и ждет только первого приказания, чтобы начать сцены ужасов и резни, которые, конечно, превзойдут все те неистовства, какими окровавлены страницы истории. Я никого здесь не хочу называть; но между генералами и командирами полков много таких, которые замешаны в заговоре, а равно и таких, которые не внушают забот (заговорщикам), и очень мало таких, которых они боятся как опоры правительства. Эти последние должны трепетать. Дружба, которую я, Ваше превосходительство, к Вам питаю, и признательность, которою я Вам обязан, побуждают меня сказать Вам, что Вы намечены к погибели одним из первых. В Вас видят неколебимого монархиста, обязанного всем императору, от него все получающего и могущего во главе своего корпуса представить сильный оплот взрыву, который хотят произвести.

Испуганный всем, что я узнал, каждую минуту ожидая переворота, который угрожает существованию и благополучию каждого, я осмелился отправить анонимное письмо императору. Не знаю, дошло ли оно до него, так как установленный надзор, может быть, простирается и на почту. Вот почему я решаюсь направить Вам это письмо. Вы можете поступить с ним, как хотите, но мой долг и совесть обязывают меня умолять Вас не отнестись к нему безразлично; опасность близка и слишком действительна; предупреждая Вас о ней я теперь возлагаю ответственность за нее на Вас. Еще раз — будьте настороже и, если возможно, поговорите с императором; не только его жизнь, но и жизнь всех его близких в опасности. Может быть, обстоятельства мне позволят как-нибудь поговорить об этом лично и дать Вам более обстоятельные объяснения.

На этот раз кончаю, повторяя еще раз, что опасность близка, что она ужасающе хорошо обдумана и что нужно изыскать возможно скорее правильные и разумные меры. 3 августа 1825 г.».

5. «Исследование» Бошняка о «поведении» А. С Пушкина рассказано по архивным документам А. А. Шиловым в «Былом» за 1918 г., № 2(30), стр. 71 и сл. и Б. Л. Модзалевским в работе «Пушкин под тайным надзором». 3-е изд. 1925, стр. 20—31.

6. В ответах на пункт 18-й вопросов от 18 января 1826 Лихарев так рассказывает о знакомстве своем с Бошняком и последующих событиях:

«У родственника жены моей, генерала Высоцкого, в м. Златополе узнал я отставного чиновника коллегии иностранных дел Бошняка. Он — человек суровой наружности и в речах весьма осторожный. Около двух лет продолжалось мое с ним знакомство и, наконец, сделалось довольно тесно. Он знал, что я в дружбе с Давыдовым, и мнения мои, которые я нисколько не скрывал. В июне месяце протекшего года, в один вечер,

разговаривая со мною о различных предметах, он со слезами открыл мне, что желает быть участником людей, которые думают и желают свободы, что он в уединении поместья своего много занимается и пишет. Беседа наша сделалась откровеннее, и я тут же объяснил ему мою связь с Давыдовым и род моих занятий; тогда он объявил мне, что если в предприятиях наших нужны войска, он именем графа Витта предлагает содействие военных поселений, а уже гораздо после прибавил, что граф Витт второстепенным лицом быть не хочет и требует, чтобы все ему было открыто. В заключение просил, чтобы я его ввел к Давыдову в дом, и упредил меня, что если правительство что-нибудь откроет, то он отречется от всего, что мне ни сказал.

Все сие меня чрезвычайно смутило; увидев Давыдова, я передал слова Бошняка, на которые он отвечал мне, что знает его как agent provocateur *), однако позволил его к себе прислать и после первого свидания с Бошняком подтвердил, что он шпион, что ему ни в чем верить нельзя и что Давыдов с ним иначе ни видеться, ни говорить не хочет, как при мне. Таковое свидание было однажды в Златополе, и в продолжение оного я, кроме шуток от Давыдова, ничего не слыхал, чем г. Бошняк был недоволен и сказал мне, что графу Витту упорство начинает докучать. После сего я долго не видал Давыдова и, приехав в Каменку, нашел там кн. Барятинского; обоими был принят очень холодно, и, наконец, объявлено мне, что я ветренностью моею гублю Давыдова и всех, которые с ним связаны, на что я отвечал, что если я имел несчастие, неумышленно хотя, навлечь на них какую беду, то и разделять ее буду с ними». (Госархив. Разряд I. В. № 412, л. 15—15 об.)

7. «Не знаю, откуда г. Бошняк почерпнул об обществе подробности, кои мне решительно неизвестны; а еще менее понимаю, почему г. Бошняк избрал меня в жертвы оклеветаний своих. Никогда не слыхивал я о существовании средней, западной и кавказской вент, а говорил ему только о Южном обществе, коего начальником назвал полковника Пестеля. В С.-Петербурге я знал о бытии Н. Муравьева и не ведаю, была ли там какая устроена вента. Нелепость сего показания будет опровергнута всеми со мною знакомыми членами. Я уверен, что они против совести не скажут, чтобы я когда что-либо подобное сему об устройстве и разделении общества ведал». (Из ответов Лихарева на вопросы от 13 апреля 1826 г. п. 2а. Госархив. I. В. № 412, л. 33 об.)

8. «Как отвечать на обвинение, не имеющее никакого основания? Если окажется, что я знал о готовности хотя одного полка или одной роты, пускай на мне обрушится вся строгость законов. Неведение мое о подобных обстоятельствах столь далеко простиралось, что, зная, что полковник Швейковский принадлежит к обществу, я полагал его во 2 армии. Правда, что я назвал г. Бошняку подполковника Янтальцева как члена, но о роте его и не упоминал, ибо действительно не знаю, был ли хотя один из его офицеров принят в общество. Точно то же должен сказать о Харьковском драгунском полку». (Там же, пункт 2 б.)

9. «О генерале Ермолове я никогда ничего подобного не сообщал г-ну Бошняку и тщетно в памяти моей ищу отпечатков его обвинений». (Там же, пункт в.)

10. «Относительно генерала Трощинского я должен торжественно объявить, что другого отзыва о нем никогда не слыхал, как похвалы его благонамеренности, бескорыстия и преданности к престолу. В приведенных словах я вижу одно желание г-на Бошняка вредить генералу Трощинскому, который, мне известно, личный враг графа Витта. Я именно г-ну Бошняку говорил, что помянутый генерал Трощинский неприступен мнениям общества, хотя и имеет некоторое грубое **) просвещение». (Там же, пункт г.)

11. В пункте 3 вопросов 13 апреля 1826 г. Комитет спрашивал Лихарева: «Поясните, по общему ли правилу для членов, или по собственному соображению Вы произнесли свою угрозу». Лихарев отвечал: «Я не угрозу произнес коллежскому советнику Бошняку, а еще менее им приведенную; но правда, что, основываясь на отношении

*) Агента провокатора. *Прим. Ред.*

**) Так в оригинале. *Прим. Ред.*

о нем Давыдова, я сказал ему: «Говорят, что вы шпион; я сию должность почитаю наидостойнейшей презрения, и ежели Вы представляете таковое лицо, то гляжу на Вас как на последнего из людей». — Не смотря на все усилия г-на Бошняка сделать из меня заговорщика, вооружить меня ядом и кинжалами, одно справедливое негодование возмущает меня, но совесть моя покойна». (Там же, пункт 3.)

12. В ответах на вопросы Комитета от 1 февраля 1826 В. Л. Давыдов так рассказывает о первом своем свидании с Бошняком: «Единственное действие Лихарева было принятие помещика Бошняка, которого адресовал ко мне, не предваря о сем. Сей последний, приехав ко мне, объявил мне, что гр. Витту общество давно известно, что и поездку его ко мне он знает, предлагает войти в общество, обещает возмутить поселения и с 50 тысячами присоединиться к тем, кои поднимут оружие против правительства, что за сие требует только команду всей кавалерии. Несколько раз Бошняк приезжал, требовал объяснений, открытий и все, будто бы от гр. Витта, настаивал о начале действий, говорил, что нет другого спасения, как в возмущении, что все известно правительству и государь император получил донос на общество, что у Пестеля есть шпион в полку и тому подобное. Я не знал, что́ думать о сем; то полагал его чистосердечным, то агентом от гр. Витта или полиции; но держался более сего последнего мнения. В недоумении моем о сем-то единственно одном предмете писал я в целый год раз Пестелю через Фохта, коему содержание письма не было известно, и Пестель отвечал мне, чтобы я вел себя с Бошняком по собственному усмотрению. И я ограничился так, что старался избегать с ним свидания , не зная сам, что делать. О прочих подробностях, до Бошняка касающихся, Лихарев должен более меня знать». (Госархив. I. В. № 400, л. 25 об. Пункт 31 ответов на вопросы 1 февраля 1826.)

13. «Г-н Бошняк по принятии его Лихаревым приехал ко мне, извещенный, как я должен был полагать, обо всем, и я, устрашенный его принятием, как известно высочайше учрежденному Комитету, говорил ему то одно, то другое. Он же сам твердил беспрестанно о наискорейшем действии и говорил, что надобно истребить все, что́ может противиться введению республики, на что я раз отвечал ему, что я с ним согласен, но что мы одни с ним будем сего мнения, что другие не согласятся, готовы разойтись и тому подобное; я думал сим его провести. Мои разговоры с человеком, которого я почитал подосланным, были несвязны, наполнены противоречиями и доказывают, что я его боялся и не знал, что делать и говорить». (Ответы Давыдова на вопросы от 10 апреля, п. 3.)

14. «Я говорил ему, что по влиянию своему в сей губернии он может быть генеральным комиссаром во время революции. О сих комиссарах говаривал Пестель, как о нужных чиновниках в сие время для поддержания духа народного (pour soutenir l'esprit publique) в провинциях. А не слыхал я, чтобы в планах его было управление России сими комиссарами. У него были совсем другие предположения насчет внутреннего управления, которые я отчасти помню и о них скажу, а сие входило, по его словам, в число переводных мер». (Там же, пункт 10, 2.)

15. «Вот сие утвердительно могу сказать, что не говорил. Г. Бошняк знал не хуже меня, что я никаких полков возмутить не могу. Какие сии полки? где они были? и ездил ли я хоть в один из полков, кругом имения моего стоящих? Зачем вымышлять на несчастного и такие нелепости? не довольно г-ну Бошняку я кажусь виновным, чтобы пропасть, ежели не воззрит с милосердием государь император на раскаяние мое. Сколько я от него отмалчивался, он неумолимо возобновлял свои предложения, выведывания, и я не мог от него отвязаться». (Там же, пункт 8, 4.)

16. «Когда неоднократно твердя о начатии действий, г. Бошняк для побуждения будто меня дать знать управам о сем говорил, что все открыто и один способ к спасению есть поднятие оружия, я отвечал, что если начнут аресты начальников общества, то тогда решатся действовать, — о сем часто все мы говаривали, как об отчаянном средстве к спасению в упомянутом случае; но положено и соглашено сие не было, как и последствия оказывают. Когда Поджио меньшой сделал известное предложение кн. Волконскому о возмущении, не был ли я против сего и не имел ли я довольно рассудка, чтобы видеть, что в сем не спасение, а погибель и бо́льшему еще числу? Зачем

я все сие говорил Бошняку, я теперь понять не могу, почитая его подосланным нарочно для разведывания — смущение, в кое вводило меня всегда его присутствие, одно может истолковать сие». (Там же, пункт 10, 3.)

17. «Часто я видался с генералом Трощинским, но в прошлом году был только у него раз. Г. Бошняк весьма его не любил и старался выведать, принадлежит ли он обществу, как и о многих других особах чиновных; я сказал г-ну Бошняку, что генерал Трощинский и знать не знает — что́ совершенно и справедливо — об обществе и в таком деле никогда участия не примет; разве дело будет о Малороссии, прибавил я без всякого умысла, зная, однако, крайнюю привязанность его к своему краю. Но клянусь, что никогда не полагал, что он к чему-нибудь причастен был, и твердо в том уверен». (Ответы на вопросы от 10 апреля, пункт 7.)

18. «Господин Бошняк ошибается: я не предлагал ему никогда ехать в Кострому для сего предмета, а одобрял сие им самим сделанное предложение. Вот как он мне говорил: «Я здесь (в Херсонской губернии) ни влияния, ни знакомства не имею, но в Костроме, где я был предводителем дворянства и часто публично сопротивлялся мерам правительства, я имею вес и мог бы, ежели угодно обществу, туда ехать и учредить там управу» и проч. Я отвечал, что он очень хорошо сделает, но о деньгах ни слова не говорил, ибо, как должно быть высочайше учрежденному Комитету известно, денег и казны никакой в обществе не было». (Там же, пункт 10, 1.)

19. «Запрещения принимать генералов без разрешения управ никогда не бывало. Ежели я сие сказал Бошняку, то, верно, в ответ на беспрестанно возобновленное предложение его войти в личное сообщение с гр. Виттом и принять его. Года два тому я слышал от Бестужева, будто они приготовляют генерала Ридигера к принятию его в общество. Я о сем говорил кн. Волконскому и писал или говорил Пестелю, и сей последний остановил сие — вот все сие обстоятельство». (Там же, п. 10, 5.)

20. «Я в первых ответах имел честь донести, что действительно мне был сделан выговор за неосторожную доверенность к г. Бошняку, но совсем не от венты, а просто Давыдовым. Статистического описания Костромской губернии, чрез записку от полковника Давыдова, я вслед за первым свиданием требовал от г. Бошняка; но он от оного отказался.

Я бы мог привести в заключение некоторые обстоятельства, которые бы преданность г-на Бошняка могли сделать сумнительною, но не возвышу голоса против нечестия, которое обнаружится правосудием и упадет собственною тяжестью своею». (Ответы В. Н. Лихарева на вопросы от 13 апреля 1826 г., п. 4.)

21. «Очень может быть, что говорил сие (т.-е. о войне с Австрией) господину Бошняку. Всех разговоров с ним не упомню, ибо всякий раз, когда он ко мне адресовался, я видел себя на краю пропасти, почитая все его за подосланного агента. Он раз провел у меня слишком сутки и, как я ни старался переменить разговор, он все начинал то же да то же». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля 1826 г. п. 5. л. 61.)

22. «О генерале Киселеве, может быть, я и говорил сие г-ну Бошняку, но не помню хорошо. Он твердил всегда, что он предает общество, Волконского, Орлова, что имеет шпионов, которых наименовал мне. Я, может статься, и сказал сие, но без основания. Я никаких связей с генералом Киселевым не имею, но знаю, что он не только не причастен ни к чему, но не покровительствовал обществу и слышал, что он очень не любит Пестеля и подозревал его». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля 1826 г., п 7.)

7 марта Лихарев показал, что в 1825 г. в бытность его у генерала Раевского говорил С. Г. Волконскому, «что новые семейные обязанности запрещают ему участвовать в бреднях опасных». На что Волконский якобы отвечал: «Правда, любезный, и я также хочу совершенно изменить мое поведение. Киселев мне недавно сказал: — Напрасно ты впутался в худое дело; я советую тебе вынуть булавку из игры».— Спрошенный по поводу этого показания Лихарева, Волконский отвечал 9 марта: «Показания г-на Лихарева, навлекая ответственность не только на меня, но и на лицо

вовсе до тайного общества непричастного*), я взойду в подробное объяснение для означения того, чем мог дать повод Лихареву сделать заключение, хотя оное я признаю ложным и мною не сообщенным. Ген.-ад. Киселев не только в 1825 году, но с самого, могу сказать, начала служения моего во 2 армии, неоднократно отклонял меня входить в связи дружбы с Пестелем, как с человеком ненадежного *) в таковых сношениях, и в подтверждение удостоверял меня, что ему несомнительно известно, что по случившейся у меня личной ссоре с полк. Маиоровым он, Пестель, быв выбран мной в посредники, поджигал Маиорова. Он же, Киселев, во время моего посещения его в деревне советовал мне прекратить мои дружеские связи с Давыдовым, как с человеком, который, по неосторожности своих разговоров уже на замечании у правительства. Вот, что мне было сообщено г.-а. Киселевым, и, кажется, есть совет, единственно основанный на связи, 20 лет меж нами продолжающейся. Служба же и образ мнений г.-а. Киселева порукою, что, будь хоть малая была польза государственная, он бы пожертвовал дружбою для оной и что он не имел действии *) какого-либо понятия.

Что же касается до слов Лихарева показанным *), как будто бы мне Киселевым сказанным *), я об оных ему, Лихареву, никогда не сообщал, а им вымышлены, вероятно, с повода того, что я о смысле разговора Киселева о Давыдове сообщил Давыдову и Лихареву с тем, чтобы они воздержались от неосторожных разговоров, и объясняя им при сем случае, что, вероятно, сии слухи дошли чрез Витта до Киселева, который с Давыдовым не имел знакомства, и полагал *) удержать их тем от дальнейших сообщений с Бошняком.

В заключение еще объясню, что ежели Киселев бы знал, «что я запутался в худое дело», то советом отделиться от оного он бы не дал бы возможности оградить меня от ответственности.

Я уверен, что объяснил по точному чистосердечию». (Ср. «Записки» С. Г. Волконского. СПБ. 1901, стр. 425.)

23. «Теперь следует обвинение, заключающее в себе столько клевет, сколько слов. Я покорнейше прошу очной ставки с п. Пестелем, и если окажется, что исключая статьи, мною о военных поселениях написанной, и то не по личному требованию Пестеля, а по переданному мне Давыдовым и бытия у него однажды с Давыдовым же, проездом нашим в Киев, где ничего об обществе говорено не было, я с Пестелем хранил какие-либо связи или сношения, — я отвечаю моею жизнию.

Если принятие г-на Бошняка, которое сделано чрез мое посредство, может быть названо величайшею услугою обществу и поводом к величайшей доверенности, то я от оного не отрицаюсь; впрочем, я никакого участия в действиях общества не имел». (Ответы Лихарева на вопр. пункты от 13 апреля 1826, п. 2, д.)

...«Когда я объявил Пестелю, что Лихарев принят в общество, полковник Пестель поручил мне просить его написать что-нибудь о военных поселениях по сведениям, которые, служа в оных, он иметь должен. Лихарев сие исполнил, описал, что он знал, говоря против сего учреждения, о большом роптании и неудовольствии поселян. Я читал раз сию бумагу, которая состояла из нескольких маленьких листков. Дух сего малого общества (сочинения? *Ред.*) был в смысле общества, написано оно высоким слогом и, по-моему, сколько помню, ничего ни важного, ни обстоятельного не содержало. ...Полк. Пестель сию бумагу, кажется, давно уже сжег». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 16 февраля, п. 9, дело № 400, л. 35.)

24. «Я не припомню, точно ли приведенные г-ном Бошняком слова употребил я, говоря с ним; но весьма легко может быть, что я сказал ему, что общество между членами своими считает людей достойных и отличных, ибо действительно я большую часть мною названных почитал таковыми». (Ответы Лихарева на вопросы от 13 февраля, п. 2, е.) Пункт ж. тех же вопросов был формулирован так:—«Поясните, кто именно были сии 40-летние пламенные полковники, какой работы они требовали и от кого?»— Лихарев отвечал: «Г-н Бошняк нашел средство излить яд на самые невинные мои выра-

*) Так в оригинале. *Прим. Ред.*

жения. Я говорил ему, что общество не из одной молодежи составлено, но что в оном есть люди 40 лет. Но ни о какой работе, требуемой таковыми лицами, не упоминал и не ведаю, что г. Бошняк здесь подразумевает».

25. «Не знаю, как пришло в голову г. Бошняку вспомнить об обеде, о котором я говорил ему с удовольствием, не помышляя, чтобы сие когда-либо сделалось обвинительною против меня статьею; ибо ежели обед сей имел что преступное, то это была веселость гостей. Но из 5 генералов и 30 полковников составил его г. Бошняк. Я очень ясно помню, что на оном присутствовали полковники: Швейковский, Пестель, Тизенгаузен и Враницкий, братья Поджио, генерал Александр Давыдов, Василий Давыдов и я, который в теплых сапогах ходил по комнате, ибо был нездоров и за стол не садился. Я твердо уверен, что об обществе тут ни единого слова выговорено не было». (Там же, п. 2-й, з.) —«На контрактах обедали у меня, правда, несколько членов общества. Вот кто был на сем обеде и что на нем происходило. Обедали Пестель, Юшневский и еще три полковника: Враницкий, Швейковский, с коим я тут и познакомился, и Тизенгаузен, которого я тоже мало знаю, кн. Барятинский; и брат мой был почти все время тут, почему и легко можно поверить, что политического разговора никакого тут не было. (А. Л. Давыдов не был посвящен в дела общества. *Ред.*) После же обеда полковник Пестель взял в сторону Швейковского и рассуждал о возобновленном предложении Муравьева действовать. Я раза три подходил к ним и говорил против сего; мое мнение сие совершенно разделял Швейковский, и Пестель на оное соглашался. Сие мнение было также и Юшневского. После сего несколько дней все выше именованные лица были в Василькове у Муравьева; что там происходило, точно не знаю, но слышал от Пестеля, когда видел его в прошлом декабре у Волконского, что Муравьев крепко стоял в своем намерении и что уже Швейковский подавался на его сторону, но не Юшневский. Чем кончилось, не знаю». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля, п. 8.)

26. «По случаю последней поэмы Рылеева «Войнаровский» я говорил, что люблю стихи его и что в творце полагаю пламенное сердце; но не ведал даже, что он принадлежал к обществу; Бестужева знал как редактора «Полярной Звезды». Н. Муравьева называл как принадлежащего обществу, но не пылким заговорщиком, ибо я его совершенно не знаю. Также не ведаю, что хочет сказать г-н Бошняк о Балтийском флоте». (Ответы Лихарева на вопросы от 13 февраля, п. 2, и.)

27. «Происшествие об адмирале Синявине рассказываемо было во всех гостиных, и я не помню, где и когда оное слышал. Достоверно, что я не почитал оного за тайну и что г-н Бошняк оное знал, как я. К чему бы послужила мне утайка о сем обстоятельстве? Ответ адмирала был следующий: «Ищите, я не писатель, но воин!». Г-н Бошняк опять обезобразил приведенные мною слова». (Там же, п. 2, і.)

28. «О предложении графа Витта генералу Киселеву я ничего не знаю; но г-н Бошняк говорил мне, напротив, что генерал Витт имел поручение многих захватить, но оного не сделал, в чем я ему не поверил». (Там же, п. к.)

29. «О генерале Лисаневиче сказывал в Петербурге Матвей Муравьев, как о человеке приготовленном и почти принятом, кем— не знаю. Генерала Ермолова, который мне брат двоюродный, я не думал бранить и называть изменником. Сие было бы без всякого смысла; но когда старался выведать г-н Бошняк о нем, я сказал, что общество на него не надеется и называют его un homme asiatique». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля, пункт 10, 8.)

22 декабря 1825 года бар. Дибич писал из Таганрога Николаю I по поводу подозрений на Ермолова: «Из словесного объяснения графа Витта знаю я, что зломыслящие, выхваляя прежде генерала Ермолова при всяком случае, весьма охладели насчет его в последние годы, что по некоторым вероятностям дает заключение, что они не нашли в нем желаемого». (Шильдер. «Николай I», т. II, стр. 22.)

30. «Господин Бошняк, говоря о генерале Сиверсе и полковнике Шварце, хотя и весьма слегка, сказал, что они могут быть приняты в общество, по известным, вероятно, ему их мнениям, ибо я на сие пояснений от него не потребовал. Может быть,

сим предложением искушал он собственные мои мысли, но я уже имел честь донести, что об обоих сих господах совершенно ничего не ведаю». (Ответы Лихарева от 7 марта, дело № 412, л. 25.)

31. Об отношениях Бошняка к Витту и его настроении во время болезни гр. Витта Лихарев в показании от 7 марта 1826 г. говорит: «Помянутый же г. Бошняк, кажется, весьма близок к генералу Витту. Мне известно, что он часто по целому месяцу с графом не разлучается и живет в его доме. Когда г. Витт возвращается из какого путешествия, немедленно за Бошняком посылает курьеров; да во время последней болезни графа Витта Бошняк, быв в отчаянии, говорил мне, что судьба графа сзязана с его судьбою, и что связь их такого роду, что разорваться не может; что за погибелью одного последует погибель другого; что он правит всеми делами графа и знает все его тайные помышления. Бошняк говорил мне о намерениях его вступить в военную службу в военных поселениях, но исполнил ли он ее, не знаю.

Сии сношения давно мне казались таинственными, и если я умолчал об оных, то потому, что полагал оные к настоящему делу неприкосновенными, а только лично до г. Витта и Бошняка принадлежащими».

МАРКСИСТСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1896—1906 г.г.

Восстанавливать историю русской марксистской мысли, особенно на первых ее порах, крайне трудно. Зарождалась и развивалась она в нелегальных и полулегальных кружках, среди людей, гонимых и преследуемых самодержавием. По конспиративным условиям, из опасений ареста, многое не записывалось, многое уничтожалось, многое хранилось только в памяти отдельных лиц, а то, что осталось, или затеряно, или забыто.

Восстанавливать же эту историю необходимо, потому что она тесно, органически, связана с российским рабочим движением, с развитием РС-ДРП, в частности с большевизмом, совершившим величайший в мире переворот, создавший РКП (б.) и Коммунистический Интернационал.

Революционный пролетариат всего земного шара становится под знамя ленинизма, и мы должны исследовать все источники, большие и малые, которыми питалась гениальная мысль тов. Ленина. Необходимо ясно и отчетливо видеть пройденный путь и осознать, осмыслить трудности и препятствия на нем, которые были не только со стороны враждебной, народнической, либерально-демократической и реакционной, но которые таились и развивались внутри нас, внутри марксизма, которые одну и большую часть первых марксистов толкнули в лагерь буржуазии, в лагерь врагов революционного пролетариата.

Восстановить историю первых шагов русского марксизма—обязанность нашего поколения, последующие не разберутся в разрозненных и отрывочных документах и не расшифруют их.

Всякий материал, даже и тот, который вышел из-под пера врагов марксизма и людей, плохо разбирающихся в марксизме, имеет свою определенную цену и может пролить свет на отдельные стороны в истории русской марксистской мысли.

Предлагаемые «очерки» о марксистской периодической печати за 1896—1906 г.г. составлены по архивным материалам цензурного ведомства и представляют несомненный интерес, поскольку вскрывают, как правительство зорко следило за первой марксистской печатью, на что особенно оно сбращало свое внимание и какие принимало меры, защищаясь от революционной мысли. Особенно интересны они будут историкам легального марксизма.

Документы показывают, что за легальным марксизмом довольно зорко следил и департамент полиции, и если удастся разыскать его документы, многое станет понятным и ясным. Конечно, все эти документы потребуют серьезной проверки и многих исправлений и тут должны помочь воспоминания тогдашних деятелей или лиц, близко соприкасавшихся с ними. К сожалению, эти воспоминания появляются редко. А они необходимы.

Больше всего привлек к себе внимания «Самарский Вестник». Относительно него писал П. Маслов [1]), Н. Самойлов [2]), А. Санин [3]), и другие [4]).

Интересующихся этим моментом в развитии русского марксизма мы отсылаем к указанным статьям. Здесь же напомним, что «Самарский Вестник» окончательно перешел в руки марксистов 12 октября 1896 года и просуществовал до 16 марта 1907 года. Редакция этой первой легальной марксистской газеты состояла из марксистов П. Маслова, А. Санина, Р. Циммермана, В. Португалова, за отъездом в Петербург Санина в редакцию вошел Т. Семенов. Немарксистскую часть составляли писатель Н. Гарин ((Михайловский), человек неустойчивый, временами сочувствовавший и помогавший марксизму, А. Клафтон, определенный либерал, Н. Реутов и Е. Валле-де-Бар, оба в сущности люди беспринципные, и, наконец, К. Разуваев. В составе сотрудников «Вестника» числились: П. Струве, М. Туган-Барановский, П. Скворцов, Н. Федосеев, В. Голубев, В. Ионов, И. Керчикер, А. Потресов, А. Скляренко, Н. Подбельский, А. Матов, М. Григорьев, Е. Чириков и другие. Участвовал в газете и Г. Плеханов. За подписью П. Бочарова он дал статью «Нечто об истории». Теперь она перепечатана в VIII томе его сочинений. В домарксистский период в «Вестнике» была, как утверждает А. Санин, помещена статья тов. Ленина по поводу просветительной утопии Южакова. Помещена она была фельетоном и подписана К. Т-ин, т.-е. К. Тулин. Эта статья не вошла в собрание сочинений тов. Ленина и даже не значится в списке неразысканных (см. том. I, 447 стр.). Относится она к 1895 году. Возможно, что были еще статьи. Упоминаемый в очерках Сашин — это Клафтон, язвивший своими фельетонами «Наши Нравы», А. С. — Алексей Санин, Н. П-ий — Н. Подбельский, псевдоним «Rig» еще не раскрыт.

М. Елизаров предполагал в «Самарском Вестнике» напечатать работу тов. Ленина «Что такое друзья народа», распространяемую в гектографированном виде. Но это не удалось. Не нашлось экземпляра, с которого можно было бы перепечатать.

Душою «Самарского Вестника» был П. Маслов.

---

[1]) «Дело». Москва, № 1, 1917 г.
[2]) «Пролет. Революция». Москва, № 7 (30), 1924 г.
[3]) «Пролет. Революция». Москва, № 12 (35), 1924 г.
[4]) Вскоре должна появиться в «Красной Нови» статья Н. Ангарского.

Когда вышла 1-я книжка петербургского марксистского журнала «Новое Слово» (1897, IV) под редакцией П. Струве, М. Туган-Барановского, А. Калмыковой и В. Поссе, редакция «Вестника» восстала против программной статьи журнала, сводившей марксизм к либерализму. Статья эта не появилась и, кажется, не сохранилась. Газета была закрыта.

В то время, как самарская цензура относилась к «Вестнику» довольно милостиво, в главном управлении по делам печати за ним наблюдал член совета г. Донауров, который ясно сознавал, куда газета ведет линию. Он видел «мрачное воззрение на современный общественный строй в России и явное тяготение редакции к совсем иным социальным порядкам». Его беспокоили также и материалистические тенденции мировоззрения. Возможно, что газета просуществовала бы еще некоторое время, тем более, что самарская цензура, несмотря на указания главного управления, все же не была «на должной высоте». Когда же «Новое Слово» стало марксистским, главное управление уже не могло терпеть двух марксистских органов, и «Самарский Вестник» был закрыт.

В 1904 году, когда я был выслан под надзор полиции до суда в город Владимир, там я встретил В. В. Португалова, который рассказывал много интересного из этого самарского периода жизни. Жаль, что все это он хранит при себе и не передает истории. Одно хорошо помню. Это то, что отдельные марксисты из «Вестника» вели в Самаре какие-то марксистские кружки и, насколько припоминаю, сам В. Португалов имел кружок, в котором он читал и комментировал первый том «Капитала».

«Новое Слово» под марксистской редакцией выходило с апреля 1897 года по ноябрь 1898 года. В журнале сотрудничали: Н. Ленин (К. Тулин), В. Плеханов (Н. Каменский), Л. Мартов (А. Егоров), В. Засулич (В. Иванова), Череванин, В. Булгаков, А. Изгоев, П. Струве, М. Туган-Барановский, В. Вересаев, М. Горький, Е. Чириков и другие.

Тов. Ленин поместил свою работу «К характеристике экономического романтизма». Тов. Плеханов — «Судьбы русской критики», «Наумов Н. И.», «О материалистическом понимании истории» и другие.

На страницах этого журнала Ленин отмежевывался от легального марксизма и пользовался журналом вместе с Плехановым лишь как местом для открытой пропаганды марксизма и борьбы с народничеством и с ревизионизмом в марксизме.

Направление журнала главному управлению не вполне ясно было. Конечно, оно отдавало себе точный отчет, что журнал марксистский, но оно еще не отмечало в нем революционной струи от оппортунистической, хотя Струве уже подготовлял пути к отступлению на позиции либерализма. Управление и отдельные его чиновники обращали большее внимание «на задорный тон, на резкость выражений»,

«на резкую оппозицию к администрации, переформированному земству, церковно-приходским школам», «на вопросы труда в различных его формах, борьбу парламентских партий, победы социалистов и пр.». Эти статьи, главным образом, сокращались и изымались. Впрочем, управление великолепно подметило, что беллетристика и другие части журнала были прекрасным иллюстрирующим материалом для теоретических положений Маркса. «Даже в статье «Юбилейная выставка Беклина (художника) в Берне» и то затронут вопрос о товарно-капиталистическом производстве и роли современной буржуазии»,— писал цензор Елагин.

Курьезно указание М. Соловьева, начальника главного управления, министру Дурново, что «марксизм подает руку так называемому экономическому материализму, как основному якобы принципу при изучении истории, проповедниками которого являются у нас гр. Л. Толстой, пр. Милюков, Эрисман, Исаев и др.». Если писания последних давали кое-какой повод причислять их к марксистам, то уже зачисление по этому штату Л. Толстого говорит о полной безграмотности главного управления. Не говорим о более сложных вопросах: о марксизме и экономическом материализме.

Из упоминаемых в материалах лиц обращаем внимание на Владимира Сыцянко, Сергея Горюшина и Дмитрия Солодовникова. Они почти неизвестны. Сыцянко был талантливый химик, учился за границей и помогал русской социал-демократии, Горюшин работал в московской организации в 1894—95—96 г. г. Оба они умерли. Д. Солодовников помогал социал-демократии. В 1918 году он жил в Рязани.

«Общество свободных студентов» в Цюрихе было организовано с целью объединить передовое студенчество и все лучшее из него привлечь к социал-демократии.

Упоминаемая повесть «Инвалиды» принадлежит Е. Чирикову.

После закрытия «Нового Слова» с января 1899 года начал выходить журнал «Начало» под редакцией Струве и Туган-Барановского. В нем принимали участие: Ленин (В. Ильин), Плеханов (Андреевич, Н.) П. Маслов и другие. Считаем нужным исправить не совсем точную редакцию тов. В. Невского в его «Очерках по истории РКП (б.)», том I. На стр. 401 у него сказано, что журнал закрыт на пятой книжке, это не совсем так. На пятом номере и на четвертой книжке потому, что первая книжка вышла двойным номером январь — февраль. Апрельская книжка была арестована, так что вышло в свет всего только три книги. В № 4 была помещена статья Плеханова «Об искусстве». Так как книжка не увидела света, то Плеханов перепечатал свою статью в «Научном Обозрении» М. Филиппова.

Такая свирепость к «Началу» объясняется тем, что в журнале «вопросы экономического характера отступают на второй план, а на первый план выдвигаются вопросы политической борьбы», что «провоз-

глашаются начала социальной революции, проповедуется разложение современной семьи во имя ее грядущего обобществления, излагаются взгляды, не совместимые с христианским учением, дискредитируется современный административный и государственный строй управления». И как было не беспокоиться, когда «каждая новая книга этого журнала ярче и убедительнее открывает не только правительству, но и читателям, что участники журнала составляют кружок не литературный, а социально-политический и цели преследуют прямо революционные, ибо подрывают основы нашей государственной, религиозной, общественной жизни. Их сфера — смута, иносказание, намеки, недомолвки; их надежды — на стачки, организованные протесты; их сочувствие — на стороне народных бедствий, голода, неурожая, обезземеления и разорения масс; их вера — в царство пролетариата на развалинах веками труда и гения народного выработанного строя». Журнал был закрыт 22 июня 1899 г., при чем постановлено было «Начало», как орган «боевой группы марксистского направления», изъять из обращения в библиотеках и читальнях.

Боевой тон журнала совершенно заслонил перед главным управлением линию расхождения внутри марксизма. Ее никто не заметил из правительства.

Журнал «Жизнь» был менее ярким, чем его предшественник, пользовался он успехом, главным образом, из-за беллетристики. В области социально-политической журнал носил явно бернштейнианский характер, настолько явный, что цензор Елагин, характеризуя журнал, писал: «Жизнь»,—орган несомненно марксистский, но потерявший в настоящее время свою остроту не только в силу цензурных условий, а главным образом потому, что самое движение за границей значительно смягчилось, благодаря трудам Бернштейна и других «постепеновцев». Так или иначе, успех, достигнутый журналом «Жизнь», объясняется вовсе не вопросами теории, о которой громадное большинство русской публики имеет весьма смутное понятие, а отделом беллетристики, где самую видную роль играет Максим Горький с идеалами босячества. Свежий талант и реклама сделали свое дело».

Эта характеристика журнала глубоко правильна. В 1900—1901 годах нам приходилось в публичной библиотеке одного губернского города внимательно перечитывать книжки «Жизни». Почти все социологические статьи были не разрезаны, а беллетристика зачитана до грязи. Этот журнал широко ходил среди педагогов гимназий и даже духовных семинарий. Закрыт журнал благодаря вмешательству департамента полиции 8 июня 1901 г., начав существовать с конца 1896 г.

В материалах о «Научном Обозрении» М. Филиппова обращает внимание докладная записка редактора начальнику главного управления, в которой он подобострастно пишет, что марксизм, — «единственный источник моего разногласия с цензурным ведомством», — исчез и слезно просит защитить его имущественные интересы. Не ка-

саясь нравственной стороны, необходимо отметить следующее. Филиппов пишет, что уже с 1899 года он осознал, что марксизм идет к кризису, а между тем в № 6 своего журнала за 1900 г. он поместил статью Плеханова (Кирсанов) «Письма без адреса» («Еще об искусстве у первобытных народов»). Журнал умер естественной смертью вместе со смертью своего редактора.

«Мир Божий», возникший в 1891 году, как научно-популярный и литературный журнал для юношества, выходил сначала под редакцией педагога В. П. Острогорского. Постепенно расширяя программу, он стал печатать статьи Струве, польского марксиста Л. Кржывицкого, М. Туган-Барановского, который дал на страницах журнала «Очерки по истории политической экономии», П. Милюкова с его «Очерками по истории русской культуры» и т. п. В 1902 году редактором становится известный знаток западной литературы Ф. Д. Батюшков. Во главе беллетристики и критики становится марксист, правда своеобразный, Богданович. Там же писал — М. Неведомский; Якубович и Тан помещают свои стихи. Пролетарский писатель А. Бибик, известный своим романом «К широкой дороге», прислал в журнал свой, кажется первый, рассказ «Приятели» (недавно вышел в «Библиотеке современной русской литературы» Госиздат). Совершенно правильно замечание цензуры, что «в «Мире Божьем» только изредка слышны слабые следы этой доктрины», т.-е. марксизма. «По направлению это журнал либеральный. Это, конечно, не «Русская Мысль» П. Струве, но цензура по существу была права. Журнал был закрыт в 1906 году. Вместо него стал выходить «Современный Мир».

Журнал «Правда» выходил в Москве с января 1904 года книжками необычайного, длинноватого формата. В нем, как и в «Жизни» хорошо был поставлен художественный отдел. М. Горький, Скиталец, А. Бунин, Н. Телешев, Е. Чириков, Л. Андреев, Елпатьевский, — все эти писатели, пользовавшиеся в то время большой любовью и популярностью, печатались в «Правде». Научная и философская сторона журнала была представлена А. Богдановым (А. Малиновским) и А. Луначарским. Сотрудничали в журнале историки-марксисты—М. Покровский и Н. Рожков. Политические устремления редакции сказывались главным образом в «Обозрениях», которые писали, по замечаниям цензуры, в социал-демократическом направлении. Вели этот отдел П. Румянцев и М. Лунц. Иначе цензура и не могла говорить, так как «Правда» настойчиво повторяла слова Плеханова, что в России «освободительное движение восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует».

Официальным редактором-издателем числился В. Кожевников, сочувствовавший в то время, как и многие другие, марксизму. Он дал и деньги на журнал. Фактическая редакция состояла из А. Богданова, П. Румянцева, Н. Рожкова, М. Лунца, статьи которого поме-

щались также и в «Русских Ведомостях», И. Бунина, который самостоятельно вел художественный отдел, и В. Кожевникова. Журнал носил по преимуществу художественно-научно-философский характер. Непосредственно с партией не был связан. В этом журнале русский читатель впервые был ознакомлен с философией И. Дицгена. В конце 1904 года в редакции начались разногласия. Смущал марксистов И. Бунин, который придавал своему отделу пессимистически-скептический характер и тем самым шел вразрез с другими отделами журнала. Поддерживал его В. Кожевников. Затем, ввиду нападков цензуры на «Обозрения» и в целях сохранения журнала, В. Кожевников настаивал на замене П. Румянцева. Марксисты заявили, что они вошли в редакцию группой и группой уходят из нее. В. Кожевников обратился к меньшевикам, но, очевидно, с ними не ладилось дело, он снова завязал сношения с прежней редакцией, но она была уже занята другими делами и в журнал не вернулась. Впоследствии В. Кожевников за свой журнал довольно долго сидел в тюрьме.

Цензор, просматривавший журнал, не раз заявлял: «очень уж увлекательно пишет у вас Луначарский; зачитаешься, забудешь о цензуре и все пропустишь».

Из данного введения к «Очеркам» читатель видит, что марксистская мысль, начиная с «Самарского Вестника» и кончая «Началом», т.-е. с 1896 года по 1899 год, завоевывала общественное внимание все шире и шире, распространяя свое влияние особенно среди интеллигентной молодежи. После, когда легальный марксизм в лице Струве и Туган-Барановского встал на позицию Бернштейна, за границей создан был журнал «Заря», в котором Ленин, Плеханов, Засулич, Мартов и другие отстаивали позицию революционного марксизма. В нем Плеханов подверг широкой критике Струве, дав в № 1 статью «Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития». Ни «Научное Обозрение», ни «Жизнь», ни тем более «Мир Божий» ни в какой мере не могли удовлетворять революционное крыло марксистской мысли, да и выступать в них вместе с ревизионистами, да еще начинавшими склоняться к либерализму, было прямо-таки неприлично и вводило бы в заблуждение читателя.

Во времена «Самарского Вестника», когда между марксистской редакцией и сотрудниками Струве и Туган-Барановским возникли разногласия по поводу выступления последних в Вольно-Экономическом Обществе по вопросу о значении хлебных цен для народного хозяйства, как рассказывает Л. Мартов [1]), тов. Ленин принял все меры,

---

[1]) Ю. Мартов «Записки социал-демократа». Книга первая. 327—331 стр. Отрывок перепечатан в I томе сочинений В. И. Ленина (Ульянова), 453 стр. «Письма к П. Маслову и Л. Мартову о ценах на хлеб».

Мартов называет Португалова «В. О.». Эти инициалы перенесены и в сочинения тов. Ленина. Португалов из «Самарского Вестника» назывался «В. В.». Инициалы «В. О.» (Вениамин Осипович) принадлежат его отцу, который умер в

чтобы перед фронтом врага не показывать своих разногласий и выступать сплоченно. После же закрытия «Начала» было ясно всем, что марксистская мысль разбилась на ортодоксальную и ревизионистскую, выступать вместе было нельзя, так как это означало бы известную солидарность [1]).

Валерьян Полянский.

1896 году, на седьмом десятке лет своей жизни. Португалову же из «С. В.» тогда было всего 23 года, как пишет А. Санин. Ясно, что речь идет о сыне. Ошибку Мартова надо исправить. Вениамин Осипович марксистом не был.

Предлагаемые ниже «Очерки» составлены сотрудниками 1-го отд. историко-культурной секции единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) С. В. Любимовым («Самарский Вестник, «Новое Слово», «Жизнь», «Мир Божий» и «Правда») и Н. А. Меньшиковым («Начало» и «Научное Обозрение») под руководством управляющего Отделением А. С. Николаева).

[1]) Очерк о деятельности «Самарского Вестника» составлен по делам II отделения главного управления по делам печати, 1875 г., № 6 «по изданию в Самаре газеты «Самарский Вестник», части I и II, и 1896 г., № 139, «с заявлениями члена совета действительного статского советника Донаурова». Материалом для обзора «Нового Слова» служили — дело № I отделения главного управления 1893 г., № 36 «по изданию г. Баталиным в С.-Петербурге журнала под названием «Новое Слово» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1893 г., № 149, «по издаваемому Баталиным подцензурному журналу под названием «Новое Слово»; для журнала «Начало» — дело I отделения главного управления, № 86 «по ходатайству г-жи Воейковой о разрешении ей издавать в С.-Петербурге без предварительной цензуры журнал под названием «Начало» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1899 г., № 8 «по бесцензурному журналу под названием «Начало». Очерк журнала «Жизнь» составлен на основании дел — I отделения главного управления 1896 г., № 17 «по ходатайству г-на Воейкова о разрешении ему издавать в С.-Петербурге журнал «Жизнь» и СПБ-ского цензурного комитета 1896 г., № 120 «по подцензурному журналу под названием «Жизнь», издаваемому колл. сов. Воейковым под его же редакторством. Для «Научного Обозрения» служили дела — I отделения главного управления 1893 г., № 25 «по издаваемому г. Филипповым в С.-Петербурге журналу под названием «Научное Обозрение» и СПБ-ского цензурного комитета 1893 г., № 126 «по издаваемому М. М. Филипповым подцензурному журналу под названием «Научное Обозрение». Материалом для обзора журнала «Мир Божий»— являлось дело I отделения главного управления 1891 г., № 20 «по изданию г-жею Давыдовой в С.-Петербурге журнала под названием «Мир Божий» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1891 г., № 84 «по изданию подцензурного журнала для юношества под названием «Мир Божий», научно-литературный и популярный журнал для юношества и самообразования». Обзор «Правды» составлен по делу I отделения главного управления 1903 г., № 14 — «об издании в г. Москве журнала «Правда». Все указанные материалы хранятся в Ленинградском отделении Центрархива.

I.

«Самарский Вестник».

Старейшим представителем марксистской периодической печати является газета «Самарский Вестник». Орган этот, возникший с конца 1892 г. в далеком от центров умственной жизни приволжском крае, первый (с 1896 г.) полностью предоставил свои страницы новому учению и служил первым проводником марксистских идей в то время, когда в столичных журналах («Русское Богатство», «Русская Мысль») они отражались лишь изредка, эпизодически. Подчиненный невежественной вице-губернаторской цензуре, ютясь в отдаленном углу России, искусно минуя в продолжение довольно значительного времени цензурные Сциллы и Харибды, «Самарский Вестник» сумел Объединить вокруг себя фалангу деятельных марксистских работников, вошедших впоследствии в ряды сотрудников «Нового Слова», «Начала» и других изданий, посвятивших себя изложению и развитию основных законов диалектического материализма.

История возникновения «Самарского Вестника» такова. Еще с 1875 г. в Самаре издавалась небольшая, выходившая 3 раза в неделю, газетка под названием «Самарский Вестник Объявлений». Газета эта обслуживала местные мелкие интересы губернского города и влачила незаметное существование.

В конце 1892 г. ее приобрел местный богатый землевладелец, Н. К. Реутовский [1]). Реутовский учился в СПБ-ском университете, но курса, «по независящим обстоятельствам», не кончил. С 1886 по 1890 г. он был выборным мировым судьей у себя на родине, а в 1891 г. был избран почетным мировым судьей и гласным самарской губернской земской управы. В 1889 г. Реутовский съездил за границу и там, вероятно, лично вошел в сношения с русской эмиграцией. Надо предположить, что среди самарского дворянства Реутовский пользовался весом и авторитетом, так как, будучи уже редактором «Самарского Вестника», он был избран в предводители дворянства Бузулукского уезда. Приобретя в собственность «Вестник Объявлений», Реутовский изменил его название на «Самарский Вестник», расширил его программу, увеличил размер и сделал его ежедневным изданием. Этими мерами он сразу поднял «Самарский Вестник», — в первый же год своего существования газета эта имела 600 подписчиков, что для провинциального органа печати того времени может считаться значительной цифрой. Излишне прибавлять, что, подобно всем провинциальным изданиям, «Самарский Вестник» являлся газетой подцензурной.

---

[1]) За ним в пределах самарской губ. числилось более 5.500 душ.

Местная самарская администрация сочувственно встретила появление «Самарского Вестника», думая почему-то найти себе союзника в лице его редактора. «Издаваемые здесь две газеты «Самарская Газета» и «Самарский Вестник», — писал главному управлению по делам печати самарский вице-губернатор Рогович в 1893 г., — представляют собой два отдельных направления. Первое и старейшее местное периодическое издание, «Самарская Газета», хотя и редактируется вполне прилично, но по своим традициям не может отрешиться от рутинно-либерального пошиба, свойственного многим органам нашей провинциальной печати и заключающегося в скорбном и беспредельном преклонении перед так называемыми «заветами 60-х годов». Такое отношение к жизни, исключительно с точки зрения идеалов прошлого, кладет на «Самарскую Газету» отпечаток тенденциозности и односторонности. Противодействие такому направлению лучше всего достигается посредством издания другой газеты, которая, веря в разумность хода общественной жизни, проводит в печати более светлые и практические взгляды. Такой газетой является издаваемый г. Реутовским «Самарский Вестник». Г. Реутовский, как бывший студент петербургского университета, местный дворянин и землевладелец, служивший в судебно-мировых и земских учреждениях, не заражен узостью взглядов, свойственных доктринерам 60-х годов: он не будет выискивать недостатки деятельности отдельных земских начальников и злорадствовать по поводу ошибок этих должностных лиц, которые, по мнению доктринеров, не хороши потому, что заменили собой прежних мировых судей и мировых посредников; он также не склонен сетовать о том, будто издание нового земского положения явилось отступлением от каких-то незыблемых основ земского самоуправления и т. п. Относясь к вопросам общегосударственной и местной жизни без предубеждений и предвзятых мыслей, г. Реутовский стремится придать своей газете не столько общественно-политический, сколько хозяйственный и земледельческий характер. При таком направлении газета г. Реутовского, издаваемая им если не очень талантливо, то во всяком случае очень добросовестно, по моему мнению, полезна и заслуживает поддержки...» [1]).

Из этого отзыва видно, куда было направлено внимание губернской цензуры и как плохо разбиралась она в «общественно-политических и хозяйственных» вопросах. Так или иначе, но «Самарский Вестник» не долго пользовался сочувствием администрации, и вице-губернатору скоро пришлось горько каяться в своем первоначальном отзыве. Невежественные и плохо осведомленные губернские чиновники, цензуровавшие «Вестник», неясно усваивали себе сущность помещавшихся в нем статей. Зато главное управление обратило особое внимание на издание Реутовского. В 1896 г. наблюдавший за провинциальной прессой член совета главного управления Донауров докладывал начальнику главного управления Соловьеву о «Самарском Вестнике»: — «почти в каждом отделе, будь то экономическая статья, фельетон, повесть или даже театральная рецензия, проглядывает крайне пессимистическое и мрачное воззрение на современный общественный строй в России и явное тяготение редакции к совсем иным социальным порядкам. Отмеченные мною статьи следующие:

В № 243 — «Новые слова» и театральная рецензия о пьесе «Madame Sans Gêne».

В № 245— «Скиталец земли русской» и фельетон «Наши нравы. Язва времени».

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1875, № 6, ч. 1.

В № 247 — «Журнальные отголески» и специально переделанная для «Самарского Вестника» повесть «Перемена».

№ 248 — «Наши нравы. Фабрика ангелов» [1]).

Одновременно с этим чиновник особых поручений при главном управлении Уманец докладывал, что «Самарский Вестник» продолжает упорствовать в замеченном уже в этой газете вредном направлении, являясь рассадником социальных идей в Поволжьи. Так, в помещенном в № 53 означенной газеты фельетоне под общей рубрикой «Наше общественное настроение» и особым, очень невинным с первого взгляда, заголовком «Ученье—свет, а неученье—тьма», автор, скрывающийся под подписью «Rigo», старается доказать вред, происходящий от грамотности, распространение которой находится в руках земств, ограничивающих ее обучением грамоты и предупреждающих, что всякие попытки «к проведению каких бы то ни было идей должны быть неукоснительно несслабно искореняемы». Это вполне разумное положение вещей печально, по мнению фельетониста, и дело изменится де к лучшему только тогда, когда грамота «обратится против теперешнего своего ходатая и заступника»: тогда де ей можно будет дать «другую оценку». Между довольно ловко замаскированными намеками фельетона усматривается, при внимательном чтении, следующая основная мысль автора: как жаль, что народ обучается грамоте по благонамеренным книжкам, для него было бы несравненно полезнее иметь в руках иные книги... Нетрудно догадаться, к а к и е книги желал бы видеть в руках народа автор рассматриваемого фельетона. Попутно в статейке встречается выходка против чтения псалтири» [2]).

В следующем, 1897 г., Донауров вновь бьет тревогу относительно «Самарского Вестника». — «Я уже имел честь обратить внимание Вашего превосходительства,— пишет он начальнику главного управления,—на общее вредное направление, неоднократно проявляемое порученною моему наблюдению ежедневною газетою «Самарский Вестник». С тех пор, и несмотря на принятые по этому поводу меры, направление это не только не изменилось к лучшему, но с начала настоящего года названная газета еще более, чем прежде, отличается социалистическою окраскою, совершенно неуместною для провинциального подцензурного органа.

Возвращая просмотренные мною №№ 5, 6, 7, 8, 10 и 12 «Самарского Вестника» за текущий год, считаю долгом отметить в них следующие статьи, более других дающие представление о предосудительной тенденциозности этого издания.

В № 5 — фельетон Петра Струве: «Философия идеального добра или апология реального зла» (Вл. Соловьев, «Экономический вопрос с нравственной точки зрения»).

В № 6 — фельетон П. Маслова: «Критические наброски» (Южаков, «Дневник журналиста»).

В № 7 — фельетон за подписью Н. П-ий: «Новая книга по истории культуры» (Мензис).

В № 8 — 1) фельетон: «Нечто об истории» («Социологические основы истории» П. Лакомба. Пер. с франц. Р. Сементовского) и 2) фельетон за подписью А. С.: «Вульгарное народничество» (критикам Гурвича).

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1896 г., № 139.

[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1875, № 6, ч. 1.

В № 10 — фельетон Бочарова: «Нечто об истории» («Социологические основы истории» П. Лакомба. Пер. с франц. Р. Сементовского (окончание).

И в № 12—фельетон: «Историческая справка».

Во всех этих фельетонах и под предлогом критического разбора экономических вопросов сотрудники «Самарского Вестника», открыто причисляя себя к лагерю экономических материалистов, являются ярыми последователями писаревского учения и постоянно проводят его материалистические воззрения. Трактуя о капиталистическом строе России, все эти статьи имеют одну общую цель— доказать необходимость экономической реформы в пользу угнетенного капитализмом рабочего класса и особенно в ограждение безземельных крестьян и притом не иначе, как на предположенных социалистическим учением основаниях.

Подробные рассуждения о рабочих и сельских пролетариях и о борьбе как тех, так и других с капитализмом я нахожу крайне вредными и отнюдь не подходящими к программе подцензурного «Самарского Вестника» [1]).

В марте 1897 г. издававшийся в Петербурге журнал «Новое Слово» перешел в руки новой марксистской редакции в лице Семенова. Перед цензурой выростал новый и более опасный противник, чем «Самарский Вестник». Этого было слишком много для цензурного ведомства. 7 марта 1897 г. главное управление по делам печати составило справку, в которой, между прочим, указывало, что «независимо «Нового Слова» партия «марксистов» располагает и другим печатным органом, а именно «Самарским Вестником», издаваемым под редакцией бывшего бузулукского уездного предводителя дворянства дворянина Николая Кронидовича Реутовского, находящегося, по сведениям департамента полиции, в сношениях с известным эмигрантом Егором Лазаревым. С переходом «Нового Слова» в собственность Семенова, в нем будут принимать ближайшее участие лица, группирующиеся ныне вокруг «Самарского Вестника», который, по предположениям марксистов, примет характер газеты, предназначенной для обсуждения «злобы дня» и будет служить дополнением к журналу. К сему нелишнее добавить, что в числе сотрудников «Самарского Вестника» состоит высланный в 1895 г. за государственное преступление безвозвратно за границу австрийский подданный Альфред Капелюш, который, проживая ныне в Вене, занимается водворением в Россию революционных изданий.

Ближайшие по сему поводу сведения собираются еще на месте» [2]).

Но собирать «ближайшие сведения» не потребовалось. Участь «Самарского Вестника» была решена. 15 марта 1897 г. последовал следующий доклад начальника главного управления по делам печати М. П. Соловьева министру внутренних дел И. Л. Горемыкину:

«Газета «Самарский Вестник» усвоила за последнее время крайне вредное направление, задавшись, очевидно, целью знакомить своих читателей с выводами экономического материализма, проповедуемого школою Маркса. С неуклонною последовательностью «Самарский Вестник» проводит учение этого экономиста во всех вопросах, обсуждаемых на страницах этой газеты. В статьях, касающихся религии, науки, искусства и даже в сообщениях о происшествиях из повседневной жизни— всюду видна одна и та же основная точка зрения, усвоенная от западных эволюцио-

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1896 г., № 139.
[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

нистов. В фельетоне № 7 «Самарского Вестника», под заглавием «Новая книга по истории культуры» читателю предлагается теория Мензиса о подчинении религиозных верований общим законам эволюции. «Религия есть нечто, с самого начала подверженное развитию, как право, как искусство». В порядке исторического развития основною религиозною формой является поклонение природе. Сначала религия была «племенной», затем «родовой», последняя перешла в национальную, которая в конечном своем развитии сменяется «универсальною, всемирною религиею». Религии европейских народов, по словам Мензиса, подчинились изложенному закону эволюции. Отсюда вытекает нетрудный для читателя вывод, что христианская религия есть также результат эволюции и не имеет божественного происхождения. Отрицательное отношение «Самарского Вестника» к православной религии и религиозно-нравственному воспитанию народа проводится в грубой и кощунственной форме в корреспонденции из г. Сызрани (№ 45). Корреспондент жалуется на то, что «на народных чтениях преобладают брошюры религиозного содержания: читают все о монастырях, жития святых, о церквах...» Корреспондент предлагает давать народу сведения из естественных наук, а «не заниматься чтением лишь сказок и житий святых» или о том, «как один глупый барин ушел в монастырь».

Существующий экономический строй и все находящиеся в связи с ним явления общественной жизни «Самарским Вестником» постоянно обсуждаются согласно учению Маркса. Под видом полемики с другими воззрениями газета рисует в самом мрачном свете положение русского крестьянина и вообще простого рабочего люда, пользуясь для этого сочинениями Глеба Успенского (№ 243, фельетон). При этом все мероприятия, направленные к поднятию материального благосостояния (поддержание общинного землевладения, переселения, земельные наделы и т. п.), представляются несоответствующими интересам обездоленных людей и могущими способствовать лишь дальнейшему развитию у нас буржуазного капиталистического строя, при котором труд эксплоатируется капиталом (№ 6 «Критические наброски», № 8 «Вульгарное народничество», № 45 «Милые субъективности»). Несоответствие упомянутых мероприятий истинным нуждам народа объясняется неправильным взглядом на экономические отношения и незнакомством с учениями Маркса и его последователей. Разбирая книгу Лакомба «Социальные основы истории» (№ 10, фельетон «Нечто об истории»), «Самарский Вестник» делает упрек автору за то, что «для него только и света в окне—что капиталистическое производство»... и называет экономический материализм Лакомба, выводимый им из «природы капиталистического порядка», «пасквилем на человеческий род». Отсюда ясно вытекает, что, по мнению «Самарского Вестника», современный капиталистический строй является прямым антагонистом прогресса. В № 8, утверждая, что марксисты «единственные прогрессисты в полном смысле этого слова», «Самарский Вестник» ставит в вину Лакомбу то, что для него «крушение капиталистического порядка равносильно крушению цивилизации». Из приведенных выписок следует, что крушение современного капиталистического строя является необходимым условием прогресса. Нисколько не стесняясь, «Самарский Вестник» в № 45 («Милые субъективности») прямо объявляет себя последователем экономического материализма. «Теория экономического материализма, — говорится в газете, — является единственной общественной теорией, где соединились и слились; воедино и самые строгие научные требования и самые идеалистические думы человечества». Чтобы осуществить такую теорию и устранить нынешний экономический

порядок, «Самарский Вестник» говорит туманными намеками о необходимости насильственного переворота. По мнению газеты, нет надобности пытаться «остановить или повернуть назад экономическое колесо», надо только, «воспользовавшись ходом экономической жизни, этой палкой о двух концах, стараться о том, чтобы эта палка одним концом била торжествующих, а другим защищала погибающих на алтаре современной экономической продукции». Таков девиз экономической политики, предлагаемый читателям в статье «Милые субъективности» (№ 45).

Попутно со статьями научного содержания в газете помещаются очерки провинциальной жизни, принадлежащие перу некоего Сашина и носящие общий заголовок «Наши нравы». Рисуя картины нищенства, разврата и невежества, Сашин проводит в доступной для понимания простого читателя форме теорию, отрицающую свободу воли. Автор дает понять читателям, что преступник, развратник делаются таковыми не по доброй воле, а вследствие ненормальных условий общественной жизни, а потому заслуживают лишь сострадания (№№ 245 и 248). Самоубийства среди учащейся молодежи объясняются недостатками нашей школьной системы (№ 45).

Ввиду столь вредного направления газеты «Самарский Вестник», главное управление по делам печати в декабре месяце минувшего года и в первых числах января сего года просило самарского губернатора обратить внимание лица, цензурующего названную газету, на непозволительность появляющихся в ней статей. Несмотря на это, в газете продолжают появляться статьи, подобные вышеупомянутым, как, напр., фельетон в № 53, в котором проводится мысль, что народу надо давать для чтения не благонамеренные книжки, как это делается ныне, а какие-то иные, «идейные». В фельетоне, между прочим, встречается выходка против чтения псалтири.

Принимая во внимание, что «Самарский Вестник» столь продолжительное время, даже после сделанных местной цензуре указаний, упорствует в пропагандировании самых крайних атеистических и материалистических учений, главное управление по делам печати полагало бы необходимым, применительно к ст. 154 уст. о ценз. и печ., приостановить издание этой газеты сроком на четыре месяца, о чем имею честь представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства».

На докладе Горемыкин поставил резолюцию: «Согласен на приостановку издания газеты на четыре месяца».

Дальнейшая история «Самарского Вестника» не многосложна. В августе 1897 г. Реутовский обратился в главное управление с просьбой разрешить ему переименовать злополучный «Самарский Вестник» в «Заволжье» и увеличить вместе с тем подписную на него плату. Главное управление отклонило это ходатайство ввиду того, что «нет оснований ожидать изменения прежнего предосудительного направления этой газеты и облегчить ей под новым наименованием распространение среди лиц, могущих не знать, что «Заволжье» не что иное, как продолжение «Самарского Вестника». Что же касается увеличения подписной платы, то главное управление нашло его весьма нежелательным, так как «периодические издания, подписная цена на которые не менее 7 руб. в год, пользуются правом печатать сочинения и статьи о несовершенствах существующих у нас постановлений, а также и о недостатках и злоупотреблениях администрации и судебных мест». Предоставление подобного права, по мнению главного управления, было бы совершенно излишне «для такого

издания, как «Самарский Вестник», выход в свет которого был приостановлен на 4 месяца за пропаганду самых крайних атеистических и материалистических учений» [1]).

После этой неудачи Реутовский несколько раз пытался продать право на издание «Самарского Вестника». Покупатели находились, но главное управление систематически, под разными предлогами, отказывало утвердить за кем бы то ни было из них право на издание этой газеты. В сентябре 1898 г. оно отказало в этом частному поверенному А. М. Михайлову, в сентябре 1899 г.—издателю газеты «Самарская Газета» С. И. Костюрину, в октябре 1902 г.—купцу В. И. Александрову, в марте 1903 г.—самарскому нотариусу А. В. Колышкину. За все эти годы Реутовский выпускал по одному или по два номера своей газеты в год, чтобы издание это, по существовавшим тогда законам, не могло считаться прекращенным. После неутверждения Колышкина Реутовский, утомленный бесплодной борьбой с главным управлением, закончил выпуск в свет отдельных номеров «Самарского Вестника», и в апреле 1904 г. газета эта была официально признана «окончательно прекратившейся» [2]).

II.

«Новое Слово».

Ежемесячный бесцензурный журнал «Новое Слово» был основан в Петербурге И. А. Баталиным в конце 1893 г. Баталин, бывший редактор газеты «Минута» и журнала «Колосья», по своей близости к бывшему министру внутренних дел графу Д. А. Толстому, беспрепятственно получил от его преемника разрешение на издание без предварительной цензуры нового органа печати по общей программе «толстых» журналов. На издание свое Баталин смотрел, как на предприятие коммерческое, и хотя обещался в своих прошениях охранять «основы», но тем не менее вызывал со стороны цензуры различные замечания. В его руках «Новое Слово» не имело какой-либо определенной окраски. В середине 1895 г. Баталин был принужден, вследствие материальных затруднений, продать «Новое Слово». Приобрела его владелица популярного книжного магазина и издательства Ольга Александровна Попова.

После продолжительных поисков редактора,—сперва О. А. Попова пригласила Скабичевского, затем недолго был временным редактором Слепцов,— в этом звании в марте 1896 г. был утвержден муж издательницы, отставной штабс-капитан, А. Н. Попов. С этого времени «Новое Слово» приобретает резко выраженный народнический характер, служа интересам партии народников и группируя вокруг себя выдающихся писателей народнического толка (в нем принимали участие— Скабичевский, Станюкович, Николай О—н, Немирович-Данченко, Засодимский, Яроцкий и др.) В октябре 1896 г. цензор Елагин дает о «Новом Слове» следующий отзыв:

«В настоящее время, по прошествии года существования нового журнала, можно подвести некоторые определенные итоги. Полагая всю силу нашу в земле, в земстве.

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1875 г., № 6 ч. 1.
[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1875 г., № 6, ч. 11.

ставя во главу угла народные интересы, неразрывно связывая их с наукой, свободой совести и личности» (по поводу внутр. вопросов, ноябрь 95-го), журнал ведет постоянную борьбу с модной в настоящее время теорией экономического материализма, созданной Марксом и Энгельсом, представителями которой являются у нас — г. г. Бельтов, Струве, Скворцов и др. В противоположность этим марксистам, признающим всепоглощающую, доминирующую роль капитала и капитализма, г.г. народники видят все спасение в общине и артели.

Г. Рубакин отмежевал себе область народного образования. Он является искренним и убежденным защитником возможно широкого распространения образования в народе и удаления всех препятствий, мешающих его развитию. В среде наших рабочих развивается интеллигентность, рабочий стремится к книжке, учреждаются кассы, библиотеки. Умственный подъем возрастает. В трудовой массе фабричных рабочих проявляется своего рода Weltschmerz, идейный подъем, выдвигающий идейных работников, носителей скорби своей среды («Лицом к лицу»). Из народа и выдвигаемой им интеллигенции идут бодрые силы, а отсюда, от нас — кающиеся грешники.

Вопросам о народном образовании посвящена, независимо от статей г. Рубакина, масса корреспонденций из провинции, трактующих о влиянии книги на деревню, о постановке земской школы в различных местностях России, о недостаточности числа этих школ, при чем неоднократно подчеркиваются факты борьбы школы земской с церковно-приходской. Симпатии журнала всецело стоят на стороне школы земской.

Г. Абрамов помещает почти в каждой книге журнала свои статьи под общим заглавием «Земство и города». В качестве убежденного сторонника самой широкой компетенции земств, г. Абрамов недоволен современным положением дел, при котором сознание бессилия и отсутствие уверенности, что голос земств будет иметь последствия, — вызывают апатию некоторых земских деятелей к обращенным к ним запросам. С другой стороны, автор констатирует факт, что в общем земства стараются остаться верными знамени прежнего 25-летия, хотя со времени преобразования земских учреждений и раздаются голоса, которых не было слышно, и замечаются попытки направить деятельность того или другого земства в интересах привилегированного класса (книга I).

Вообще журнал, в лице г. Абрамова, а также других многочисленных корреспондентов, стоит на стороне прежних земских порядков, существовавших до введения института земских начальников. Каковы взгляды журнала на этот институт — всего лучше можно судить по статье «Из юридической области» (IX книга). В статье этой анонимный автор, восхваляя деятельность мировых судей за истекший в мае 30-летний период их существования, с злою иронией обрушивается на институт земских начальников. «Из тех перегородок, которые были опрокинуты преобразовательным течением 60-х годов, некоторые удостоились реставрации. Между прочим, старый административно-полицейский суд воскрес на наших глазах для деревенской России в образе земского начальника, этого более или менее родового дворянина и претендента на родительское право «наказывать любя»... Только для простого, однообразного и устойчивого деревенского быта понадобилось почему-то более «крепкое» орудие власти, понадобилась сильная рука, не связанная никакими «формальными стеснениями» законности и правомерности в своих движениях»... Правда, в отдален-

ной перспективе рисуется «приспособление» этого нормально-исключительного и общесепаратного плана к тем местностям, которые облагодетельствованы учреждением земских начальников, но рисуется в виде проблематической возможности, которая вряд ли оправдается на деле, так как между принципами правильного суда и учреждения земских начальников никакой компромисс немыслим вследствие их взаимной противоположности и непримиримости»... Статья эта, впрочем, г. начальником главного упр. по дел. печати исключена из книги по соглашению с редактором. Одновременно с нею из той же книги исключена статья, в которой журнал позволил себе издеваться над циркуляром министра финансов фабричным инспекторам по поводу беспорядков на некоторых фабриках. «Прочитав этот интересный документ, мы вздохнули свободно. Разлетелись, как дым, все наши страхи о возможности появления у нас западного капитализма с его нездоровыми спутниками, в роде классовой борьбы, социализма и т. д. Мы верим авторитетному голосу, утверждающему, что в нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим, что «в основе этих отношений лежит закон нравственный и христианский» и т. д. Неприятно, конечно, что фабриканты и хозяева показывают иногда «по добродушию», вредную уступчивость, но в этих случаях, судя по циркуляру, обеспечено энергичное вмешательство правительства». На основании этого краткого и беглого очерка можно признать, во-первых, что журнал «Новое Слово» тенденциозен и, во-вторых, что многие статьи его по содержанию и направлению далеко не соответствуют взглядам и целям правительства» [1]).

Журнал «Новое Слово» в распоряжении Поповой и народников оставался недолго. Те же материальные затруднения, которые испытал Баталин, заставили и О. А. Попову постараться передать это издание в другие руки. В феврале 1897 г. «Новое Слово» было приобретено дворянином и землевладельцем Рязанской губернии, Михаилом Николаевичем Семеновым, и в его лице перешло русским последователям марксизма, при чем номинальным редактором этого издания остался попрежнему А. Н. Попов.

М. Н. Семенов, по сообщению директора департамента полиции, «занимался литературным трудом, средства к жизни имел ограниченные, вращался в кружках учащейся молодежи и хотя к делам политического характера не привлекался, но находился в сношениях с проживающим ныне в Цюрихе дворянином Владимиром Бонч-Бруевичем, который стремился, при посредстве Семенова, обойти цензурные затруднения при издании некоторых сочинений» [2]). Переход «Нового Слова» к новой редакции вызвал, конечно, крутой поворот в его направлении. Еще до выхода в свет книжек журнала под редакторством Семенова, главное управление составило об этом издании и его руководителях следующую справку по секретным сведениям, полученным из департамента полиции.

«О. А. Попова, собственница «Нового Слова», ввиду неблагоприятных материальных обстоятельств, вынуждена была продать этот журнал Михаилу Николаеву Семенову. Журнал «Новое Слово» с 1895 г. служил органом так называемой партии «народников», к которой принадлежали как лица, входившие в состав редакции, так и большинство сотрудников. Между тем новый собственник журнала Михаил

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.
[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

Семенов придерживается убеждений «марксистов» и намерен сделать «Новое Слово» органом последнего направления. «Народники» и «марксисты» относятся друг к другу с нескрываемою враждебностью, почему понятно, что старый состав редакции должен был выйти немедленно из журнала; будучи же озлоблен на О. Попову за то, что последняя вела переговоры с Семеновым тайно, постарался обставить свой уход возможно демонстративно. «Марксистская» редакция «Нового Слова», кроме самого Семенова, по некоторым предположениям будет состоять из известных доцентов СПБ-ского университета Петра Струве (в звании редактора) и Туган-Барановского [1]); по всей вероятности, к ней также примкнет ныне проживающий в Цюрихе землемерный помощник Владимир Дмитриев Бонч-Бруевич, возвращение коего в Россию ожидается его единомышленниками в скором времени.

Из числа упомянутых лиц дворянин Михаил Николаев Семенов, вольнослушатель С.-петербургского университета (родственник сенаторов Семеновых), с конца прошлого года стал обращать на себя внимание сношениями с Бонч-Бруевичем, которому обещал всевозможную поддержку в обход цензурных правил при рассмотрении цензурою предполагаемых к изданию сочинений и переводов тенденциозного содержания.

Что же касается Владимира Бонч-Бруевича, то последний известен своею тенденциозною деятельностью по изданию литературных и научно-популярных книг для народа. В 1894 году он поступил на службу в Москве в книжный магазин известного богача Прянишникова, собственника издательской фирмы «Народная Библиотека». Успев в скорости же овладеть доверием Прянишникова, Бруевич стал фактически во главе фирмы и направил деятельность последней на издание произведений печати исключительно тенденциозного характера. Так был издан составленный самим Бруевичем сборник «Родные песни, избранные произведения русской поэзии», в котором между стихотворениями известных писателей помещены излюбленные радикальной молодежью произведения, как, напр., «Утес» (Навроцкого) и т. п. Переводились и часто подготовлялись к изданию сочинения Маркса, Робертуса, Лафарга, «Революционный Париж» и другие. Независимо сего, Бруевич занимался торговлею народными книгами, преимущественно тенденциозного направления; с этою целью он снимал помещения во время вербных базаров, из которых упомянутые книги и продавались студентами, принадлежащими к земляческим организациям.

Через несколько времени Бруевич вынужден был, однако, разойтись с Прянишниковым, но, чтобы не покидать издательского дела, вступил в число членов издательской комиссии московского комитета грамотности; пользуясь своими связями, он намеревался склонить нескольких членов этого комитета, располагающих материальными средствами, на выдачу ему субсидии для издания народных книг и стремился организовать в Москве общественную народную библиотеку.

Проживая в Москве, Бонч-Бруевич находился в сношениях с многими политически-неблагонадежными лицами, в том числе семейством Величкиных, Владимиром Сыцянко, Сергеем Горюшиным, известною Цебриковою и другими. По показаниям лиц, привлеченных к дознанию о «Московском рабочем союзе», Бруевич [2]) прини-

[1]) Оба привлекались в конце 80-х годов к дознаниям.

[2]) При возвращении в Россию, Бруевич подлежит аресту и привлечению к ответственности по этому делу.

мал участие в преступной деятельности этого сообщества вместе с обвиняемыми по сему делу Дмитрием Солодовниковым и Павлом Колокольниковым, а также чрез его посредство Вера Величкина, по поручению последователя графа Толстого, Владимира Черткова, собирала сведения об отношении различных революционных групп к толстовскому лжеучению.

В апреле 1896 года Бонч-Бруевич отправился в Швейцарию, где поступил в Цюрихе в местный университет. За границей он тотчас же завязал сношения с представителями местных революционных течений и даже собирался осенью минувшего года на всемирный социалистический конгресс в Лондоне. За последнее время он явился в Цюрихе одним из организаторов «Общества свободных студентов», состоящего в большинстве из русской учащейся молодежи. Названное общество, преследующее, между прочим, абсолютное равенство мужчин и женщин, приступило ныне к учреждению «агитационного комитета» для проповеди своего учения. Бонч-Бруевич играет в новом обществе одну из выдающихся ролей и уже несколько раз выступал на собраниях в качестве оратора».

Предположения главного управления, что журнал «Новое Слово» представляет собой марксистский орган, с которым до сих пор цензуре не приходилось еще иметь дела, сразу оправдались. Первый же номер «Нового Слова» новой редакции (за март 1897 г.) вызвал переполох среди СПБ-ского цензурного комитета. Внимание комитета главным образом было привлечено произведением М. Горького «Коновалов», в котором комитет нашел ряд недопустимых мест. Немедленно на мартовской номер был наложен арест до выхода его из типографии; неудобные в цензурном отношении места на 18 страницах были вырезаны; страницы вновь перепечатаны, и лишь после этого номер был выпущен в свет. В то же время комитет представил в главное управление следующий рапорт:

«Новая мартовская книга журнала «Новое Слово» является весьма поучительною в смысле определения направления, которого журнал намерен держаться, вероятно, и в будущем. Можно указать на следующие статьи:

I. Очерк М. Горького «Коновалов» — знакомит нас с типом бродяги-босяка, пьяницы Коновалова, которого гонит с места на место по обширному отечеству жажда свободы и дух недовольства собою и существующими порядками... Таков тип, к которому автор относится так тепло и симпатично. Тип этот, повидимому, собирательный, выхваченный прямо из жизни, ясно определяет точку зрения автора. Кажется не нужно особых комментарий и подчеркиваний для признания рассказа крайне тенденциозным и вредным.

II. Статья г. Novus'a—«На разные темы. Наши утописты»—посвящена главным образом академическим спорам с присяжным экономистом «Вестника Европы» Слснимским, известным народником Николаем—эном и г. Южаковым из «Русского Богатства». Восторженно восхваляя Карла Маркса, в статье стремятся доказать полную основательность теорий великого экономиста. В известном письме своем, появившемся в конце 70-х годов, Маркс, между прочим, писал: «Если Россия будет продолжать итти путем, избранным ею после 1861 года, она потеряет один из самых удобных случаев, который когда-либо исторический ход давал народу для минования всех перипетий капиталистического развития». Эту знаменитую фразу г. Novus считает в устах Маркса злою иронией, отнимая таким образом последнее средство

защиты у народников, которое они противопоставляли до сих пор торжествующим доводам русского марксизма.

Мысль о неизбежности и даже наличности в России капиталистической фазы хозяйства высказывается весьма категорически и в другой статье журнала, подписанной М. Туган-Барановским.

III. Статья «Финляндский сейм» подробно трактует о задачах и работах заседающего в Гельсингфорсе сейма. По мнению автора, в Финляндии возникает множество серьезных вопросов, правильно разрешить которые немыслимо без представительства, хотя бы такого, которое теперь существует там и которому не вполне может быть дано название народного.

IV. Статья «Иван Франко» подробно рассказывает биографию этого известного галицкого писателя-социалиста. Автор передает содержание многих произведений Франко и заканчивает статью горячим панегириком этому деятелю. «Если из массы народа выделились,— говорит он,— тысячи людей, которые знают, где искать выхода, если они находят высокое нравственное облегчение в том, чтобы, собравшись на «вече», громко заявить перед целым светом о своих нуждах и желаниях и настойчиво требовать их удовлетворения; если эти тысячи не представляют уже разрозненного, беспомощного стада, которое под ударами бури готово броситься в море без сопротивления, а сознают уже значение солидарности в борьбе за свои интересы, то этот важный результат всегда будет связан с именем Франко»...

V. Статья профессора Макса Ферворна «Витализм» имеет чисто материалистический характер. Опровергая все положения старо- и неовиталистов, автор сводит все жизненные явления к физике и химии и заканчивает свой этюд словами: «Не витализм, а механизм — девиз современной физиологии».

VI. Что касается, наконец, писем из провинции, то во всех них, хотя и умеренно, но весьма ясно звучит нота о крайнем малоземелии русского крестьянства.

Таково содержание книжки, ярко обрисовывающее характер этого нового по составу сотрудников сборника».

Апрельская книжка «Нового Слова», в которой, между прочим, среди других статей внимание цензора привлекла и статья В. И. Ленина («К характеристике экономического романтизма» под псевдонимом К. Т-на), вызвала следующий доклад цензуровавшего этот журнал Елагина:

«В представленной в комитет апрельской книге журнала «Новое Слово» обновленная редакция остается, повидимому, верной принятому ею направлению модного в настоящее время экономического материализма. В редкой из статей журнала нет упоминания или цитирования знаменитого автора «Капитала» Маркса—основателя экономического понимания истории.

В настоящей книге из статей подобного характера обращают на себя внимание: 1) «К характеристике экономического романтизма.— Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» К. Т-на. 2) «Очерки из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX веке» С. Т. Р. 3) «На родные темы» Novus'a и 4) «Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности» М. Туган-Барановского. Полемизируя с покойным экономистом Эфруси, К. Т-н старается доказать неправильность экономических выводов Сисмонди—этого старого швейцарского экономиста, горячего сторонника мелкого производства. Вторая статья, занимающаяся параллелью между Францией и Германией по социальным вопросам, пестрит вы-

писками из статей Маркса, относящимися к раннему периоду его деятельности, когда Маркс идеализировал и возвеличивал философию и далеко еще не выработал тех взглядов, которые впоследствии составили главное содержание его учения. Novus в полемике с проф. Чичериным, по поводу статьи этого последнего «Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского», очень прострапно (хотя довольно запутанно) приводит, ссылаясь на передовых русских мыслителей 40-х годов, мысль об исторической необходимости буржуазного строя и прогрессивной роли буржуазии. Все три статьи, оставаясь на почве теоретических рассуждений, не представляют ничего особо тенденциозного в цензурном отношении. Наконец г. Туган-Барановский переходит на более практическую почву и говорит уже о России непосредственно. По его мнению, в наше время кустарная промышленность не жизнеспособна и при современных условиях техники конкурировать с фабрикой, окончательная победа которой несомненна, не может. Победа крупного производства только вопрос времени. Зато, как думает автор, капитализм, сыгравший в Зап. Европе отрицательную роль, явился у нас фактором положительным, фактором промышленного прогресса. Капитализм не есть, однако, завершение экономической эволюции и фабрики, не представляет конечного пункта промышленного развития. Надо пройти через них к созданию иного высшего строя, более соответствующего интересам производителя. Статья написана очень сдержанно и, будучи переполнена цифрами и статистическими данными, не рекомендует никаких особых программ. В отделе «Текущие вопросы русской жизни» можно наметить, в цензурном отношении, только несколько штрихов. Pia desideria о расширении прав русской печати — тема, которой постоянно касаются, за последнее время, почти все наши бесцензурные издания, отрицательное отношение к политике министерства финансов, выражающееся в нападках на мнения, которые защищает в комиссии по пересмотру акционерного законодательства г. Гурьев; в вопросе о законности и ее отношении к содержанию закона—указание на недостаточную охрану нашими законами субъективных прав—обстоятельство, дающее на практике возможность произвола и усмотрения. Что касается, наконец, отдела беллетристики, то здесь можно указать только на небольшой очерк «Хлеб везут»—довольно мрачную картину из летописи голодного года, ничего, впрочем, нового не прибавляющую к тому, что множество раз было уже писано по этому поводу. В общем вся книга журнала, не выходя из пределов, предоставляемых бесцензурностью издания, не может, по мнению цензора, подать повод к принятию против нее каких-либо репрессивных мер» [1]).

Доклад был сравнительно мягкий, и комитет на этот раз постановил «принять доклад цензора к сведению, как материал для определения направления журнала».

Майский номер, сверх всякого ожидания, не вызвал никаких замечаний со стороны цензуры. Так же невинен был с цензурной точки зрения и июньский номер «Нового Слова». О нем цензор Елагин представил доклад следующего содержания:

«В отделе беллетристики, в романе «В вратах Эдема» обращает на себя внимание одна сцена разговора героя—Михаила Степановича с отцом. Старик Ланской, представляющий какое-то подобие помеси толстовца с буддистом, говорит, между прочим, сыну: «Страна темная, мрака много; тяжко возвышаться над уровнем.

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

— Пропасть большая...

— Какая пропасть?

— Между образованием и тьмою. Тьму не поднять до света... значит, нужно понижать... Пост ведь нынче. Шел я по улице к тебе. Видел сцены. Они перенесли меня во времена Петра Амьенского. Мужики распростерлись на папертях церквей и бились головами о каменный пол. Средние века. Но тогда был XIII век, а теперь XIX... Петр-то Амьенский проповедывал крестовый поход. А нынче что! И сановники едут мимо церкви и вздымают очи горе, и крестятся... Каков мрак-то! Я понимаю еще перед прорубью перекреститься,—да бултых головою вниз. А!. А то вдруг на резиновых шинах, в собственной карете, грязью людей окатывает и тово... ни одного храма не пропустит... Мрак...

— Так надо осветить его... этот мрак.

— Осветить! Ага... Да и как его осветить-то. Да и свет-то какой нужен? А? Свет и во тьме светит, да не свечка же восковая во тьме кромешной... Не светлячку осветить глубину бездонной пропасти в глухую осеннюю ночь, а... Лучше понижать уровень».

Весь этот разговор, впрочем, слишком эпизодичен для того, чтобы иметь серьезное значение.

В том же отделе небольшой очерк Быстренина «Ищущий правды» рисует тип простого человека, водовоза, который в поисках высшего смысла и красоты жизни, в борьбе с вечными сомнениями мятущегося духа думает найти разрешение вопроса в расколе.

Статья «Генри Джордж и национализация земли», излагающая подробности учения автора знаменитой книги «Прогресс и бедность», доказывает устарелость и неприменимость идей американского экономиста к настоящей эпохе.

В статьях «Крепостная подкладка прогрессивных речей» (по поводу повести Слепцова «Трудное время» и разбора ее г. Протопоповым в «Сев. Вестнике») и «Простая речь о мудреных вещах» (о книге проф. Исаева «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства») замечается тоже отрицательное и ироническое отношение к дворянству и его просветительной роли, которым журнал неизменно отличается. Здесь, как и в других многочисленных статьях (напр., в этой же книге: «Разложение общины под влиянием малоземелья», «Земледельческие артели Херсонской губернии» и «Текущие вопросы внутренней жизни»), проводится мысль о неизбежном разложении общинного землевладения, о грядущей экономической европеизации России и т. д.

«Письма из провинции. Из Новоторжского уезда (Странные экзамены)». Это письмо рисует грустную картину того, как, благодаря излишнему усердию официальных представителей власти, беззастенчиво подрываются земские школы. Земские школы Новоторжского уезда пользуются, по словам автора, незавидною репутациею в известных сферах. Ввиду этого комиссия, состоявшая из инспектора народных училищ, местного земского начальника, члена уездной управы, священника и, конечно, учителей, поставила на экзаменах ученикам ряд крайне бестактных вопросов, которые полностью и приводятся в корреспонденции.

Книга журнала заканчивается сочувственной заметкой, посвященной памяти Н. В. Водовозова, этого идейного представителя «проклятой» полосы 80-х годов.

В общем июньская книга «Нового Слова» не представляет собою ничего особо предосудительного в той степени, которая вызывала бы принятие по отношению к журналу каких-либо репрессивных мер».

По справке комитета «председательствующим в нем А. А. Катениным было своевременно доложено на словах об июньской книге начальнику главного управления по делам печати, который и признал возможным принять доклад к сведению».

Не заключал в себе ничего грозного отзыв Елагина и об июльской книжке журнала «Новое Слово».

«В отделе беллетристики если что и заслуживает внимания в цензурном отношении, то разве одна только фраза в романе «В вратах Эдема». «Мрак-то, мрак какой! — восклицал он (отец героя — старик Ланской). — Вот свети-ка в таком мраке... Средние века. Вишь ты, куда опять пошло. Вместо естественного храма природы — узкие кельи монастыря, вместо яркого солнца — тусклые лампадочки... вместо голосов природы — клир... Плохо, брат, дело... Нездоровое все это, нездоровое»...

В предыдущей июньской книге журнала в том же романе была отмечена своевременно не менее сильная сцена между теми же лицами.

В отделе «Новые книги» автор, разбирая ряд брошюр Пуцыковича «Из народоведения», упрекает составителя за то, что тот замалчивает вопрос о внутреннем устройстве государств — «некогда, нет места и, главное, невыгодно и не безвредно». Рецензия заканчивается следующей наивной, если не сказать более, фразой: «Современник—невооруженный натертыми очками—может лишь помечтать о той отрадной поре, когда народ «понесет с базара Белинского и Гоголя, Бокля и Дарвина».

Статья «Может ли земский начальник присутствовать на крестьянских сходах», написанная довольно сдержанно, доказывает необходимость устранения административным порядком той незаконной практики, благодаря которой ныне земские начальники зачастую оказывают давление на крестьянские сходы, упраздняя этим выраженную в действующем законодательстве самостоятельность крестьянского общественного управления.

В статье «Из жизни провинции» замечается то же отрицательное отношение к роли дворянства, коим «Новое Слово» всегда отличается. Группируя характерные пережитки доброго, старого времени, автор приводит ряд корреспонденций из провинциальных газет, рисующий степень культуры и гражданственности народных масс, проводником которых (и таким плохим) являлось дворянство. Переходя к вопросу о сектантстве и расколе, автор говорит, что в борьбе с ними мы только и применяли всевозможные меры строгости, но они дали противоположные плоды. «На тот же путь строгостей,— прибавляет автор,— но в форме еще более суровой, мы готовимся вступить и теперь», и приводит перечень репрессивных мер, которые предполагает принять св. синод. В статье приводится далее корреспонденция из «Самарской Газеты» о самоубийстве двух гимназисток и пространно трактуется о той роли, которую играют в жизни провинциальной печати «независящие обстоятельства».

В письме из Тамбова «Наши аграрии» весьма подробно и с полными фамилиями рассказан скандал, разыгравшийся в дворянском собрании по вопросу об отмене телесного наказания.

В письме из Сибири раздаются горькие жалобы на упадок извозного промысла вследствие проведения великой Сибирской дороги. «Эй, просыпайся! Шире дорогу!

Капитал идет». Статья о грозной роли капитала представляется в общем тоне журнала некоторым диссонансом.

Текущие вопросы внутренней жизни. «Закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени». Обсуждая довольно сдержанно статьи этого закона, указывая на неясность, пропуски и недостатки его, автор в конце говорит, достаточно глухо, впрочем, о самоохране рабочих, требующей для своего осуществления известных внешних форм. Одною из этих форм, зачаточною, правда, являются, напр., так называемые горнозаводские товарищества, о которых трактует «Особое приложение» к IX тому Св. Зак. Горнозаводские товарищества представляют собою единственный на русской почве образчик узаконенного представительства наемного труда.

В общем июльская книга не хуже и не лучше предыдущих».

Ознакомившись с отзывом Елагина, комитет определил,—«принять доклад цензора к сведению, как материал для характеристики издания».

Зато в августовском номере статья «Тенденциозное издательство» С. Г-на возбудила со стороны цензуры настоящее гонение.

«В XI книге бесцензурного журнала «Новое Слово»,—писал в своем докладе цензор Елагин,—обращают на себя преимущественное внимание две статьи—«Тенденциозное издательство» С. Г-на и «Иностранное обозрение» В. П. Первая статья касается деятельности постоянной комиссии народных чтений. Автор подробно разбирает ряд изданных ею народных книжек, проникнутых одним направлением—мужицко-церковно-патриотическим. По мнению автора, комиссия «упорно проводит свои воззрения на крестьянина, как на раба известных традиций и предрассудков, и притом не только никогда не указывает на ненормальность такого порядка вещей, но всячески пропагандирует его основы». Беллетристические произведения «заготовлены» в 2 направлениях: елейном и военном и притом выражены таким стилем, от которого «с души прет». В книжках исторического содержания, полных картин милитаризма и шовинистской морали, мало или почти что ничего не говорится о культурных успехах человечества, мирных усилиях его отдельных представителей или о попытках к общенародной солидарности. Наконец, что касается географии и этнографии, то здесь внимание комиссии привлекают главным образом окраины России, а из иноземных стран—внеевропейские, при чем, напр., в брошюре об Японии «предупредительно выпущено все, чему «мы» могли бы научиться у «единственного из самостоятельных азиатских государств, добровольно и сознательно принявших европейское образование и устройство». «Мы ознакомились,—заканчивает статью автор,—с тем, как иногда приспособляются к мыслям народа и как приспособляют их. Нельзя умолчать, что всякий, кто понимает «просвещение» в смысле «приноровления», стоит на ложной дороге. «Приноровиться» к воззрениям не значит еще развивать, обновлять и возвышать их. Приспособляться к понятиям «простолюдина» немыслимо иначе, как закрепляя в его голове старые понятия и предрассудки, против чего должен ратовать каждый просветитель, действующий вне каких-либо низменных, предвзятых тенденций. Постоянная комиссия возвела «приспособление» в целую систему,—и такого явления нельзя констатировать без неприятного чувства»...

В статье «Иностранное обозрение» довольно подробно говорится о смерти первого министра Испании Кановаса дель Кастильо, павшего от руки анархиста Анджио-

лилло. Автор рисует покойного премьер-министра жестоким, обвиняет его в предательском убийстве вождя кубанских инсургентов Мацео и в конце концов выражает сожаление, что Анджиолилло казнен гарротом, а не расстрелян, т.-е. «лишен благородной смерти под градом ружейных пуль, как погибли те, за которых он мстил».

В том же «Обозрении» очень бестактным является упоминание о рассказе французского депутата Базиля, недавно путешествовавшего по России. Базиль обратился как-то к денщику знакомого русского офицера с вопросом, кого тот больше любит, французов или немцев. «Нам все одно-с»,—гласил ответ.—Ну, а в случае войны, против кого стали бы вы охотнее сражаться.—«Нам все одно-с. Прикажут бить немца — будем бить немца, прикажут бить француза — станем бить француза».

В статьях М. Туган-Барановского «Народники крепостной эпохи» и Nemo «Манифест народной партии» (здесь очень хлестко только одно заглавие) проводятся излюбленные редакцией идеи экономического материализма (марксизма). Статьи эти не представляют собою чего-либо нового и особо выдающегося в принятом редакцией, как кажется раз навсегда, направлении.

Что касается, наконец, беллетристики, то и здесь каждый из рассказов, взятый в отдельности, не представляет собою ничего особо резкого, хотя взятые вместе они образуют некоторого рода букет определенного аромата.

Ввиду всего сказанного цензор признавал бы более осторожным приостановить книгу и представить о вышеизложенном на благоусмотрение начальника главного управления по делам печати».

Вследствие доклада цензора августовская книга была арестована в типографии, и смутившая цензора статья С. Г-на была вырезана. Комитет, сообщая главному управлению о «вредном содержании» этой статьи, прибавил, что «последствием сего было «предложение редакции об исключении статьи «Тенденциозное издательство», что редакцией и было исполнено, а остальные статьи признаны возможными к появлению в свет». При этом, конечно, были перепечатаны обложка, титульный лист и оглавление.

Суровые меры, принимаемые комитетом, не могли, очевидно, поколебать редакцию в принятом ею направлении, как не могли заставить ее переменить выбор печатаемых ею статей. «Новое Слово» крепко держалось поднятого им знамени, и борьба между им и цензурой продолжалась.

Новые цензурные громы и молнии посыпались на «Новое Слово» за XII (сентябрьскую) книжку.

«В ней обращают на себя преимущественное внимание,—докладывал цензор Елагин,—следующие статьи:

1) «Администрация и выборные люди—(Письмо из Зауралья)» А. С. Изгоева. В статье этой, посвященной вопросу о земских неурядицах в Пермской губернии, автор с злою иронией говорит о том, как принцип земского самоуправления попирается у нас административным произволом. Бывший пермский губернатор Погодин, уволенный в отставку «по болезни», не ознаменовал свое управление губернией ничем особо выдающимся, никого не усмирял, не побеждал, не гнул в бараний рог, не казнил и не миловал. Будучи человеком благодушным, он любил предпринимать поездки по «вверенному ему краю», при чем посягал, некоторым образом, на прерогативы архиерейской власти, ибо обыкновенно «благословлял» народ, гони-

мый как бы неведомой силой к месту прибытия губернатора. И все-таки правление этого благодушного администратора ознаменовалось для пермского края целой эпидемией «неутверждения» и «назначения» — бедствием, породившим панику и отчаяние в земских кругах. Автор приводит список 17 лиц, назначенных в 1894—95 г.г. на земские должности губернаторскою властью, тогда как за то же время около 30 лиц, обладающих крупным имущественным цензом, почтенных избранием в земские люди, не были удостоены доверия начальства. «Поистине, — говорит автор, — эта картина напоминает знаменитое «избиение младенцев», и пермяки с полным правом могли бы отслужить панихиду по «невинно-убиенным». Чем же объясняется такое массовое неутверждение? Неблагонадежностью кандидатов? Нет — напрасно искать здесь законных и разумных оснований. Дело в том, что земские должности оплачиваются недурно, а искушение воспользоваться земскими вакансиями для лиц, излюбленных по родству, дружбе или знакомству, очень велико: для этого стоит только не утвердить — раз, не утвердить — два, и на третий назначить кого надо. Слава богу циркуляров много и среди них нетрудно набрести на подходящий, в конце же концов, если закон тебе препятствует, положи его под себя. Уход г. Погодина в отставку свидетельствует, что система фактического упразднения земства, практиковавшаяся за последнее время в Пермской губернии, не признается законной и полезной в высших сферах, ибо в намерение законодателя земского положения 1890 года вовсе не входила мысль делать из земства лишь филиальное отделение местной полиции, ряд хорошо оплачиваемых должностей, которые губернатор мог бы замещать по своему произволу.

2) Статья «Текущие вопросы внутренней жизни» рисует крайне безотрадную картину хозяйственного положения России ввиду надвигающегося голода и ожидаемых чумы и холеры. Первая глава этой статьи старательно подчеркивает, что благодаря существованию земства в коренных губерниях принимаются хоть какие меры для борьбы с голодом, тогда как в тех губерниях, где земское хозяйство находится в руках администрации, население с его продовольственными нуждами бросается прямо на произвол судьбы. Вторая глава категорически заявляет, что голодовка настоящего года есть результат всего нашего народно-хозяйственного строя, что голодовки тогда перестанут посещать Россию, когда она станет страной настоящего развитого капитализма и утратит образ и подобие натурально-хозяйственной страны. Требуя серьезных и действительных мер для прокормления голодного населения и его скота, автор приходит к мысли, что в силу нашей общественной и политической отсталости и некультурности более рациональная, пожалуй, даже постоянная организация помощи голодающим является настоящей необходимостью. Эта организация могла бы быть осуществлена, конечно, не путем канцелярской переписки, а лишь путем широкого развития общественной самодеятельности. При иных условиях нашей общественной жизни даже стихийные бедствия переносились бы гораздо легче.

3) В «Иностранном обозрении» по поводу франко-русского союза слышится явная ирония. «Много интересных сопоставлений вызывает дружба России с Францией, и немудрено, что в них запутывается даже такая светлая голова, как князь Мещерский, который явно боится, как бы все эти сопоставления не произвели соблазна. Не бойтесь, добрый князь. Вы слышали, что в Казани, встречая членов ненавистного вам геологического конгресса, кричали: «Да здравствует французский

король». Сколько тут можно сделать отрадных сопоставлений. А главное, с чуточкой соблазна можно право примириться, если принять во внимание то блестящее международное положение, которое приобрела Россия. Успех же во внешней политике укрепляет, разумеется, внутренние устои гораздо сильнее, чем все статьи «Гражданина» и «Московских Ведомостей». Общественное внимание отвлекается от ненужного копания во внутренних делах, подымается национальная гордость, а вместе с тем уважение к истинно-русскому строю, поднявшему Россию на такую высоту: со всех сторон сыплются теперь на Россию комплименты, и русский человек, конечно, человек сытый, начинает ходить гоголем и только дивится, как это он до сих пор был так слеп и не видел всех преимуществ русской жизни сравнительно с западноевропейской.

4) Статья «О материалистическом понимании истории», посвященная разбору книги римского профессора Лабриола, и «Закон ценности и уровень прибыли», «Послесловие Ф. Энгельса к III тому «Капитала», комментирующая и дополняющая текст Маркса, писанный в 1865 году, — ввиду своей серьезности не могут вызвать особых упреков в цензурном отношении, тем более, что редакция журнала «Новое Слово» и не может отказаться от раз навсегда принятого ею лозунга «экономический материализм». Окончание повести «Инвалиды» также имеет целью выставить в смешном и жалком виде устаревшие принципы народничества в столкновении их с молодым и бодрым марксизмом.

В общем, как я полагаю, вся XII книга «Нового Слова» не прибавляет ничего особо нового к прежнему мартирологу журнала. Принимая, однако, во внимание, что с каждой новой книгой тон журнала подымается все больше и больше, что в погоне, во что бы то ни стало, за эффектными фразами редакция окончательно забывает, в ущерб делу, всякую серьезность, я полагал бы своевременно дать журналу первое предостережение».

Представляя доклад Елагина главному управлению, председатель комитета добавил с своей стороны, что «в XII книге «Нового Слова» замечается то самое тенденциозное направление, каким более или менее стала отличаться каждая книга этого периодического издания с переходом его в новые издательские руки.

Дабы дать понять новой редакции все неприличие усвоенного ею направления, граничащего в некоторых отдельных случаях с предосудительной дерзостью, комитет с разрешения главного управления по делам печати, вынужден был дважды прибегнуть к мерам экстраординарным: было предложено редакции, вследствие донесения в главное управление по дел. печати от 18 марта текущего года, перепечатать с значительными исключениями из № VI журнала страницы 13, 14, 19, 20—22, 24, 25, 26, 32, 37, 38, 39, 41, 47, 48 и 49 рассказа Горького «Коновалов». Также по приказанию начальника главного управления по делам печати исключена была в № XI журнала вся статья целиком под заглавием «Тенденциозное издательство».

Но все эти экстраординарные меры, оказывается, нимало не препятствуют редакции держаться усвоенного ею раз навсегда тенденциозного направления и проводить его с неуклонным упорством. И действительно, в последней XII книге журнала все попрежнему продолжается, осторожно и помаленьку, пропаганда марксистского учения, во многих статьях снова попадаются все те же попытки глумления над мероприятиями правительственными, прорываются по временам все те же трескучие, хлесткие фразы.

Ввиду изложенного комитет считает долгом представить об означенном на благоусмотрение Вашего превосходительства и не имеет права умолчать, что упорнсе преследование новою редакцией распространения вредных идей вполне заслуживает принятия против издания «Нового Слова» одной из предписываемых законом серьезных карательных мер» [1]).

Содержание октябрьской книжки «Нового Слова» опять подало цензуре повод усмотреть «потрясение основ». «Деятельность тверской администрации, — докладывал 18 октября цензор Елагин о статье под заглавием «Вредные собрания (корреспонденция из Новоторжского уезда)», — служит уже не в первый раз для редакционных нападок. В настоящей корреспонденции автор с иронией подчеркивает трогательную заботливость, которую проявляет начальство по отношению к обывателям. «Таким образом нам, обывателям этого райского уголка, остается лишь благодарить господа бога за то, что он послал нам такое заботливое начальство, да ждать того блаженного времени, когда нам и совсем нечего будет делать, а лежать на боку и жевать галушки, предупредительно просовываемые в рот начальством». «Но, — прибавляет автор, — одно лишь прискорбное обстоятельство нарушает наше спокойствие: это то, что слишком уже много развелось крамольников. Несомненно, что главным гнездом крамолы служит земство, о чем неоднократно заявляли почтенные органы: «Гражданин» и «Московские Ведомости», указательный перст которых всегда бывает направлен туда, где копошится измена основам». Дальнейшее изложение посвящено истории земских школьных учителей, подвергшихся преследованиям инспекторского надзора, который усматривал в их действиях нелегальность».

«Вторая корреспонденция, — продолжал далее цензор, — «Страничка из жизни сельского учителя», принадлежащая перу уволенного учителя Боброва, рисует подробкую картину экзамена, произведенного вновь назначенным инспектором г. Ф., желавшим «искоренить в школе вредный дух. Г. инспектор задает ученикам явно инквизиторские вопросы, отбирает некоторые книжки для чтения, признавая их недозволенными,— в результате отставка учителя, прослужившего в этой должности 19 лет» [2]).

20 октября эта книжка «Нового Слова» была задержана в типографии, и комитетом было предложено редакции исключить из нее поразившие цензуру корреспонденции (стр. 153—165), с перепечаткой обложки и оглавления, и только после «обезвреживающей» операции октябрьская книжка была выпущена в свет.

Одновременно с этим директор департамента полиции уведомил председателя цензурного комитета, что «при вчерашнем докладе г. министр поручил мне просить Ваше превосходительство доложить его высокопревосходительству в ближайший докладной день статью журнала «Новое Слово», задержанную цензурой и послужившую причиной приостановки выхода последней книжки означенного журнала». Вырезанные статьи 1 ноября были доложены министру, при чем запрещение их вызвало с его стороны полное одобрение.

Еще в конце сентября издатель «Нового Слова» М. Н. Семенов обратился в главное управление с просьбой «утвердить вторым ответственным редактором издаваемого им журнала магистра политической экономии и статистики, титулярного советника М. И. Туган-Барановского», в то время не успевшего еще проникнуться

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

[2]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

ревизионистскими убеждениями. Пока главное управление собирало о Туган-Барановском сведения в департаменте полиции и, по месту его службы, в департаменте торговли и мануфактур, над «Новым Словом» разразилась катастрофа, приведшая к закрытию этого журнала [1]).

Ноябрьский номер «Нового Слова» по своему содержанию представил богатый материал для цензурных замечаний и воздействий. Цензор Елагин, докладывая комитету об этом номере, прибавил при этом свои наблюдения, касающиеся вообще характера «Нового Слова».

«Поставленный Карлом Марксом вопрос об экономическом понимании истории,— писал цензор, — уже в течение полувека разрабатывается в заграничной литературе его учениками и последователями. Наши так называемые «ученики» этого мыслителя, выступавшие в русской печати сначала порознь, печатавшие книжки, а также и статьи в отдельных журналах, объединились за последнее время в редакции журнала «Новое Слово». Программа наших «неомарксистов» сводится вкратце к нижеследующему: эра капиталистического производства со всеми его ужасами для четвертого (рабочего) сословия и всеми неизбежными последствиями для господствующей буржуазии, в силу железного закона эволюции, надвинулась и на Россию. Бороться с исторической необходимостью бесплодно: остается так или иначе облегчать и улучшать положение пролетария, каковым становится, постепенно и неизбежно, и русский мужик. Его вековые устои — община и артель — не более как фикция. Все упования и начинания наших народников, видящих в земледельце и кустаре все спасение России от ужасов капиталистического производства, одна химера.

Не довольствуясь теоретической разработкой вопросов в многочисленных статьях а также постоянной и резкой полемикой с нашим «отживающим» народничеством, журнал «Новое Слово» обратил особое внимание на жизнь русской провинции, при чем сразу же и довольно резко стал в оппозицию к администрации, переформированному земству, церковно-приходским школам и пр. Что касается, наконец, жизни за границей, то и здесь внимание журнала в хрониках и письмах занимают исключительно вопросы труда в различных его формах, борьба парламентских партий, победы социалистов и пр.

Задорный тон, резкость выражений журнала постоянно обращали на себя внимание цензуры: о содержании многих книг комитет доносил главному управлению по делам печати и несколько раз из журнала вырезывались целые статьи. Эти меры имели, однако, мало влияния, доказательством чего служит представленная в комитет 20 ноября вторая книга журнала.

В отделе беллетристики очерк М. Горького «Бывшие люди» рисует сочувственными штрихами образы босяков, противопоставляя им сытого кущца-негодяя и сына его, молодого интеллигента-кулака. В «эскизах и стихотворениях в прозе» — «Листопад» — опять образы голодных детей на улицах безумствующей в роскоши столицы, далее — смерть рабочих в шахте от недосмотра переутомившегося машиниста, еще далее — серая толпа народа, движущаяся к закрывающим весь мир стенам, из-за которых слышен адский шум машин. Очерк Вересаева «В одиночку», опять-таки рисует рабочего, который терпит фабричную муку лишь для того, чтобы сколотить несколько денег и сесть на землю. Автор не симпатизирует целям своего

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

героя, поющего какой-то любовный, восторженный гимн «крестьянству», ибо, говорит он, «в деревне, при малоземелье, поедание друг друга со страшною необходимостью вытекает из самой сути неудержимо распадающегося крестьянства, вытекает с такою же необходимостью, с какою братское единение вытекает из царства машины».

Статью «Два вопроса из области фабричной гигиены» небезызвестный профессор Эрисман начинает цитатой из сочинения одного английского исследователя, приглашающего богатую даму сообразить, сколько труда, страдания и смерти стоили шелк, обои и занавески ее гостиной.

В статье «Артельная эпопея» доказывается, что наши народолюбцы, выращивая великое «артельное начало» в русском народе, на деле оказались повивальными бабками для отечественных предпринимателей — мелких, средних и крупных капиталистов.

Обширное письмо из Франции посвящено вопросам труда в парижском муниципальном совете. Наконец даже в статье «Юбилейная выставка Беклина (художника) в Базеле» и то затронут вопрос о товарно-капиталистическом производстве и роли современной буржуазии.

На этом сплошном фоне присущих журналу тенденций резче выступают следующие статьи:

«Из жизни провинции». Автор осмеивает проект орловского помещика Стаховича, приглашающего дворянство к самодеятельности и объединению. Должен явиться таким образом новый синдикат русских аграриев в pendant к разным синдикатам крупных промышленников, тогда как для представителей труда не существует еще законных рамок хозяйственной и иной самодеятельности, если не считать единственного во всей России исключения, а именно «горнозаводских товариществ», действовавших на основании высочайше утвержденного 8 марта 1861 года положения о горнозаводском населении казенных горных заводов министерства государственных имуществ. В статье подробно рассказывается о всех перипетиях борьбы, происходившей на казенном Златоустовском заводе, где рабочие отстаивали попираемые начальством законные права. Далее, автор подбирает целый ряд корреспонденций из провинциальных газет, рисующих тяжкое положение трудящегося класса там, где коллективная самодеятельность этого класса сталкивается с непризнаванием ее законом.

В «Письме из Торжка» передовые начинания земства, к крайнему огорчению автора, уступают место влиянию нового элемента «чумазых», являющихся ставленниками администрации. Вторая половина письма посвящена описанию злоключений народных учителей, преследуемых инспекцией за неблагонадежность.

«Иностранное обозрение» начинается выражением симпатии немецким националистам в венском рейхсрате (по поводу последних драк депутатов), «ибо, — как говорит автор, — чем меньше выказывают граждане смиренной уступчивости, чем упорнее стоят они за свои права, тем плодотворнее их деятельность в смысле осуществления высших идеалов справедливости». Далее следует речь, произнесенная социалистом Девиллем во французской палате депутатов,—речь, подробно излагающая всю программу коллективистов.

Книга заканчивается статьею «Текущие вопросы внутренней жизни» (правила и инструкция 20 сентября о продолжительности и распределении рабочего времени), — автор которой, вопреки 97 ст. устава о цензуре и печати, в резкой форме осуждает

законоположение 2 июня 1897 года с дополнительными к нему правилами, имеющими вступить в силу только с января будущего года» [1]).

Разделяя мнение и взгляды цензора, комитет, отдав распоряжение об аресте ноябрьского номера, представил 22 ноября в главное управление доклад цензора, добавив при этом с своей стороны, что он также находит, «что журнал «Новое Слово» старается разрабатывать марксистское учение не только в абстрактной его форме, но зачастую и в чисто конкретной, на почве событий из русской жизни. Так, например, редакция: 1) не пропускает ни одного случая стремлений так называемых передовых земств России (в настоящем номере журнала — пресловутого тверского); 2) обращает исключительное внимание на все темные стороны рабочего вопроса и 3) в ноябрьской книжке доводит свою дерзость до решимости подвергать резкой критике закон, не вступивший еще в силу (статья «Текущие вопросы внутренней жизни»).

24 ноября начальник главного управления, оставивший по себе печальную память в истории русской печати, М. П. Соловьев пригласил к себе председателя цензурного комитета Коссовича, «для необходимых объяснений» по поводу тех мер воздействия, которые «должны были быть применены к непокорному «Новому Слову», участь которого при этих «объяснениях» и была решена. Соловьев и Коссович пришли к заключению, что существованию и дальнейшей деятельности «Нового Слова» должен быть положен предел. На основании примечания к ст. 148 уст. о ценз., вопрос о прекращении того или другого периодического издания подлежал рассмотрению особого совещания из министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора синода, обычно называемого совещанием 4-х министров. 29 ноября Соловьев представил министру внутренних дел И. Н. Дурново о «необходимости прекратить издание «Нового Слова» в порядке, указанном примечанием к ст. 148», при чем писал так:

«Ежемесячный журнал «Новое Слово» издавался на средства г-жи Поповой под номинальной редакцией ее мужа группою писателей либерально-народнического направления и в феврале сего года был уступлен издательницею г-ну Семенову [2]), оставаясь попрежнему под редакцией г-на Попова, но на самом деле перейдя в руки последователей К. Маркса, во главе которых стали приват-доцент юридического факультета СПБ-ского университета и преподаватель в средних учебных заведениях тит. сов. Туган-Барановский и молодой экономист Струве.

Одностороннее направление «Нового Слова», выражавшееся в указаниях на исключительно темные стороны русской жизни, в обличениях правительственных лиц и особенно земских начальников и критике распоряжений правительства, при новой редакции получило более резкую обоснованную форму. В статьях научного содержания последовательно проводится учение К. Маркса и Энгельса; в беллетристическом отделе первое место дается таким произведениям, в которых раскрывается борьба классов и бедственное состояние рабочего люда. С особою яркостью эта тема разработана в талантливых повестях Горького (псевдоним Пешкова) «Коновалов» и «Бывшие люди».

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

[2]) Ранее сего Семенов, по указаниям известного социалиста Бонч-Бруевича, живущего в Женеве, занимался изданием сочинений социалистического направления. *Прим. подлинника.*

Резкость обличительных статей, помещавшихся во «Внутренней хронике» и в «Провинциальных корреспонденциях», неоднократно уже вызывала замечания цензурного комитета, который, по соглашению с главным управлением, неоднократно предлагал редактору «Нового Слова» исключать наиболее резкие статьи из представляемых в цензуру книг, и редакция всегда беспрекословно подчинялась указаниям комитета, оставаясь, впрочем, неуклонно верною своему социалистическому направлению.

Издаваемое в 4.500 экз. «Новое Слово» распространяется не только среди молодых читателей, податливых на всякую модную и новейшую теорию, но проникает и глубже, в такие слои общества, в которых смена модных теорий происходит не так быстро, как среди образованной молодежи, но может пустить более прочные корни, получить своеобразное развитие и затем действительно выразиться в общественной жизни. Из жалобы земского начальника 7 участка Чердынского уезда, Пермской губернии, на оскорбительные отзывы об его деятельности, допущенные в сентябрьской книжке «Нового Слова» 1897 г.. оказывается, что эту книжку доставил земскому начальнику волостной писарь: по этому можно судить, как глубоко распространяется журнал, задачу которого составляет пропаганда последней формации социализма.

Безличная роль несущего ответственность за издание редактора Попова и строгий надзор цензуры заставили редактора искать освобождения от такого положения, а издателя Семенова ходатайствовать о назначении редактором тит. сов. Туган-Барановского.

Явившись в главное управление 25 ноября, г. Туган-Барановский заявил, что он держится экономической теории К. Маркса, что в этой теории он не усматривает ничего предосудительного, так как она излагается в качестве научной теории в связи с другими политико-экономическими учениями в университете; что полным выражением этого учения с политической точки зрения может служить мнение Энгельса, напечатанное в ноябрьской книжке «Нового Слова»; свою же политическую благонадежность Туган-Барановский подтверждал тем обстоятельством, что он состоит на службе в министерстве народного просвещения и допущен к преподаванию в университете и средних учебных заведениях.

В октябрьской и ноябрьской книгах «Нового Слова» помещен не оконченный еще перевод публичных чтений проф. Вернера Зомбарта (социалиста) под названием «Социальное движение в XIX столетии» [1]). Автор вполне разделяет основные положения К. Маркса. По учению сего последнего все исторические события определяются состоянием экономического производства и являются в целом борьбою классов. Феодальное натуральное хозяйство было побеждено денежным буржуазным. Буржуазия, пользуясь плодами победы, развила капиталистическое производство, результатом которого было сосредоточение капиталов и появление пролетариата среди непосредственных производителей, которые под гнетом возрастающей нужды являются естественным врагом существующего общественного порядка, созданного капиталистами для своей охраны. В будущем победа должна остаться за рабочим пролетариатом и должна выразиться в передаче «орудий производства», т.-е. земли и фа-

[1]) Баденское правительство запретило Зомбарту публичные чтения. *Прим. подлинника.*

бричных механизмов, в собственность общества. Таким образом целью исторического процесса ставится упразднение частной собственности на землю и орудия производства в тесном смысле и установление коммунизма.

Неудача социалистических движений 1848 г. заставила Маркса и его последователей признать нецелесообразность революционных переворотов и рекомендовать вместо них эволюцию, которая приведет к коммунистическому строю общества посредством приобретения рабочими преобладающего политического значения в правительственных учреждениях и путем законодательным перестроит общественную организацию. Такой радикальный переворот Маркс считает мирным результатом естественной эволюции. Такую теорию проповедуют и наши марксисты в «Новом Слове» и некоторых других изданиях, в последних, впрочем, с меньшею откровенностью, налегая более на бедственное положение нашего рабочего класса, а с теориями знакомя по корреспонденциям из-за границы и по выдержкам из иностранных газет; к таким органам печати принадлежат московские журналы «Русские Ведомости» и «Русская Мысль», имеющие широкое распространение: первый — в среде учащейся молодежи и в «интеллигенции»; второй, кроме того, в провинции.

Мирный переворот, о коем мечтают марксисты, обусловлен исключительно представительно-народною формой правления западно-европейских государств, которая обусловливается борьбою политических партий и становится органом победившей партии. Победа одной партии дает победившей господство над побежденными, интересы которых приносятся в жертву победителям. Рабочий класс, по теории парламентаризма, обеспечив большинство своим представителям, сделается полновластным владыкою и на законном основании изменит экономический строй государства. На такую победу рассчитывают марксисты. Представление о верховной власти, пекущейся о совокупном благе государства, о защите слабых, о примирении классовых антагонизмов во имя общежития, затмевается под влиянием возрастающего народовластия в государственных учреждениях Западной Европы. Если ожидания марксистов не противоречат духу западно-европейских конституций, основанных на полновластии большинства политических представителей страны в законодательных собраниях, то проповедь коммунизма, осуществимого силою пролетариата в России, может содействовать только пробуждению разрушительных инстинктов, так как прямого закономерного участия в государственном управлении и законодательстве народ не имеет, а вследствие сего и самое учение К. Маркса, которому сторонники его стараются придать исключительно теоретическое академическое значение, на самом деле оказывается революционно-коммунистическим и с полной справедливостью вызывает применение 95 статьи устава о ценз. и печ. к сочинениям, сочувственно излагающим такое учение.

В заключение да позволено будет присовокупить, что указанная Марксом борьба классов, представляющих собою имущественные подразделения общества, сводит все историческое движение человечества на экономическую почву материализма и отвергает необходимость религиозных и нравственных элементов для исторической жизни человечества. Марксизм подает руку так называемому экономическому материализму, как основному якобы принципу при изучении истории, проповедниками которого являются у нас гр. Л. Толстой, проф. Милюков, Эрисман, Исаев и другие. Само собою разумеется, что воззрения Маркса, возлагающего все свои упования на конституционный строй Западной Европы, находят себе

поддержку в либеральном лагере, вожделеющем об «усвоении «правового порядка» Россией» [1]).

Дурново вполне одобрил предположение Соловьева о закрытии «Нового Слова» и приказал составить по этому делу соответствующее представление в совещание 4-х министров. Главное управление составило целый трактат, в котором коснулось и марксизма вообще и его последователей в России, и дало полную и подробную, с цензурной точки зрения, характеристику и историю «Нового Слова».

«Созданная на Западе Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом новая школа так называемых «экономических материалистов»,— писало главное управление,— приобрела за последнее десятилетие немалое число последователей и среди представителей нашей молодежи отечественной экономической науки, известных в литературе под именем «нео- или русских марксистов».

Исходя из того основного положения, что единственным всеобъемлющим фактором, определяющим собой все последовательно переживаемые человечеством фазисы его развития и исторические формы общественной организации, являются исключительно заложенные в природу человека материальные потребности, что законы экономического развития наций, благодаря указанному обстоятельству, представляются совершенно одинаковыми для всех государств, какими бы своеобразными условиями общественного быта они ни отличались, и что современный «капиталистический» способ производства ценностей, основанный на неправомерном присвоении капиталистом-предпринимателем известной части (прибавочной стоимости) продукта, выработанного рабочим, вносит полнейший хаос в организацию общественного труда и превращает непосредственных производителей в класс вырождающихся бесправных рабов-пролетариев, наши отечественные неомарксисты доказывают, что капитализм, успевший уже проникнуть в Россию с Запада и пустивший здесь глубокие и прочные корни, неминуемо приведет ее, равно как и все западно-европейские государства, к такой форме общественной организации труда, когда все орудия производства из рук капиталистов должны будут перейти в руки непосредственных производителей — «обобществиться». С наступлением указанной эры, по учению марксистов, должно водвориться, наконец, «царство истинной свободы», в дезорганизованное ныне производство внесется стройный порядок, и станет совершенно уже немыслимым повторение тех ужасных экономических бедствий, в роде периодических кризисов, забастовок и пр., которые так губительно действуют на массы рабочего сословия.

Не имея до последнего времени в своем распоряжении самостоятельного органа повременной печати, который мог бы служить проводником проповедываемых идей, названная группа отечественных экономистов, по необходимости, вынуждена была ограничивать свою деятельность лишь издательством в свет отдельных книг и сборников, посвященных всесторонней пропаганде доктрин К. Маркса и его последователей. Но подобного рода явно-социалистическая проповедь, сразу завоевавшая самые широкие симпатии и популярность в кругу учащейся молодежи, не могла, конечно, не обратить на себя должного внимания со стороны ведомства печати. Все наиболее вредные по своему направлению экономические труды отмеченной категории своевременно задерживались и вносились главным управлением по делам печати в комитет министров для запрещения. Полная бесплодность, а главное, край-

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

няя убыточность пропаганды идей марксизма путем отдельного издательства побудили последователей названного учения приобрести в собственность один из существующих уже ежемесячных бесцензурных журналов. Таким изданием и оказался выходящий в свет в г. С.-Петербурге, принадлежавший жене отставного штабс-капитана О. А. Поповой, бесцензурный журнал «Новое Слово». В феврале текущего года главное управление по делам печати было поставлено в известность издательницей названного журнала о переуступке ею издательских прав на это издание в собственность дворянина Михаила Николаевича Семенова. По имеющимся в главном управлении и департаменте полиции сведениям, названный Семенов ранее сего занимался, в качестве подставного лица проживающего ныне в Цюрихе известного марксиста дворянина Бонч-Бруевича, издательством разного рода экономических сочинений социалистического оттенка, при чем неоднократно замечаем был в попытках обходить существующие цензурные затруднения.

Несмотря на то, что по программе, утвержденной министром внутр. дел при основании журнала, п. 2-м допускались лишь легкие научные статьи, преимущественно путешествия, исторические очерки и т. п., и что редактором издания попрежнему оставался штабс-капитан Попов, вышедшая в марте текущего года книга «Нового Слова» (№ VI) вполне определила для цензурного ведомства новое направление журнала, до того строго-народнического, как специального органа группы русских марксистов.

В какой мере усвоенное новой редакцией, под эгидой г. Семенова, направление может быть признано соответствующим действующим цензурным постановлениям и вообще удоботерпимым, выясняется вполне даже при самом общем и поверхностном обозрении содержания вышедших до сего времени семи книг журнала.

Провозглашая, почти на каждой странице, Маркса «великим учителем и творцом истинной экономической науки», впервые принесшим человечеству «откровение» в виде железного закона заработной платы и борьбы общественных классов, как результата существующего непримиримого антагонизма между трудом и капиталом, г.г. сотрудники журнала в каждой из помещаемых ими экономических статей ставят себе задачей или популяризировать вредные идеи названного ученого социалиста, или убедить читателя в полной несостоятельности выводов и положений общепризнанной классической школы экономистов. При этом в состав каждого из выходящих в свет номеров журнала обязательно вводятся две или три статьи, специально посвященные доказательствам прогрессивного развития у нас, во всех областях нашей народной экономической жизни, капитализма и порождаемого им класса пролетариев. Признавая, далее, вслед за своим «великим учителем» все существующие правительства лишь за органы, служащие выразителями интересов господствующих в данный момент общественных классов и по природе своей призванные защищать лишь интересы сих последних, редакция систематически прилагает все старания, чтобы дать читателю в каждом из номеров самый тенденциозный подбор фактов из области нашей текущей внутренней жизни, уличающий русские государственные власти в полном игнорировании нужд и потребностей низших классов населения. «Полуграмотные» земские начальники, проявляющие по деревням самый необузданный произвол, «укороченное» системой широкого административного вмешательства земство, поставленное благодаря последнему обстоятельству в полнейшую невозможность правильно функционировать и сколько-нибудь удовлетворять насущным потреб-

ностям местного населения, вопиющее невежество, поголовное разорение, полное бесправие и беспомощность крестьянства — вот обычные темы, затрагиваемые в многочисленных корреспонденциях журнала из внутренних губерний России. Но особенной предосудительностью, с точки зрения действующих законов о печати, отличается весьма пространный отдел журнала, знакомящий читателя с ходом современной политической жизни иностранных государств. Доминирующим центром всех отмеченных корреспонденций служит созданное на Западе Марксом, Энгельсом и их последователями рабочее движение и борьба социал-демократической партии с реакционными стремлениями всех остальных парламентских партий всевозможных буржуазных оттенков. Безапелляционно решив, что будущее «принадлежит одному только народившемуся в текущем столетии» четвертому сословию рабочих-пролетариев, редакция дает подписчикам самую детальную организацию западно-европейских рабочих партий и подробно знакомит как с содержанием их политических и экономических программ, так равно и с деятельностью современных корифеев рабочего движения, при чем особенным культом пользуется личность известного социалиста Бебеля, каждое слово которого, сказанное в парламенте, воспроизводится редакцией с чувством особенно глубокого благоговения. Так, например, в майской книжке журнала почти полностью приводится совершенно неуместная и отличающаяся непозволительным гаерством по адресу императора Вильгельма речь Бебеля, произнесенная им в заседании парламента от 12 мая нового стиля по поводу внесенного им предположения об отмене закона «об оскорблении величества». Насколько редакция признает для себя вообще малообязательным считаться с требованиями действующих цензурных правил — доказывается вполне чижеследующей, беспримерной по своей откровенности в летописях легальной литературы, дословной цитатой из той же майской книжки. «Как конечную цель своих стремлений, рабочая партия выставляет обобществление производства, а путем для достижения этой цели— пробуждение народа от умственной спячки и сознание им своих действительных интересов, освобождение от уз политического бесправия, экономического рабства и предохранения от физического вырождения. Главными конкретными требованиями для практического осуществления намеченной цели партия выставляет всеобщее, прямое и равное избирательное право при выборах в парламент, сеймы и общины, уничтожение палаты господ. Полная свобода слова и печати, отмена всех ограничений права собраний и организаций союзов. Устранение всех исключительных законов, уничтожение закона о бродяжничестве, бесплатное обязательное и неконфессиональное обучение в народных школах, назначение жалованья народным учителям из общегосударственных средств, бесплатность образования в средних и высших школах, введение восьмичасового рабочего дня, уничтожение косвенных налогов и введение прогрессивного подоходного налога, введение милиции на место постоянного войска, а пока — сокращение срока службы и т. д.».

В одинаковой мере предосудительным и тенденциозным представляется и весь беллетристический отдел журнала. Все как оригинальные, так и переводные произведения по легко усматриваемому замыслу редакции имеют лишь в виду наглядно демонстрировать читателю правильность проводимых в серьезных отделах журнала теоретических положений экономического материализма. Экспроприация сельского населения от земли и орудий производства (распадение общины и дифференциация ее членов), невозможные экономические условия крестьянского быта, влекущие за

собой полное вырождение, возмутительная и широкая эксплоатация крестьянских масс классами экономически более сильными и, наконец, попрание в мужике представителями всех видов нашей администрации всякого человеческого достоинства—вот те сюжеты, которые дают содержание помещаемым в журнале повестям и рассказам из народного быта. При этом характерной особенностью упомянутых произведений является тот факт, что герои из крестьянской среды почти все обязательно подвергаются авторами процедуре телесного наказания, но не по приговору, как того требует наш закон, волостных судов, а по личному произволу или земских начальников, или же представителей еще более низко стоящей сельской администрации.

Таким образом даже круг читателей, недостаточно развитых для понимания абстрактных научных теорий, знакомясь с содержанием упомянутых беллетристических произведений, постепенно и незаметно подготовляется к восприятию «истин и откровений» экономического материализма.

В заключение характеристики направления, усвоенного редакцией «Нового Слова», представляется нелишним остановиться несколько на последней, октябрьской, книжке, являющейся по отзыву СПБ-ского цензурного комитета значительно более умеренной, чем многие из предшествовавших ей номеров.

Так, в статье «Социальное движение в XIX столетии» — публичная лекция профессора Зомбарта — высказываются такие, между прочим, положения, как бы целиком вырванные из катехизиса самых крайних последователей экономического материализма: «История человечества есть либо борьба за доли пищевых средств, либо борьба за места на земле, доставляющие эти средства... Существующий же строй вытекает из характера производства и распределения материальных благ, составляющих необходимую основу человеческого существования». Переходя далее к рассмотрению свойств новейшего социального движения, автор определяет его следующим образом: «Новейшее социальное движение является социалистическим, так как оно в конце концов последовательно стремится к социалистической форме собственности. Каждый социальный класс является результатом и выражением определенного способа производства, пролетариат же — выражением той формы, которую принято называть капиталистической. Эти аморфные массы собираются со всех концов страны в одно место и среди них раздается призыв «живите». Это скопление является полным разрывом с прошедшим, разрывом всех связей с родиной, с деревней, с семьей, с прежними нравами; оно означает вместе с тем разрушение всех прежних идеалов среди этих масс, не имеющих ни родины, ни собственности, ни связей... Первые движения пролетариата — проблески жизни несчастных глубоко погребенных масс... Первоначально такого рода движения в большинстве случаев принимают формы разбоя и грабежа. Пролетарии стремятся уничтожить врага, разрушая его собственность... Их боевой клич — слова Д. О'Конора: «Конец несчастным, которые пьют кровь ваших детей, удовлетворяют свои похоти, губя ваших жен, и насыщаются вашим собственным потом».

В качестве комментария к напечатанной части лекций проф. Зомбарта можно добавить разве то, что последний, по заявлению редакции «Нового Слова», сделанному в одном из предыдущих номеров, лишен был баденским правительством права выступать публично с столь назидательными чтениями.

В корреспонденции с Кавказа (III письмо из провинции), озаглавленной «По поводу убийства феодала», сообщенный читателям факт убийства временно-обязан-

ными крестьянами горийского уезда из-за аграрных недоразумений местного землевладельца села Брили, князя Диасамидзе, комментируется автором следующим образом: «Случай с князем Диасамидзе не есть единичный только случай, вызванный какими-либо экстраординарными обстоятельствами. Это один из тех «эффектов», которые должны будут выплывать наружу, порождаемые общими экономическими условиями текущей действительности. «Примерное» наказание, которому без сомнения будут подвергнуты виновники в убийстве брильского феодала, конечно, нисколько не поможет делу и уж во всяком случае не предохранит на будущее время от повторения аналогичных же происшествий. Подобно всякой репрессии, это послужит только уроком для крестьян лучше «изворачиваться» и удачнее хоронить концы в воду». Подобного рода своеобразных толкований фактов уголовной хроники, можно утверждать, в литературе нашей еще не встречалось.

Ввиду всего вышеизложенного и принимая во внимание, что неоднократное применение к журналу «Новое Слово» столь серьезной меры цензурной строгости, как исключение из него отдельных наиболее предосудительных мест и даже целых статей, совершенно не отражается, как показывает опыт, на дальнейшем направлении издания и является средством, лишь в весьма малой степени способным парализовать вредное влияние остающегося журнального материала, и что периодическое появление в свет статей, проникнутых самым грубым материализмом и социализмом, может оказать на умы зачитывающейся ими молодежи крайне неблагоприятное и тлетворное воздействие, главное управление по делам печати признавало бы своевременным и целесообразным принять относительно журнала «Новое Слово», как безусловно вредного, самые решительные меры цензурной строгости».

Дело это было рассмотрено 10 декабря, и результатом его был последовавший 12 декабря всеподданнейший доклад министра внутренних дел о том, что совещание 4-х министров, «обсудив вопрос о вредной деятельности редакции журнала «Новое Слово», постановило прекратить вовсе издание этого органа печати».

17 декабря постановление совещания было опубликовано в «Правительственном Вестнике».

Между тем редакция «Нового Слова», как бы не предчувствуя той грозы, которая уже разразилась над нею, отпечатала в количестве 5.012 экземпляров и представила 16 декабря в цензурный комитет свою декабрьскую книжку. Комитет сообщил старшему инспектору типографии «о задержании всех экземпляров декабрьского номера «Нового Слова», ввиду того, что издание этого журнала совещанием г.г. министров и обер-прокурора воспрещено».

1 июля 1899 г. главное управление, по просьбе бывшего издателя «Нового Слова» М. Н. Семенова, разрешило продать на бумажную фабрику отпечатанные листы декабрьской книжки журнала «Новое Слово» за 1897 г., не выпущенные в свет вследствие прекращения издания сего журнала, «с тем, чтобы «старшим инспектором типографий были приняты необходимые меры к наблюдению за тем, чтобы означенные листы не попали в обращение в публике».

III.

«Начало».

«Начало» представляет собой ежемесячный бесцензурный журнал. Первый номер этого издания вышел в свет в январе месяце 1899 г. в Петербурге. Издателем и редактором его является Анна Александровна Воейкова, но фактически редакторами, повидимому, были П. Струве (вел внутреннее обозрение) и Туган-Барановский. Сотрудники журнала — лица, отчасти работавшие в «Самарском Вестнике» (П. Струве, Маслов) и «Новом Слове», отчасти лица новые. Среди сотрудников мы видим и Вл. Ильича Ленина (Вл. Ильин).

По словам цензурного комитета, «марксизм является здесь самоуверенным, торжествующим победу, требующим признания за своими последователями положения особого руководящего класса в русской жизни». Отделы и статьи журнала связаны между собой одной общей идеей. Система использования редакцией материала, помещаемого в журнале, такова: одна из статей выдвигает то или иное положение, является центральной, остальные же служат как бы комментарием и дополнением к ней. Это объясняется тем, что журнал «Начало», как было упомянуто, издавался без предварительной цензуры, и редакция это положение использовала.

Рассматривая материалы отдельных книг журнала «Начало», мы видим в первой книге, заключающей в себе первый и второй номер журнала (январский и февральский), что центральной является статья, которая говорит о преемственной связи русских марксистов от направления шестидесятников, возглавляемого социализмом Чернышевского и враждебного народничеству с самого начала [1]). Ряд статей рисует экономическое состояние России [2]) и законообразность исторических явлений [3]), массовое разрушение мелкого крестьянского хозяйства и, на основе этого, расслоение деревни [4]), высказывается уверенность, что «как бы мы ни были слабы, победа останется за нашими идеалами, — ибо таковы неизбежные законы «исторической эволюции» [5]); критикуется система народного образования и правовой порядок.

Ясно, что первый же номер журнала «Начало» заставляет цензурный комитет забить тревогу. Суммируя разбор отдельных статей и январского и февральского номеров, цензурный комитет в своем отношении в главное управление по делам печати дает такой отзыв о журнале [6]). «По мнению комитета, выпуск первой книжки журнала «Начало», хотя бы с исключением некоторых наиболее резких статей, принесет значительный вред. Учение в ней, проводимое с бесцеремонною последовательностью, «не есть научная теория, а социально-революционная доктрина, излагаемая притом догматически, как вероучение, с таким же не терпящим противоречий или компромиссов тоном. Откровенно высказанная в книге преемственная

---

[1]) «Начало» № I, стр. 140—167, отд. «Журнальных заметок», статья, озагл. «О наследстве и наследниках» — А. П.

[2]) «Заработная плата и земельная рента в русском земледельческом хозяйстве»

[3]) «Споры о фабрике и капитализме» — Туган-Барановский,

[4]) «Отголоски русской жизни» — Богучарский и «К характеристике влияния неурожая на жизнь деревни».

[5]) «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию» — Пругавин.

[6]) Д. № 86 1-го отделения канц. гл. упр. по дел. печ., 26 и 27 стр.

связь марксизма с разрушительною деятельностью наших политических отщепенцев 70-х годов дает зажигательный характер новому журналу. Ввиду сего комитет признал, что означенная книга журнала «Начало» принадлежит к числу тех особенно вредных произведений, которые подлежат действию статьи 149 устава о цензуре и печати».

Цензурный комитет накладывает на первый номер журнала арест, но главное управление по дел. печати представило дело министру внутренних дел и тот разрешил выпуск журнала с изъятием центральной статьи А. П. из отдела «Журнальные заметки», под заглавием «О наследстве и наследниках».

Мартовский номер журнала излагает идеи марксизма также последовательно и настойчиво. Здесь проводится красною нитью мысль, что жизнь создает буржуазию, но в то же время увеличивается и класс пролетариата [1]). Констатируется факт увеличения промышленного пролетариата, критикуются идеи народничества с их идеалом общины и сохранением земельных наделов за промышленным пролетариатом. Высказывается мысль, что только пролетариат осуществит социальный переворот и положит конец всякой классовой эксплоатации; проводится идея международной солидарности рабочих, рисуется разложение семьи, а эмансипация женщин ставится в неразрывную связь с коммунистическими идеалами [2]). Рисуется положение рабочего в России [3]) и эксплоатация детского труда [4]). Уделяется внимание стачкам рабочих [5]).

Мартовский номер журнала получил такой отзыв цензора:

«Принимая во внимание, что мартовская книга бесцензурного журнала «Начало» почти сплошь проникнута вредными учениями социализма и коммунизма, клонящимися к потрясению существующего порядка»,—что статьи по местам написаны в слишком ликующем, воинственном и победоносном тоне, что может произвести вредное влияние на читателя, что разрушительные тенденции марксизма здесь изложены с полной откровенностью и с глубокою верою в конечное торжество и победу,—цензор применительно к 95 статье устава о цензуре и печати полагал бы представить означенную книгу журнала «Начало» в комитет министров на предмет ее окончательного задержания».

СПБ-ский цензурный комитет, по выслушании доклада цензора, с своей стороны нашел, что и в мартовской книге журнала «Начало» продолжается подкапывание под современный строй России во всех отношениях. Участники журнала являются злейшими врагами России, стремящимися во что бы то ни стало стереть все, что составляет ее особенности, ее самостоятельность сравнительно с началами западноевропейской жизни. Они стараются даже поэтизировать свою поистине проклятую задачу. «Мы строим,—говорят они,—великий народный дворец из камня разобранных стен».

Мы ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами во след...
Мы вестники новых времен.
Весна молодая идет нам во след
Под сенью несчетных знамен.

---

[1]) «Что такое земледельческие идеалы» — Богучарский.
[2]) «Эволюция семьи и семейного воспитания» — Устинов.
[3]) «Корреспонденция из Азова» (стр. 37—44).
[4]) «Эксплоатация детского труда при чистке паровых котлов».
[5]) Отдел «Обозрение».

В мартовской книге «Начало» так называемые марксисты уже смело и прямо (в статье «Эволюция семьи и семейного воспитания») говорят о коммунистическом обществе, представляя настоящее в состоянии полнейшего разложения. Примечательно то, что для пропаганды социально-революционных идей марксизма они стараются уловить русскую женщину. Ей льстят, пред ней открывают соблазнительные перспективы доступной и для нее общественной и политической деятельности, ее приглашают покончить с патриархальной семьей, задуть семейный очаг, и нести на трудовой рынок наравне с мужчиной свою рабочую силу, детей же отдать на воспитание «обществу».

Такая задача выставляется все равно неизбежною, роковою, обусловленною неумолимым законом развития промышленности и техники. Надо только женщине самой ускорить процесс образования нового общества, разбивая традиционные оковы семьи.

Таким образом, по мнению комитета, журнал «Начало» является не просто выразителем известного нового течения русской общественной мысли, он вступает уже на путь пропаганды, он уже приглашает приступить к разрушительным действиям, направленным против одной из главных основ существующего строя—против семьи. Следовательно, тенденцию журнала можно назвать революционной и в теоретическом и в практическом отношении. Эта революционная тенденция прикровенно проникает более или менее все статьи журнала, подобранные для произведения на читателя известного впечатления. Особенно же направлена она на вопрос о «раскрестьянивании» сельской массы, ибо в сельской общине и во власти земли над крестьянином видят марксисты своих главных врагов. Поэтому они рады голоду, неурожаю, развитию в деревне кулачества и всему, что только обездоливает мужика и обращает его в пролетария.

Такое разрушительное направление мартовской книги журнала «Начало» приводит цензурный комитет к убеждению в необходимости представить эту книгу (по силе 149 статьи устава о цензуре и печати) на заключение комитета министров о невыпуске ее в свет по значительности вреда, который она может принести».

Но гроза и на этот раз пронеслась сравнительно благополучно для журнала. Была лишь изъята статья «Эволюция семьи и семейного воспитания», да для объяснений была вызвана в гл. упр. по делам печати А. А. Воейкова, как редактор журнала «Начало».

В апрельской книге вопросы экономического характера отступают на второй план, а на первый выдвигаются вопросы политической борьбы [1]). Выдвигается положение, что без устойчивого правового порядка невозможна экономическая борьба, нужно признать законность стачек рабочих в классовой борьбе. В этом номере впервые затрагивается вопрос о земстве. Земство желательно как орган государственный, самоуправляющийся, но не хозяйственный, бюрократический, как это есть в силу стеснений государственной власти [2]). Опять ставится вопрос о распаде семьи [3]). Религиозные верования и искусство—ставятся в зависимость от экономики [4]). Опять

---

[1]) «Отголоски русской жизни» — В. Богучарский (Яковлев).
[2]) «Вопрос о земстве в современной его постановке». «Письма из провинции».
[3]) «Перед концом» — Вербицкая.
[4]) «Итальянский скептицизм в эпоху возрождения». «Об искусстве» — Андреев.

журнал пытается выяснить преемственность марксизма [1]). Критикуется система народного образования [2]). Говорится об обогащении кулаков и мироедов за счет обнищания деревни и об экономическом закабалении мужика при существовании общины [3]).

Апрельский номер «Начала» был арестован и в свет не вышел. Заключительный отзыв цензурного комитета об этом номере следующий:

«Принимая во внимание, что в апрельской книге вышеназванного журнала «Начало» провозглашаются начала социальной революции, проповедуется разрушение современной семьи во имя ее грядущего обобществления, излагаются взгляды, несовместимые с христианским учением, дискредитируется современный административный и государственный строй управления» — «что в апрельской книге «Начало» разрушительные тенденции русского марксизма сделали значительный шаг вперед. Каждая новая книга этого журнала ярче и убедительнее открывает не только правительству, но и читателям, что участники журнала составляют кружок не литературный, а социально-политический, и цели преследуют прямо революционные, ибо подрывают основы нашей государственной, религиозной, общественной и семейной жизни. Их сфера — смута, иносказания, намеки, недомолвки; их надежды — на стачки, организованные протесты; их сочувствие — на стороне народных бедствий, голода, неурожая, обезземеления и разорения масс; их вера — в царство пролетариата на развалинах веками труда и гения народного выработанного строя.

За что же на утеху этих господ отдавать русскую молодежь обоего пола, и без того смутно настроенную. Отпора в среде самого общества этому направлению ожидать трудно. Печать не может сорвать маску с марксистов «Начала» и назвать их дело настоящим именем: ибо ей помешает литературная этика. По мнению комитета, исключения из книг «Начала» отдельных, наиболее резко выражающих тенденцию журнала статей, отнимая, быть может, у направления его крайние направления, не делают его, однакоже, менее вредным. Между тем эти исключения, вследствие производимого ими перерыва в счете страниц, кидаются в глаза читателям, заинтриговывают их, заставляют тем с большим вниманием вчитываться и искать скрытного смысла в остальном тексте книги. Да и для цензурного наблюдения такой способ действия неудобен: исключения административным распоряжением (помимо комитета министров или судебного приговора) отдельных статей из бесцензурного издания придают выходящим после такой операции в свет книгам журнала характер как бы одобренных цензурою и отнимают у последней почву для дальнейших более строгих мероприятий против вредного направления журнала. Наконец, у цензоров, наблюдающих за другими подцензурными журналами марксистского направления, теряется верная перспектива и правильное разумение пределов дозволяемого. Все эти соображения приводят СПБ-ский цензурный комитет к убеждению в необходимости, ввиду не только крайне вредного, но и зажигательного направления журнала «Начало», возможно скорее совершенно прекратить издание, подведя его под действие примечания к статье 148 устава о цензуре и печати. Апрельскую же книгу надлежит представить по силе статьи 149 в комитет министров на предмет воспрещения выпуска ее в свет» [4]).

---

[1]) «Не в очередь» — А. И. К-р-ий.

[2]) «Битые читатели» — Рубакин.

[3]) Отдел новых книг. По поводу книги Каутского — Вл. Ильин, стр. 168 и 169.

[4]) Д. гл. упр. по д. п. № 86, стр. 40.

Майский и последний номер журнала ярко рисует русскую действительность: голод в Поволжье, отношение к голодающим правительства [1]). В связи с пушкинскими днями дается характеристика А. С. Пушкина, как «бунтаря и революционера», по выражению цензора, и призыв почтить Пушкина именно в этой плоскости [2]): раздается голос против частной собственности.

Этот номер журнала характеризуется цензурным комитетом так:

«По выслушании доклада цензора, СПБ-ский цензурный комитет не мог не признать, что майская книга журнала «Начало», хотя по силе проявления отрицательного отношения к русской действительности и обнаружения разрушительной тенденции умереннее предшествующих книг, но все же безвредною по содержанию названа быть не может. Та боевая группа марксистского направления, представителем коей является «Начало», не должна быть вообще терпима в печати. Коль скоро у направления есть предвзятая цель: дискредитируя во что бы то ни стало в глазах читателей существующие политические и социальные условия русской жизни, возбуждать недовольство и жажду перемены строя, и то более ярко или менее ярко эта цель проявляется в статьях журнала, она сама по себе от того не становится безвредною. Ввиду сего цензурный комитет признавал бы более желательным возможно скорее вовсе прекратить издание журнала «Начало», представив о сем на благоусмотрение совещания четырех министров».

Этот номер журнала вышел в свет, но статьи «Голод в поселке», «Памяти А. С. Пушкина» и стихотворение «Прилив» были изъяты. 11 мая министр внутренних дел представил записку в комитет министров, который 1 июня 1899 г. запретил выпуск апрельской книги, а на совещании 15 июня передал вопрос о прекращении издания на рассмотрение четырех министров. Издание было запрещено на заседании 22 июня 1899 г., на котором присутствовали министры: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурор св. синода. Мотивы запрещения те же, что выставлял и цензурный комитет. О запрещении была помещена заметка в «Правительственном Вестнике», № 138 от 29 июня 1899 г., а 1 июля 1899 г. журнал «Начало» был изъят из обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях.

(Окончание следует.)

---

[1]) Д. 1-го отд. канц. гл. упр. по д. п. № 86, листы 26 27

[2]) Дело № 86, л. 86.

Из записной книжки архивиста.

„План убийства" Вильгельма II.

17 июня 1917 года б. член совета министра внутренних дел С. Е. Виссарионов допрошен был в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В числе других, ему задан был председателем Комиссии следующий вопрос:

«Вы не помните, не допрашивали ли Вы человека в крепости, который был уже приговорен. Он—еврей, не то анархист, не то максималист?» [1]).

Ответ:

«Да, допрашивал, но я его фамилию не помню. Существо допроса я вспоминаю, он предлагал произвести убийство Вильгельма, а также произвести взрыв какого-то завода».

Виссарионову указали дальше, что лицо, о котором идет речь, оказывало в прошлом услуги правительству, выдало несколько лиц, подало прошение на высочайшее имя. Фамилии этого лица Виссарионов «не помнил». При этом он однако заявил:

— На меня его слова произвели впечатление чего-то фантастического. Он просил его досрочно освободить и отпустить за границу; он там найдет сообщников, войдет к Вильгельму и лишит его жизни.

В письме от 29 февраля 1916 г. Виссарионов сообщает «милостивому государю» Евгению Константиновичу Климовичу [2]) и фамилию этого лица и еще кое-что такое, что несколько иначе освещает дело.

Из этого письма явствует:

1) что департамент очень интересовался этим «делом» (письмо послано было «в дополнение» к докладу Виссарионова на имя Белецкого);

2) что лицо, фамилию которого «забыл» Виссарионов, был содержащийся в московской пересыльной тюрьме ссыльно-каторжный Янкель Сосна («Яков Михайлов Сосна», как называет он себя сам);

3) что Сосна до этого был уже «опрошен»;

4) что при письме Виссарионова направлено было Климовичу «заявление» Сосны, написанное им в двух синих тетрадях, содержащих «заявление» Сосны. Сам автор называет это — «планом» убийства Вильгельма.

---

[1]) Из неопубликованной стенограммы допроса Виссарионова 17 июня 1917 г. в Петропавловской крепости.

[2]) Директор департамента полиции.

«Предприятию» придавали, видимо, крупное значение. Переговоры сторон были начаты давно. 27 октября 1915 года действительным статск. советн. Молловым составлен был «протокол», после «разговоров» с Сосной 26 и 27 октября 1915 г., содержащий условия Сосны. 15 января 1916 г. Виссарионов был у Сосны в пересыльной, после чего первый подал доклад об этом Белецкому.

И еще, видимо, было свидание Виссарионова с Сосной; на этот раз в Петербурге, в крепости, о переводе куда в одну из питерских тюрем настаивал Сосна. Если бы этого не было, Виссарионов, на вопрос председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии, не допрашивал ли он человека в крепости, ответил бы или отрицательно, или внес бы поправку. Но Виссарионов ответил утвердительно: «да, допрашивал». Быть может, «план» этот департаментом был выполнен и в большей степени, чем мы это знаем. Об этом лучше всего сказали бы сведения о дальнейшей судьбе Сосны. Но их у нас нет.

Итак, «чему-то фантастическому» департамент полиции уделил очень большое внимание?

Часть правды есть в этом определении Виссарионова. Но только часть. Внимание, которое уделил департамент «делу», говорит за то, что здесь было кое-что и реальное.

Что же «реальное» было в плане Сосны?

«Вам уже известно, что двоюродный брат мой, — писал Сосна Виссарионову, — состоит на службе у Круппа в течение 18 лет».

Итак — главное, — связь с чрезвычайно важным пунктом боеспособности немцев была, несомненно, в руках департамента. Департамент, конечно, проверил указание Сосны. Известно [1]), что во время войны департамент имел в Германии свой шпионский аппарат как внутри страны, так и в войсках через военно-пленных.

Кроме прекрасных связей было у Сосны еще кое-что:

1) он знал в совершенстве немецкий язык;

2) бывал в Германии;

3) с гордостью называл себя «аферистом» и, вероятно, мог претендовать на это имя.

А в Чрезвычайной Следственной Комиссии назвали, быть может, самое реальное: он оказывал в прошлом услуги правительству, выдал нескольких лиц, подал прошение на высочайшее имя»...

16 января 1916 г. Сосна написал Виссарионову «нечто несуразное», «написал просто из злости те несообразности, которые вы получили от меня 16 января».

Прошения на высочайшее имя и этого заявления у нас нет. Но следы об этом есть в деле д-та полиции «о ссыльно-каторжном Янкеле Меерове Сосне» (1915 г. № 312). Здесь находится доклад Виссарионова на имя Белецкого от 28 января 1916 г. Направляя при этом докладе Белецкому всеподданнейшее прошение и «новое» заявление Сосны, а также свой протокол, Виссарионов пишет ...«что все планы Сосны мало осуществимы по техническим основаниям» и что он, кроме того, опасается «серьезных затруднений» для

[1]) Дело департамента полиции 1915 г., по 6 делопроизводству, № 3435, отношение департамента от 5 апреля 1916 г. за № 103714 и донесение чиновн., особ. поручений при М.В.Д. Красильникова от 12/25 октября 1915 г. за № 1216 — там же.

правительства «в случае неудачи». Виссарионов знал, что Сосна осужден петербургским окружным судом 26—27 января 1908 г., на основании 1629, 1632 и 1634 ст. улож. о нак., в каторжные работы на 10 лет, по шестой судимости [1]). Казалось бы, при таком положении вещей планы неосуществимы: Сосна — человек с «определенной» физиономией, — с делом этим надо было кончить. Виссарионов, однако, предлагает дальше в своем докладе испросить для Сосны высочайшее помилование («ввиду одобрительного отзыва тюремной администрации о поведении» (!)) «с восстановлением в правах», ...«предоставив ему осуществление задуманных им планов на его личное усмотрение без ассигнования тех крупных сумм, о коих он упоминает (минимум 50.000 руб.) и без всякого руководства со стороны правительства»...

Скептически относясь к планам Сосны, Виссарионов, однако, явился к нему в московскую пересыльную для ведения дальнейших переговоров и для получения писаного плана, который и направил Климовичу.

Ниже публикуем текст «синих» тетрадей; они имеют обложки из плотной синей бумаги с наклейкой посередине. На последней — текст: цифра «4», «№ 1», «Яков Сосна», «одиночка». Слово «одиночка» отбито штампом, остальной текст — чернилами.

Вторая тетрадь такая же, только «№ 2». В обеих тетрадях по 16 страниц хорошей плотной рижской бумаги (есть водяные знаки). На обороте 16 страницы надписи: «Итого в сей тетради пронумерованных, прошнурованных и казенной печатью пропечатанных шестнадцать (16) листов. Заведывающий мужским одиночным корпусом Мирославский». Внизу четко сохранившаяся сургучная печать московской центральной пересыльной тюрьмы (Архив Революции и Внешней политики. Фонд. «Чр. Сл. Комм.»).

Иван Тоболин.

Тетрадь № 1.

Его превосходительству

члену совета министра внутренних дел господину Виссарионову.

Содержащегося в московской центральной пересыльной тюрьме ссыльно-каторжного Якова Михайлова Сосны.

12 февраля 1916 года.

Предисловие.

Ваше превосходительство.

Во время Вашего приезда ко мне, т.-е. 15 января, Вы выразили желание иметь хотя бы краткие схемы моих планов, касающихся [2]) предприятий, предложенных мною правительству. Желая удовлетворить это Ваше требование, хотя и с большой неохотой, я все-таки принялся за эту неблагодарную работу, но за

[1]) Памятная записка московск. губернат. от 1 окт. 1915 г. № 35255. — Дело № 312.

[2]) Разрядка наша. *И. Т.*

краткостью срока и моего крайнего расстройства (т. к. думал, что Вы прибыли лишь затем, чтобы освободить меня из-под стражи, а оказалось, что мое дело не продвинулось ни на шаг вперед) мое изложение этих схем, почти на двух листах, от 16 января оказалось настолько неудовлетворительным, что побудило Вас отнестись к оному изложению хотя и со справедливой, но чересчур строгой критикой. Были ли Вы правы или нет, об этом я здесь говорить не буду, да и дело вовсе не в том, скажу лишь, что для меня было ясно до очевидности, что Вы меня совершенно не поняли, так как измеряли мои схемы обычным масштабом, упуская из виду, что дело заключается вовсе не в том, как изложены эти схемы и исполнимы ли они с Вашей точки зрения, а в том, кто является исполнителем начертанного. Но так как, очевидно, Вы этого не знаете, то я решил представить один более или менее цельный план предприятия, в котором хотя и встретятся некоторые опущения деталей и мелких штрихов, сделанные отчасти умышленно, но дающий достаточное понятие как обо мне, так и о плане, согласно с которым я в действительности намерен действовать. Понятно, некоторые детали могут быть изменяемы сообразно с изучением в отдельности каждого обстоятельства на месте действия. Итак, имею честь наипокорнейше просить Вас, Ваше превосходительство, быть столь любезным, во-первых, отнестись к нижеследующему моему изложению как можно внимательнее и серьезнее и, во-вторых, представить все мое суждение на рассмотрение: его высокопревосходительства г. министра внутренних дел для совместного обсуждения с г. председателем совета министров и г. военного министра.

Предпосылаю своему плану следующее категорическое заявление: 1) дело должно вестись так, что при каком бы то ни было результате ни немцы, ни их союзники никогда и ни при каких результатах не должны узнать подданство лиц, убивших Вильгельма. 2) Вы, Ваше превосходительство, при личном со мной объяснении заметили, что если бы такое дело удалось, то оно вызвало бы естественно панику в Германии. На это я позволю себе заметить, что Ваше суждение не совсем верно. Я вижу, по совершении этого акта, не панику только, а полнейший крах всей авантюре. Дело в том, что все немцы, начиная от захудалого мужика до первейшего вельможи, от последнего солдата до фельдмаршала, одним словом все и вся — видят в своем кайзере как бы предзнаменование свыше, он в их глазах кумир, божество, которому предназначено зажать в свой железный кулак весь божий мир. Но как только это божество будет свержено с Олимпа, то картина совершенно изменится: и как народ немецкий, все войско их, так и все их союзники, будут рады-радешеньки, если авантюра эта закончится хоть сколько-нибудь сносно для них. Я уверен, что картина в общих своих чертах получится та же, какая получилась у французов после падения Наполеона, и 3) Слов нет, я не скажу, что план мой не является коварным и даже в некотором

смысле подлым, но как же иначе наказать врага, залившего мир кровью миллионов людей и сделавшего несчастным еще более миллиона людей, и который готовится благодаря своей ненасытной алчности еще пролить море человеческой крови и еще миллионы людей сделать несчастными. Кроме того, разве вся система, во всей своей совокупности, ведения современной войны при своей технике не превратилась в беспощадную бойню, разве она, эта война, не является вопиющей подлостью. Таким образом, если желательно в действительности и окончательно сломить врага, чтобы он больше не мог поднять своей головы, то не приходится считаться с средствами, а нужно срубить эту голову, ибо клин надо вышибать клином.

Проект плана.

Пункт 1. Прежде всего еще раз напомню, что никаких денег на мое предприятие от правительства не потребуется, так как необходимые средства будут доставлены лицом, согласно моему заявлению от 16 января и отмеченному Вами, с тем, однако, условием, чтобы за время моего отсутствия, жена моя получала ежемесячно пособие от правительства, согласно протоколу, составленному от 27 октября пр. года действительным статским советником г. Молловым, и, наконец, если задача моя будет выполнена в своей какой-либо части, то правительство обязуется вернуть деньги лицу, предоставившему их для моего предприятия.

Примечание. Самый точный отчет по расходованию денежных сумм будет представлен.

Пункт 2. После необходимого мне отдыха, как сказано на одной из страниц в 2 листах от 16 января текущего года, я явлюсь в Петроград или куда будет приказано, где, между прочим, мне необходимо точно узнать от высших властей, считается ли мое предложение настолько важным, как я выше об этом говорил, и если этот факт будет мною установлен в утвердительном смысле, тогда я отправлюсь в один из провинциальных городов Швеции, где завербую трех человек, приблизительно моего возраста, с техническим образованием, обязательно дворян, которых привезу в Петроград, где их должно определить на службу по их специальности, и при таких договорных условиях, чтобы они не пожелали и не могли вернуться на родину за все то время, которое мне понадобится для совершения начертанного задания. Им должно выдать копии с их документов, а последними я воспользуюсь для моих целей. После чего правительство должно мне дать двух человек в сотрудники и, если возможно будет, то офицеров генерального штаба, но если не найдется охотников, то нужных мне людей я найду сам. Требования, предъявляемые к двум моим сотрудникам, суть следующие: 1) оба должны быть интеллигентные люди,

физически здоровые, похожие на шведов или немцев, от 30- до 40-летнего возраста; 2) оба должны хорошо владеть шведским и немецким языками; 3) оба должны быть опытными авиаторами, более или менее знакомыми с техникой и механикой и 4) они должны быть преданы государю и родине настолько, чтобы в нужный момент не задумались пожертвовать собой.

Пункт 3. Когда лица, согласно вышесказанным требованиям, будут налицо, тогда я попрошу правительство снабдить меня письмом частного и секретного характера к представителю российской империи, аккредитованному при шведском короле; в оном письме должно быть лишь сказано, чтобы мне было оказано некоторое содействие в указании нескольких видных сановников, зарекомендовавших себя ярыми германофилами, и чтобы упомянутый представитель принял временно на хранение деньги, которые ему будут нами вручены. Вот и все, что мне потребуется от сказанного представителя. Что касается рекомендаций к этим шведским сановникам-германофилам, то их я добуду собственными средствами. После чего одного из моих сотрудников я направлю к одному из таких сановников, от которого им будет получена протекция к германским властям на предмет принятия нас на службу в качестве добровольцев-партизан. С документами привезенных мною в Россию трех лиц, с о г л а с н о м о е й с и с т е м е (о с у щ н о с т и т а к о в о й у м о л ч у), б у д е т у с т р о е н о н е ч т о, ч т о м ы о к а ж е м с я и м и, т.-е. фотографические карточки будут приложены к документам, с нахождением таковых при учреждении, выдавшем эти документы, везде, где это нужно, будет засвидетельствовано, что мы являемся теми самыми лицами прилагаемых карточек, самого благонадежного поведения, отправляющимися в Германию с целью ходатайствования лично о приеме на службу добровольцами и изготовления аппарата для надобностей этой службы на собственный счет; так как все трое хорошие летчики, то служить хотят (если германские власти разрешат) в отряде воздушного флота, действующего на русском фронте.

Примечание 1. Если в Швеции нам будет отказано почему-либо в разрешении отправиться в Германию, как подданным этого государства, с вышесказанною целью, то мы, узнав об этом заранее, не объявим своей цели, а лишь заявим, что едем для практики по авиационному делу и приобретения аппарата-самолета.

Примечание 2. Деньги будут взяты от нашего представителя в размере, сколько потребуется, и будут переданы шведскому консулу в Германии на хранение, а расходоваться будут по мере действительной надобности.

Пункт 4. Мы прибудем в Германию с документами, выданными соответствующим консульством, удовлетворяющими всем требованиям и условиям настоящего времени. Так как наличность рекомендации

из Швеции еще вовсе недостаточна, а требуется протекция влиятельных лиц в самой Германии, дабы можно было добиться приема нас на службу, в полном соответствии моего плана, то мною будет сделано следующее: 1) ввиду того, как Вам уже известно, что двоюродный брат мой состоит на службе у Круппа в течение более 18 лет, то у него имеются связи, главным образом через родных его жены, я буду иметь возможность получить рекомендации в том смысле, как мне будет желательно, к некоторым лицам, переходя от которых все далее я, таким образом, доберусь до семейства Круппа, от которого уже получу протекцию к тем властям, от которых будет зависеть прием нас на службу, согласно нашему желанию и условию. 2) Кроме того, как Вам, вероятно, тоже известно, в Германии существует Боннский университет, в котором Вильгельм в качестве студента проходил курс наук. Вблизи этого университета проживают и поныне два бывших профессора, к которым Вильгельм не только благоволит, но является их другом и с которыми переписывается и часто обращается к ним за советом, не взирая на то, что он — кайзер, а они, хотя и ученые, но очень скромные люди. Они, эти бывшие профессора, занимаются исключительно научными трудами в тиши своих кабинетов, почти вовсе не выходя из них, и почти совершенно не интересуются делами и переживаниями внешнего мира, кроме научных вопросов, живут по раз установленному порядку, с чисто немецкой аккуратностью крайне однообразно. Вместе с тем они очень доступны, и их посещает масса публики: их бывшие слушатели-студенты, профессора теперешние, нынешние студенты и частные люди, кому есть до них надобность. Ко всему сказанному нужно добавить, что эти люди весьма доверчивы и очень мало знакомы с практической стороной жизни.

Из вышесказанного ясно, что я хорошо осведомлен о жизни этих людей и вообще в курсе дела, а стало быть также ясно, что у меня есть место, откуда я могу получить рекомендацию к упомянутым ученым; я получу рекомендацию к нынешним профессорам, бывшим студентам — товарищам Вильгельма по университету, от всех же этих лиц я получу протекцию как к нужным властям, так и несколько писем непосредственно к Вильгельму. Тем временем, пока я буду занят вышеприведенными делами, мои товарищи-сотрудники войдут через посредство Иогансена (уже известного Вам близкого родственника моего брата) в корпорацию авиаторов, где будут заняты приобретением аппарата по последнему слову техники, равно отвечающему всем нашим требованиям. Кроме того, ими будет заказано несколько тысяч прокламаций, напечатанных на русском языке, согласно тому образцу, который они получат от меня, с целью бросания их в районы расположения русских войск (понятно, это не будет делаться в действительности). Понятно также, что эти прокламации будут напечатаны в духе весьма выгодном и лестном для немцев. Закончим эту операцию приобретением еще огнестрельного оружия, кинжалов с отравленными лезвиями и всего того, что найдено нужным будет.

Таким образом из сказанного можно будет усмотреть, что нами будут приняты все меры к тому, чтобы мы были приняты в отряд воздушной эскадры врага, действующего на русском фронте; даже в том случае, если немцы принимают только своих чистокровных же немцев, они сделают в данном случае исключение. Если же, не взирая на все рекомендации и протекции, нас все-таки не примут официально, то сделают это частным образом, т.-е. разрешат действовать отдельно в качестве партизан, что будет мною достигнуто наверняка средствами, о которых говорить здесь не хочу.

Примечание 1. Если нас примут официально, как сказано в 4 пункте, то только двоих, меня и одного моего сотрудника, ибо второго я оставлю в тени, в качестве нашего резерва и для другой надобности, которая будет видна из дальнейшего изложения.

Примечание 2. Кроме писем непосредственно к Вильгельму, я приобрету собственными средствами медальон, носимый на шее, с портретом одного из более уважаемых ученых кайзером, с соответствующей надписью, что будет служить показной рекомендацией в ставке вражеского кайзера, не требующей обычной справки, раз от этого ученого будет доставлено собственноручно им написанное письмо.

Пункт 5. В том или другом случае, как сказано в конце 4 пункта, после всей подготовительной работы, которая займет не более месяца времени, мы все трое отправимся на нашей машине через расположение фронтов врага к тому месту, где по данным, которые мы будем иметь, находится ставка Вильгельма, указанием чему послужат охраняющие его аэропланы. Перелетая же фронты противника, мы будем иметь возможность приобрести ценные данные о численности войск противника, его составе и местоположении, им занимаемом, так как враги в нас стрелять не будут и преследовать точно так же, узнав по типу машины своих.

Весьма возможно, что нам придется бросать бомбы в районы расположения наших войск, но понятно, что это будет делаться там, где эти бомбы не причинят никакого вреда. В приличном расстоянии от данного местопребывания Вильгельма мы выберем себе укромное место, где спустимся на землю и высадим того сотрудника, о котором я говорил в примечании первом 4 пункта, который отправится к одному из наших штабов, где представит кому следует все те данные, которые окажутся к тому времени в нашем распоряжении. Между прочим, мы так условимся, что будем знать как его местопребывание, так и он наше. Затем изготовившись, мы прилетим в ставку кайзера.

Примечание 1. В том месте, где мы спустимся на землю, кроме высадки товарища, мы повредим свою машину настолько, чтобы эта порча имела самый натуральный естественный вид,

в полной согласованности с теми объяснениями, которые нами будут даны немцам.

Примечание 2. В том положении, которое мы будем занимать, нам, быть может, встретится много таких возможностей, где мы сможем оказать существенную пользу нашим войскам, но делать это мы будем лишь в исключительных случаях и с чрезвычайной осторожностью, когда будем видеть, что такое действие имеет за собой ценность огромной важности, ибо все наше внимание должно быть сосредоточено на главной нашей задаче.

Пункт 6. Когда мы перелетим то пространство, которое мы сделаем с испорченной в некоторых частях машиной, мы спустимся вблизи ставки Вильгельма.

Конечно, прежде всего мы расскажем историю приблизительно следующего содержания: мы пролетали над фронтами расположения русских войск, где сбросили большое количество прокламаций и несколько бомб, но ввиду сильного обстрела и преследования таких-то воздушных аппаратов, в связи с порчею в некоторых местах нашего аппарата, мы вынуждены были поспешно уйти с места действия. Потом мы сдадим письма для передачи Вильгельму (копии с этих писем будет иметь товарищ, высаженный нами). Принимая во внимание: во-первых, самый аппарат наш, ясно свидетельствующий его германское происхождение, во-вторых, упомянутые письма, в которых, между прочим, окажется убедительное ходатайство об оставлении нас в ставке Вильгельма, как обожающих кайзера и весьма ревностных поклонников его гения людей; в-третьих, прокламации также послужат хорошей рекомендацией; в-четвертых, некоторые мелочи, имеющие показной частный характер, как письма некоторых видных людей в Германии, медальон-портрет с соответствующей надписью лица, уважаемого самим Вильгельмом; в-пятых, наконец, документ, который мы будем иметь от германских властей, разрешающий нам действовать в пользу немецких интересов, в качестве партизан, и наш прилет со стороны русского фронта и испорченная машина, — ясно будут свидетельствовать, что мы действительно и несомненно их друзья. Им никогда не придет в голову, при наличности всех перечисленных мною данных, о наших дерзких, нахальных и коварных замыслах. А с первой минуты нашего появления в ставке, мы наготове к исполнению нашей задачи. Кроме нашей готовности действовать, у меня есть основание полагать, что мы будем иметь достаточные шансы на успех, так как нас несомненно могут оставить в ставке Вильгельма на службе; но если это не удастся, то, во всяком случае, нас не выпроводят раньше, чем будет исправлена машина, а этим временем мы постараемся воспользоваться. Так или иначе произойдет дело — будем видеть на месте.

Некоторые привычки Вильгельма мне более или менее знакомы; например, его стремление в некоторых случаях остаться одному где-нибудь в стороне, далеко от окружающих его людей, и хотя его охра-

нители наблюдают за ним, но с более или менее почтительного расстояния. Словом, как бы то там ни было, но момента своего мы не пропустим. Для совершения этого акта, т.-е. убийства Вильгельма, мы выберем оружие, какое позволит положение вещей, включительно до моего снаряда, т.-е. того средства, как я уже заявлял, коим причиняется моментальная смерть. Как заранее будет между нами условлено, товарищ мой явится исполнителем этого акта, а я буду занимать такое положение с приготовленным аппаратом, чтобы ему после того, как дело будет сделано, можно было спасаться вместе со мной, но если он во-время не успеет добежать до меня, то ему останется только покончить с собой, чтобы не подвергнуться пытке и прочим прелестям; впрочем на этот счет мы оба приготовимся. Если же мне придется удирать, то я сделаю это только в том случае, во-первых, если увижу полнейшую невозможность спасти товарища и, во-вторых, увижу, что цель достигнута. В противном случае, если я завижу несостоятельность моего товарища, или вообще какую-нибудь заминку с его стороны, тогда я сам обращусь на врага. Сознаюсь, что мне совсем нежелательно самому убивать его, по причине лишь того, что за это могут сильно поплатиться мои соплеменники, проживающие в Германии и Австрии, а узнают о моей национальности по особому знаку на теле, свойственному семитам. Однако я знаю заранее, что в силу того неотвратимого закона, по которому летит ядро, выброшенное орудием, или камень, падающий с высоты, я буду вынужден при условиях, как выше сказано, сделать это. Ибо в такой момент не приходится думать только о спасении себя, так как дело это важнее не только каких-нибудь двух жизней, но если бы потребовалось отдать тысячу жизней, то и тогда за такое дело можно было бы ими пожертвовать, соображаясь с тем обстоятельством, что в нынешнее горячее военное время погибает ежедневно, а подчас и зря, много, много жизней. Прошу заметить, что из всего вышесказанного вовсе не следует, что мы бросимся убивать или что бы то ни было делать на авось. Нет, мы будем исполнять то или другое дело только в том случае, когда будем иметь полную уверенность, что рискуем своей жизнью ввиду несомненного успеха, и только тогда мы не задумаемся пожертвовать собою. Кроме того, прошу также заметить, что в каждом нашем действии будет обязательно оставляться место для отступления. В данном же случае, если мы увидим полнейшую невозможность выполнить этот план, то мы перейдем к другому, и так или иначе достигнем своей цели. Но, в крайнем, самом худшем, случае наша деятельность, помимо убийства Вильгельма, окажется настолько продуктивной и ценной, что вполне оправдает наш труд и те затраты, которые будут сделаны.

Что касается высаженного в известном месте нашего сотрудника, то, во-первых, через него, в случае нужды, мы будем делать сообщения в наш, тот или другой штаб, во-вторых, в случае неудачи изложенного плана, я, приступая к другому, выдвину этого сотрудника, и хотя

плана здесь приводить не буду, но замечу, что так или иначе, а дело будет приведено к желаемому результату, и никакое знание известных людей в лицо, никакая охрана кайзеру не поможет, ибо он б у д е т «с н я т».

Дело в том, что не только такое препятствие, а десятки подобных и худших, должно уметь устранять, иначе я был бы очень плохой аферист, и я не видел бы ни малейшего интереса в победе над врагом бессильным, к которому легко подступиться. Нет, вся заслуга, весь интерес в том и заключается, чтобы преодолеть все препятствия, и еще более разгорается желание победить, когда знаешь, что враг силен, умен, хитер и коварен; знаешь, что он окружил себя массою всевозможных заграждений, пройдя которые можно сорвать первый приз. Поэтому, я еще раз прошу Вас, не измерять меня общепринятым обычным масштабом, памятуя, что во все времена и у всех народов пользовались уважением люди энергичные, настойчивые, сильные, смелые, и только потому, что именно эти люди и могли успешнее других действовать в направлении общего блага.

Примечание. В Германии проживает знакомое мне большое семейство; адрес и фамилию даже, за давностью времени, я совершенно забыл, но, будучи на месте, не представляется трудным восстановить все это через брата, бывающего в этом семействе, о чем он мне писал в 1912 году. Нужно сказать, что семейство это имеет близкого родственника, состоящего на службе в качестве камердинера во дворце Вильгельма; дочери же этого родственника часто посещали это семейство, от которых мне часто приходилось слышать рассказы как относительно кайзера, так и о тех ученых, приведенных мною в 4 пункте, и о многом другом, так что в этом семействе знают решительно все, что делается во дворце Вильгельма, и вся частная его жизнь, и все то, к кому он благоволит, и с кем имеет переписку, одним словом, знают всю подноготную. К сожалению, я очень много перезабыл, так как с тех пор как я б ы л в Г е р м а н и и прошло много лет, да к тому же меня в то время мало интересовали все эти сообщения; я, например, совсем не помню фамилии ученых, о которых упоминал, и их местожительства, а равно и других видных и очень важных лиц. Но все это восстановлю.

Яков Сосна.

Продолжение следует в тетради № 2.

ТЕТРАДЬ № 2.

Ваше превосходительство.

Позвольте мне в этой тетради говорить с Вами с полной чистосердечной откровенностью, за которую, если найдете что-нибудь вольное или резкое, великодушно мне простите, памятуя, что я хлопочу

и защищаю дело не столько собственного благополучия, сколько на служение государю императору и родине.

Прежде всего я должен сказать несколько слов относительно завода Круппа, завода Цеппелина и германских поездов. Дело в том, что всякий здравомыслящий человек более или менее ясно поймет, что ни в каком случае нельзя сделать одновременно столько дел, что и Титану было бы не под силу. Самою успешною деятельностью будет, если правительству будет угодно, чтобы я обратился в эту сторону, — такое дело и лишь одно, на которое можно отдать себя всецело. Таким образом, если будет итти речь о разрушении всего или части Крупповских заводов, то я с моими сотрудниками можем посвятить себя только этому делу. Точно так же и завод Цеппелина может быть уничтожен, если мы им займемся исключительно; равно должно обстоять дело с производством систематических крушений известных германских поездов. Словом, каждое из этих дел может совершаться с успехом лишь тогда, когда все наше внимание и вся наша энергия будут направлены только на одно из них. Справившись с одной задачей мы будем видеть в дальнейшем, что́ можно еще предпринять в этом направлении и, если будет возможно, то с неослабной энергией примемся за дело, а если будет невозможно, то ретируемся. Если же я писал на страницах двух листов по этому поводу (16 января), нечто несуразное, то это произошло вот по какой весьма уважительной причине: во-первых, как я уже заметил в предисловии 1-й тетради, я полагал, что Вы приехали меня освободить, так как на те вопросы, которые Вы сделали мне, т.-е. выражая желание знать хоть что-нибудь из моих планов, ввиду того, что правительство не может отпускать денежных сумм, не имея перед собой точной мотивировки, на какую надобность эти суммы должны пойти, что вполне верно и справедливо; однако еще задолго до Вашего приезда, угадав эту причину, я писал, что никаких воспомоществований от правительства для исполнения предложенных мною предприятий не потребуется ввиду придуманной мною комбинации достать эти средства частным путем; стало-быть, я имею в этом уверенность, если категорически об этом заявлял, хотя я имел в виду освободить правительство, и без того обремененное, от излишних расходов, тем более, что это для меня легко достижимо. Во-вторых, Вы выразили желание узнать секрет состава предложенного мною средства, названного мною снарядом, и добавили, — что с моей стороны «было бы благоразумнее, если бы я сообщил немедленно правительству секрет оного состава, так как тем самым я показал бы свою искренность в служении России и тогда правительство, убедившись в действительной полезности сего средства, не забыло бы меня» и т. д. С этим Вашим взглядом я вполне и совершенно согласен, но позвольте заметить Вам, Ваше превосходительство, что это-то обстоятельство в связи с первым крайне меня и расстроило. Дело в том, что за много времени раньше Вашего прибытия ко мне, я писал, что «если правительству будет угодно приказать пере-

вести меня в какую-либо петроградскую тюрьму и меня поставят хоть сколько-нибудь в сносные условия, дабы я не чувствовал гнета тюремных стен в той степени, как я это чувствую почти 10 лет беспрерывно, и только тогда, видя хоть малейшее внимание ко мне, без этого леденящего душу казенного холода, как к человеку, безмерно любящему родину, готовому душу положить за ее благо, я, между прочим, писал, что если ко мне уже в Петрограде явится уполномоченное военное лицо, то я сообщу ему все, что относится к этому средству моего снаряда». Что же из всего мною написанного получилось? Когда уже столько времени переживал адские муки ожидания, когда я сделал наисерьезнейшее предложение правительству; не забудьте, в какое время я позволил себе отвлекать внимание правительства,— все это ясно свидетельствует, что я отдавал себе отчет в своих действиях, а стало быть, был уверен как в себе, так и в том, что предлагаемое предприятие я могу подъять на себя—я после всего этого, меня начали вновь зондировать... Вот поэтому-то я и написал просто из злости — те несообразности, которые Вы получили от меня 16 января, так как вся эта история меня сильно огорчила, оскорбила и возмутила. Но теперь, когда я успокоился и несколько подумал над этим, не прикрываясь ложным стыдом, я чистосердечно раскаиваюсь в этом и прошу Вашего великодушного прощения, прощения чистой славянской души.

Что касается моих планов относительно вышесказанных заводов, поездов и всего прочего, то разговаривая с его превосходительством, г. Молловым (26 и 27 октября 1915 г.), я все объяснил, и с этим объяснением г. Моллов был вполне согласен. Дело в том, что Вы не найдете ни одного человека дела, ни одного полководца, который стал бы излагать свои планы, составленные вдали от места действия; ибо, прежде чем говорить о каких бы то ни было планах, такому человеку дела или полководцу нужно хоть сколько-нибудь познакомиться с местом, когда должна производиться та или другая операция, и, только сообразуясь с обстановкой и положением вещей, он может более или менее начертать правильный план действия; полководцу же, точно так же, прежде чем составить правильный план по которому должно действовать, нужно хорошо познакомиться с местностью в то время, когда она занята противником, с его составом и численностью, с его работами по охранению этой местности, с подступами к сей местности, способом борьбы противника, расчетом того положения, которое самому доступно занять по отношению к противнику, и, наконец, знакомство со всеми теми особенностями, изучение которых возможно лишь на месте действия. И только тогда, от умения вести дело и, так сказать, от продуктивности инициативы полководца зависит весь успех предприятия по плану. Переходя к суждению моих планов, которые для меня ясны до физической осязаемости, я должен сознаться, что излагать их теоретически совсем не умею. Ввиду всех вышеизложенных соображений и тех данных, которые

я еще приведу, я считаю вполне достаточным и того, что мною было заявлено, а именно: 1) я имею такие связи, которые очень и очень облегчают выполнение известных задач; 2) для выполнения этих задач, я не прошу никаких денежных воспомоществований от правительства; 3) я обладаю практическими способностями и большой опытностью; 4) знаю в совершенстве немецкий язык и 5) я обладаю: энергией, настойчивостью, смелостью и огромным желанием причинить как можно больше вреда немцам и, тем самым, во-первых, быть полезным в служении священной особе государя императора и дорогой матушке родине; во-вторых, тем самым искупить вину всей своей прошлой мерзостной жизни; в-третьих, наконец, заслужить славу и то положение, которое даст возможность не быть в зависимости от всяких случайностей, не вести цыганский образ жизни, а жить оседло, с определенным завтрашним днем. Вот мой катехизис, о котором я только и могу говорить с полной уверенностью.

Но я знаю, что правительство может относиться ко мне с понятным недоверием и даже с предубеждением; однако оснований для этого не имеется, ибо меня можно было бы подозревать лишь в корыстной цели, но такое подозрение отпадает само собой, так как я не прошу денег у правительства, а те деньги, которые будут доставлены миллиснером, согласно моему заявлению, то последний сам заявит, что он вполне мне доверяет и даже поручится за мое благонамерение.

Относительно же своей политической благонадежности, то я могу только сказать, что мне в этом смысле никогда и в голову не приходило быть недовольным существующим строем и чем бы то ни было, так как свой жизненный путь я избрал по собственной воле, стало-быть никто и не виноват в том, что мне пришлось много перестрадать на моей родине, а потому, как бы больно она меня ни колотила, но я не могу ее не любить, подобно тому, как не мог не любить свою мать при жизни, как не могу не любить ее дорогого образа в памяти; точно также и отца, не взирая на то, что не одну палку сломал о мою спину.

Теперь, Ваше превосходительство, дозвольте обратить Ваше внимание на один важный и весьма небезынтересный пункт. Когда 16 января вы читали мои писания и, дойдя до того места, где говорится об одном человеке, переодетом в форму германского офицера и являющемся в ставку Вильгельма с известною целью и после слов: — надеюсь, что Вы не скажете, что его должны знать в лицо?—Вы остановились и заметили: — Конечно, в ставке должны знать в лицо всех штабных офицеров, да еще ближайшего штаба главнокомандующего. Тогда я ответил Вам и очень резко: — «абсурд». Понятно, что это была грубость с моей стороны, за которую я усердно прошу Вас простить меня, тем более я заслуживаю Ваше снисхождение, за это досадно вырвавшееся слово, что оно скрывает за собой благородное негодование и не потому, что меня оскорбило Ваше замечание, ибо оно, может быть, и верное, а потому, что этим замечанием Вы задели мое самолюбие,

самолюбие человека, знающего в совершенстве свое дело.

Вот это-то важный, с психологической точки зрения, вопрос мне и хочется здесь разобрать.

Итак, представим себе, что офицеров ближайшего штаба непременно знают в лицо. Что же из этого следует? По Вашему выходит, что дело не стоющее, ибо раз знают в лицо, то... и т. д. А по-моему, вот как должно обстоять дело: если я знаю, что такой факт действительно имеет место, то я снаряжу не офицера, а унтер-офицера, и не с ближайшего фронта, а самого дальнего; этот унтер-офицер будет иметь на груди два-три военных знака отличия, а явившись в ставку Вильгельма, он будет хорошо знать, что́ и как ему следует говорить, а именно: прежде, однако, нужно сказать, что время для посылки мнимого унтера я выберу такое, когда в ставке будет оживление, вроде церемонии какой-нибудь, или какого другого торжественного момента, так как за ставкой я буду зорко наблюдать.

Теперь вернемся к моему унтеру. Торжественная обстановка, а потому все очень заняты. Вдруг на быстром коне приближается к границе ставки унтер-офицер, но не один, а с офицером штаба ближайшего фронта, которого знают в лицо, который и объявит, что с фронта, ну хоть болгарского, явился сей унтер, разыскивая ставку кайзера, так как имеет пакет для передачи Вильгельму с чрезвычайно важным сообщением, а в этих поисках ставки (что будет в действительности), попал к нам, а ввиду важности дела мне приказано доставить его сюда.

Видите, Ваше превосходительство, что в руках умелого человека, офицер, которого знают в лицо, обращается в недурного ментора и даже адвоката. Понятно, моего унтера окружат и забросают вопросами, как и что. Он скажет, что будет уже им известно от ментора офицера, т.-е., что (допустим) англичане и французы или итальянцы повели большими силами наступление и... у нас огромные потери, так что армия наша отступает, все почти офицера выбыли из строя, а враги ожесточенно преследуют наши войска и т. д. в этом духе.

Если Вы хоть сколько-нибудь знакомы с психикой человека, то Вы легко поймете то ошеломляющее впечатление, какое должно произвести на окружающих такое сообщение, которое, замечу в скобках, должно артистически передать. Это сообщение должно будет некоторым образом заставить забыть взволнованных людей о предосторожностях. Теперь — самый главный момент. Вильгельм читает письмо, в котором на первом плане значится: войска наши, состоящие из стольких-то полков или баталионов, отступают в полном порядке ввиду наступления превосходящих сил неприятеля (таких-то). Далее письмо написано шифром, а в конце говорится, что ключ к оному сообщит посланец — унтер-офицер такой-то.

Вы можете возразить, что для такого рода важных сообщений вовсе не требуется посылка письма с нарочным, ибо для этого существует радиотелеграф. На это только отвечу, что в письме этот пункт

будет обоснован и обусловлен. Зная горячность кайзера, я уверен, что он позовет моего унтера к себе для получения ключа к шифру, так как унтер-офицер, исполняя приказание своего начальства, не имеет права сообщить ключ никому, кроме кайзера.

Допускаю, впрочем, с некоторой натяжкой, что унтера подвергнут обыску прежде, чем допустят к Вильгельму, отберут от него оружие и т. п., но это нисколько не может ему помешать исполнить свое дело, так как крест шейный или брелок-карандаш, болтающийся у часовой цепочки, у него не отберут, а это будет вполне достаточно, чтобы одним из этих предметов причинить Вильгельму моментальную смерть.

Мне слышится Ваше восклицание:—«Как! Вы хотите послать на верную смерть человека! да еще, пожалуй, офицера генерального штаба?»

Да, Ваше превосходительство, на верную смерть, на благо государю и отечеству, но только в том случае, если акт убийства Вильгельма вполне удастся.

В своем месте (1 тетрадь, 6 пункт) я уже говорил, что каждое мое мероприятие, прошу это помнить, в случае неудачи будет иметь свободное место для отступления, это, во-первых, а, во-вторых, я изложил здесь не план, а лишь предположительную схему. Таким образом, если я остановлюсь на подобном плане, то мой унтер или офицер (смотря по обстоятельствам) будет снабжен всеми теми документами, какие тому или другому надлежит иметь при себе. Кроме того, письмо, которое тот или другой доставит, будет подделано в совершенстве под руку того командующего, который существует на известном фронте в действительности, и за точно подделанной подписью и печатью его штаба.

Словом, все дело будет обставлено со всеми мельчайшими подробностями, где не будет упущена ни одна деталь, ни один самомалейший штрих, а при таких условиях мой унтер или офицер в случае невозможности выполнить задачу вернется цел и невредим.

Он сам умрет, но после Вильгельма, для чего потребуется всего полсекунды.

Что же касается вообще такой смерти, то она явится славной, ибо занести свое имя на скрижали истории, тесно связав свою смерть со смертью Вильгельма, должно улыбаться даже офицеру генерального штаба. Я уже не говорю о том, что умереть за царя, родину и человечество найдется много охотников, показателем чему могут служить герои нынешней войны, мировой войны, где смерть никого не может устрашить. Ибо,

Из темной бездны горестей и бед
Все возвратится к богу.
Что мученья?
Что смерть сама?
Есть только всепрощенье,
Восторг молитв и тихий звездный свет.

За сию поэзию извиняюсь, ибо чувствую, что она здесь неуместна. Впрочем, Вы, может быть, и на все мое писание взглянете, как на плод досужей фантазии, но это будет огромной ошибкой, так как в современной мировой войне есть много таких вещей, которые могут на первый взгляд показаться фантастическими, тогда как при серьезном и вдумчивом рассмотрении оказываются самой реальной действительностью. Относительно же меня я убедительнейше и всепочтительнейше прошу Вас, Ваше превосходительство, не забывать лишь моих, искренно высказанных слов в всеподданнейшем моем прошении на высочайшее имя. «По мере моих сил и разумения я буду служить на благо его величества государя императора и родины», и «с богом вперед, и смерть врагам человечества».

Вместе с тем умоляю Ваше превосходительство не быть строгим критиком моих неумелых писаний, а милостивым защитником их перед лицом его высокопревосходительства г. министра внутренних дел и предстателем за мое ходатайство перед высшей властью об изъятии моего всеподданнейшего прошения на высочайшее имя от 16 января с. г. из этой ужасной инстанции, дабы его высокопревосходительство г. министр доложил его величеству государю императору мое всепреданнейшее прошение вне инстанционной очереди.

Яков Сосна.

Москва, 14 февраля 1916 г.

Означенные тетради были направлены Е. К. Климовичу при письме С. Е. Виссарионова следующего содержания:

Секретно.

Милостивый государь

Евгений Константинович!

В дополнение к докладу моему на имя бывшего товарища министра внутренних дел сенатора С. П. Белецкого имею честь представить Вашему превосходительству заявление содержащегося в московской пересыльной тюрьме ссыльно-каторжного Янкеля Сосны, написанное им в двух тетрадях и полученное мною сегодня с почты.

В этих заявлениях Сосна повторяет объяснения, данные им при личном опросе, но только с бóльшими подробностями.

Примите уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга *С. Виссарионов.*

29 февраля 1916 года.

Деление всякого угла на три части.

(Из застенка Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.)

В декабре 1906 г. в Петербурге был убит градоначальник генерал фон-дер-Лауниц.

Как участники этого убийства, были арестованы два лица; один назвался мещанином Теодором Гронским, второй — преподавателем древних языков, Владимиром Федоровичем Штифтаром, оказавшиеся впоследствии, по сведениям департамента полиции, Тобилевичем, Павлом Михайловичем и Лебединцевым, Всеволодом Леонидовичем [1]).

Оба обвиняемые доставлены были в с.-петербургскую (Петропавловскую) крепость и заключены в отдельные камеры Трубецкого бастиона. Дело о них было начато следователем по особо важным делам с.-петербургского окружного суда Тлустовским, а затем велось и уже закончено было следователем того же суда — Зайцевым. Для рассмотрения оно было направлено в с.-петербургский военно-окружный суд, а преступление Гронского (Тобилевича) и Штифтара (Лебединцева) было квалифицировано по 102 ст. Уголовного Уложения и 1454 ст. Уложения о Наказаниях.

Вот что сообщал по этому делу в департамент полиции начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице полковник Герасимов 3 апреля 1907 г. [2]): «21 декабря прошлого года во время освящения нового помещения отделения института экспериментальной медицины, неизвестным молодым человеком выстрелом из браунинга, был убит с.-петербургский градоначальник свиты его величества генерал-майор фон-дер-Лауниц. По поводу вышеупомянутого убийства ЦК партии с.-р. была издана прокламация, с извещением, что казнь генерал-майора фон-дер-Лауница была приведена в исполнение членом боевого отряда ЦК партии с.-р. по приговору последнего. Принятыми мерами расследование, с целью выяснения состава лиц, входящих в состав боевой организации и преступной ее деятельности, дало следующие результаты. В начале декабря месяца прошлого года в гостинице «Сирениуса», на Иматре, поселилось несколько лиц, входящих в состав боевой организации и проживающих нелегально, из них один под именем иоганишкельского мещанина Теодора Симеона Гронского, второй — преподавателя древних языков Владимира Федорова Штифтара, третья — неизвестная женщина, которую называли «товарищем Ирина», и четвертый — неизвестный, впоследствии ставший убийцей генерал-майора фон-дер-Лауница [3]).

21 января Гронский и 9 февраля Штифтар, по прибытии их в Петербург, были задержаны агентами вверенного мне отделения и при отношении от 28 февраля с. г. за № 4299 переданы в распоряжение судебных властей как соучастники убийства генерала Лауница и как входящие в состав боевой организации».

Дело Гронского-Тобилевича и Штифтара-Лебединцева заслушано было военно-окружным судом под председательством генерал-лейтенанта Мухина,

---

[1]) См. отношение прокурора СПБ-ской судебной палаты Камышанского в д-т полиции от 2 апреля 1907 г. № 5233. — Дело д-та пол. 1907 г., 7 делопр., № 1537, т. I.

[2]) Там же, «Доклад отделения по охранению общ. безопасности», 3 апреля 1907 г. № 8283.

[3]) Д-т полиции был осведомлен, что убийца Лауница — «Адмирал», но кто скрывался под этой кличкой не было известно. Было предположение, что «Адмирал» — тамбовский боевик, сын священника Лебединского уезда, Евгений Федоров Кудрявцев, но сам департамент относился к этому предположению скептически. (Дело д-та п. 1907 г. № 1537, т. 3. Отнош. суд. след. москов. окр. суда Вольтановского от 15 сент. 1909 г. № 1338.)

с принятием особых мер предосторожности, в арестантском отделении при Трубецком бастионе 12 июля 1907 г.

Мы не располагаем следственным производством по этому делу и поэтому не знаем деталей его, но установлено, что защитниками Штифтара допущены были присяжные поверенные Кальманович и Андроников, а свидетелями — надзиратель с.-петербургской сыскной полиции Иван Корга и финляндская уроженка Ида Георгиевна Ванханен, первый как переводчик с финского языка, а вторая как свидетельница.

Следует отметить, что местожительство Иды Ванханен известно было только охранному отделению, куда и была направлена повестка ей с вызовом на суд.

Приговором от 12 июля оба обвиняемые присуждены к смертной казни через повешение. 16 июля он приведен в исполнение.

Перед смертью, на второй день после вынесения приговора (13 июля), Штифтар-Лебединцев обратился к коменданту Петропавловки с прошением, которое мы помещаем ниже.

В прошении этом он пишет: «Прошу Вас передать после моей смерти нижеписанное петербургскому физико-математическому факультету».

В прошении — решение задачи: деление всякого угла на три части.

Это прошение-завещание, было «подшито» к делу департамента полиции за 1907 год и пролежало «под спудом» до настоящего времени.

Дело специалистов-математиков оценить завещание Лебединцева по существу. Нам кажется, однако, что «прошение» это представляет большой интерес для историка-психолога. Тут много черт, свойственных революционеру, как типу. Иной лик, тоже типичный, глядит на нас из строк отношения коменданта крепости генерала Элисс на имя Курлова от 14 июля 1907 г. за № 733, при котором он направил в департамент прошение Лебединцева. Читатель думает — для исполнения воли завещателя? Нет!

«На тот случай, если Вы признаете нужным и возможным воспользоваться прошением для установления личности осужденного», — писал комендант Курлову.

Этот документ мы помещаем тоже.

«Прошение» назвавшегося Штифтаром написано на листе плотной нелинованной бумаги, убористым, очень разборчивым, прямым почерком, черными, хорошо сохранившимися чернилами. Первая и вторая страницы заняты текстом.

На третьей помещен чертеж № 3, исполненный от руки, тщательно и искусно. Передаем «прошение» совершенно точно *).

Вот текст прошения:

«Его высоко-превосходительству г-ну коменданту с.-петербургской крепости.

Содержащегося под стражею, назвавшегося Штифтаром

ПРОШЕНИЕ.

Прошу Вас передать после моей смерти нижеписанное петербургскому физико-математическому факультету.

Я давно не занимался математикой. Поэтому, быть может, мои заметки не имеют никакого значения — тогда остается их бросить в корзину. Если же они дают что-либо новое в вопросе о делении всякого угла на три части, то прошу их сделать общим достоянием.

---

*) Чертежи выполнены тов. Ликум в масштабе чертежей Штифтара.

THIS CHART WILL
APPEARING AT TH

BE THE FIRST CHART
IE END OF THIS FILM.

Для того, чтобы задача деления всякого угла на три части была разрешена в п о л н е [1]), нужно (как видно будет из дальнейшего) разрешить одну из следующих задач: 1) Через точку M, данную внутри прямого угла (см. чертеж 3) провести прямую так, чтобы ее отрезок KZ равнялся бы двойному расстоянию точки M от вершины O прямого угла; или 2) Через точку M провести линию (ч. 3), так, чтобы отрезок ее ZK между сторонами прямого угла был бы равен двойному расстоянию точки M от вершины O прямого угла и так, чтобы этот отрезок н е делился в точке M пополам (через точку M можно провести две линии одинаковой длины, из которых одна в этой точке делится пополам). Задачу 2-ю можно заменить такой: через данную на окружности точку M провести секущую так, чтобы ее отрезок SK (черт. 3) или ZS равнялся бы радиусу окружности.

Я не разрешил ни одной из этих задач (быть может, они причисляются к тем задачам, которые называются неразрешимыми), но то, что я сделал, мне кажется, дает возможность п р а к т и ч е с к о г о деления всякого угла на три части с полной точностью.

Предварительно докажем, что: геометрическое место средин отрезков постоянной длины, заключенных между сторонами прямого угла, есть окружность, центр которой находится в вершине прямого угла, а радиус равен половине длины данных отрезков.

Доказ:

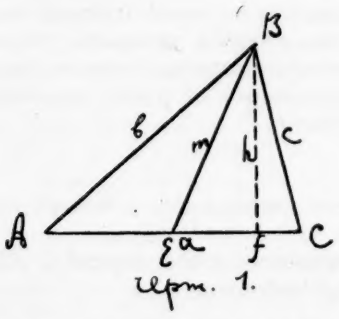
Известно, что во всяком треугольнике $b^2 + c^2 = 2m^2 + \frac{a^2}{2}$, где a, b и c суть стороны треугольника, а m_a — медиана стороны a. Действительно, пусть имеем треугольник ABC (черт. 1), тогда:

$$b^2 = m^2 + \frac{a^2}{4} + 2EF \text{ (как квадрат стороны против тупого угла)}$$

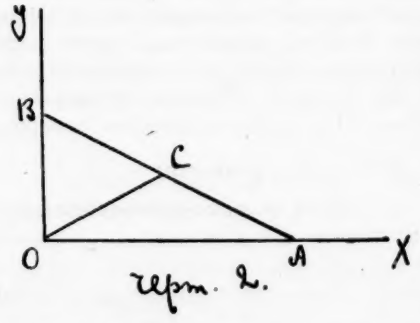
$$c^2 = m^2 + \frac{a^2}{4} 2EF \text{ (как квадрат стороны против острого угла).}$$

Сложив почленно, получим:

$$b^2 + c^2 = 2m^2 + \frac{a^2}{2} \quad \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \quad (1)$$



Черт. 1.



Черт. 2.

Возьмем теперь прямой угол XOY (черт. 2) и между его сторонами отрезок AB. Соединим вершину угла O с серединой C линии AB.

На основании (1) имеем в треугольнике AOB:

$$OB^2 + OA^2 = 2OC^2 + \frac{AB^2}{2}.$$

Но $OB^2 + OA^2 = AB^2$, следов.,

$$AB^2 = 2OC^2 + \frac{AB^2}{2}, \text{ откуда}$$

$$OC = \frac{BA}{2}.$$

---

[1]) Разрядкой набраны выражения, подчеркнутые Штифтаром. *Прим. Ред.*

Значит, точка C принадлежит окружности, описанной из вершины O прямого угла радиусом OC, равным половине длины взятого отрезка AB. Так как отрезок AB по своему положению между сторонами OX и $OУ$ прямого угла произволен, то это справедливо для всякого отрезка, равного по длине отрезку AB, т.-е. средины всех отрезков равной длины будут лежать на одной окружности, описанной из вершины O прямого угла радиусом, равным половине взятых отрезков, что и требовалось доказать.

Обратное положение: если из вершины прямого угла опишем радиусом, равным a, окружность, то она будет геометрическим местом средин отрезков между сторонами прямого угла, длина которого есть постоянная величина, равная $2a$.

Доказательством от противного мы легко убедимся в верности этого обратного положения.

Переходим теперь к нашей цели — делению угла на три части.

Пусть дан угол AOX, равный α. Нужно разделить его на три части.

Продолжим сторону OX угла (черт. 3) влево от вершины и проведем $OУ \perp XX$. На стороне AO данного угла возьмем произвольную точку M. Отложив на линейке длину, равную $2OM$, приставим линейку к точке M так, чтобы она пересекала линии OX и $OУ$ и так, чтобы отложенная длина $2OM$, поместилась между этими линиями, приняв положение KZ.

Линия MZK может быть проведена еще так. обрз.:

Из вершины угла O описываем радиусом, равным OM, окружность. Вследствие раньше доказанного, что: окружность есть геометрическое место средин отрезков постоянной длины, рабной диаметру окружности, заключенных между сторонами прямого угла (вершина которого есть центр этой окружности), мы находим положение линейки MZK, приложив ее к точке M так, чтобы отрезок ее KS между линией OX и выпуклой стороной окружности (или между $OУ$ и вогнутой стороной окружности, т.-е. ZS) равнялся OM. Итак,

$$KS = ZS = OM \ldots\ldots\ldots\ldots (1)$$

Докажем, что угол ZKO равен $\frac{\alpha}{3}$.

Соединим точку O с точкой S. Так как $KS = OM$ [по (1)] и $SO = OM$, то $KS = SO$, следов., $\angle SKO = SOK$. Обозначим $\angle SKO$ через x; имеем $\angle SKO = x$. В прямоугольном треугольн. KZO $\angle KZO = 90 - x$. Так как $\triangle$ ZOS — равнобедренный, то $\angle SZO = \angle SOZ = 90 - x$; поэтому $\angle ZSO = 180 - 2\,SZO = 2x$. Так как $\triangle$ SOM—равнобедренный, то $\angle SMO = \angle MSO = 2x$.

В $\triangle$ MZO: $\angle MZO = 180 - \angle$ $SZO = 180 - (90 - x) = 90 + x$. Так как сумма углов всякого треугольника равна 180°, то (b $\triangle$ MZO): $2x + (90 + x) + (90 - \alpha) = 180$, откуда

$$x = \frac{\alpha}{3},$$

что и требовалось доказать.

Проведя из вершины угла O линию $OB \parallel KM$, получим $\angle BOX = \frac{\alpha}{3}$.

Искомый угол, равный трети данного, можно найти также, проведя из точки M линию $MZ'K'$ так, чтобы отрезок $Z'K' = 2OM$. Обозначив $\angle MK'O$ через z, будем иметь в $\triangle$ MOS: $\angle OMS' = \angle OS'M = 2z$; $\angle MOS' = 90 - z + \alpha$, след. $2z + 2z + (90 - z + \alpha) = 180$, откуда

$$z = 30 - \frac{\alpha}{3}.$$

Разделив прямой угол $NK'O$ на три части обычным способом, получим:

$\angle$ $OKT = 30°$, $\angle$ $S'K'T = OK'T - OK'S' = 30 - z = \frac{\alpha}{3}$.

Наконец, мы можем найти искомый угол, проведя через точку M линию $MK''Z''$ так, чтобы $K''Z'' = 2OM$. Обозначим $\angle Z''K''O$ через y. $S''K''O = S''OK'' = y$, что и требовалось доказать.

$S''OM = y - \alpha$; $OS''M = OMS'' = \frac{180 - S''OM}{2} = \frac{180 - y + \alpha}{2}$, но $OMS'' = 180 - OMK'' = \alpha + y$, следов.,

$$\frac{180 - y + \alpha}{2} = \alpha + y, \text{ откуда } y = MK''O = 60 - \frac{\alpha}{3}.$$

Отложив от точки E вверх $\angle FOE = 60°$, получим

$$\angle FOS'' = FOE - S''OK'' = 60 - y = \frac{\alpha}{3}$$

$\angle MZ''O = 90 - y = 30 + \frac{\alpha}{3}$. Значит, мы можем найти $\frac{\alpha}{3}$, проведя $Z''Q$ так, чтобы $\angle OZ''Q = 30°$, тогда $QZ''M = OZ''M - OZ''Q = 30 + \frac{\alpha}{3} - 30 = \frac{\alpha}{3}$.

Соединим точку O с серединой хорды $S''M$, т.-е с точкой C; тогда

$$\angle COX = \alpha + \frac{S''OM}{2} = \alpha + \frac{y - \alpha}{2} = \frac{y + \alpha}{2} = \frac{60 + \frac{2}{3}\alpha}{2} = 30 + \frac{\alpha}{3}.$$

Построив $\angle COB$, равный 30°, получим: $\angle BOX = \angle COX - \angle COB = 30 + \frac{\alpha}{3} - 30 = \frac{\alpha}{3}$.

13 июля 1907 г.

Комендант
С.-петербургской
крепости.
14 июля 1907 г.
№ 733.

Секретно.
В собственные руки.

Милостивый Государь
Павел Григорьевич.

Содержащийся в крепости, до приведения приговора суда в исполнение, под фамилией Штифтара представил мне через заведывающего арестованными прошение с просьбой представить решенную им математическую задачу в петербургский физико-математический факультет.

Препровождая подлинное прошение именующего себя Штифтаром, написанное им собственноручно, спешу представить Вашему превосходительству на тот случай, если Вы признаете нужным и возможным воспользоваться прошением для установления личности осужденного.

Прошу, Ваше превосходительство, принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

А. Эллис.

Его превосходительству
П. Г. Курлову.
И. д. директора
департамента полиции.

---

16 июля 1907 г. начальник с.-петербургского жандармского управления доносил по начальству: «Именовавшие себя Теодором Гронским и Владимиром Штифтар 16 июля, за усиленным конвоем унтер-офицеров вверенного мне управления и под наблюдением подполковника Собещанского, на пароходе речной полиции, были отправлены на «Лисий Нос», где в 5 час. 25 м. утра приговор над ними приведен в исполнение, при чем тела казненных там же преданы земле»...

Письмо Балашева к Столыпину.

Помещаемое ныне письмо к Столыпину давно уже утратило свой актуальный политический интерес, но оно весьма характерно во многих других отношениях. Чтобы понять его значение, нужно иметь в виду историческую обстановку, в которой оно вышло из-под пера Балашева. Это был момент крайне напряженного обострения между «народным представительством» и Столыпиным. Октябристская дума, а затем и совет отвергли закон о введении в шести западных губерниях — Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской — земского положения 12 июня 1890 г. Тогда Столыпин решился на отчаянный «конституционный» акт: 12 марта 1911 года он распустил думу на три дня, назначив сроком возобновления занятий 15 марта, и в созданный таким образом перерыв — междудумье — чрезвычайным указом царя от 14 марта провел отвергнутый законодательными учреждениями закон, воспользовавшись для этого 87 статьей основных законов. Как известно, 87 статья предоставляла право монарху на время прекращения занятий думы единоличной властью проводить законодательные меры, которые в установленном конституцией порядке (ст. 86 основ. зак.) должны были проходить через думу и совет. Чтобы создать хоть видимость юридического основания для применения 87 ст. осн. законов, изобретательный Столыпин просто взял и объявил перерыв в занятиях думы. Это вызвало взрыв негодования в «палатах» в думе и гос. совете, — и 15 марта в гос. думе был внесен ряд запросов премьер-министру Столыпину по поводу этих его действий, вместе с тем председатель думы Гучков сложил с себя председательские полномочия. Положение Столыпина политически осложнилось. Ни в думе, ни в совете на этот раз ему не на кого было опереться, так как только наиболее ретроградная часть «народных представителей» могла еще оказать ему кое-какую поддержку, — но для Столыпина такая «поддержка» граничила с политическим скандалом. С ответом на внесенный запрос в думе Столыпин выступил в заседании 27 апреля. Письмо Балашева, написанное через пять дней после возобновления занятий думы и внесения запросов, приподымает кусочек завесы, скрывающей закулисную сторону свойственных буржуазному парламентаризму политического интриганства, продажности и вероломства. Одновременно с этим балашевское письмо довольно красноречиво говорит о том, как политические руководители буржуазии относились к «представительству», которое создавалось только с целью одурачения демократических простаков. Оно нужно было постольку — поскольку...

В своей речи на запрос гос. думы Столыпин, если и не в полной мере, все же воспользовался советом ретивого Балашева, изложенным в письме. Он противопоставил думе царя и правительство, заявивши, что воля монарха не подлежит критике. «Правительство ясно отдавало себе отчет, — говорил Столыпин, — что оценка законодательными учреждениями акта верховной власти представляет из себя юридическую невозможность». Тем не менее, в переходе к очередным делам гос. дума постановила признать, «что председатель сов. министров, представляя на высочайшее одобрение журнал совета министров относительно принятия меры о применении положения о губ. и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. в губерниях: Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской, нарушил ст. 87 зак. основных и тем совершил акт незакономерный».

Многоуважаемый

Петр Аркадьевич! [1])

Quand le vin est tiré, il faut le boire... (ou bien le laisser boire á d'autres) [2]).

---

[1]) Подлинник хранится в Древлехранилище Московского Историч. Архива в отделении поместно-вотчинном, в частном архиве кн. Вяземского.

[2]) Перевод: Коль вино добыто — его нужно пить (или дать его выпить другим).

Не зная Ваших соображений, я не могу судить о том, насколько был верен или ошибочен тот шаг, на который Вы решились, повидимому, не сговорившись предварительно с «октябристами».

Но теперь поздно об этом рассуждать: надо исправить дело и воспользоваться создавшимся положением, чтобы из «худа извлечь и добро».

С госуд. советом особенно стесняться нечего, ввиду того, что половина его членов назначается короною; но с думою дело обстоит иначе.

Очевидно, что отныне она будет Вам враждебна — не только в нынешнем ее составе [1]). Поэтому, если распустить ее и назначить новые выборы, при существующем ныне избирательном законе, то следующий состав ее будет, конечно, еще хуже настоящего.

Для успеха же Вашей политики, Вам необходимо встретить в думе сочувствие преобладающих в ней партий, а еще лучше — если б создалась одна правительственная группа, от слияния «националистов» с «правыми октябристами», ибо вся соль Вашей политики — вся ее оригинальность и духовная мощь — заключается именно в здоровом национальном чувстве, т.-е. в единственном жизненном начале, способном вывести наше государство на указанный ему самой историей путь.

Это Вы, Петр Аркадьевич, быть может, первый у нас поняли, и поверьте, что именно этот характер Вашей деятельности и дал Вам обаяние и силу.

Только не надо сходить с этого верного пути и итти на компромиссы и полумеры, которые никого и никогда не удовлетворяют.

В настоящую минуту весь вопрос сводится к следующему: можете ли Вы способствовать образованию такой достаточно многочисленной партии, на которую Вы будете в состоянии опереться и которая, в свою очередь, будет опираться на сочувствие всей «русской» (патриотической) России. Если да, то и нечего колебаться: сделайте — в той или другой форме — необходимые уступки думскому самолюбию, принося в жертву «великому делу» Ваше собственное самолюбие, и пусть тогда обе стороны забудут прошлое. Если же — как мне сдается — достигнуть этого будет теперь уже трудно, то я вижу для Вас один только ясный и логический образ действия — это: роспуск Думы.

Но что значит в настоящий момент такой роспуск? Очевидно, при новых выборах — но по существующему ныне избирательному закону — состав следующей думы будет несомненно хуже настоящего, значит надо будет и ее распустить, и так далее.

А тем временем придется управлять Россией без участия народного представительства т.-е. на основании прежнего бюрократического режима, чуть было ее не погубившего. Избавь нас бог от такого несчастия.

В таком случае уж лучше уходите, но помните, что этим Вы фактически установите у нас «парламентаризм», ибо признаете, — не на словах, а на деле — что доверие царя к министру бессильно без доверия к нему думы. Не приведи господи и такой напасти.

Поэтому остается лишь один способ выйти из настоящего запутанного положения — это: явиться на думский запрос с роспуском в кармане и, по обнаружении ее несговорчивости, немедленно ее закрыть и приступить к пересмотру и тщательной переработке избирательного закона, т.-е. доделать то, что было начато Вами столь блестяще 3 июня 1906 г. [1]), как я писал Вам еще на этих днях.

Сознаю вполне, что Вы создадите себе этим заклятых врагов из всех наших «радикалов» (которые ведь и сейчас не особенно к Вам расположены), но взамен сего Вы приобретете себе горячих поклонников в среде

[1]) Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в подлиннике.

[1]) Здесь неточность в дате года: не 1906 г., а 1907 г. *Прим. Ред.*

истинных консерваторов и патриотов, да в придачу еще — и множество сторонников из числа нетвердых в своих убеждениях людей, идущих всегда за блеском и силою и составляющих везде большинство. А главное при этом то, что для всех станет ясно: чего Вы хотите, и — поверьте, Петр Аркадьевич, что для масс это служит всегда самым убедительным аргументом в пользу правоты того, кто сумеет внушить им такую уверенность.

Настоящий «запрос», я считаю вызовом, брошенным заблуждающимися подданными своему государю. Они, видимо, не сообразили, что Вы являетесь ставленником его, а не «парламента», и что Вы поступили согласно его воле, основанной на существующем ныне в России, фактически и юридически, «государственном праве», толкование коего никаким законом не присвоено нашему «народному представительству».

Роспуск думы напомнит всем эту истину; но этот шаг будет целесообразен и полезен лишь тогда, когда вслед за ним явится пересмотр и переделка «избирательного закона», а вместе с тем и некоторых самих «основных законов». Об этом я писал Вам уже не раз подробно.

Сделайте все это предстоящим летом, и в октябре соберите «обновленную», достойную России, думу, основанную преимущественно на земских силах — самых у нас устойчивых и надежных, и тем же временем введите на основании 87 статьи равноправие русских в Финляндии; возврат России Выборгской губернии и столь важных для безопасности столицы «шхер», выделите из состава «царства польского» многострадальную «Холмскую Русь»; установите окончательно принцип «черты оседлости» для евреев и полное устранение их от школы, суда и печати.

Пока Вы не исполните означенную «национальную» программу, Вы не имеете права уходить, ибо крушение этих наших надежд было бы неисправимым несчастием для России и для ее государя. Поэтому взываю в этом случае к Вашему, Петр Аркадьевич, патриотизму, к Вашей совести. Покинуть теперь дело, не доведя его до конца и рискуя его провалом — было бы, по крайнему моему разумению, прямо преступно, ибо способствовало бы анархии сверху до низу.

Главное же: дайте нам, наконец, честную, разумную, истинно патриотическую думу; тогда и все остальное «приложится».

На предстоящий шутовской «запрос»: «известно ли Вам» и т. д. и «что Вы намерены сделать» и пр. я бы отвечал, примерно, так:

«Я исполнял тогда — и впредь буду исполнять — волю моего и вашего самодержавного государя, — того самого, которому вся Россия (в том числе и мы с вами) обязана дарованными нам политическими правами, злоупотреблять коими было бы и преступно и безрассудно, ибо это доказало бы только то, что мы их еще не достойны. Раз вы обращаетесь ко мне, то я считаю своим долгом сказать вам, что не время теперь тормозить действия «правительства его величества» пустою «оппозицией для оппозиции», помимо соображений о предмете оной. А таковою именно является отклонение закона о земстве в Западном крае, которому, как всем известно, эта реформа необходима. А ведь этот многострадальный край составляет чуть ли не четвертую часть Европейской России. Много у нас на очереди жизненных вопросов, разрешение коих страна ждет уже годами от вас, как-то: вопрос о равноправии русских в Финляндии... (и какие там еще имеются в думе)... и пр. Но ими Дума не удосужилась еще заниматься, а предпочитает тратить массу своего драгоценного — и весьма дорого оплачиваемого народом — времени на препирательство по поводу предметов иногда ничтожных и не имеющих ничего общего с пользами и счастием страны, которая послала вас сюда, и судьбы которой вверены провидением заботам нашего монарха. Может ли он не принимать их к сердцу?

«Поэтому, говорю вам следующее: если вы желаете работать вместе с

правительством его величества, оно готово итти к вам навстречу по мере своих сил; если же нет, то вы этим принудите его работать без вас, ибо работать — т.-е. управлять Россией — все же надо. Выбирайте».

И тогда им останется одно из двух.

Думаю, что в настоящее время произойдет скорее последнее, и я убежден, что это будет великим счастием для России по той причине, что принудит государя взяться за коренные реформы в нашем законодательстве и прежде всего — построить народное представительство на более совершенном, т.-е. более свойственном нам «з е м с к о м» начале, и затем — согласовать 86 и 87 ст. «основных законов» и сообразовать некоторые другие с требованиями принципа «самодержавия», от которого нам рано еще отказаться.

Приложите же, Петр Аркадьевич, руку к этому благотворному делу; не отступайте перед противником, и Вы, по своему обычаю, победите его, несомненно, вновь на благо нашей родины.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

И. Балашев.

20 марта 1911 г.

Сообщил *М. Константинов.*

Письмо Гапона.

Настоящее письмо написано было Гапоном в половине января 1906 г. и адресовано министру внутренних дел П. Н. Дурново. Происхождение его таково.

После 9 января Гапон, как известно, скрылся за границу. Здесь он вошел в сношение с революционными партиями, в частности с партией с.-р., даже вступил в последнюю партию, но затем, порвав связь с с.-р., стал собираться в Россию для каких-то скрываемых им целей. В это время был за границей охранник — Е. Медников. Он виделся с Гапоном. Результатом свидания было — возобновление Гапоном прерванных событиями 9 января сношений с департаментом полиции. Действительно, по приезде в Россию Гапон стал хлопотать об открытии всех отделов общества рабочих, закрытых правительством после 9 января, и в то же время вошел в близкие и постоянные сношения с заведующим заграничной агентурой Рачковским. Однако для работы в контакте с полицией последней необходима была реабилитация Гапона ввиду его резко революционных выступлений после 9 января. Поэтому Рачковский в качестве такой реабилитации потребовал от Гапона письма к Дурново, в котором он засвидетельствовал бы свой разрыв с революцией и перемену в отношении своем к правительству. Гапон сначала отказывался исполнить это требование, но затем согласился. Надо заметить, что в это время Гапон уже был заподозрен партийными кругами в сношениях с полицией, и член партии с.-р. Рутенберг задался целью выследить его и, получив несомненные доказательства предательства Гапона, покончить с ним. В то же время Рачковский хотел через Гапона заполучить себе некоторых из более видных революционеров, в их числе Рутенберга. И Гапон склонял к этому Рутенберга и старался свести с этой целью Рачковского с Рутенбергом. Таким образом между Гапоном и Рачковским, с одной стороны, и Рутенбергом, с другой — установилась связь. И Рутенберг получил возможность стать в курсе деятельности Гапона и раскрыть настоящие мотивы ее. Между прочим, Гапон показывал Рутенбергу свое письмо к Дурново. А когда произошло первое свидание Рутенберга с Рачковским и Гапоном, то Рачковский рассказал своим собеседникам о том впечатлении, которое произвело это письмо на Дурново, а также и на Витте.

По словам Рачковского, в передаче Рутенберга, Витте сказал: «Гапон хочет меня вы...ть, но это ему не удастся».

Дурново же, дойдя до фразы, где Гапон, излагая события 9 января, говорит, «что особа государя для него священна,

но интересы народа также, рассвирепел и швырнул от себя бумагу» [1]). Таким образом письмо дошло по назначению, но оставило не то впечатление, на которое рассчитывал его автор, в то же время дало Рутенбергу лишнюю улику против Гапона. Вскоре после этого, т.-е. 28 марта, Гапон был убит в Финляндии на даче в Озерках.

Письмо извлечено из архива Витте (папка с письмами), № 1/5, д. 310, хранящегося во II отделении Госархива.

На оригинале, представляющем собой «копию с копии», подписи Гапона нет.

Копия с копии.

Письмо Гапона в январе или феврале 1906 г. [2]).

Ваше высокопревосходительство.

Вам должно хорошо быть известно, как я беззаветно отдавал себя на службу пролетариату до 9 января. И результат сказался скоро: не прошло года, как из небольшой кучки преданных мне рабочих, без всякой материальной поддержки со стороны правительства, несмотря на все нападки социал-демократов и социалистов-революционеров, несмотря на все недоверие со стороны интеллигенции, буквально на гроши рабочих, выросло, сравнительно, большое общество, так называемые 11 отделов «Собрания» рабочих. Ключом била в них жизнь, потому что в основе общества лежала правда и потому что в нем была «душа жива». Оно исключительно преследовало цели, намеченные в § 1 своего устава, и не помышляло итти вместе против существующей династии. Наоборот, как для меня, так и для членов рабочего общества личность его императорского величества всегда была священна и неприкосновенна во всех отношениях. Признаюсь, что в своих частных кружках мы допускали иногда критику бюрократического режима, постольку, поскольку это касалось рабочего дела и народного блага. Будь со стороны правительства вообще и в частности со стороны министерства финансов и высшей фабричной инспекции должное внимание к обществу, как к барометру настроения рабочих масс, «Собрание» русских фабрично-заводских рабочих явилось бы прочной базой для разумного профессионального и рабочего движения в России.

9 января — роковое недоразумение. В этом, во всяком случае, не общество виновато со мной во главе. Я за $1^1/_2$ месяца, различая знамение времени, указывал печатно («Русь») и словами (г. Фуллону) на сгущенную и наэлектризованную атмосферу настроения рабочих масс. Я говорил г. г. Фуллону и Муравьеву [3]) о необходимости мирно разрядить эту атмосферу, использовать во благо как государя, так и обездоленного русского народа. Я далее все делал, чтоб не совершилось пролития неповинной крови, чтобы не было кровавого воскресения.

Так, между прочим, за несколько дней до 9 января я вошел в сношение с крайними партиями и потребовал, чтоб не выкидывали красных флагов во время шествия и чтобы это мирное шествие народа к своему царю не превращалось в демонстрацию, в протест «красных»; я действительно с наивной верой шел к царю за правдой, и фраза: «ценой нашей собственной жизни гарантируем неприкосновенность личности государя» (смотри письмо к царю, написанное мной и товарищами) [4]) не

---

[1]) Дело Гапона. «Записки Рутенберга», «Былое», 1917 г., № 2, стр. 30—32.

[2]) Так в оригинале.

[3]) О переговорах Гапона с Фуллоном см. в кн. «Записки Георгия Гапона». М. 1918, стр. 59—61. О переговорах с Муравьевым, там же, стр. 64—65. Последний разговор закончился фразой Муравьева: «Я исполню свой долг».

[4]) Письмо к царю, настойчиво убеждающее его принять депутацию рабочих и гарантирующее его неприкосновенность, помещено в цит. книге, стр. 63.

была пустой фразой. Но если для меня и для моих верных товарищей особа государя была и есть священна, то благо всего русского народа для нас дороже всего. Вот почему я, уже зная накануне 9, что будут стрелять, пошел в передних рядах, во главе, под пули и штыки солдатские, чтобы своею кровью засвидетельствовать истину — именно неотложность обновления России на началах правды.

9 января совершилось, к сожалению, не для того, чтобы послужить исходным пунктом обновления России мирным путем, под руководством государя с возросшим сторицею его обаянием, а для того, чтобы послужить исходным пунктом — начала революции.

Естественно, я скорее под влиянием возмущенных чувств гнева и мести за неповинную кровь народных мучеников, нежели под влиянием истины и разума, впал в крайность (см. прокламации). Первым провозгласил лозунг— вооруженное восстание, временное революционное правительство (см. письмо в интернациональное Бюро), из всех сил старался привести к соглашению существующие в России социалистические и революционно-демократические партии (см. конференция) [1]) для планомерных боевых действий. Но мало-по-малу чад начинал проходить... Густой туман, окутавший было мой ум и мое сердце, начинал рассеиваться... Разум входил в свои права... К концу уже конференции меня взяло сомнение: да хорошо ли я поступаю? куда иду? Принесет ли все это пользу бедному нашему народу?.. И я, несмотря на просьбы участников конференции, не подписал ее декларации, ее постановления.

Познакомившись хорошенько с партиями, я не вошел ни в одну из них — разочаровался в них... [2]).

Повидавшись же со своими товарищами рабочими и прикоснувшись непосредственно с русской действительностью, я понял свою грубую ошибку и мужественно, открыто сознался в ней (см. «Наша Жизнь», интервью) и прежде чем вошел в какие-либо сношения с представителем г. Витте[3]), я мужественно и открыто пошел против вооруженного восстания (см. многие беседы за границей, интервью, а также и письмо в Организационный Центральный Комитет рабочих) и против стачки (см. телеграмма своим товарищам-рабочим) прежде чем началась последняя стачка или вооруженное восстание в Москве.

Все это я сделал по глубокому убеждению, что единственный исход, гарантирующий благо России и государя, есть закономерное устройство России

---

[1]) В начале апреля 1905 г. в Женеве состоялась при участии Гапона и по его предложению общепартийная конференция, на которой присутствовали представители партии с.-р., польской соц. партии, армянской революц. федерации, финляндской партии активного сопротивления, грузинской соц.-федералистов революционеров, латышского с.-д. союза, белорусской соц.-громады. В декларации, составленной конференцией, выдвигалась необходимость поднятия во всей стране вооруженного восстания. Первоначально приняли участие в конференции также РС-ДРП, в лице представителей от редакции «Вперед» и от Бюро Комитетов Большинства. Но после первых же заседаний ввиду принципиальных разногласий, представители РС-ДРП покинули конференцию. (См. подробности об этом: Собр. соч. В. И. Ленина, т. VI (изд. 1922 г.), стр. 187 — 190. Там же пригласительное письмо на конференцию Гапона, стр. 85—87, и декларации конференции, стр. 190—191.)

[2]) Гапон по приезде за границу в 1905 г. в марте был принят в партию с.-р., но впоследствии был исключен из партии.

[3]) Имеются в виду переговоры Гапона о возобновлении его рабочих организаций через Мануйлова-Манусевича, тогда прикомандированного к канцелярии мин. финансов, а потом известного аферист и дельца эпохи «распутинщины», — при поддержке кн. Мещерского. По свидетельству самого Витте (Восп., т. II, стр. 152) он не только не принял Гапона, но потребовал высылки его за границу См. также ст. Н. Петрова «Гапон и гр. Витте» («Былое» № 29, стр. 15 — 27.)

на началах, возвещенных с высоты престола манифеста 17 октября.

В этом убеждении я теперь остаюсь и останусь. И в духе такого своего убеждения я готов работать на пользу родины так же беззаветно, самоотверженно и бесстрашно, как работал на народной ниве и до 9 января. Зная себя, могу сказать, что, взявшись за плуг, не оборочусь назад. Я кончил, Ваше превосходительство.

Сообщил *В. Алексеев*.

Охранник об аресте участников 1 марта 1887 года.

В деле канцелярии с. е. и. в. по принятию прошений (3 отд., 2 стол № 1663, 1909 г.) под названием «О пенсии полицейского надзирателя Виктора Федоровича Борисова», в числе прошений Борисова на высочайшее имя об увеличении пенсии сохранился нижеприводимый документ. Из него выясняется роль и «служебные заслуги» просителя-охранника и раскрываются некоторые одробности ареста участников предполагавшегося террористического акта 1 марта 1887 года. Подробности события 1 марта излагаются автором по памяти, спустя двадцать слишком лет, и не совсем точно; поправки даны в примечаниях. Из слов просителя Борисова, что он в третий раз обращается с просьбой, следует, что не всех «охранников» жаловали щедро за царскую службу, — это-то и побудило автора взяться за перо и вычислить свои «заслуги перед царем» и вред, нанесенный им делу революционной партии тех дней. Как материал, как воспоминание очевидца, документ имеет значение, так как событие 1 марта 1887 г. до сих пор еще слабо освещено в литературе. Отметим своеобразный стиль этого малограмотного автора; обращают на себя внимание выражения «проходя службу за политическими преступниками» и др. Подлинник находится в Ист.-Революц. Архиве (III-е отделениэ Ленингр. Отделения Центрархива).

Ваше императорское величество государыня всемилостивейшая Мария Феодоровна

верноподданного Вашего императорского величества личного почетного гражданина Виктора Федорова Борисова, жительствующего в СПБурге, Петербургская сторона, Большая Зеленина ул., д. № 16, кв. 29,

Всеподданнейшее прошение.

Прослужа при СПБургском охранном отделении 20 лет, 4 года вольнонаемным агентом, а остальные 16 лет полицейским надзирателем, имею от роду 57 лет, принужден был по расстроенному здоровью подать в отставку с 1 марта 1906 года.

Все 20 лет, проходя службу за политическими преступниками, от чего и потерял здоровье.

28 февраля 1887 года я с полицейским надзирателем Тимофеевым, наблюдая за одним политическим преступником около дома, где он проживает, мы заметили, что к нему пришел его товарищ в 9 часов утра, за которым тоже было наблюдение, и следовали за ним полицейские надзиратели Свергунов и Сверздин [1]). Через несколько минут оба наблюдаемые вышли вместе, имея при себе по круглому свертку, завернутые в бумагу, и отправились на Невский проспект. Прийдя на проспект, стали тихо ходить взад и вперед, начиная от Полицейского моста до Аничковского дворца. Вскоре к ним присоединились еще три их товарища. у одного из них имелась при себе большого формата толстая книга, и начали

---

[1]) Андреюшкин зашел за Генераловым. *Прим. автора.*

ходить все вместе. Двое из них, строго следили за проезжающими, идя немного впереди [1]). Мы, наблюдая за ними, и как бы предчувствуя что-то неладное, переговорили между собою, пришли к заключению, что они ходят не без цели, и ноши их подозрительны, с которыми они ходят очень осторожно, и что в это время бывает по Невскому проспекту высочайший проезд [2]). Тогда мы решили, одному из нас сейчас же ехать в охранное отделение, и доложить начальству о нашем сомнении. Один из нас поехал с докладом, а мы остальные трое стали держаться к ним ближе, и в случае высочайшего проезда преградить им путь и обезоружить их от злого их умысла, если таковой у них есть. Около 5 часов пополудни мимо нас изволили проследовать в санях Ваше императорское величество из Аничковского дворца по направлению к Полицейскому мосту по Невскому проспекту. Наши наблюдаемые это видели и остановились и, что-то между собою поговорив ушли, с Невского проспекта и разошлись в разные стороны. Трое из них с ношами были доведены нами до их квартиры. Все проходит по Невскому проспекту с 10 часов утра до 5 часов пополудни.

Окончив наблюдение, мы доложили своему начальству о всем нами замеченном. Распоряжение начальства последовало так: если наши наблюдаемые будут продолжать ходить по улицам, где предполагается высочайший проезд и на следующее время, то их арестовать, а лучше бы, если можно, не трогать их впредь до распоряжения департамента полиции. На другой день, 1 марта, нам дали в помощь еще трех агентов: Шевелева, Шелонкова и Варламова, и все мы семь человек заняли наблюдение у тех же домов, как и накануне. В те же часы, утром, один к другому пришел наблюдаемый и через несколько минут вышли вдвоем с теми же свертками и отправились опять на Невский проспект. Тогда нам стало ясно, что тут неблагополучно и, не допустив их до Невского проспекта мы решили их арестовать с помощью стоявшего на посту городового, и отправили их в охранное отделение, где ноши их оказались метательными снарядами [3]). Тогда мы сейчас же были посланы на Невский проспект, в помощь дали нам еще двух агентов: Стаина и Новака, арестовать, если попадутся нам и следующие их сообщники, бывшие с ними накануне на том же проспекте. Выйдя на Невский проспект, мы встретили тихо прохаживавшихся по проспекту, поодиночке друг от друга, на порядочном расстоянии их сообщников, бывших с ними накануне, арестовали их с помощью городового и отправили в охранное отделение. Один из них был с книгой, как и накануне, впоследствии оказавшийся снаряд, вделанный в книгу [4]).

Все задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному обществу, а отобранные при них ноши в числе трех, по осмотре их экспертами, оказались снарядами, заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином, большой разрушительной силы.

Арестованные оказались студентами С.-петербургского университета. Цель их была — караулить проезд государя императора и снаряды бросить под следовавший с ним экипаж.

В тот же день, после ареста преступников, состоялся проезд его и Вашего императорских величеств в Петропавловскую крепость.

После всего этого мы поблагодарили бога, что такая грозная туча миновала

---

[1]) С бомбой в виде книги—Осипанов. «Следили» — сигнальщики Волохов, Гаркун и Канчер. *Прим. Ред.*

[2]) Относительно подозрительности ноши и в частности толстой книги — это, повидимому, позднейшее впечатление Борисова и других охранников, не ожидавших встретить метательные снаряды и не обративших тогда, в частности, внимания на бомбу-книгу. *Прим. Ред.*

[3]) Речь идет об Андреюшкине и Генералове, арестованных у главного штаба. *Прим. Ред.*

[4]) 1 марта в разных частях Невского проспекта были арестованы сигнальщики Волохов, Гаркун, Канчер и с книгой-бомбой Осипанов. *Прим. Ред.*

Ваши императорские величества, августейшее семейство и всю Россию.

9 того же марта, согласно воле государя императора, все мы, участвовавшие в этом деле, в числе одиннадцати лиц: Тимофеев, Стаин, Свергуков, Шевелев, Сверздин, Новак, Борисов [1]) и два городовых, помогавших нам при арестах, были представлены нашим начальником полковником Секеринским в Гатчинском дворце его и Вашему императорскому величествам в присутствии всего августейшего семейства, где его величество изволил благодарить нас за нашу службу и, обходя каждого из нас отдельно, выдал нам по золотой шейной медали с подписью «за усердие» на александровской ленте и по 1.000 рублей денег [2]).

В скором времени после этого нам было объявлено через министра внутренних дел бумагою под расписку, что его императорскому величеству угодно, чтобы мы еще послужили на этой службе [3]). Выслушав прочитанную нам эту бумагу, мы с более усиленной энергией стали служить царю и отечеству, доколе у нас у каждого хватило сил и здоровья.

За это дело из нас пять человек: Тимофеев, Свергунов, Шевелев, Стаин и Сверздин получили с того же времени пенсию из департамента полиции по 300 рублей в год, остальные же: Варламов, Шелонков, Новак и я, Борисов, не были представлены к пенсии и не получили [4]).

По выходе в отставку, мне положили пенсию за выслугу лет 250 рублей в год, что с женою очень трудно существовать на эту пенсию.

По выходе в отставку в том же 1906 году, я дерзнул подать всеподданнейшее прошение на имя его императорского величества государя императора через канцелярию его величества по принятию прошений, где всеподданнейше просил о великой монаршей милости об увеличении мне пенсии, на что получил ответ через ту же канцелярию от 2 декабря того же года за № 67526, что назначена мне пенсия по 250 рублей в год, дело же по всеподданнейшему прошению дальнейшим производством прекращено.

Сего 1908 года 21 апреля я дерзнул подать всеподданнейшее прошение на имя Вашего императорского величества через канцелярию Вашего величества и просил о таковой же высокой милости, на что получил ответ через департамент полиции от 8 июля за № 48725, что прошение мое оставлено без последствий.

Находясь в трудном положении и нигде не служа на службе, я в третий раз дерзаю повергнуть к стопам Вашего императорского величества о даровании мне высокой милости об увеличении пенсии или пособия, что усилит мои мольбы к господу богу за священную особу Вашего императорского величества и всего августейшего семейства.

Вашего императорского величества верноподданный почетный гражданин Виктор Федоров *Борисов*.

1909 года, января 9 дня.

Сообщила *В. Азлецкая*.

---

[1]) Здесь пропущены еще два охранника—Шелонков и Варламов. *Прим. Ред.*

[2]) В прошении Борисова царю от 26 мая 1906 г. эта сцена передается более подробно. «9 марта, согласно воле государя императора, все мы в числе 9 лиц и двух городовых, помогавших нам в аресте, были представлены в Гатчинском дворце их величествам в присутствии всего августейшего семейства, где его величество изволил благодарить нас за верную и преданную ему службу и сказал: «Поберегите меня и впредь». При этом из собственных рук его величество выдал нам, обходя каждого отдельно, по золотой шейной медали с надписью «за усердие» на александровской ленте и по 1.000 рублей денег в пакете». *Прим. Ред.*

[3]) В прошении от 26 мая 1906 г. добавлено: «Его величество еще раз благодарил нас и желает, чтобы мы еще послужили на этой службе». *Прим. Ред.*

[4]) В прошении от 26 мая 1906 г. указывается, что первым пяти пенсия была назначена из кабинета е. и. в. *Прим. Ред.*

Похороны Гоголя.

1.

«21 февраля 1852 года в Москве умер Гоголь. Это не могло не стать заметным событием. Белокаменная приняла смерть великого писателя очень близко к сердцу, и даже генерал-губернатор гр. Закревский, этот почти сказочный изувер и — выражаясь языком современности — типичный черносотенец, не только присутствовал на похоронах, он облачился в андреевскую ленту, которой как бы подчеркивал торжественность и важность минуты», — так писал М. К. Лемке в 1906 г. [1]). — Лемке ошибся насчет «искренности» Закревского, явившегося в парадной форме на похороны: вовсе не «торжественности и важности минуты» ради был в университетской церкви Закревский. Приводимое ниже письмо Закревского шефу жандармов Орлову приоткрывает завесу над его действиями в те дни и обнажает «полицейские» цели его присутствия.

Закревский спустя неделю после похорон Гоголя писал (заметим, довольно безграмотно) своему другу шефу жандармов Орлову: «Любезный друг граф Алексей Федорович, письмо твое от 19 числа я получил, искренно сожалею о постигшем Вас горе [2]). Я воображаю, как тяжела была эта потеря для графини Ольги Ал. [3]). Нада [4]) переносить все с твердостью и возложить упование свое на волю всевышнего.

Благодарю тебя, что ты видел Лиденьку [5]). Шалости ее принесли мне много горя по милости корыстолюбивого и обжорливого ее мужа [6]).

Очень рад, что баронесса Зейбар уезжает за границу. Пускай отличается в Париже и приносит утешение своему отцу.

О совратителе рекрута, который не принял присяги, по окончании следствия будет представлен [доклад] в непродолжительном времени.

Нужным считаю сообщить тебе следующее: славянофилы с того времени, когда не велено было носить бород, упали духом, но в настоящее время, когда умер известный писатель Гоголь, живший у бывшего одесского градоначальника графа Толстого, славянофилы: Алексей Хомяков, Константин и Сергей Аксаковы, Александр Ефремов, Петр Киреевский, Александр Кошелев и магистр Попов, бывший в 1847 г. в Черногории, собравшись к графу Толстому и найдя у него некоторых лиц, начали рассуждать, где должно отпевать Гоголя. Когда на это бывший там профессор Грановский сказал, что всего приличнее отпевать его в университетской церкви, как человека, принадлежащего некоторым образом к университету, то все вышеписанные славянофилы стали на это возражать, говоря: «К университету он не принадлежит, а принадлежит народу, а потому как человек народный и должен быть отпеваем в церкви приходской, в которую для отдания последнего ему долга, может входить лакей, кучер и всякий, кто пожелает, а в университетскую церковь подобных людей не будут пускать».

Когда об этом объявил мне попечитель университета, то я в то же время для прекращения всех толков и споров славянофилов приказал Гоголя, как почетного члена сдешнего университета непременно отпевать в университетской церкви, согласно полученному прежде сего от митрополита согласию. Но когда пришло время выносить тело Гоголя из квартиры графа Толстого в университетскую церковь, митрополит прислал сказать попечителю, что хотя он прежде и дозволил отпевать тело Гоголя в университетской церкви, но теперь он не может на это согласиться потому, что по просьбе его родственников он раз-

---

[1]) См. его статью «Арест и ссылка И. С. Тургенева в 1852 г.» («Рус. Мысль», 1906 г., кн. II, стр. 16).

[2]) 18 февр. 1852 г. Орлов похоронил тещу — гр. Ржевусскую.

[3]) Жена Орлова.

[4]) Орфография подлинника.

[5]) Лиденька — Лидия Арсеньевна, дочь Закревского.

[6]) Мужем Лидии А. был в то время гр. Дм. Карлович Нессельроде (сын канцлера).

решил им отпевать его в церкви приходской. По получении такового извещения попечитель тотчас отправился к митрополиту и объяснив ему, что у Гоголя нет здесь родных и что я уже приказал по изъявленному митрополитом согласию непременно отпевать его в университетской церкви, получив от митрополита вторичное согласие и приехав ко мне, рассказал, что все это делалось, как он узнал, по проискам славянофилов. После сего приказано было от меня находится полиции и некоторым моим чиновникам, как при переносе тела Гоголя в церковь, так равно и до самого погребения.

А чтобы не было никакого ропота, то я велел пускать всех без исключения в университетскую церковь. В день погребения народу было всех сословий и обоего полу очень много, а чтобы в это время все было тихо, я приехал сам в церковь.

Упорные действия и сильные настояния славянофилов при похоронах Гоголя заставили меня усилить за ними строгий секретный надзор.

Будь здоров. Искренно тебя целую.

Верный твой друг
Граф А. Закревский.

29 февраля 1852.
Москва [1]).

О похоронах Гоголя сберег ценные подробности в воспоминаниях И. С. Тургенев, поплатившийся ссылкой в родную деревню за статью по поводу смерти Гоголя. Когда статья Тургенева не появилась в журнале, он, встретившись на улице с издателем, спросил, что бы это значило? «Видите, какая погода», отвечал он иносказательною речью: «и думать нечего». — «Да, ведь статья самая невинная», заметил я. — «Невинная ли, нет ли», возразил издатель: «дело не в том; вообще имя Гоголя не велено упоминать. Закревский на похоронах в андреевской ленте присутствовал: этого здесь переварить не могут» [2]). У Тургенева, повидимому, заимствовал конкретную подробность о Закревском (в ленте) М. К. Лемке. Сообщение И. С. Тургенева совпадает с показаниями самого Закревского, на которого, очевидно, косо посмотрели за появление в ленте на похоронах, и он, может быть, решил оправдываться в письме. Различно, однако, истолкование факта присутствия в ленте Закревского им самим и современниками, — для нас это и важно. Письмо Закревского обнажает закулисную сторону дела, называет прямую причину появления его на похоронах в андреевской ленте. Показания Закревского заподозрить в неточности освещения факта нет оснований: они всецело подтверждаются как его отношением к славянофилам, так и свидетельствами близких участников события А. С. Хомякова, Н. Ф. Павлова и др. Припомним подробности событий тех дней.

2.

Когда Гоголь не был еще похоронен, Хомяков, подавленный личным горем [3]), писал А. Н. Попову: «Только что удар упал на мою голову, — новый... последовал за ним: Николинкин крестный отец, Гоголь наш умер... После смерти его вышла распря. Друзья его хотели отпевать в приходе, в церкви, которую он очень любил и всегда посещал, Симеона-Столпника.

---

[1]) На отдельном листике мал. размера почтовой синей бумаги, приложенном к письму, на 1-й стр. рукой А. Закревского помечены имена славянофилов в таком порядке:

Хомяков, Алексей Степанович.

Аксаковы, Константин и Сергей Сергеевичи (д. читать не Сергей, а Иван Сергеевич).

Ефремов, Александр Павлович.

Киреевский, Петр Васильевич.

Свербеев, Дмитрий Николаевич.

Кошелев, Александр Иванович, на Поварской, соб. дом.

Попов. Магистр был в 1847 году в Черногории.

[2]) См. «Литературные воспоминания», полн. собр. соч., т. X, 5-е изд., Птр. 1911 г., 75—76.

[3]) 26 янв., в 11 час. 30 мин. веч. скончалась жена А. С. Хомякова, Екатерина Михайловна, урожденная Языкова, сестра поэта Н. М. Языкова.

Университет же спохватился, что когда-то дал ему диплом почетного члена, и потребовал к себе. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотели, решили участь его тела, против воли его друзей и духовных братий, и приход, общее всех достояние, должен был уступить домовой церкви, почти салону, куда не входят ни нищий, ни простолюдин... Ляжет он все-таки рядом с Валуевым, Языковым и Катенькой и со временем со мной, в Даниловом монастыре, под Словенскою колоною Венелина. Так и надобно было» [1]).

Иначе освещает те же подробности события представитель другого направления, Н. Ф. Павлов.

В письме к А. В. Веневитинову 1 марта 1852 году он пишет: «Любезный друг Алексей Владимирович, я должен бы сам сейчас же ехать в Петербург, но занемог и сижу дома больной, простудился на похоронах Гоголя. О смерти его вы, вероятно, уже знаете. Страшная потеря. В последнее время никто почти из русских писателей не умирал естественной смертью. Гоголь истощил себя постом; лекарства никакого не хотел принимать, даже не позволил поставить клистира, кажется, оттого, что думал, что, прибегнув к человеческой помощи, оскорбит величие божие. Истинная это вера или физическое расстройство мозга, не берусь решить; только во всяком случае вера не христианская, а индейская. Дней за десять до смерти, ночью, часа в три, сжег все бумаги, так что Хомяков ни в одном ящике не нашел ничего, нет и готовых семи глав второй части Мертвых Душ, которые Гоголь читал Шевыреву [2]). Неизвестно, отыщется или нет. Говорят, что список есть у великой княгини Ольги Николаевны. Похоронили его с должным уважением и со всеми возможными почестями. Назимов принял сердечное участие в этой потере.

Тело покойника было перенесено в университетскую церковь. Студенты дежурили день и ночь. Закревский приехал на отпевание в ленте. При прощании лавровый венок был растерзан на кусочки, всякому хотелось иметь хоть листок на память. Хомяков и одномыслящие с ним недовольны и противились этому отпеванию в университетской церкви, утверждая, что она слишком похожа на салон, что в нее не придет тот класс людей, которым более дорожил Гоголь, что это отпевание — акт, а не молитва. Все другие и я, мы были совершенно противного мнения. Похороны Гоголя должны иметь общественный характер, какой и имели [3]). Нищие, лакеи и мещане, которых желали, не пришли бы и в приходскую церковь, ибо, чтоб ценить писателя, надо знать грамоте, притом же этот класс людей всегда предпочитает жеманную литературу литературе гениальной. Граф Закревский не читал Гоголя, но на похороны приехал, а московские купцы, которые также не читали и, следовательно, имели одинакие права, — не приехали. Ни один не был, кроме Зевакина, да и тот явился, как бриллиант, оттого только, что торгует бриллиантами. Всего любопытнее и поразительнее толки в народе во время похорон; анекдотов тьма; все добивались, какого чина. Жандармы предполагали, что какой-нибудь важ-

---

[1]) См. соч. А. С. Хомякова, т. VIII, письма, стр. 201, «Русский Архив», 1884 г., № 4, стр. 316.

[2]) Ср. письмо Ю. Шумахер 5 марта 1852 г. Н. М. Сатину в кн. «Новые Пропилеи», под ред. М. О. Гершензона, стр. 32, т. I, Госуд. Изд. 1923.

[3]) Через 30 лет после события славянофил И. С. Аксаков спокойно подходит к вопросу и соглашается с этим в письме к С. И. Пономареву: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его (Гоголя) ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому похороны получили общественный и торжественный характер, и все мы это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени». Письма к С. И. Пономареву, изд. Л. Э. Бухгейма, М. 1915, стр. 142).

ный граф или князь; никто не мог представить себе, что хоронят писателя; один только извозчик уверял, что это умер главный писарь при университете, т.-е. не тот, который переписывает, а который знал, к кому как писать, и к государю, и к генералу какому, ко всем» [1]).

Нам понятна вся эта взволнованная разноголосица, живая и нетерпеливая односторонность современников, которые понимали, что «эта страшная смерть — историческое событие», что в ней отразилась «трагическая судьба России» [2]). — Оказывается, что в этом споре немалую долю участия принял и глава московской власти, ген.-губ. Закревский. Его письмо — характерный документ, прекрасно раскрывающий взгляд Закревского на деяния и мотивы деяний всех активных участников события, а также не оставляет сомнения в том, что ген.-губернатор присутствует на похоронах не более как для того, чтобы «не было шума»...

Не парадокс, что правительство Николая I больше опасалось и преимущественно боролось с консервативной мыслью славянофилов, чем с свежей, волнующей теоретической мыслью западников. Назначенный особым рескриптом 1848 года [3]), Закревский создает особое дело о славянофилах [4]). Сам ведет проскрипционные списки славянофилам, снабжает их собственными характеристиками. Словом, все изобличает его как вдохновителя и инициатора преследований славянофилов в Москве. Пробегая описи дел архива, нетрудно убедиться, что имена славянофилов за первые годы правления Закревского в Москве пестрят часто страницы, тогда как о западниках вы почти не находите упоминаний. Записки и специальные доклады о славянофилах и их деятельности посылались в Петербург; делались срочные запросы полицеймейстерам, всячески искались следы преступных деяний славянофилов. Через год (в 1851 г.) эти поиски прекратились, они были бесплодны. Но вот новый повод, — спор из-за места отпевания Гоголя — и власть насторожилась и решительно стала на «ненародную» точку зрения. Приведенное письмо — прекрасный образчик заподозривающего и недоверчивого отношения власти к славянофилам.

Н. Бельчиков.

---

[1]) См. Барсуков, Н. П. — «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 537—538, СПБ. 1897 г.

[2]) Письмо И. С. Тургенева к И. С. Аксакову, «Р. Мысль», 1906. 2, стр. 19.

[3]) См. Дело секр. отд. № 230 за 1848 г.

[4]) См. № 307 1849 г. в 2-х томах.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

Государственное Издательство РСФСР
ПЕРИОДСЕКТОР

МОСКВА, Воздвиженка, 10/2.

Адрес для телеграмм: Москва Периодсектор

ИСТПАРТ

Имеются в продаже:

Авдеев, Н. Революция 17 г. (Хроника событий.) Т. I. Январь—апрель. Ц. 1 р. 40 к.

Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области 1904—1910 г.г. Воспоминания и документы, собранные и обработанные Ц. Зеликсон-Бобровской. Ц. 50 к.

Бош, Евгения. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. Ц. 1 р. 80 к.

Владимирова, Вера. Революция 17 г. (Хроника событий.) Т. IV. Август—сентябрь. Ц. 3 р. 50 к.

Волков, Е. З. Среди моряков и речников торгового и военного флота. 1906—1914 г. г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Христо Ботев. Ц. 1 р. 80 к.

Волковичер, И. Начало социалистического движения в бывшей русской Польше. Подготовительный период партии „Пролетариат". Опыт исторического исследования. Часть первая. Ц. 1 р. 50 к.

Из эпохи „Звезды" и „Правды". (1911—1914 г. г.) Вып. I. Ц. 30 к. Вып. III. Ц. 1 р. 35 к.

К годовщине смерти В. И. Ленина. 1924 г.—21 января—1925 г. Сборник статей, воспоминаний и документов. Под общей ред. А. Ф. Ильина-Женевского. Ц. 60 к.

Лежава, Л. и Русаков, Г. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г. г. Изд. 3-е, исправл. и дополн. В одном томе. Ц. 4 р. 50 к.

Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контр-революционных выступлений в годы гражданской войны. Ц. 60 к.

Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Вып. I. 1917 г. Ц. 50 к.

Медведева. Тер-Петросян, С. Ф. Герой революции („Товарищ Камо"). С предисл. П. Лепешинского и прим. А. Зонина. Стр. 64 Ц. 20 к.

Невский, В. Материал для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. г. Вып. I. А.—Д. Ц. 75 к.

Отчет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии к международному социалистическому конгрессу в Копенгагене (28 августа—3 сентября 1910 г.) Ц. 45 к.

Памятник агитационной литературы РСДРП. Т. I. (1914—1917 г. г.) Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Ц. 2 р.

Парфенов, П. С. (Петр Алтайский.) Гражданская война в Сибири 1918—1920 г.г. Ц. 1 р.

Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП (б) в апреле 1918 г. Ц. 85 к.

Протоколы II Съезда РСДРП. Точная перепечатка женевского издания 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Революционное юношество. Из прошлого с.-д. учащейся и рабочей молодежи. Сб. I. Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга 1905—1917 г. г. Ц. 1 р. 25 к.

Революция и РКП (б) в материалах и документах. (Хрестоматия.) Т. III. 1905 г. Сост. Р. Хабас, под ред. В. Невского. Ц. 3 р. 75 к. Т. I. 1870—1900 г. г. Изд. 2-е.

Революция на Дальнем Востоке. Вып. I. Ц. 3 р.

Российская Коммунистическая партия (б) в резолюциях ее съездов и конференций. (1896—1924 г. г.) Ц. 2 р.

Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер. Ц. 2 р.

Русская политическая литература за границей. Вып. I. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 г. г. Сост. под ред. Л. Б. Каменева. Ц. 30 к.

Самойлов, Ф. М. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении. 1903—1905 г. г. Пред. О. Варенцовой. Ч. 1-я. Ц. 60 к. Ч. 2-я. 1911 г. Ц. 1 р. Ч. 3 я. Ц. 85 к.

Свечников, С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 г. г. Воспоминания и материалы.) Ц. 1 р.

Техника большевистского подполья. Изд. 2-е, перераб. В одной книге. Ц. 2 р. 25 к.

Троцкий, Л. Д. Ленин и старая „Искра". Материал для биографа. Ц. 15 к.

Фурманов, Дм. Чапаев. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

Шаповалов, А. По дороге к марксизму. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 1 р. 25 к. Ч. 3-я. (Печ.)

Шляпников, А. Канун семнадцатого года. Ч. 1-я. 3-е исправл. изд. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Семнадцатый год. Книга вторая. Март. Ц. 2 р. 50 к.

Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 108 + 1 карта. Ц. 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ТОРГОВЫЙ СЕКТ

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. **Ленинград**, Моховая, 36.

Периодсектор, Воздвиженка, 10.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) высылает любые книги всех издательств наложенным платежом. При высылке денег вперед—**пересылка бесплатно. Требуйте каталоги и бюллетени Торгсектора Госиздата!**

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. „Красный Архив", т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-Германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Достоевский. „Исповедь Ставрогина" (неизданные главы из романа „Бесы") и „Житие великого грешника" (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. А. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакц. и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Вып. I и II.
11. Письма Скрябина. Под редакцией А. Собанеева.
12. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х г.г. Вып. I. Под редакц. В. П. Кобылина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисл. М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией В. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-Русские Рабочие Союзы. Под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Моровосовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская дипломатия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
26. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
27. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Ленские события. Под редакц. А. Лозовского.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ и ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г.
Под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственное дело. Т. I (вышел в свет), т.т. II, III (печатаются). т. т. IV, V и VI (подготовляются к печ.).
2. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под редакц. С. С. Мильмана, С. Н. Чернова и П. Е. Щеголева.
3. Алфавит декабристов. Под редакц. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Печатается.)
4. Восстание Черниговского полка. Материалы под редакц. В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана.
5. Дело Н. Ф. Раевского. Материалы под редакц. Ю. Г. Оксмана.
6. Покровский, М. Н. Декабристы. Общий очерк.
7. А. Е. Пресняков. „День 14 декабря".
8. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
9. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
10. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
11. Опись архивных дел по истории декабристов.
12. Литература о декабристах—составил Н. К. Пиксанов и Н. М. Чечулин.
13. Хрестоматия—сост. Н. Ф. Лавров и Ю. Г. Оксман. (Печатается.)

1917 год в документах и материалах.
Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

1. Петроградский Совет Р. и С. Д. Протоколы ИК и Бюро ИК (вышло в свет).
2. Аграрное движение в 1917 г.
3. Рабочее движение в 1917 г.
4. Движение [illegible] в 1917 г. (Печатается.)
5. Материалы II Съезда Советов.
6. Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции. (Печатается.)
7. Буржуазия перед революцией. (Печатается.)

Е 296

3 руб.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1925 ГОД
НА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

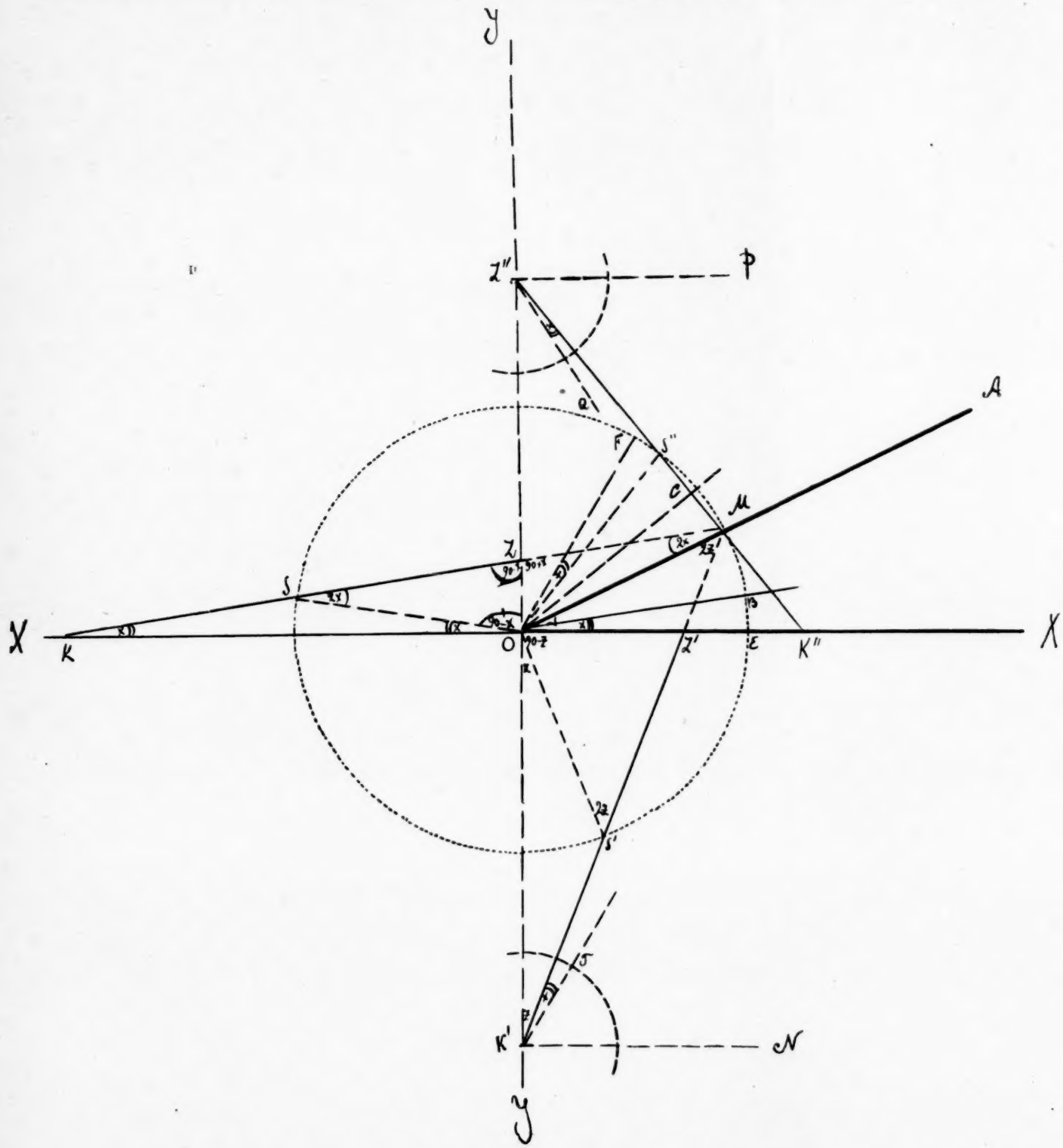
„КРАСНЫЙ АРХИВ"

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Е. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. Н. ПОЛОНСКОГО,
В. И. ФРИЧЕ.

Подписная цена год—15 р., 6 мес.—8 р.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губ. и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.



Черт. 3